

...В предвоенные годы Семен Минич Гарига выделялся среди станичников тем, что на праздничных демонстрациях носил, как хоругвь на высоком древке, портрет Сталина. А в будни этот “образ”, по словам соседей, красовался в переднем углу его хаты, под узорчатым рушником. На все распросы Гарига отвечал односложно и скупно, по привычке мешая русские слова с украинскими:

— Нема большевика мэни дорожче! Бачил Йосифа Виссарионовича в Царицыне. Отдал я ему честь, а вин кажэ: “Мы буржуев побъемо и встановымо нашу советскую власть”. На тачанке подвиз его в штаб дивизии, до Ворошилова.

В районном отделе милиции знали, что колхозник почем зря трезвонит о встрече с вождем. Но никто из сотрудников не решался укоротить ему язык, ибо такие действия “наверху” могли истолковать по-разному. Например, как выпад против лидера партии в угоду троцкистам.

И всё же это было весьма странно, поскольку слыл Семен Минич пустоболтом и нелюдимом, таившим душу за семью замками. Старожилы помнили, что он, отпрыск переселенцев-малороссов, вернулся с гражданской войны в буденовке. Однако однополчанин его как-то спьяну обронил, что вместе не только “давили вшу на астрицком фронте”, но и воевали в белой коннице Улагая. А спустя неделю этот болтливый казачок, метая в степи стог сена, невероятным образом напоролся на собственные вилы. Поговаривали о злонамеренном убийстве, однако свидетеля не нашлось.

До самой коллективизации жил Семен со своей бабой и дочерью на отшибе, держал буренку да пару быков, разводил сад и драчливых кочетов. Когда же всё вокруг стало “общим”, попрощавшись с раскулаченными родителями, не растерялся, — сунул “барашка в кармашке” фельдшеру и предъявил в колхоз справку, ограждающую от тяжкого труда, как подорвавшему здоровье “в борьбе за счастье народа и мировую революцию”. С тех пор и обосновался он на конюшне. Дело с малолетства было понятным, знал за лошадьми уход, разбирался в породах и повадках, впрочем, особой привязанностью к дончакам не отличался.

Так командовал лошадьми Семен Минич до августа сорок второго, до прихода немцев. На третий день оккупации был объявлен станичный сход...

В ближайших номерах читайте новую повесть нашего постоянного автора Владимира Бутенко “Священник и палач”.

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№8 2018

В. Н. ГАНИЧЕВ 1933—2018

Валерий Николаевич любил повторять слова Сергея Михалкова о том, что если собрать писателей и скоординировать: “На первый-второй рассчитайсь!”, все выступят первыми, вторых не будет. Ганичев всегда говорил это с мягкой улыбкой понимания. И неизменно общался с писателями — у себя в Союзе, на Комсомольском, или во время многочисленных поездок по стране — именно, как с первыми: с уважением и вниманием к их мнению. Разумеется, в этом проявилась его природная доброжелательность, помноженная на мудрость много прожившего и повидавшего человека. Но, возможно, в таком отношении к писателям сказывалось и восхищение профессией, актом преображения, превращающего обыденные слова, человеческие поступки и характеры в художественные образы, самоценный творческий мир. Ганичев умел ценить то, от чего равнодушно отворачиваются функционеры, в том числе и литературные.

Валерий Николаевич пришёл в литературу из журналистики. Он занимал один из ключевых постов в номенклатуре ЦК ВЛКСМ — был главным редактором “Комсомольской правды”. В 70-е годы вожакам комсомола была не чужда мысль о необходимости вливания новой крови в стареющее руководство КПСС. Как рассказывал сам Валерий Николаевич, то был, скорее, эмоциональный настрой — следствие молодого задора, а не оформившаяся идея. Параллельно в дружеских разговорах, к которым частенько присоединялись кумиры эпохи — первые космонавты и — в качестве гуру — выдающийся писатель Леонид Леонов, вызревало убеждение, что коммунистическая идеология нуждается в национальной русской прививке. На роль идеологического реформатора, а в будущем и руководителя страны комсомольцы прочили Валерия Ганичева.

Это и решило его судьбу. Брежневу доложили о чрезмерных амбициях молодёжи, и Ганичев был снят с поста главного редактора “Комсомолки”. Его сослали поднимать литературу, назначив руководить “Романгазетой”. То, что для человека, лишённого творческой жилки, стало бы катастрофой, открыло для Валерия Николаевича новое поприще.

Благодаря организаторскому таланту и широкому, поистине державному кругу зорю, Валерий Ганичев выдвинулся на ведущие позиции в новой сфере. В 1994 году писатели доверили ему руководство Союзом. Литераторам повезло, что в самые трудные годы разгула “дикого капитализма”, когда само слово “культура” вызывало отторжение новых хозяев жизни, Союз возглавил руководитель такого масштаба. Многие годы Валерий Николаевич был связан с журналом “Наш современник” — как автор и член Общественного совета журнала. Среди его книг “Ушаков”, “Росс непобедимый”, “О русском”. Вместе с Патриархом Алексием II он создал Всемирный Русский Народный Собор. Валерий Ганичев многое успел совершить. И всё-таки, несмотря на значимость его трудов, не покидает ощущение, что Валерий Николаевич мог бы принести ещё больше пользы России на поприще государственном.

Книги по истории, философии, этнографии, культуре, искусству и другим отраслям, связанным с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Широко представлены не только классики русской мысли, но и наши современники.

Сотрудничает с издательствами: Институт русской цивилизации, «Молодая гвардия», «Книжный мир», «Алгоритм», «Концептуал», «Вече», «Достоинство», Российский институт стратегических исследований, Издательство М. Б. Смолина (ФИБ), «Захаров», «Кучково поле», «Черная сотня», «Воскресение», «Скрижаль», «Апостол Веры» и др.

Адрес: Москва, Большой Предтеченский пер., д. 27, стр. 2 (во дворе)
5 минут пешком от ст. метро «Улица 1905 года»

Работает с понедельника по пятницу с 10.00 до 20.00,
перерыв на обед с 14.00 до 15.00, в субботу с 11.00 до 18.00,
воскресенье – выходной.

Телефон: +7(999)991-79-59

<https://vk.com/slavyanofilmoscw>

Отправляет книги по России и за её пределы.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

Андрей АНТИПИН Шёл я лесом-камышом. Рассказ	11
Юрий ЛУНИН Новая жизнь. Рассказы	25
Елена ТУЛУШЕВА Домой. Рассказы	39
Андрей ТИМОФЕЕВ В тёплых лучах. Рассказ	56
Алёна БЕЛОУСЕНКО Динозавры. Рассказ	63
Борис ПЕЙГИН Доктор Канин. Рассказ	80
Александр ЕВСЮКОВ Караим. Рассказ	96
Ирина ИВАСЬКОВА Звезда Сирень. Рассказ	105
Ирина МИХАЙЛОВА Я слышу! Рассказ	116
Тэн СЯОЛАНЬ Девушка, танцующая под звёздным небом. Рассказ	186
Фу ЮЭХУЭЙ Зоопарк. Рассказ	200

Поэзия

Мария ЗНОБИЩЕВА Мальчики	7
Карина СЕЙДАМЕТОВА Всё-то ты приемлешь, русский человек!..	21
Дарья ИЛЬГОВА Сменив решётки города на степи..	36
Павел ВЕЛИКЖАНИН Молодые поэты	53
Марина ВОЛКОВА Я верю в то, что жизнь — вернее смерти	61
Анна РЕВЯКИНА Шахтёрская дочь. С предисловием Ст. Куняева	67
Антон МЕТЕЛЬКОВ Куда бегут ромашки?	94
Марина ПЕРОВА Ослепительно синяя высь	103
Кирилл КОЗЛОВ Замело планету до предела... ..	114
Поэтическая мозаика	120
Максим ЕРШОВ А всё-таки Россия... ..	127

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

А. А. Жуков —
юрист —
(495) 625-57-45

Дай ВЭЙНА	
Снег выпал	184
Ян СЮЛИ	
Белая соль	185
Линь СЮЙЕ	
Суэцкий канал	198
Линь ФУНА	
Начало осени	199

Очерк и публицистика

Платон БЕСЕДИН	
Русский Акрополь: центральный холм Севастополя	161
Дмитрий ФИЛИПШОВ	
Перед блокадой	168
Елена ЛАРИНА,	
Владимир ОВЧИНСКИЙ	
Криптовалюта: свет и тени	214
Николай РЫЖКОВ	
Ожидание перемен	225
Александр СЕВАСТЬЯНОВ	
“Русь Ордынская”	237
Владимир КРУПИН	
Войти в бессмертие	249
Николай ПЕТРОВ	
Зачем России Большой Ближний Восток?	264

Критика

Александр КАЗИНЦЕВ	
Поколение “НС”	3
Валентина ИВАНОВА	
Обогреть улицу	131
Виктор БАРАКОВ	
“Жить без любви — невозможно, немислимо...”	138
Михаил ТАРКОВСКИЙ	
Мать Елена	143
Яна САФРОНОВА	
Найти выход	145
Ирина ОРДЫНСКАЯ	
Возвращение первоначальных смыслов	271
Юлия КУДРИНА	
Два философа России	276

В конце номера

Валентина СЕМЁНОВА	
Картина в какой-то степени промыслительная... ..	287

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и публикует наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией. Срок хранения рукописей один год. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2** (пн.-чт. с 11 до 17 ч.)

Адрес электронной почты: **n-sovrem@yandex.ru** (рукописи по e-mail не принимаются)

Адрес сайта в интернете: **www.nash-sovremennik.ru**

Юрист редакции оказывает юридическую помощь читателям журнала

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП “ПараТайп”.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 31.07.2018. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №2482-2018. Тираж 4500 экз.

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОКОЛЕНИЕ “НС”

Молодых писателей “Наш современник” печатал всегда. Без этого невозможно развитие журнала. Главный редактор Станислав Куняев, Юрий Кузнецов, Александр Сегень, Андрей Воронцов вели семинары в Литинституте и время от времени публиковали своих учеников.

А если заглядывать дальше – на полувековую глубину – то в 1969 году в “Нашем современнике” появилась повесть Валентина Распутина “Нежданные хлопоты”, написанная им вместе с В. Шугаевым. Распутину было 32 года. В следующем году журнал напечатал “Последний срок”, повесть принесла Распутину всемирную известность.

О связи с журналом Валентин Григорьевич говорил не раз. “Почти всё, за исключением первой повести и последних нескольких рассказов, опубликовано у меня в “Нашем современнике”... Сказать, что “Наш современник” близкий мне журнал – слишком мало. Это родной мне журнал, всю жизнь сопутствующий моей писательской судьбе и даже в немалой степени её делавший”.

Однако специальные молодёжные подборки появились у нас сравнительно недавно. Первый раз в 10-м номере за 2005 год. Стремясь привлечь внимание к этому шагу, я обозначил на второй странице обложки: “Хозяева этого номера – молодые дебютанты”. За основу взяли произведения участников семинара, проведённого издательством “Андреевский флаг”.

Не раз слышал: “А зачем нужны молодёжные номера? Если автор талантлив, пусть печатается наравне с уже состоявшимися писателями”. Те, кто рассуждают подобным образом, застряли в прошлом. Они не понимают драматизма ситуации в сегодняшней литературе. Задача молодёжных подборок и номеров не в том, чтобы создать своего рода “инкубатор”, защитить начинающих от конкуренции со стариками. Задача в том, чтобы привлечь к молодёжи внимание. Информационное поле в литературе разорвано. Культурная среда уничтожена. Талантливых произведений появляется немало, но они не находят отклика. Страдают от этого все. Но литераторы 40–50 лет успели получить известность, а молодёжь, если не обратить на неё внимание, так и сгинет в безвестности.

Другое дело, что новичков следует представлять вдумчиво и бережно. Первый опыт оказался не совсем удачным. Прилепились к “Андреевскому флагу”, а издательство больше семинаров не проводило. Отобрали авторов – самым известным оказался Александр Фуфлыгин, а Захара Прилепина “проглядели”.

Стало очевидным: нужна надёжная площадка для встреч с молодёжью; нужен отбор, очищенный от субъективизма; нужна работа не только на семинарах, но и в промежутках между ними.

Такой площадкой стали для нас форумы молодых писателей в “Липках”. Многие отговаривали от участия в форумах, некоторые до сих пор шпыняют

нас за это, напоминая о связи организатора “Липок” С. Филатова с Б. Ельциным. Что характерно: порицают те, кто сам с молодёжью не работает, да и ни в какой другой деятельности не замечен. В том числе и в сопротивлении Ельцинскому режиму – в отличие от сотрудников и авторов журнала “Наш современник”.

Несмотря на резко негативное отношение к “победителям”, мы не можем игнорировать факты. Филатов ежегодно собирает на форумы полторы сотни молодых писателей со всей России. Не только участников постмодернистских тусовок, но и талантливых ребят из областных и районных центров – от Камчатки и Сахалина, до Новгорода и Пскова. В основном это стихийные реалисты, авторы с обострённым социальным чутьём. Да, как правило, они слыхом не слыхивали о “Нашем современнике” и какое-то время возвращаются в привычном либеральном кругу: “Новый мир” – “Знамя” – “Октябрь”. И если бы наш журнал не был представлен в “Липках”, они, скорее всего, и не узнали бы о патриотической литературе и её вершинах – В. Распутине, В. Белове, Ю. Казакове, В. Шукшине.

При основании Форума “Наш современник” получил отдельный семинар. В 2001-м занятия провёл Станислав Куняев. На следующий год руководить семинаром должен был Юрий Кузнецов. И тут произошёл сбой, чуть не ставший роковым. В последний момент Юрий Поликарпович отказался, и брошенных семинаристов пришлось спешно распахивать по мастер-классам либеральных изданий.

В 2003-м работать с ребятами поручили мне. И вот уже 15 лет я делаю это с радостью, несмотря на разочарования, неудачи и прочие “рабочие моменты”. В одиночку или вместе с коллегами, в основном с Сергеем Куняевым.

Разочарований хватало. В 2003-м после демарша Ю. Кузнецова в семинар “Нашего современника” не записалось ни одного человека! Это только кажется, что молодые заинтересованы в публикации любой ценой. У них развитое (может быть, даже гипертрофированное по молодости) чувство собственного достоинства. Пренебрежения не прощают.

Я ходил между семинаристами, присматривался, разговаривал, просил подборку – “так, почитать”. Кто-то и сам предлагал рукопись.

На следующий год я пригласил соведущим Владимира Кострова – одного из лучших современных поэтов, опытного преподавателя Литинститута и – лёгкого человека, наделённого чувством юмора и благожелательностью. К нам записались то ли четыре, то ли пять слушателей. . .

И началась борьба за юные души с либеральными журналами, в семинары которых записывались по 17-18 человек. В 2017-м мы догнали их по количеству слушателей. Это одно из самых радостных событий в моей жизни. . .

. . . В юбилейном (журнал отмечал 50-летие) 10-м номере за 2006 год, куда редакция отбирала наиболее значимые материалы, впервые появилась рубрика “Наши надежды”. Участников меньше, чем в 2005-м, зато среди них те, кто остался с “Нашим современником” на долгие годы: Мария Знобищева, Марина Струкова, Илья Недосеков.

В 2007-м я попросил собрать молодёжный номер Захара Прилепина. Он привёл в журнал сильных прозаиков – Андрея Рубанова, Александра Карасёва, Ирину Мамаеву, поразительно искреннюю поэтессу Анну Матасову и сам, наконец-то, стал нашим автором.

К сожалению, “прилепинская гвардия” у нас не задержалась (счастливое исключение – Анна Матасова), зато сам Захар стал “нашим”.

Каждый год приносил новые открытия. Зажигал новую звёздочку. В 2008-м впервые напечатана Елизавета Мартынова, замечательная поэтесса, ныне главный редактор журнала “Волга-XXI”. В 2009-м – прозаик Анастасия Чернова. В 2010-м дебют Андрея Антипина – мастерски написанный рассказ “Пароход “Благовещенск”. В 2011-м – первая публикация Карины Сейдаметовой. В том же году появляется Олег Сочалин, которого отмечал опытный бывший ректор Литинститута С. Есин.

И всё-таки, несмотря на обилие ярких имён в нулевые, наиболее значимыми я считаю молодёжные подборки последних лет. Я и мои коллеги, а главное – читатели “Нашего современника” стали свидетелями рождения нового поколения прямо на наших страницах.

В 2013 году в семинар “Нашего современника” пришли два новичка-прозаика – Елена Тулушева и Андрей Тимофеев. Они сразу выделились среди

семинаристов. Елена с её не по-девичьи жёсткой манерой, напряжёнными диалогами, точно отобранным языком городских окраин и её темой-болью – подростковой наркоманией. И Андрей – полная противоположность – лиричный, философичный, замороженный вопросами веры и смысла жизни. “... По моему мнению, это один из самых сложных писателей, появившихся в последнее время. Не стилистически, а психологически”, – отозвался о Тимофееве Роман Сенчин. Он же высказался о Елене: “Тулушева пишет строго, жёсткую и притом тонкую, истинно художественную прозу...”.

Эти высокие, заслуженные, на мой взгляд, оценки опытного писателя прозвучали, когда Тимофеев и Тулушева получили читательское признание. А перед публикацией в “Нашем современнике” у Андрея был всего один рассказ, напечатанный в “Новом мире”, а у Елены – ни одной публикации!

В октябрьском номере за 2014 год напечатаны повесть Андрея Тимофеева “Медь звенящая”, дерзкая статья Е. Тулушевой “О чём говорит и о чём умалчивает Е. Ройзман?” (три её дебютных рассказа прошли раньше – в мартовском номере), рассказ Платона Беседина, “гремевшего” в “Липках” на семинаре “Нового мира” (позднее, он пришёл в наш), и повесть “Дядька” Андрея Антипина – наверное, лучшая из написанных им.

Эти публикации обозначили появление нового поколения, которое Андрей Тимофеев нарёк “новыми традиционалистами”. Горжусь, я первым сказал о нём в статье “Поколение двадцатилетних” (“День литературы”, № 8, 2014). В следующие годы в журнал пришли талантливые прозаики Юрий Лунин и Дмитрий Филиппов. Оба из нашего семинара в “Липках”.

Новое поколение входит в литературу примерно раз в десятилетие. Захар Прилепин, Сергей Шаргунов и Роман Сенчин заявили о себе на рубеже нулевых. Их сменщики сразу привлекли к себе внимание, тем более что они выступили разом, кучно, да ещё на одной площадке. Её предоставил им “Наш современник”. (Надо признать, что журнал В. Распутина и В. Белова оказался идеальной трибуной для манифестации “нового традиционализма”. Об этом стоило бы поговорить подробней – вот поприще для Андрея Тимофеева.)

Все эти годы мы сохраняли название молодёжной рубрики “Наши надежды”. Сейчас, когда своих чувств принято принимать, название выглядит немного сентиментальным, старомодным. Но мы не скрываем неравнодушного отношения к тем, кого нашли и поддерживаем.

Года три назад на форуме состоялся мой публичный спор с главредом “Знамени” Сергеем Чуприниным. Сергей Иванович заявил, что для них личность автора не имеет никакого значения: “Только текст”! Я утверждал, что сам автор не менее значим и интересен.

Мне кажется, Чупринин отчасти спорил из задора: хотелось схлестнуться с “Нашим современником”. В самом деле – зачем же сотрудники “Знамени” каждый год работают в “Липках”? Получали бы тексты в редакции...

С другой стороны, возможно, на мнение Чупринина повлиял принцип формализма, любезного сердцу литератора-либерала: “Мы элиминируем из произведения понятие творческой личности” (Б. Энгельгардт).

Как бы то ни было, мы, в “Нашем современнике”, ценим текст, отмечая его достоинства и недостатки, пытаемся разглядеть проступающие в нём черты автора.

Далеко не всегда по одной рукописи можно определить творческий потенциал писателя. Направленность его творчества. И такие, сугубо технические, моменты, как способность дорабатывать произведение, учитывать замечания редактора. Талантливый автор отличается от бездарного в том числе и тем, что прислушивается к советам и пользуется ими не просто для исправления “ляпов”, но для преображения текста.

Без личного контакта не обойтись. Когда Андрей Тимофеев принёс первый вариант повести, получивший впоследствии название “Медь звенящая”, с ней поработали основательно – более сотни правок и замечаний. Чтобы снять дистанцию, я пригласил молодого автора вместе с его женой ко мне на дачу. Мы с супругой устроили праздничный обед и несколько часов обсуждали варианты доработки. Андрей учёл все замечания. В результате повесть сменила название, получила выразительный эпиграф, стала динамичней.

Конечно, обеды деботантам я устраиваю редко. Но со времён первых семинаров я взял за правило писать молодым авторам, обязательно отвечать на их письма, помогая советами, а когда они приезжают в Москву, встречаться

с ними. Сколько часов я просидел в редакции вместе с Лизой Мартыновой, Машей Знобищевой, сколько километров мы исходили по московским бульварам, окружающим наш особняк. Я горжусь сердечными письмами, которые получаю от них и от наших новых авторов – Андрея Антипина, Юрия Лунина, Елены Тулушевой, Анны Мартынчик, Марины Перовой, Платона Беседина.

Публикаций сегодня недостаточно. Это в восьмидесятые годы – опубликует тебя “Наш современник” или “Литературная газета” – и наутро проснёшься знаменитым. Теперь никому нет дела до литературных новинок. Автора, особенно молодого, надо поддерживать, пропагандировать, продвигать. Талантливых ребят я выдвигаю на премии. Половина лауреатов молодёжной премии “В поисках правды и справедливости” – авторы “Нашего современника”. Включаю в делегации: в работе XXIII Минской книжной ярмарки по моей рекомендации участвовали А. Тимофеев, Е. Тулушева, В. Попов. Молодым критикам предлагаю писать о сверстниках. С одной стороны, их творчество, реалии, о которых они пишут, понятнее рецензентам-одногодкам. С другой – начинающему писателю, как воздух, нужен умный собеседник, истолкователь, тот, кто привлечёт внимание к его творчеству.

А ещё молодых надо защищать. Памятны разгромные статьи Сергея Морозова в “ЛитРоссии”, посвящённые Антипину, Тимофееву, Тулушевой, Черновой. Сначала я попросил ответить Андрея Тимофеева. Но Андрею не хватило опыта. Я сказал ему: “Вы спорите с Морозовым, как с добросовестным критиком, ищущим истину, а он хочет просто уничтожить вас”. Пришлось выступить самому. Возможно читатели помнят статью “Смердяков поучает” (“Наш современник”, № 3, 2016).

Конечно, добиться от нынешних молодых эмоционального отзыва – дело непростое. Их буквально на руках носят, но есть и такие, что глядят недоверчиво, а иной раз и недовольно. И всё-таки большинство с благодарностью откликаются на заботу. С каждым годом увеличивается число присланных в редакцию рукописей начинающих. Всё больше авторов представлено в молодёжных номерах. От семи в подборке 2006-го года до 20 – в прошлогодней. Номер этого года почти целиком отдан молодым – 30 авторов!

Мы пошли на смелый шаг – включили в номер произведения шести китайских литераторов – участников II Форума молодых писателей России и Китая (Москва-2018). О нём – и о I Форуме, состоявшемся в 2015 году в Шанхае – рассказал директор Шанхайского института мировой литературы Чжэн Тиу в беседе с Е. Тулушевой (“Наш современник”, № 5, 2016).

Для наших ребят поездка в Шанхай стала событием. Их произведения перевели и опубликовали в китайских изданиях. И в России визит большой группы писательской молодёжи в Китай вызвал интерес. Теперь китайские авторы приехали в Москву. “Наш современник” публикует произведения двух прозаиков-реалистов и четырёх поэтов.

Пусть молодые знакомятся друг с другом на наших страницах. Пусть “любуются друг другом”, как сказал профессор Чжэн Тиу. Пусть обогащают друг друга опытом – личным и национальным. Надеюсь, это станет началом большого проекта, который позволит нашей творческой молодёжи включиться в мировой литературный процесс. “Новым традиционалистами”, стремящимся продолжить традиции великой русской литературы, есть что предложить не только отечественным, но и зарубежным читателям.

МАРИЯ ЗНОБИЩЕВА

МАЛЬЧИКИ

10 МАЯ

Вот идёт вдоль шоссе неестественно прямо
Человек в незастёгнутой мятой рубашке.
(В это утро так вышло: он весь нараспашку).
Путь неровен, всё время какие-то ямы.

Проводил на вокзале приятеля. Выпил.
Там, за стойкой буфета обрёл одноверца.
Снова выпил и сам не заметил, как выпал
Груз, надёжно хранившийся в камере сердца.

Неумело, старательно, нежно, бескрыло,
Но, как может, он верен жене и Отчизне:
В марте отдал свой голос, как велено было,
А теперь вот готовится жертвовать жизнью.

И не он виноват, что ни ликом, ни чином
Не отмечен, что пасмурен нравом, как осень.
Но жена и страна не считают мужчиной
Тех, кто даже десятки домой не приносит.

ЗНОБИЩЕВА Мария Игоревна родилась в Тамбове в 1987 году. Окончила Институт филологии Тамбовского университета. Участник Форумов молодых писателей России (2005, 2008, 2012 и 2015 гг.). Лауреат Всероссийской литературной премии имени М. Ю. Лермонтова, премии имени Ю. П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Кандидат филологических наук. Руководитель Центра творческого развития детей и подростков "Мир слова" при Центральной детской библиотеке г. Тамбова. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей России.

...Он бредёт и кричит, что докажет кому-то,
Наступает на клумбы, увлекшись беседой...
И следит с изумленьем за этим маршрутом
К веткам вяза прибившийся шарик: “С Победой!”

Нет ни денег, ни паспорта. Ёжик в тумане,
Не чутьём, так хоть чудом добредший до лета,
Отдал всё. Но трепещет на левом кармане
Полосатая огненно-чёрная лента.

В ВИФЛЕЕМЕ

Она улыбалась спокойно и чуть горделиво:
От дома Давидова древний продолжился род.
И зрела луна, словно с ветки склонённой оливы
Под собственной тяжестью к людям сорвавшийся плод.

Она улыбалась и плакала. Что-то в Ней пело,
Не зная до времени скорби грядущих потерь.
И боль позабыла, не смея поверить, что тело
Пригодно к рождению и к Чуду причастно теперь.

Младенец не спал, и глаза Его были, как звёзды.
И голосом слабым — так луч посылают во тьму —
Она наклонилась согреть остывающий воздух:
Что пела Ей Анна — запеть попыталась Ему.

И глянул Ей в очи Младенец — всем Царством Небесным,
Всем светом нездешним, сошедшим с иных облаков.
И замерло пенье. И Матери стало известно
Всё-всё на земле и на небе, во веки веков.

МАЛЬЧИКИ

1

В родильном доме номер три
Рожают втихомолку.
“Терпи, родная. Не ори!
От этого нет толку”.

Взовьётся голубь — вот и всё! —
Над сонной синью окон,
А утром нянька принесёт —
Три сто, три двести, три пятьсот —
Тугой душистый кокон.

...На каждом свёртке метка “Р.О.”,
И номерок в придачу.
— “Не плачут мальчики!” — старо!
Мне можно — я поплачу...”

Но лучше плачьте! В мире мрак
И холод превеликий.
Как в крике вас рожали, так
Рождайте душу в крике!

Когда наплачетесь, уснуть
Совсем легко и сладко,
Головкой к матери на грудь
Приладившись украдкой.

И пахнет мёдом луговым
В пушке белёсом кожа...
Сон безмятежен даруй им,
Всё ведающий Боже,
Посапывающим, живым,
На ангелов похожим...

2

Мамашки в палате:

- Сплошное насилие!
- Жить страшно...
- Слыхали, девчонки, про Сирию?
- Читали.
- Слыхали.
- Несчастный народ...
- Закрой интернет — молоко пропадёт.

Присели, чуть-чуть помолчали,

Младенцев своих покачали,

И снова:

- Две девочки,
- Девять ребят!
- Мальчишки родятся к войне, говорят.

3

— “Божия коровка,
улети на небо.
Там твои детки,
кушают конфетки!”
— Я увидеть деток
Так давно хотела!
Сорвалась бы с веток —
Да и полетела!

Знать бы, что такое
Там, за синей бездной.
Их у меня двое
На лужку небесном.

— Так лети, коровка!
— Не могу, родная.
На зелёной ветке
Тоже ведь нужна я.

Там на двух листочках,
Далеко от неба,
Ждут сынок и дочка,
Молока и хлеба.

— Счастье, знать, большое!
— Больше и не надо!
Двое там, да двое
Тут, со мною рядом.

Я детей питаю
Песнями да хлебом,
Целый день летаю
Меж землёй и небом.

Так тяжело вас рожали,
Так вы непросто росли,
Чтобы теперь вот лежали
Средь незнакомой земли?

Сколько прочитано книжек:
— Сильным и смелым расти!
Самых хороших мальчишек
Не удержать взаперти.

Первые ласточки в стае,
Несшие весть о весне,
Пали в Афганистане,
В Боснии или в Чечне.

Зовам далёким не внемля,
Словно отпущенный грех,
Крыльями обняли землю,
Угомонившую всех.

АНДРЕЙ АНТИПИН

ШЁЛ Я ЛЕСОМ-КАМЫШОМ

РАССКАЗ

Дядя Лёня Зотов приятен до идиотизма, то есть до того момента, когда человек, прежде внимательно слушавший, вдруг всплеснёт руками и, уходя, буркнет себе под нос: “Идиотизм!” — а если не буркнет, то как-нибудь иначе даст понять, что это он самый идиотизм и есть.

Бывает это так: встанет дядя Лёня поутру, отряхнётся, как собака, и, первым делом, на остановку. Остановки, собственно, нет. Отъезжающие, если дождь или снег, толпятся под крылечным козырьком магазина, оборудованного в половине заброшенной кирпичной двухэтажки. В другую пору стоят под открытым небом и поглядывают на осиновый лесок по взгорью с чернеющим за деревьями высоким, как часовня, срубом водокачки, со стороны которой к восьми двадцати должен показаться городской автобус. Затемно (особенно ярко зимой и поздней осенью) горит за фонарным стеклом белая энергосберегающая лампочка. Но едва развиднеет, сторож из магазина тушит электричество. И тогда уже ничем не посветит, разве что кто-нибудь зажжёт спичку оранжевой ёлочкой, чтобы подкуриться, или вынет из кармана полыхнувший квадратик телефона.

Дядя Лёня идёт на эти огоньки, как зачарованный. Лиц не видно, да и не нужно; главное, что люди здесь, а не марсиане. И дядя Лёня, поравнявшись и простерев руки, орёт неожиданно:

АНТИПИН Андрей Александрович родился в 1984 году в селе Подымахино Усть-Кутского района Иркутской области. В 2008 году заочно окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Сибирь”, “Юность”, “Молоко”, “Москва”. Автор книг “Капли марта”, “Житейная история”. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Живёт в родном селе.

— Останьтесь, земляне, я всё прощу!!!

Раскачивается с носка на пятку и в обратном порядке, изображая руками поднесённый к глазам “бинокль”, делает вид, что “настраивает”, как заправский моряк, хотя в море никогда не был, а просто вчера и позавчера, и все те дни, что были до позавчера, отчаянно штормило, да и теперь, когда волна улеглась, всего дядю Лёню мутит на старую закваску.

Присмотрев в “бинокль” кого-нибудь из небритой молодёжи, уже с утра заправляющей себя пивом, он решительно и не боясь для себя последствий, вклинивается, осадив разговор на полуслове. Со всеми церемониально ручкается, отвешивая замечания в стиле: “Чё-то у тебя, сынок, рука волосатая!” — и к этому присовокупляет свои личные комментарии.

От этих “комментариев” хмельных и сильных клонит, как молодой лес от ветра.

И дядю Лёню сходу, как родного, принимают в круг. Его хлопают по плечам и обнимают, пока кто-нибудь не вспомнит и не крикнет:

— Дайте дяде Лёне!

И тогда все вспомнят и закричат:

— Давай, дядя Лёня, за нас — вахтовиков! Завтра — паровоз “ту-ту!”. Сегодня — расслабуха...

Вот, как чарку на пиру, передают блуждающую из рук в руки пивную бутылку. Дядя Лёня, как бы “через не хочу” забрав в рот холодное влажное горлышко, после двух-трёх крупных глотков с сырым чмоком вынет, не преминув и в этом случае выразиться:

— Вы ещё не то заставите!

И уже на полном серьёзе спросит:

— И куда вы опять едете, охламоны? Сибирь грабить?

Все разом замолкнут, как будто проглотили кость. Она тем острее, что кинул её не кто-нибудь, а дядя Лёня, — такой же, как они, “только старый”. Посмотрят растерянно, как бы спрашивая: “Это шутка или нет?”

Но всегда найдётся тот, кто поймёт с первого раза:

— Ну, а вы, типа, её не грабили! Только за казённые цапки...

Дядя Лёня даже спадёт с лица, не веря, что такое могли произнести в его присутствии.

— Ты это... Калитку закрой, сванидза! — и швырнёт на обочину опорожнённую пенную бутылку, и когда та разорвётся осколками и женщины, конечно, возмутятся, уже спокойно пояснит:

— Это была граната! Я продемонстрировал сынкам, как её нужно кидать, если нападут америкосы...

— Не нападут, Лёнька! — подначит кто-нибудь из мужиков. — Ты рот раскроешь — все лягут замертво ещё на границе!

— А ты правильно говоришь! — хладнокровно отреагирует дядя Лёня. — Он правильно говорит, сынки! Никто не посмеет против меня гавкнуть! Это на нас гавкают, пока такие, как Вася, стоят с закрытыми хлебальниками и бздят в валенок...

Но вот и автобус выкатил на пустырь, мерцает жёлтыми окошками. Все толкаются, лезут наперёд других, бодаются сумками. Кто-то из прибывших возмущается: “Да дайте же выйти!” — и ему, конечно, не дают.

Дядя Лёня, даром что никуда не едет, тоже штурмует автобус. Высвободив для себя место на нижней ступени, объявляет на манер контролёра, не сводя глаз с отсчитываемых денег (ради знания, у кого больше):

— Граждане пассажиры! Следующая станция — “Петушки”, берегите чемоданы и мешки!

Все устали от него. Никто не смеётся. Да и боятся, что станет просить займы. Дядя Лёня, заскучав, рыщет взглядом по салону. У парней, с которыми пил пиво, он уже стрельнул десятку. Женщин не берёт во внимание как наименее склонную к денежным займам группу населения. Одна надежда на мужиков, хотя бы на того же Васю:

— А ты, придурок, куда поехал? Алименты платить?! Дай-ка и мне семсят рублей, однако, твоего сынка воспитываю...

Но и мужики отворотятся от его глаз, а Вася и вовсе уставится в запылённое окошко и сделает вид, что не его касается. И водитель нетерпеливо погазует:

— Ты едешь или не едешь?!

Что тут скажешь? На часах восемь тридцать, а магазин открывается в девять, и этого изменить нельзя, а пешую прогулку ещё никто не отменял... И дядя Лёня, подтолкнув отъезжающий автобус, идёт дальше.

Не дай Бог оказаться у него на пути! Непременно и через всю улицу:

— Сыно-о-ок!!! Обожди-ка два часа, я на третий подойду, в половине пятого на проходной, ровно в двадцать один ноль-ноль по московскому времени... Смотри не опаздывай!

Сам — вразвалочку. Или тормознёт с кем-нибудь поболтать, но нет-нет, да проверит: ждёшь ли? Вот уже:

— Здравствуй, сынок.

— Здорово, дядя Лёня!

— Как ты сказал, сынок?

— Здорово, дядя Лёня!

— А ты как должен говорить?!

— А как я должен говорить?

— А вот как ты должен говорить: “Здравствуй, Леонид Петрович, добрый день!” Повторяй-ка!

— Здравствуй, Леонид Петрович, добрый день!

— “Дай потрогать за корень!” Повторяй за мной!

Идёт дальше.

И навстречу, например, старуха. Ковыляет-скрипит. Идёт косоночко, налега на черенок, выдернутый из растрепавшейся метлы. Вся — ворчанье и боль: то в голову шандарахнет, то в спину отдаст, а то и сказать стыдно.

Только дядя Лёня не пройдёт мимо:

— Здорово, чувиха! Сбавь-ка обороты, уже скороходы дымятся!

И нависнет, и облапит, большой и мягкий. Скажет в самое ушко предельно нежным голосом:

— Здравствуй, мама...

И старуха, едва видная в его объятьях, шмыгнет носом: не то слезой прошибло от этого забытого “мама”, не то дух спёрло от сивушного перегара, а не то просто набежало. Черкает ладошками по щекам. Маленькая, слабая. Стоит под рукой сумраком и тленом. И только глаза — живые! На землистом иссечённом лице — два нализанных кружочка акварели: обмакни кисточку и пиши апрельское небо с белыми облаками и приветливым кладбищенским леском в чёрном отпотевшем поле.

— Как сама-то, баб Шур?

— А ничё, сына, спасибо! Помирать вот скоро, труба-кранты придёт нашему котёнку...

Оба посмеются. И оба — грустно: одной не до веселья, а у второго вдруг изострится на сердце и вспомнится вот такая же кроткая и милая, которая кормила из рук, а нынче лежит под бугорком и держит над собой разохшийся крест, чтобы птицы сидели, да сынок видел и не забывал. И тоже, наверное, набежит, так что побыстрее сморгнёт и спросит не сразу:

— А сейчас-то куда, мам?

— Дак, а на почту! — начнёт доклад старуха. — Сахару взять под пенсию да старику сигареты... Он заколебал меня! Утром чуть глаза разинет — сразу за курево! Глушит газовой атакой, хоть в поле беги. Вся моль передохла! Теперь, видать, я на очереди...

Старуха говорит, нимало не беспокоясь, интересен или нет её рассказ постороннему человеку. И, конечно, не упустит случая пожаловаться, хоть на миг, но снять беду-горе с плеч:

— Ишо дочка, холера, устраиват концерты. Нигде не работают, а вот ерундистикой занимается! Поставит бардумагу да потаскиват из фляги, крышка всю ночь — хлоп-хлоп!.. Станем со стариком говреть — худые! Материт, как собак... Да что ты, говрю, в самом деле?!

— А Григорыч?

— Старика-то ишо побаиватся, а на меня — с кулакам! Давно ли ков-шиком угостила по ботухе... А-а, туда и дорога! Устала я жить, больше не хочу. Не старик, дак скочевала бы к Борьке с Ыркутска. А с етим дураком куда поедешь?! Он же орёт, как самашедчий, никуда ехать не хочет! Вылупит глаза и давай зепать во всю матушку...

И вдруг осердится старуха, станет чернее тучи:

— И чё вы, слушай, пьёте и пьёте?! Сколь можно-то, а?! Ведь всё как есть прошито, куда к чёрту ишо-то лакать её, проклятую! Вы башкой-то маленько подумали, чё с вам завтре будет, к кому вы, такие-то, приткнётесь?! Никому же не нужны! Это только мы занимаемся, ходим да упрашивам! А сдохнем — выбросят вас, как поганцев, на улицу, скажут: уматывайте! И куда вы, дураки, пойдаетесь?!

Кто выбросит и по какому праву, старуха не уточняет. Но и без этого понятно, что всё пойдёт пропадом, когда помрут они, старики...

Наконец, попросит у старухи денежку, а старуха сразу и “оглохнет”:

— А?!

— А-а! — смекнув, откуда дым, передразнит дядя Лёня. — Хэ на-а-а!!!

— Ой, Лёнька, горе твоей матке! Ты почему такой-то?! — засмеётся и вместе заворчит старуха, и будет это так, как будто сплёвывает мокрый волос с языка, а сплюнуть не может. — Материсься, как этот... Как тебе, слушай, не стыдно?!

— А чё ты мне впариваешь: прям, не слышит она! Сосед у меня тоже... под дурака работает. Говорю ему вчера: “Дай, старый, двести рэ!” Он (как и ты же): “А?” Я ему: “Дай двести рублей!!!” Он: “А-а-а??? — А-а! — не вытерпел. — Хэ на-а-а!” Ну, обиделся: “Чё ты мне, — говорит, — *его* су-ёшь!” “Во, — говорю, — я у тебя двести рэ попросил — ты глухой! А на хэ послал — сразу все пробки открыло!”

Старуха, покивав для вежливости, вздохнёт пропаще, да тут же и выдохнет — как будто весь воздух вон. Повернётся спиной и потянет из кошелька, словно травинку из стога, боясь оборвать, но и надеясь, что передумает и не возьмёт.

— Когда отдашь-то?! — не выпуская сторублёвку из рук, спросит напрямки и, не скрывая, что даёт безо всякой охоты. — Смотри, Леонид: я в сельсовет пойду...

Но это редко. Чаще сошлётся на что-нибудь для отказа, а сама долой, сморкаясь в платочек и громко разговаривая в воздух:

— Вам, беспутным, займёшь, дак потом не выходишь! Идите-ка вы в сраку, самим на пашню надо...

Идёт дядя Лёня — как мёду попил, и когда из подворотни выскакивает и, напряжив длинную тяжёлую цепь, не лаает, а захлёбывается кашлем и слюной особо ретивая собачонка, некоторое время с разочарованием смотрит на неё.

— А ты вообще р-р-рот закр-рой!!!

...В центре посёлка — большеглазый Дом культуры. Так он и туда зарулит, особенно если в танцевальном зале гуртится собрание с участием районных властей. Сидит в переднем ряду — ногу на ногу. Когда плетут совсем несусветное, демонстративно клацает откидным сиденьем. Курит на крыльце, облокотившись на перила, и время от времени энергично загребает рукой, созывая народ. Но тот внука на качели повёл, эти — сети поехали проверять, а та спешит на дойку...

Всем некогда! И только дядя Лёня — деятельный и политичный. Его даже чиновники знают, потому что раз в пятилетку, но посещают посёлок. Полна поляна машин, серебрится тонированными стёклами мэрский “крузёр”. В облупленном зале, обшитом вздувшимися от сырости листами ДВП, — десяток-другой человек, не считая поселковой администрации. Плюс дядя Лёня. И приезжих — штук пятнадцать. Зелёная скатёрка на столе, бутылки с минералкой, пластиковые стаканчики... Называется — пресс-конференция. Как в Москве! “Мы, — кричат, — ваши покорные слуги

---

* Ботуха (сибирск., диал.) — голова.

и всегда готовы услужить! Просили десять лет мобильную связь — пожалуйста, пользуйтесь...”

— Так же, Лёнька?! — главный “слуга” однажды сработал на рейтинг.

А пьяному — что? Оглянулся: никакого другого Лёньки рядом нет. Значит, это ему! Возьми да брякни:

— Ты с кем разговариваешь, холоп?!

И раньше у дяди Лёни были неровные отношения с властью, а после этих слов и вовсе мечтают, чтобы во время сходов его не было. И он тоже после каждого собрания желает, но уже вслух и не экономя слов, чтобы *этих* ещё лет пять в посёлке не было. И у них — у дяди Лёни и власти — всё это чудно получается: взаимно не быть там, где их меньше всего хотят видеть.

* * *

Дяде Лёне — шестьдесят с припасом. Сам пришлый: шёл-шёл от Байкала к Амуру, тараня бульдозером тайгу, но однажды устал и махнул товарищам рукой: “Дальше — сами!”

С ним устала малярша-штукатурша, выглядывая из-за спины виноватыми счастливыми глазами. С ней темно, а вот он родом из Матёры, что на Ангаре. Деревня захлебнулась в водах Братской ГЭС, и дядя Лёня её никогда не видел. Его отец, Пётр Петрович, от своей руки спалил родную избу, вытребовал в сельсовете компенсацию и был таков. На чужбине, в отстроеном для переселенцев посёлке, в котором обретался первое время, он и поселил сына, а самого заусило по Союзу.

Дядя Лёня недалеко ушёл от отца. Окончил восемь классов, ремеслуху, отслужил на Дальнем Востоке. Но дома сгодиться не захотел и со всеми двинул на Север, где нефть, БАМ и Майн Рид. Оказался в бригаде Бондаря незадолго до легендарной встречи с бригадой Варшавского на разъезде Балбухта. Потом вкалывал на линии Тынды—Беркакит. В перестройку отмотал плёнку назад, вернулся, где уже был, и обосновался в молодом посёлке на Лене.

И тут же оброс подробностями.

Например, болтают, что есть у него альбом с фотографиями, на одной из которых он (между прочим, абсолютно голый) забрался на крышу теплушки и, козырьком приладив ладонь ко лбу, смотрит в ясную даль. На оборотней стороне надпись: “Куанда, 1984 год”. Так ли оно на самом деле или нет, наверняка не скажешь, ведь никто этого альбома не видел, только слышали о нём со слов хозяина. А говорить он мастак. Мелет много и в жилу. И никогда не врёт!

Вообще, разное в нём совмещается и лежит заподлицо, как тёс на крыше. Глядя, как дядя Лёня идёт по посёлку и со всеми приветливо здоровается, невозможно представить, что ещё вчера он медленно, словно раненый зверь, брёл за женой по улице, иступлённый и включенный, и страшно орал:

— Наташка-а-а?! Я тебя зар-р-режу! Куда девала?!

На что жена, проворно уходя от него с оттопыренным рукавом, отвечала:

— Никуда я не девала! Ты её давно выпил!

Он не верил:

— Дева-а-ла!

И уже тише, спокойнее обещал:

— Я тебя зарежу, Наташка-а...

И наоборот: когда сосед стал гонять свою жену и, догнав, пнул в живот, дядя Лёня проявил самое настоящее участие и на другой день (вероятно, измучившись тем, что мужик бил бабу, да ещё так подлю и жестоко) предложил меру противодействия:

— Давай я его, козла, порву на портянки?!

Но так-то не видно, чтобы задирался. Как и многие мужики, он любит, “чтоб по справедливости!” И когда ему назовёшь имя одного деревенского, сообщив о нём какую-нибудь штуку, дядя Лёня (в случае владения им неким

не известным для тебя знанием об этом человеке) тут же поправит, но не из вредности, а всё во славу той самой справедливости:

— Вася-то?! Ха-а, Ва-а-ся... Пьяный всю деревню поит, а трезвый кучу навалит, дак ещё палкой поковыряет: то ли выдал? Может, в хозяйстве пригодится?!..

Но сам, занимая деньги, справедливости в отдаче не всегда придерживается и первые разы пунктуально возвращает, а потом слагает с себя обязательство, надумав о займодавце много и всё таким образом, что деньги тому вроде бы и ни к чему.

Отчасти это непостоянство объясняется тем, что денег у дяди Лёни почти никогда нет, а те, что время от времени появляются, утекают сквозь пальцы. С чего бы ему разбогатеть? Как закончил комсомольскую стройку, так сменил дюжину профессий, но ни в одной больше не нашёл себе должного применения, нигде со всем своим вчерашним не смог притереться, а со всем сегодняшним так и остался в контрах. Он словно заступил за финиш с развевающейся поверху атласной ленточкой, на которой написано крупными буквами:

“Кем бы ты ни был, человек — рабочим или крестьянином, — за этой чертой ты никому не нужен!

Мы рады, что всё твоё догнивает в могиле

с пятнадцатью крестами в головах!

Будь проклят, несчастный совок!

Ура!!!”

Последним оплотом стала угольная котельная, на которой дядя Лёня работал истопником. И всё бы куда ни шло, даже держал хозяйство — корову и бычка. Косил на той стороне Лены, у ручья. Зимой, по льду, вывозил...

— Сынок подставил: стукнул у начальника крутую тачку, а сам слинял к бабке в Нижний! Звонит: так и так, папа...

Зарезал бычка. Но с того раза пошло-поехало! Из детей при нём после бегства сына осталась дочка-школьница, которую он трезвый, пьяный ли, а называет не иначе, как “доча”. За неё и пострадал. Пришла из школы комиссия, покатила шаром, покачала головой. Пришлось ехать в город, оформлять кредит и покупать компьютер. Это он ещё в котельной дежурил, положение позволяло. Потом загулял, кредит просрочил, залез в другую... Крест-накрест! Наконец, пристав. В кожаных перчатках, как Гитлер. Прости не прости, а корову — под нож...

И вот сегодня — воздух в кармане, вошь на аркане! Стайки распилил на дрова, сенокос зарос ольхой, завалинка у дома сгнила, вместо стёкол — кое-где куски фанеры. Пенсия, несмотря на северный стаж, с гулькин нос. Из котельной, едва расквитался с банками, проводили за какие-то грехи. Жена мыла в совхозной конторе полы — контору прикрыли. Время завять, а у них совсем другие песни...

Чуть свет, прежде чем закуролесить по посёлку, дядя Лёня идёт на реку с ведрами из разных дивизий — пластмассовым и цинковым. Отличаются они и по объёму, и чтобы не было крена в сторону большего ведра, зимой дядя Лёня кладёт в меньшее кусок-другой льда, а в прочее время просто несёт и матерится из-за этого несоответствия тяжестей. Набрать одно из вёдер неполным ему не придёт в голову.

В том, что он таскает воду на руках, есть что-то архаичное, исконное, мужичье. Теперь мало кого скараулишь за ручным трудом. Все норовят прожить чужими руками, а свои берегут для какой-то другой жизни, наверное, очень важной.

Дядя Лёня не бережёт. Не знает, скорее всего, что ещё будет какая-то другая. Вся она у него позади, чему два свидетельства: медаль “Строителю Байкало-Амурской магистрали” и растрепавшееся удостоверение к ней. И нынче он тратится весь, а размотать себя не на всю катушку ему тоже не взбрёт на ум.

Впрочем, это не касается некоторых типично деревенских занятий, к которым дядя Лёня абсолютно равнодушен, хотя бы они и сулили маломальскую выгоду. Не охотник, не рыбак, вообще на всякий такой легкомысленный

промысел не ходок, даром что во дворе перевёрнута кверху дном целёхонькая “Казанка”. Он, когда его сомускают, например, на подлёдную ловлю, долго не может понять, чего от него хотят.

— Это, — уточняет, — сидеть на морозе и дрочить?

Зато горазд на другое.

Кажется, из всех видов прибитка, которыми возможно перемочься в деревне, дядя Лёня освоил в совершенстве и уверенно застолбил за собой только рытьё могил. Его вполне задёргали этой надобой, говоря по нынешним временам, когда кладбище выдвинулось в поле, а на въезде за кладбищенские ворота даже сложили бревенчатую избушку с печкой — копальщикам согреться в холода, дёрнуть рюмку-другую. Дядя Лёня и строил на пару с корефаном.

— Все-е-ех похороню! — напиваясь на поминках и поднимая руки, пованные ломом и лопатой, искренне и мрачно обещает дядя Лёня.

Бывает, конечно, более одухотворяющая треба: вместе с женой пропалывают грядки старикам, красят, белят, наклеивают обои. Зимой дядя Лёня чистит снег, колет дрова, либо что-нибудь другое по хозяйству. Прошлым летом, к слову, латал крышу медпункта, взяв помощника. Ну, затрелевали по прислонённым доскам четыре листа шифера, закрепили на два гвоздя. За работу назначили тысячу рублей. К вечеру распорядились ими. Назавтра тут как тут:

— Ещё тысячу!

Когда отказали:

— Полезай, Валерка, на крышу, сбрасывай шифер!

И убежали, хлопнув дверью. Что с ними будешь делать?!

* * *

Этой весной дядя Лёня разжился необычным калымом. Накануне 9 Мая рано утром загрохотал кулаком в дверь школы, попросил кисточки и краску из кабинета рисования и стал подмалёвывать выцветшие списки на мемориальной стене во дворе, за кустами акации. Видно, что старается на совесть, но получается не ахти. Ведёт то жидко, то густо, вылезает за гравированные контуры букв и роняет капельки, вытирая тряпочкой. Когда забывает, капельки растекаются и засыхают, как смолка на подсечённом дереве, и дядя Лёня, плюнув, немного погодя и уже размокшие, промокает их вместе со слюной.

Погода с вечера дождливая, нет-нет, да посыплет. Дядя Лёня, ёжась в налипшем гимнастическом костюме “Адидас” с зашитой молнией, но не прекращая обводить, талантливо и с неприличными подробностями ругает небо, дождь, севшю на забор ворону, а с нею и главу администрации, что пообещала за работу тити-мити, и себя, “подписавшегося” на эту халтуру... Словом, что ни попадя! Но при этом и всамделишная боль, которая пролетает через всю душу стрелой и торчит из печёнок:

— Дак вот я думаю, сынок: мы хоть какие-никакие, а были нужны! Теперь же нам сказали: “Закройте с той стороны калитку!” Вот я — работал на совхозном складе... Какой там кладовщиком! Наживал за сто сорок шесть рэ чахотку... Много я украл?! Ну, мешок пшеницы или комбикорма скоммуниздишь по тихой грусти, спрячешь в канаве! Ночью прибежишь с тележкой, да и то не себе, а той же бабе Шуре толкнёшь за бутылочку... А сейчас?! Чуть его выберут, как, смотришь, уже тырить начал. Всю страну раздербанили, а на нас, нищету, грешат! Нет, ты приди ко мне, поищи: есть у меня чё или нет?! Ты ведь не был у меня, сынок? И правильно, делать нечего...

Замечает, вдохновенно откинув кисть, на кончике которой — золотистое семечко:

— Я читал твои статьи, сынок! Про теплоход, про Мишку-длинного, про нас, алкашей... Красиво пишешь! Я ведь тоже в юности стихи сочинял. Вот послушай-ка:

*Шёл я лесом-камышом,
Встретил бабу голышом...*

— Это я насчёт первой любви, — информирует дядя Лёня. — Меня даже в районке печатали! А потом не до стихов стало, в рот бы они не брякали...

После обеда приходит его любимая “доча”, вынимает из баночки с водой вторую кисточку и начинает помогать. Ногти очень грязные и подкрашены дешёвым, уже отколушнувшимся лаком. Чёрные великоватые джинсы подвёрнуты с запасом года на три вперёд. Простенький старенький свитерок вышаркан на локтях. Кроссовки из кожзаменителя потрепались, в местах носочных сгибов образовались дыры, в которые видны босые ноги. Девочка учится в восьмом классе. Про неё говорят, что у неё “чёрная рука”, потому как вроде бы украла кошелёк, когда в клубе была репетиция. Репетировать Танюхе есть что. На всякий праздник она выступает в хоре, темнея между другими ребятами пепельным лицом. Или поёт одна тихо-тихо, безо всякого отношения к тому, о чём поёт, и даже без какой-либо способности к пению. Но вместе с тем в зале грустно, как будто в ненастную весеннюю ночь качается в лесу хрустнувшая берёзовая ветка, а из неё каплет на сухие прошлогодние листья. И по всему видно, что Танюха только потому на сцене, что её приставили к этому делу, недолго поискав глазами в классном журнале, а она приняла, как должное. Так вообще дети из бедных семей с малых лет безропотно терпят всё, что бы им ни преподнесла жизнь, к добру — благодарны и отзывчивы, и если к ним с добром, то охотно участвуют в разной самодеятельности, куда обихожённых ребятешек калачом не заманишь. Та же Танюха каждый Новый год — тоненькая снегурочка с ватным снегом на воротнике и с огромными голодными глазами...

Взрослое и детское вместе:

— Пап! Мы с мамой всё приготовили, ждали тебя поисте, даже мультик посмотрели... А ты не пришёл!

— Т-твою мать! И мультик без меня посмотрели?! — огорчается дядя Лёня. — Теперь плакать буду...

Уходит на обед. Танюха остаётся за него. Корпит, как пчёлка, в шевелящейся тени акации, потому что солнце, неясно выглянув, — уже за кустом, и ветром смежает ветки. Рассказывает словно сама себе (о прошедшем мимо мужике), но с поразительным участием к событию, о котором в песне не скажут:

— Он, этот мужик, у дяди Валеры всё варенье съел! Мы с Лёхой (ну, моим двоюродным братом) сели пить чай, а варенья нет. Я варенье приносила из дома! Этот мужик ночует у себя, а днём околачивается у дяди Валеры. Взял и сожрал моё варенье! Я ему высказала (ну, обозвала его), а он меня толкнул. Я говорю: “Слышь, ты?!” Он погнался за мной, а мы с Лёхой убежали. Хотели ему окошки ночью пошибать, а чё-то не стали. Ему всё равно кто-то окошки пошибал! Лёха говорит, что это он...

* * *

Нынешней зимой жену дяди Лёни госпитализировали с подозрением на туберкулёз. Он на другой день собрал котомочку и поехал к ней. Что уж он увёз, а только вечером на остановке котомочки не было. Стоит у ларька с пивом и возится рукой в кармане, словно щиплет мякиш. Вязаная шапочка, китайская дублёнка, грубая и тяжёлая, а на ногах, как у многих, — “дутыши” на толстой (как раз для Севера) подошве и с не контактирующими между собой ремешками на липучках...

Но главное у дяди Лёни — шарф! Настоящий, шерстяной. На пару витков вокруг шеи, да ещё и с гаком. С размытым рисунком в виде ёлочек и чёго-то ещё, в чём безошибочно угадываешь нечто милое, старинное и вместе с тем недавнее, когда мороженое стоило семь копеек, по телевизору показывали “Зигзаг удачи”, а наши побеждали в биатлоне, и у каждого имелись

лыжи “Быстрица” (сорт второй) или даже “Карелия” с отслоившимся на носке пластиком, перемотанным изолентой, на каких по воскресеньям, иногда всей семьёй, ходили в лес...

— Да я, сынок, никогда не беру здесь пиво! — оправдывается дядя Лёня, когда рука, вышльв, не приносит ничего, кроме денег на проезд. — Тот раз купил, а на дне волос... Обычный, человеческий! Разливщица через котёл без плавков прыгала...

Смотрит на беговые лыжи с английским названием.

— Кому? — а когда говорю, что себе, деловито выясняет, какая им теперь цена.

И по искреннему неведению, неловко скрывающему себя, нечаянно догадываешься, что приобретение вещей, не входящих в число физически необходимых, давно перестало быть частью дяди Лёниной жизни.

— Много! — отвечаю, и со стеснением называю стоимость лыжного комплекта, равную среднему месячному заработку жителя посёлка.

— А чё много-то?! — размашисто, а у самого — ноль в загашнике. — Надо доче купить...

Про жену не распространяется. Рассказывает, что ездил в Москву, гулял по Красной площади и там его “чуть не прокатили на кожаном мотороллере”.

— Ну, я сначала шёл, как будто ничем ничего, а эти петухи — за мной! Демонстрация у них, что ли то, была — петушиная... “Прокатят, — думаю, — на старости лет! Или сосать заставят...” Ка-ак вчистил к Мавзолею! Залез к Ленину в саркофаг, отлежался. Утром ноги в руки — и на вокзал, купил билет в деревню... Больше, короче, не поеду!

Громок, молодецват! В автобусе засыпает стоя.

...Когда рядом живут такие люди, совестно покупать не хлеб, а лыжи, разрывать зубами целлофановую обёртку, рискуя опануть чей-то голод запахом разломленного пирожка, а также быть писателем, нудить о своём и фотографироваться “на память”, вытянув против лица руку с зажатым мобильником.

Зачем нам память о себе? Для кого эта память о нас? Кому мы?..

* * *

Летом качу старую облупленную тележку; пустая фляга гремит... По дороге — дядя Лёня и Кощей-бессмертный, поселковый электрик (его, пьяного, “убивало” током, лежал в районной больнице).

Некоторое время плетутся позади. Потом дядя Лёня окликает:

— Сыно-ок?! Вот ты книжки пишешь, а на речку с этой раздолбанной тележкой ходишь... Тебе же должны машину дать!

Нагнали. Оба — *хорошие*. У Кощей — на треть картошки в мешке. Понимай так: сами отсадились, а лишнее... Ну, в качестве шадящего отступления от истины — на продажу.

— Кто должен?

Невообразимое движение руками, будто хочет поправить на спине товарища мешок и одновременно обнять весь белый свет.

— Ну, как это — кто-о-о?! Рос-с-и-ия! Ры-ы-жий этот!..

Дядя Лёня употребил термин, обычный в его лексиконе.

— Вот запиши-ка, сынок, мои новые стихи, написанные ночью во время бессонницы. Я там немного прибакланил у одного придурка... Но в основном — моё!

И давай читать с чувством и нажимом, как дочь Танюха рассказывала про мужика и варенье:

*Лысый череп, глаза из орбит —
Вождь апачей понюхал карбид!
Он со своей бабой разводится,
С Винни-Пухом сходится, —
Я так думаю, сынок, —*

*Они, наверное, пр-р-рут друг дружку —
И деньги в кружку!*

Пошлешь в газету, а гонорар прошьём! Ну, бывай, сынок!

И скорей за Бессмертным, вольный и ненужный.

— Да не платят теперь, дядь Лёнь! — вдогонку.

Разворачивается на всём ходу. Весь.

— Как не плотят? А почему?!

— Демократия.

— Вот ч-ч-черти!

...Вскоре жену дяди Лёни выписали из больницы. Он ездил за ней, привёз тонкую, как щепка. Шепчет ему: “Это я худая от нервного истощения!” Дядя Лёня верит и тоже всему посёлку толкует, что — от истощения. И Таюха, поднимая большие чёрные глаза, говорит в школе: “Это у мамы от истощения!”

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

ВСЁ-ТО ТЫ ПРИЕМЛЕШЬ, РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК!..

* * *

Речи-речки затянуло хрустким льдом,
Но одна не замерзает никогда!..
В ней мирской незримой волей и трудом
Оживает даже мёртвая вода!

Неуёмной, тёмной речки водобой
Отхлестал вразлёт крутые берега.
А зовётся эта реченька — судьбой,
Потому-то кровно нам и дорога.

По колдобинам, истоптанным насквозь,
К ней приходит люд, как в родный дом.
Мимо жизнь идёт-бредёт вкривь и вкось,
Суетным своим, порожним чередом.

Речка-речь, одна несуетно горда,
Вновь влечёт тебя, уводит за собой..
Кто же ты тогда, откуда и куда,
Грустным-грустный, незадачливый герой?

СЕЙДАМЕТОВА Карина родилась в 1984 году. Автор поэтических сборников "Позимник", "Соборный свет". Стихи публиковались во многих всероссийских бумажных и электронных общественно-патриотических изданиях: журналах "Наш современник", "Сура" (Пенза), "Дон" (Ростов-на-Дону), "Невский альманах" (СПб), "ВЕЛИКОРОССЪ", "Подъём" (Воронеж), "Гостиный двор" (Оренбург) и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Где блукал-искал спасения души
Или жаждал отпущения грехов...
Молча сядь на берег речки, не спеши,
Только вслушайся в журчание веков.

Речку-речь, увы, не поворишь вспять,
Даже став лихим властителем стихий.
...Остаётся тихо повторять
Речи, облечённые в стихи...

ОТЦУ

Отжил и отлюбил.
Слова горьки и лживы...
Ты памятью храним,
но нет! Не умер ты!
Священник говорил:
“У Господа все живы!
И все равны пред Ним
у роковой черты...”

Всемиловит Господь,
отцову душу примет,
но капельки дождя —
что пули из свинца...
Град силится сколоть
отца земное имя,
на мраморе найдя
черты его лица.

Отец мой, ты живой!
(У Господа все живы...)
Мне голубь весть принёс,
что ангел вострубил...
...Я выпью дождевой
воды миролюбивой,
и вспомнится до слёз,
как ты меня любил!..

СНЕГ

Всё-то ты приемлешь,
Русский человек!..
...Снег целует землю.
Белый, белый снег.

Почитай, всю зиму
Он идёт, идёт,
Неостановимый
Белоснежный лёт...

Вдоль домов высотных,
Вдоль озёр и рек...
Вот и ты — босота —
Божий человек

В тот ноябрьский вечер
Белым снегом став,

С ним ушёл далече,
“Смертью смерть поправ”.

Ты теперь прохожий,
Ты теперь — снега...
У тебя под кожей
Колкая пурга.

Ну, а если в зиму
Снега намело —
Это, чтоб могли мы
Просто и светло

Вспоминать, приемля
Грусть земных сердец:
Снег целует землю.
Снег... и мой отец.

* * *

Только настоящие стихи
Можно, как молитву, повторять...
В них овраги, мхи и лопухи,
И сквозь топь хворостяная гать...

Полевой пленённый красотой,
Обернись на дождь, на звук, на свет,
И сойдут слова молитвы той,
Что способна приближать рассвет.

И родятся травы и цветы
Как простые, вольные слова...
И, купаясь в разнотравье, ты
Ощутишь — поэзия жива!

Но едва заговорит листва
Под косым безудержным дождём,
И приходят первые слова,
Те, которых, может, и не ждём...

В них овраги, мхи и лопухи,
И сквозь топь хворостяная гать...
Только настоящие стихи
Можно, как молитву, повторять.

...Вот и вторит самому себе
Человек — творение земли...
Чтобы сотворённые в мольбе
Травы и цветы в полях росли.

* * *

Этот ветер не сдержит никто!
Он корёжит родимые ветки
И на пугале треплет пальто,
И ревёт над могилами предков.

В малых весях, в больших городах,
От кочующей ярости светел,

Обрывая листву на ветвях,
Голосит и бесчинствует ветер.

Пальцецо продувая насквозь,
Он пугает понурых прохожих,
Разоряет рябинную гроздь
И озноб разгоняет по коже.

Одичалому ветру хлестать
И заламывать ветки до хруста...
Ведь ему никогда не приять
Чувство родины — тихое чувство.

Потому в человеческих дворах
Кровь рябин и кропит бездорожье,
Что живём не на стывших ветрах —
Что согреты дыханием Божьим!..

ЮРИЙ ЛУНИН

НОВАЯ ЖИЗНЬ

РАССКАЗЫ

Была ночь. Заканчивался первый период матча Россия—Канада. Канадцы вели 1:0.

В кресле сидел мужчина. Голубой свет экрана озарял в темноте его неподвижное лицо. Слева от него на разложенном в полкомнаты диване спала его жена.

Незадолго до этого супруги не очень хорошо поговорили. Обыкновенный, не из ряда вон выходящий конфликт. Жена пыталась обсудить планы на завтрашний день: кто сводит сына к зубному, кто навестит приболевшую тещу, кто купит продуктов. Она предлагала различные варианты, но мужчина вместо ответа лишь машинально кивал. Его внимание было приковано к экрану: уже началась предматчевая телепередача, в которой специалисты обсуждали шансы российских хоккеистов на победу.

— Ау-у! Ты можешь хотя бы на минуту отвлечься? — повисила жена голос. — По-моему, ты совсем меня не слышишь!

— Я слышу, слышу тебя, — сказал мужчина, продолжая кивать и глядеть на экран.

— И о чём же я сейчас говорила?

Он повернулся к ней, неприятно вздохнул и механической скороговоркой воспроизвёл с точностью почти до единого слова всё, что она сказала. (Хоть он и действительно не слушал её, но сам звук её речи сохранился в его

ЛУНИН Юрий Игоревич родился в 1984 году в г. Партизанске (Приморский край). Первая публикация состоялась в 2007 году в сборнике "Facultet: новая литература нового поколения". Лауреат литературного конкурса "Facultet" (2009, 2010). Лауреат российско-итальянской литературной премии для молодых авторов "Радуга" (2012). В 2014 году вошел в лонг-лист премии "Дебют" в номинации "малая проза". Живет в подмосковной деревне Следово.

короткой памяти, поэтому воспроизвести её слова не составило особого труда). Затем он таким же механическим голосом сообщил, что возьмёт на себя зубного и продукты, а к теще пускай идёт она сама.

— Всё? Можно я теперь спокойно посмотрю? — закончил он, уже с нарастающим раздражением.

Жена ответила не сразу. Она явно была удивлена точностью, с которой он повторил её слова. Впрочем, подумав, она пришла к выводу, что причины для радости в этом нет.

— Смотри, смотри... — сказала она. — Хоть обмотрись. Разогнал всех...

Она сказала так потому, что получасом раньше мужчина рывкнул на детей, которые на ночь глядя разыгрались в родительской комнате, причём именно перед телевизором. Жене было жалко детей, но она сказала им, что отец прав, надо идти спать, и дети ушли в свою комнату.

Теперь, осудив мужа за его поступок, она отошла к комоду и там сняла с себя домашнюю одежду, буднично явив мужчине своё полубожажённое тело. Он даже не посмотрел в её сторону. Она надела длинную ночную сорочку, лет на пять её старившую, выключила свет и быстро забралась под одеяло.

Начался хоккей, и какое-то время жена наблюдала игру вместе с мужем. Неосознанно пользуясь тем, что она ещё не спит и может его слышать, мужчина то и дело отпуская комментарии по поводу происходящего на экране. Состояние лёгкой ссоры этому не препятствовало: он ведь как бы разговаривал сам с собой.

Мужчина жаловался, что наших удаляют ни за что, в то время как канадцам прощают самые откровенные грубости.

— Конечно! — говорил он язвительно. — У них это “канадский стиль игры”, а у нас это уже “задержка игрока, не владеющего шайбой”! И так будет всегда. Нас все ненавидят!

Когда же канадцы, использовав численное преимущество, открыли счёт, он просто процедил сквозь зубы:

— П-падлы...

Жена повернулась на бок, спиной к мужу, и вскоре засопела. Мужчина перестал комментировать и начал переживать игру внутренне. Не находя выхода в словах, его переживания проступали наружу в виде пота на ладонях.

Прозвучала сирена. Игроки ушли на перерыв, а мужчина — покурить на лестничную клетку.

В подъезде было абсолютно темно, и когда он подносил сигарету ко рту, ему казалось, что уголёк движется по воздуху сам, независимо от его руки, и даже может залететь ему в рот. И точно так же, как его глаза сосредоточились на этом угольке, его сознание сосредоточилось на одном-единственном переживании. Он не мог толком разобрать, что это за переживание, к игре оно относится или к его жизни. Темнота всё смешивала: казалось, что между его жизнью и матчем нет особой разницы, что действия хоккеистов — это действия неких сил в его личной судьбе.

Мужчина вернулся в квартиру, навёл себе на кухне сладкого чаю и слепил бутерброд — не от голода, а только чтобы убить томительное время.

Войдя в комнату, он снова увидел спящую жену и задумчиво остановился над ней. Меньше часа назад эта женщина оживлённо говорила с ним, добывая его внимания, что-то доказывая ему, о чём-то тоскуя, а теперь ей, кажется, было всё равно. Сон сковал её мысли, сомкнул её губы. Картинки рекламных роликов косвенно отражались на её лице, окрашивая его в разные цвета и тем самым как бы нахально хозяйничая на нём, пока его хозяйка спала и ни о чём не догадывалась. Мужчина невольно представил, что когда-нибудь она так же тихо и бесчувственно будет лежать в гробу, но тут же выгнал из головы эту мысль. Он уселся в кресло, поставив перед собой на табурет чашку и бутерброд, и обратил внимание к экрану. Трансляция продолжилась.

Канадцы выходили из раздевалки со спокойными лицами хозяев помещения. Они обменивались шутками, попихивая друг друга локтями, и автоматически плевали перед собой.

Наши выкатились на арену с лицами усталыми и серьёзными. Согнув спины и опершись на клюшки, которые лежали у них поперёк колен, они выписывали на своей половине тревожные круги.

Начался второй период. Канадцы выиграли вбрасывание и начали спокойную перепасовку, чреватую новой опасностью для наших ворот.

На перекур мужчина уходил с уверенностью, что в раздевалке тренер скажет хоккеистам нечто такое, что коренным образом преобразит их игру. Однако сейчас всё указывало на то, что мужчина ошибался. Всё так же бесцеремонно канадцы рвали наш центр, всё так же неубедительно мы пытались прорываться по флангам, и атаки задыхались в сутолоке у бортов, в лучшем случае завершаясь неопасными бросками с острого угла.

Но вот забрезжила надежда. Канадский защитник рассёк клюшкой бровь нашему хоккеисту и отправился на скамейку штрафников — как ни странно, всего на две минуты. После вбрасывания наши завладели шайбой и попытались, как это обычно делается, сомкнуть кольцо у ворот противника. Но тут какой-то расторопный канадец, разгадав передачу русского игрока, перехватил шайбу, стрелой домчался до наших ворот, ложным замахом уложил на лёд вратаря и издевательски вколотил шайбу в девятку.

За нашими воротами вспыхнул враждебный, ядовитый свет. Загудела страшным роем канадская трибуна, задёргались на ней флаги с кленовыми листьями. Забивший гол канадец проехался, задрав ногу, на одном коньке мимо нашей скамейки, “поиграв” на своей клюшке не то как на электрогитаре, не то как на балалайке, не то как на чём-то и вовсе неприличном. Потом остальные канадцы обступили его, сгрудились в одну торжествующую кучу и стали хлопать друг друга по каскам. Эти влажно блестящие каски показались мужчине скоплением отвратительных склизких икринок. Наш вратарь растерянно взирал на радость соперников. Канадский тренер энергично жевал жвачку, принимая поздравительные хлопки по плечу от коллег по тренерскому штабу, а наш медленно прохаживался туда-сюда, сплетя на груди руки. Комментатор тоскливо бубнил про то, что если не забиваешь ты, то забивают тебе.

В эту минуту мужчина ненавидел канадцев так сильно, как разве что ненавидел в детстве фашистов из фильмов про войну. Если бы сейчас на подлокотнике его кресла располагалась кнопка, с нажатием которой канадских игроков и всех, кто вместе с ними радуется, разорвало бы на кровавые куски, он ударил бы по этой кнопке, не раздумывая.

— П-падлы... — шептал он, вытирая о подлокотники кресла потные ладони. — Падлы в-вонючие...

Этот гол, казалось, окончательно деморализовал наших хоккеистов. Даже в большинстве они вынуждены были обороняться. Создавалось впечатление, что канадцев на площадке гораздо больше, чем наших. Куда бы ни катилась шайба, первым к ней подкатывался ненавидный канадец. Невыносимость этого зрелища значительно усиливалась тем, что после второй забитой шайбы канадцы стали вести себя по-настоящему вызывающе. Проезжая во время остановок игры мимо наших игроков, они непременно толкали их плечом и, выплёвывая капли на крагу, посылали в их адрес какие-то несомненно унижительные слова. Видимо, им хотелось спровоцировать драку, чтобы одержать победу и на кулаках, тем самым окончательно сровняв нашу команду со льдом. Арбитр как будто не замечал их отвратительного поведения, и мужчина жгуче желал наступить на эту “продажную тварь” каким-нибудь огромным ботинком, как на колорадского жука, а потом с удовольствием поглядеть на мокрое место, которое от этой твари осталось.

— П-падла вонючая... — говорил он и в адрес арбитра.

Под конец второго периода канадцы забросили нам третью шайбу. Тогда мужчина набрал в рот холодного чаю и бесчувственно пустил в телевизор струю. Сладкая жижа медленно поползла по экрану.

— Что такое? — встрепенулась жена, подняв взлохмаченную голову. — С ума, что ли, сошёл?

— Спи, — сказал мужчина, и жена, что-то прохрипев, уронила голову на подушку.

Мужчина подошёл к телевизору, отключил его, сдержав желание разбить экран кулаком, затем быстро разделся и лёг рядом с супругой.

“Пускай хоть десять-ноль продувают. Мне уже наплевать...” — сказал он себе, и это было почти правдой. Темнота и тишина, мгновенно объявшие комнату, были так естественны, словно не было и не должно было быть никакого хоккея. Мужчине не верилось, что ещё несколько минут назад происходящее на экране казалось ему таким важным.

“Вот и ещё день прошёл”, — произнёс он про себя и вдруг осознал, что уже на протяжении многих лет каждую ночь произносит перед сном эту нехитрую фразу.

“О чём я думаю, когда говорю это? — спросил он себя и без труда ответил: — О том, что стал ещё на один день ближе к смерти, что жизнь уходит. И уходит, — дополнил он, — не так, как я хотел”.

“А как я хотел?” — спросил он себя снова и почему-то вместо ответа припомнил время, когда он ещё был влюблён в свою будущую жену. На самом деле, он довольно часто вспоминал это время, просто сегодня он впервые занялся этим воспоминанием, как делом.

Было это около тринадцати лет тому назад. Они тогда очень много гуляли, и каждый день, проведённый ими вместе, казался мужчине похожим на гениальное произведение искусства: картину, фильм, стихотворение, музыку. Он фотографировал её на старый плёночный фотоаппарат, сам проявлял плёнку и отпечатывал фотографии, потом показывал их ей, и она говорила, чуть не в слезах: “Я не знала, что я могу быть такой красивой. Это потому что ты меня видишь такой”.

Сейчас он настолько отчётливо вспомнил беззаботный, счастливый голос, произносивший эти слова, будто они звучали не тринадцать лет тому назад, а ещё только сегодня.

Он повернул голову к жене. В темноте, к которой его глаза уже успели привыкнуть, бледно прорисовывалось её лицо — лицо сильной усталой женщины, серьёзное даже во сне.

Мужчина отчётливо понял, что это лицо уже никогда не сможет выражать такой беззаботной радости, как тогда, и испугался: неужели это он сделал его таким? Видит Бог, он этого не хотел. Так получилось само.

Он лёг на бок, отвернувшись от жены, закрыл глаза и стал ожидать сна. Но сон не приходил.

“Почему я не могу уснуть?” — задумался он и понял, что уснуть ему не даёт ощущение, что он мелкий, тупой, ограниченный человек.

Когда-то он был уверен, что принадлежит к числу людей избранных — не обязательно гениальных, но, по крайней мере, вечно думающих и беспокойных, вечно удивлённых миром и обременённых какими-нибудь идеями. Он и впрямь был таким, и у него не было сомнений, что он останется таким навсегда.

“Это ведь как музыкальный слух, — говорил он себе в те времена. — Или как езда на велосипеде”.

Но вот прошли годы — и он обнаруживает себя тем самым человеком, которым больше всего боялся стать: перед ним не стоит никакой цели, его потребности примитивны. Только естественный эгоизм, присущий любому “я”, не позволяет ему признать себя совершенным ничтожеством.

Проворочавшись под одеялом длительное время, в течение которого он ощущал себя маленькой раздавленной змеёй, в бессильной ярости извивающейся на дороге, мужчина сел на край дивана и снова включил телевизор.

В углу заплёванного сладким чаем экрана значился счёт: 5:3. Наши хоккеисты обнимались и плакали. Канадцы тоже плакали, кто — сидя, а кто — лёжа на льду, словно на пепелище своей родины. Их голкипер, высвободив из шлема маленькую мокрую голову, торчавшую из его сложной громоздкой амуниции подобно булавочной головке, катался туда-сюда по тесной вратарской зоне, как зверь, томящийся в клетке. Лица канадских болельщиков — взрослых и детей, мужчин и женщин, — были покрыты одинаковыми масками ужаса. Дополнительное уродство этим маскам придавала особая складка безумной надежды на то, что свершившееся — всего лишь страшный сон.

Мужчине показалось, что эти люди сломлены навеки, что их теперь можно смело выкинуть на свалку, как вещи, не подлежащие ремонту.

Охрипший комментатор, через слово срываясь на фальцет, убеждал отечественных телезрителей, к которым уже не обращался иначе, как “ребята” и “мои хорошие”, что ради таких матчей стоит не то что смотреть хоккей — стоит жить. Прослезившись под российский гимн, он закончил репортаж почти истеричным дифирамбом силе русского духа и призыванием помощи Божьей на всю нашу многострадальную родину, “которую — ей-богу! — рано ещё хоронить”.

Мужчина выключил телевизор. Снова в комнате воцарились тишина и темнота.

Он сидел с минуту неподвижно, слушая, как утихает треск на поверхности экрана, а потом встал и вышел в коридор.

На душе у него стало неожиданно спокойно. Это спокойствие было вызвано не столько победой русских хоккеистов, сколько тем неожиданным равнодушием, с которым он о ней узнал. Если бы сейчас в его распоряжении была кнопка, с нажатием на которую на растерзанные сердца канадцев пролились бы мир и покой, он бы, наверное, нажал на эту кнопку. Отчего бы и не нажать?

Он решил пройтись по квартире. Отправиться в ней можно было либо на кухню, либо в детскую, а больше особенно некуда. Он решил сначала сходить к детям.

Его одиннадцатилетняя дочь и семилетний сын спали на двухъярусной кровати. Мужчина приблизился к ним и долго всматривался в их неподвижные лица, то присаживаясь на корточки, чтобы видеть сына, то вставая, чтобы видеть дочь. Он пытался, но никак не мог уложить в голове самую очевидную истину: эти отдельные маленькие люди — его дети.

Потом он подошёл к окну и с высоты пятого этажа так же долго смотрел на безлюдный двор, уставленный машинами. В доме напротив гасли последние окна: став свидетелями хоккейной драмы со счастливым концом, мужчины спокойно отходили ко сну.

Он поднял глаза на беззвёздное небо и вдруг ощутил свою жизнь очень странной. Такое бывало и раньше, но, пожалуй, с такой силой он не ощущал этого никогда. Как будто за миллиарды веков, предшествовавших его рождению, он успел так сильно привыкнуть к постоянно небытию, что, неожиданно появившись на земле и прожив на ней жалкие три с половиной десятка лет, всё ещё не мог смириться с тем, что люди и птицы, растения и звёзды, машины и дома — это нормально, это так и должно быть.

Он ещё долго не ложился спать: выходил курить на площадку, пару раз прикладываясь на кухне к коньяку, снова и снова бродил по комнатам и склонялся, как призрак, над лицами домашних.

Бессонница посетила его впервые в жизни. Отныне она стала посещать его часто...

Где-то через месяц после этой ночи жена начала замечать в муже перемены.

Из дома исчезло спиртное, он выходил курить гораздо реже, а вскоре и перестал совсем.

Изменилось его отношение к телевизору: теперь, сидя в кресле напротив экрана, он, казалось, не *смотрел телевизор*, а смотрел *на* телевизор.

Он перестал повышать голос на детей; он не делал этого, даже когда они по-настоящему этого заслуживали.

Он стал намного меньше есть, отчего сильно похудел и помолодел лицом.

На просьбы жены он теперь реагировал спокойно, дружелюбно и старался выполнять просимое как можно скорее и лучше. На её вопросы он отвечал кратко и вдумчиво; сам же разговоров практически не заводил.

Но самой странной из его перемен была следующая: он стал приносить с улицы разные мелкие предметы. Это были перья птиц, крылья бабочек, плоды каштана, кусочки древесной коры, отслужившие детали неизвестных механизмов. Для этих предметов он завёл специальный ящик, который держал

в кладовке. Когда дети спрашивали его, зачем он принёс домой тот или иной предмет, он вместо ответа приближал этот предмет к их лицам, медленно поворачивал его разными сторонами и просто называл его:

— Камешек... Дощечка... Стёклышко...

Детей такие ответы, видимо, вполне удовлетворяли. Нельзя сказать, что они удовлетворяли и жену. Ей не терпелось понять, зачем ему эти предметы и вообще — что с ним происходит. Она давно прибегла бы к прямым вопросам, но что-то подсказывало ей, что этого лучше не делать. Она надеялась, что муж объяснит всё сам, однако проходили дни и недели, а он продолжал молчать. Нередко она улавливала едва заметное выражение нежной благодарности в его глазах и понимала: он благодарит её именно за то, что она ни о чём его не спрашивает.

Детям новый отец во всех отношениях нравился. Они с нетерпением ждали его с работы, гадая, какой предмет он принесёт домой на этот раз. Чем бы они ни предлагали ему заняться, он моментально вставал с кресла и шёл в их комнату. Он строил с ними шалаши из простыней, учил их настольным играм, читал им приключенческие книги, разыгрывал с ними сказки с участием игрушек. Дети стали чаще садиться к нему на колени, целовать его, гладить и говорить ему о том, как они его любят. Принимая их ласки, он иногда обращал взгляд на жену, и в его глазах светилась та же загадочная благодарность.

Однажды, где-то два месяца спустя после матча Россия-Канада, он затеял уборку в кладовке. Старьё выкинул, нужные вещи убрал на антресоль. В опустевшем пространстве он установил маленький стол и табурет. На стол поставил три вещи: ящик с таинственными предметами, которых накопилось уже множество, лампу и свой старый плёночный фотоаппарат.

Кладовка находилась рядом с кухней и, готовя ужин, жена хорошо слышала разговор мужа с детьми.

— Ты будешь тут чем-то заниматься? — спросила дочь.

— Не обязательно я. Вы тоже можете. Смотрите, как тут стало хорошо.

— А ты что будешь тут делать? — спросил сын.

— Точно не знаю. Может быть, приду сюда ночью, высыплю эти штуки на стол и буду их рассматривать.

— И фотографировать? — поинтересовались дети.

— Может быть.

— А почему ночью?

— Потому что ночью тихо, ночью все спят.

— А ты? Не спишь?

— Иногда сплю, а иногда нет.

— Почему?

— Так получается. Я уже взрослый. У взрослых людей иногда бывает бессонница. Вы вот не знаете, а я сегодня ночью к вам заходил в комнату. Даже поцеловал вас. Ты, — сказал он дочери, — даже не пошевелилась, а ты, — обратился он к сыну, — сморщился вот так, чмокнул два раза губами и на другой бок перевернулся. Видимо, ты был очень недоволен, что я тебя потревожил.

Дети посмеялись.

Жена подошла к кладовке, держа в руке ножик, пахнущий луком.

— У тебя что, действительно бессонница? — спросила она как можно более буднично.

— Да что-то да, — ответил мужчина, идеально переняв её интонацию. — Уже, видимо, возраст: старею. Мама рассказывала, что у отца...

Тут он пресёкся, догадавшись, что сравнение с отцом обязательно прибавит жене тревоги, но фразу нужно было заканчивать.

— ...что у отца это началось где-то в таком же возрасте.

— А можно мы к тебе тоже ночью придём? — спросил сын и, возобновив прерванный разговор с отцом, вынудил мать вернуться на кухню ни с чем.

— Думаю, что это ни к чему, — слышала она, продолжая резать лук. — Дети ночью должны спать. У вас же нет бессонницы?

— Есть! — поспешили соврать дети и снова засмеялись.

— Неправда. Вы спите крепко, как медведи зимой. Поэтому всё, что вам нужно, я вам и днём покажу.

Поздним вечером, когда жена передевалась в ночную сорочку, ей показалось, будто мужчина лобуется ею.

— Ты чего? — подошла она к нему с улыбкой. Он сидел в кресле.

— Помнишь, — сказал он, — мы как-то говорили о машине? Я тогда как-то отнекивался. А теперь я подумал и решил, что ты права: надо мне получить права, а потом купить машину, хотя бы старенькую, подержанную. Будем вместе куда-нибудь ездить, путешествовать...

Жена прижала его голову к своему животу и не отпускала довольно долго, словно надеясь прочитать животом те мысли, что хранились в этой голове.

Ночью, когда в доме снова стало темно и тихо, жена пододвинулась к мужчине и обняла его. Проводя рукой по его шее, она случайно нащупала довольно крупное уплотнение, находившееся у него под кожей. Привыкнув за эти два месяца не говорить с ним ни о чём из того нового, что она в нём находила, она сначала решила промолчать и об этом уплотнении. Но потом она подумала, что уплотнение — это другое, и поэтому спросила:

— Что это у тебя? Вот тут.

Мужчина потрогал сам.

— Не знаю. Не замечал раньше.

— Не болит?

— Совершенно. У папы... — он снова пресёкся, но опять вынужден был договаривать, — ...похожие штуки были, в нескольких местах.

— Такие же большие?

— Да вроде да. Но он же не от этого...

— И ты, конечно, никуда не пойдёшь эту штуку проверять...

— Почему? Можно и проверить.

— Проверь, ладно? Обязательно...

Жена вдруг тихо заплакала и сжала его крепко, как только могла.

— Ты такой у меня хороший...

Мужчина стал гладить жену по спине, и вскоре она уснула, а уснув, выпустила его из своих объятий и отвернулась.

Ей приснился печальный сон. Всей семьёй, счастливые, они едут на машине по удивительно красивой местности: море, горы, сосны. Он сидит за рулём и о чём-то оживлённо рассказывает ей, а уплотнение на его шее между тем стремительно растёт. Наконец, когда оно достигает размеров футбольного мяча, она не выдерживает и прокалывает это уплотнение неизвестно откуда появившейся в её руке иглой. Она сразу видит совершенно здоровую, гладкую шею, и готова вздохнуть с облегчением. Но тут происходит неожиданное: муж останавливает машину, выходит на улицу и грустно, хоть и без малейшей обиды, куда-то удаляется. Она понимает, что он уходит навсегда...

Она проснулась в слезах и не обнаружила мужчину рядом. Она перекрестилась (что делала чрезвычайно редко), тихо поднялась с дивана, вышла в коридор и увидела слабую полоску света под дверью кладовки.

Подойдя к двери вплотную, она стала жадно вслушиваться в едва различимые шорохи, стараясь по звукам понять то, чего не могли, не смели увидеть её глаза.

Тут что-то отвлекло её, она посмотрела на кухонное окно, за которым светлела летняя ночь, и внезапно ощутила счастье, похожее на то, что испытывала, когда в её животе зашевелился первый ребёнок. Она не знала тогда, кто это будет — мальчик, девочка, — но это не мешало ей нежно поглаживать свой живот — закупоренный домик, в котором так хорошо было маленькому любимому человеку.

Она медленно прошла в детскую, поглядела на детей, поцеловала их, а потом долго стояла у окна.

СВЯТОЙ ДЕНЬ

Было утро третьего мая. Мне было семнадцать лет.

Я шёл через поле по сухой грунтовой дороге и с удовольствием ощущал её твёрдую, чуть прохладную поверхность под тонкими подошвами полукед. Было пасмурно, тепло и очень тихо. Птицы пели в ельнике немного по-кладбищенски, по-апрельски, как будто где-то ещё лежал снег. Но снега не было нигде. Из ельника пахло тёплым песком и муравьиной кислотой.

Минут десять назад я вылез из палатки и увидел двух своих товарищей, которые сидели у костра. Они рассказали мне, что не спали всю ночь. Теперь они готовили кашу для всей команды и смеялись над всем подряд. Я попрощался с ними, прохрустел сосновыми иголками по странной тёмной земле, вышел из-под холодного крова корабельной роши на открытый утренний свет и зашагал по полю.

В лагере осталось без меня одиннадцать человек. Почти все они были моими ровесниками. Наш водный поход начался позавчера утром и должен был продлиться до завтрашнего вечера, но мне пришлось сойти с маршрута раньше: отцу сегодня исполнялось 50, я не мог пропустить его юбилей.

Я мысленно оглядывался на два дня, прожитых мной в походе. Они казались долгими, как две недели или даже два месяца, потому что за это время я успел влюбиться, побороться за взаимность и потерпеть поражение.

Вчера вечером вместо меня был выбран другой.

Я против желания воображал, как в эту минуту они лежат, обнявшись, в его палатке; их губы очень близко и иногда соединяются в сонном поцелуе. В этой картине было что-то непоправимо жуткое — как ясное утро перед казнью, как известие о неизлечимой болезни. Мне хотелось куда-то проснуться от этого, но я знал, что просыпаться некуда, что всё случившееся — правда.

Желая спасти свой мир, я пытался убедить себя в том, что она слишком приземлённая и на самом деле не такая уж красивая девушка, но, подыскивая этому доказательства, я вынужден был припоминать её речь, лицо, походку, а это, в свою очередь, причиняло мне новую боль.

Она собиралась поступать в какой-то престижный технический вуз и, как мне показалось, намеренно держалась в образе непроходимого технаря, глухого ко всему, кроме фактов. Она не допускала в своей речи ничего романтического, восторженного. Если ей рассказывали о чём-то прекрасном, она либо пожимала плечами, как пожимает ими глухой, когда к нему обращается на улице незнакомец, либо изрекала что-нибудь приземляюще проничное. Когда разговор однажды коснулся смерти, она заявила, что перспектива небытия ничем не пугает её.

Может быть, этот не в меру засушенный, едва ли не базаровский образ, — наряду, разумеется, с её приятной внешностью, — и покорила меня прежде всего. Мне вдруг остро захотелось увидеть её другой: доверчивой, нежной, податливой, немного робкой, — одним словом, женственной. Добиться же этого можно было лишь одним путём: завоевав её.

На тот момент я ещё не знал большей близости с женщиной, чем близость короткого поцелуя, поэтому мои ухаживания за девушкой носили наивный, почти школьный характер: я всего лишь пытался как можно сильнее рассмешить её. Каждый раз, когда мне это удавалось, я считал, что на шаг приблизился к цели.

Тот *другой*, которого она в итоге мне предпочла, был, я думаю, более опытен и подошёл к ней с другой стороны. В самом начале вечера, когда мы только начали ставить палатки, он предложил ей *тест на доверие* — так он это назвал. Она должна была повернуться к нему спиной и начать падать назад; он должен был её поймать. После того, как они проделали это в первый раз, он сказал:

— Неудача. Ты согнула колени и выставила руку.

— Это рефлекторно, — сказала она.

— Нет, — сказал он. — Ты должна падать прямо, будто кол проглотила. Ты должна ни о чём не думать и довериться мне.

— С какой это стати? — шутливо возмутилась она.

— Давай ещё раз, — сказал он строго вместо ответа.

Все отвлеклись от своих палаток и внимательно смотрели на этих двоих.

Они проделали свой номер ещё раз. Она начала падать прямо, как он просил, но в последнее мгновение опять невольно сгруппировалась. Видимо, она рассчитывала, что он поймает её почти сразу; он же, чтобы усложнить задачу, решил поймать её у самой земли. Впрочем, он всё равно поймал её за подмышки. Все увидели, что его пальцы коснулись её груди, но это прикосновение не выглядело как нечто интимное; казалось, оно не выходит за рамки теста на доверие.

Вставая с земли, девушка посмотрела на него, ища одобрения. Наверное, в этот момент между ними и пронеслась какая-то электрическая искра. Я, конечно, отказался это заметить, и теперь, шагая по полю, больше всего жалел себя именно в эту минуту, — когда я всё ещё верил в силу своих детских ухаживаний, а исход на самом деле уже был предreshён.

— Опять недоверие, в самом конце, — сказал он спокойно. — Давай ещё разок, последний.

В третий раз она всё сделала правильно. Он легко поднял её, повернул к себе и отпустил не сразу.

А тремя часами позже, когда все сидели у костра, он просто взял её за руку и повёл в поле, в темноту. И она пошла за ним. Я видел, как они уходят, я проводил их взглядом.

Помню, сквозь ужас происшедшего я всё же сумел порадоваться тому, что этот день подходит к концу, а завтра я уезжаю и мне, стало быть, не грозит увидеть её такой, какой я мечтал её увидеть, — доверчивой, податливой, нежной — к другому. Мне казалось, я бы этого не вынес.

Я попросил одного из товарищей налить мне побольше водки, вышил, взял гитару и стал выкрикивать в ночь одну за одной печальные красивые песни. Полчаса спустя я заметил сквозь слёзы, как он и она вернулись к костру. Он обнимал её за плечо, она его за талию. Я не посмел взглянуть в их сторону. Несколько минут они слушали, как я пою (он даже подпевал, и, надо сказать, очень фальшиво), а потом скрылись в его палатке.

Я напился до рвоты, до полной потери равновесия, потому что знал, что иначе мне не уснуть. Последнее, что я помню из того вечера: друзья тащат меня куда-то, а я выкрикиваю её имя и почти верю, что меня тащат к ней, а того, другого, просто не существует и не существовало никогда, он только показался, почудился, а она лежит в палатке и ждёт меня...

Я застыл посреди дороги, чтобы сделать глубокий вдох, вникнуть в окружающий мир и получить от него утешение, но вместо этого проникся страшной догадкой: мир равнодушен к побеждённым. Это великолепное утро опустилось на землю для них, влюблённых, меня же оно ласкает лишь по остаточному принципу; так некая часть влаги, предназначенной садовником для прекрасных цветов, достаётся укрывшимся в их тени сорнякам.

Я продолжил путь. В потоке моих переживаний, довольно пёстрых, но одинаково безнадежных, я иногда отчётливо улавливал линию совсем другого, странного и ничем не оправданного чувства: что всё происходящее — в целом — прекрасно. Как будто мой собственный постаревший голос обращался ко мне из далёкого будущего: “Страдай, парень! Ревнуй, рыдай, рви на себе волосы, дубась кулаками себя по лицу! Пускай твоё сердце работает на полную катушку, пока оно это умеет”...

Дорога пошла немного вверх и вскоре вывела меня в посёлок, названия которого я так и не узнал.

Аккуратность этого посёлка была невероятной, почти сказочной: идеально выметенные улицы, ровно стоящие и, кажется, совсем недавно окрашенные деревянные домики с яркими наличниками самой изобретательной резьбы; вместо глухих заборов — похожая на весеннюю дымку сетка “рабица”; на участках ёлочки и уже распустившиеся цветы; в воздухе — едва уловимый аромат берёзового дыма. За домиками — сосновый лес. Сосны невысокие и толстые, причудливо изогнутые, с очень светлыми стволами и очень тёмной хвоей; там, на нашей стоянке, были совсем другие. Напротив домиков

стоит особняком церковь Петровской архитектуры, со шпилем. Храм изумрудный с белым, ухоженный, с мозаикой, двор вымощен природным камнем.

На меня упали маленькие капли, я услышал дождевой шорох и запах асфальта. Дождик быстро закончился. Можно сказать, его и не было.

В сосновом лесу дважды свистнула птица. Звук получился чистый, как струйка ключевой воды; ничто не мешало ему наполнить собой тишину.

Я подошёл к автобусной остановке. На ней стоял один-единственный человек — маленькая женщина лет шестидесяти. Она была одета в стильную курточку из мешковины с разнообразными кармашками, верёвочками, нашивками, и её младенчески крошечная, обёрнутая платком голова еле выглядывала из капюшона этой курточки. От женщины пахло мылом, простой чистотой.

Вскоре на остановку взошла другая женщина — лет сорока пяти, пахнущая духами и одетая довольно элегантно: на ней была короткая кожаная куртка коричневого цвета, которая очень приятно поскрипывала от каждого движения женщины, и длинная чёрная юбка. На руках у неё свободно болтались тонкие блестящие браслеты, не завязанный шёлковый платок лежал на волосах небрежно, как будто сам случайно упал на них. Я подумал, что в молодости эта женщина могла быть настоящей красавицей.

— Христос воскресе, радость моя! — сказала она старшей, взяла её голову в ладони и нежно, как ребёнка, расцеловала её в щёки, а потом крепко и надолго обняла.

— Воистину воскресе, — не шевелясь, отвечала та из глубины капюшона.

Элегантная женщина выпустила её из объятий, и подруги повели ласковый, неторопливый разговор. Я пытался понять, о чём они говорят, но у меня не получалось. Это был очень необычный разговор. Казалось, что звучание голосов играет в нём гораздо более важную роль, чем содержание фраз. По сути, это был тот же птичий щебет, который рождался не из мысли, не из желания что-нибудь выяснить, а из самой природы этого неповторимого утра.

Из этого щебета, а вовсе не из слов, я узнал, что маленькая женщина — человек огромной духовной силы. Один за одним на неё сыплются страшные удары судьбы, а она не жалуется, а, наоборот, благодарит Господа за всё.

Элегантная дама по натуре своей настолько иронична, что не в состоянии говорить о чём-либо без иронии вообще, но её преклонение перед старшей так велико, что иронически она отзывается не о ней самой, а лишь о тех кознях, которыми лукавый тщетно пытается сломить её мужество.

“Какие удивительные женщины”, — подумал я.

На остановке появился ещё один человек. Это был парень лет двадцати пяти, худой, в сером, многокарманном жилете, надетом на белую рубашку, в синих спортивных штанах с красными лампасами и больших белоснежных кроссовках. От него сильно пахло одеколоном и мятой жвачкой, мокрые волосы были аккуратно зачёсаны назад, а на гладком подбородке виднелись пятнышки свежих бритвенных порезов. Я сразу понял, что этот парень — пьяница.

— Честь имею, — сказал он женщинам, прошёл в будку и уселся на скамейке, закинув ногу на ногу.

— Христос воскресе, Славик! — обратилась к нему элегантная женщина, разумеется иронично, но я как будто увидел её слова начертанными в воздухе: увидел *Ха*, которая сливалась с сосновой хвоей, увидел тёплую звучащую *Вэ* и плотные сплетения *эр* и *эс*, знаменовавшие нечто острое, резко стреляющее в небо. Слова вписывались в воздух так хорошо, будто в нём всегда имелось заготовленное для них место.

— Воистину, — ответил Славик не сразу и закурил.

Элегантная женщина взглянула на соседку, но не нашла в её глазах иронической поддержки: из глазок сочился однообразный печальный свет.

— Такой красивый с утра, — многозначительно заметила элегантная женщина, снова посмотрев на Славика. Звуки этих слов прозвучали как эхо от “Христос Воскресе”; я даже не сразу понял, что она сказала что-то новое.

Славик не отвечал. Женщина коротко взглянула на меня, незнакомого ей человека, а потом сделала глубокий вдох и, подняв голову, сказала:

— Эх, красота вокруг какая. — Кажется, красота окружающего мира была ещё одним предметом, о котором она соглашалась отзываться без иронии. — Люблю такие дни. Солнышка нет, а тепло. И дождя, наверное, не будет. Что-то в этом есть такое особенное.

— Святой день, — сказал Славик из будки. — Вроде так в народе называется.

Он картавил.

— Святой день, — повторила элегантная женщина, зачарованно кивая. — Точно. Святой день...

Вдруг огромная радость охватила меня. Сейчас подойдёт автобус, я буду ехать в нём долго, видя всё новых интересных людей, слушая их разговоры, непременно тихие, потому что в святой день невозможно говорить громко. Я буду смотреть за окно и любоваться святым днём. Из этих знакомых мест я постепенно перемещусь в мой родной город, и он будет казаться мне уже немного другим. Потом я приду такой, как есть, не переодеваясь, не отмываясь от запаха костра, в ресторан, где уже начнётся празднование юбилея, и обниму отца, который будет в костюме. Никто не осудит меня, потому что все меня очень любят. А ещё я уже достаточно взрослый, чтобы выпить вместе со всеми водки или коньяка. С месяц назад родители разрешили мне и курить при них, не скрываясь: “Что с тобой поделаешь?” Я хорошенько выпью, поем праздничной вкусной еды. Меня попросят спеть — и я, конечно, спою. Я окунусь в человеческий праздник с его мимолётным светом и необъяснимым, где-то даже приятным предчувствием печали. На празднике обязательно будет отцовский студент, которого я очень люблю. Он старше меня лет на десять. Он большой оригинал, я невольно стараюсь быть на него похожим. При нём я курю уже лет с четырнадцати. Мы возьмём со стола какую-нибудь бутылку и выйдем на улицу. Мы найдём приятное место, присядем там, и я расскажу ему про то, что пережил в походе. Я очень доверяю ему. Он внимательно выслушает меня и скажет что-нибудь яркое, где-то, возможно, и жестокое, но не для того, чтобы поиздеваться надо мной, а только для того, чтобы избавить меня от ненужных переживаний. Он говорит, что видит во мне себя самого десятилетней давности. Он боится, что я по неосторожности скачусь в то же болото, в котором, как ему кажется, сидит он сам.

Подъехал автобус. Я радостно запрыгнул в него...

В тот день я впервые расстроил родителей своим пьянством: я не рассчитал своих сил и напился на юбилей вдрызг. Часов в девять вечера кто-то из друзей отца отвёз меня на машине в родительский дом и уложил спать.

На следующий день я проснулся в своей комнате от огненного солнца, которое пронзило мне веки и коснулось спрятанных за ними глаз. Я вышел на балкон, посмотрел с пятого этажа на раскалённую улицу, где тревожно шумела слепящая зелень, и почувствовал, что от этого солнца уже никуда не деться.

ДАРЬЯ ИЛЬГОВА

СМЕНИВ РЕШЁТКИ ГОРОДА НА СТЕПИ...

ПРИДАЧА

1

Чуть поскользнёшься, выйдя на Придаче.
След поезда уже в ночи простыл.
Подумаешь, что надо жить иначе —
Свободным и отчаянным, простым.

Под лай дворняг докуришь, осторожно
Пойдёшь вперёд, ругаясь так и сяк.
В ночи морозной, железнодорожной
Тебя проводит чёрный товарняк.

На станции, где даже нет вокзала, —
Дыра такая, Господи прости, —
Вновь сходятся и вновь берут начало
Надежды непутёвые пути.

ИЛЬГОВА Дарья Алексеевна родилась и выросла в Воронежской области. Выпускница Литературного института им. М. Горького (семинар Г. Н. Красникова). Автор книг "Снимки" и "Молчание". Стихотворения печатались в "Антологии русской поэзии 21 века", в журналах "Литературная учёба", "Дети Ра", "Плавающий мост", "Аргалак", "Артбухта", "Слово/Word" и др. В настоящее время живёт в Москве.

Под грохот проходящего состава
Пойдёшь вперёд, шальной, полуживой,
Рывками разгоняя боль в суставах,
Кивая непокрытой головой.

2

Благодаря свою свободу,
Стакан гранёный, чёрный хлеб,
Прожили мы четыре года
И проживём ещё шесть лет.

Как образцы правопорядка
В своей блистательной красе,
Живём без споров и недостатка,
Не сильно жалуясь, как все.

Не зная праздности и лени,
Грешим и каемся навзрыд.
А в мавзолее дремлет Ленин,
Гагарин по небу летит.

А мы живём без кривотолков,
Вдали от этих и от тех...
“У незнакомого посёлка,
На безымянной высоте”...

МАЙСКИЕ СТАНСЫ

Как мутной нахлебаешься воды —
Не хочешь, а приходится напиться, —
Такой войны, и смерти, и беды.
Ни журавля на небе, ни синицы.
Да, “жизнь прожить — не поле перейти”.
Научись молиться к тридцати.

Вот выдохнула, вот произнесла —
Словам, как птицам, не было числа.
А помнишь, майским вечером в испуге
Сквозь сладкий дым черёмухи в цвету,
Как мотыльки, врезались на лету
В фонарный столб, единственный в округе.

Года идут, черёмуха цветёт,
И тонет майский день в вечернем зное.
А счастье всё нас ищет и зовёт —
Простое, беззаветное, земное.
И фонари горят, как маяки.
И жадно рвутся к свету мотыльки.

* * *

Нам остаётся медленно стареть
И, потерявшись в городах и числах,
Устало лгать про то, что даже смерть
Не разлучит нас.

Или принять, как драгоценный дар,
Превратности судьбы и жить иначе —
На каждый неожиданный удар
Давая сдачи.

Не поддаваясь тлению — цвести,
Сменив решётки города на степи.
А то, что страшно вслух произнести,
Бумага стерпит.

Не помнить зла, не лгать, не сожалеть
О зимах ускользящих и вёснах.
И вера, что прекрасны жизнь и смерть,
Спасёт нас.

ЕЛЕНА ТУЛУШЕВА

ДОМОЙ

РАССКАЗЫ

Баден. Городок будто из сказки. Идеальнее не бывает. Разноцветные домики под черепичными крышами, вымощенные булыжником улочки, колокольчики на дверях. К обеду городок наполнится запахами жареных пшеницелей, официанты вынесут дымящиеся тарелки разомлевшим от весеннего солнца посетителям за уличными столиками, практиканты займут лавочки на бульваре, уплетая брецели. А на нижнем этаже кафе на центральной площади в полдень по понедельникам и средам компания ленивых старичков играет в преферанс — на деньги. Возле каждого выстраиваются аккуратные столбики монет по евроценту, азарт в таком деле важен! Их более активные сверстники малыми группами или поодиночке каждый день покоряют гористый парк: в полной экипировке, солнечных очках и со спортивными палочками. Воздух в парке волшебный, чистота природная, на каждом повороте развешены набитые цельными орехами сетки — кормушки для белок. Даже

ТУЛУШЕВА Елена Сергеевна родилась в 1986 году в Москве. Как прозаик дебютировала в 2014 году в журнале “Наши современники”. В 2015 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Автор книг рассказов “Чудес хочется!” (2016), “Виною выжившего” (2016) “Первенец” (2018) и около 100 публикаций в “Литературной газете”, журналах “Наши современники”, “Юность”, “Роман-газета”, “Москва” и др. ведущих российских изданиях, а также в русскоязычных журналах Германии, Канады, Беларуси, Казахстана, Украины и Эстонии. Рассказы Тулушевой переведены на арабский, венгерский, итальянский, китайский, болгарский, сербский. В 2018 году вышла книга рассказов Е. Тулушевой в переводе на белорусский. Лауреат V и VII Международных форумов славянских литератур “Золотой Витязь” (2014, 2016), премий “В поисках правды и справедливости” (2015, 2016), “Югра” (2017), “Прохоровское поле” (2017), российско-итальянской премии “Радуга” (2017) и др. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

в парке этого малюсенького городка всюду указатели, инструкции, телефоны экстренных вызовов. Туда не ходи, сюда ходи... Все должно быть по предписанию.

Все здесь ровно, размеренно. На работу опоздать сложно. То есть можно исхитриться — но это, считай, провалил дело. Отговорка “задержался автобус” будет звучать крайне странно. Автобус придет ровно в то время, которое указано на табло. Изо дня в день, месяц за месяцем, год за годом...

Запись в префектуру. Очередь, как обычно. Талончики. Вокруг одни арабы. Новые жители Европы. Тоже люди, понятное дело. Только что же они не моются? Весна на улице, а они так и сидят в дубленках. Окна закрыты наглухо, дышать нечем. Ничего, справимся. У нас уже иммунитет к вашей системе выработался за полтора года. Это ж подумать только: одиннадцатый месяц после свадьбы жили в разных странах! И какое вам было дело до дохода моего мужа и его жилищности? Спасибо, что озаботились, чтобы муж-европеец привез свою жену не в халупу, а в нормальное жилье, но мы могли бы уж как-нибудь сами разобраться! О, завелась опять. Спокойно, Даша. Дышим. Осталось всего два человека впереди.

Это уже третья попытка. Бог троицу любит. Только бы не развернули. Дедуля умирает, домой попасть надо. А чтобы назад пустили, этот штамп в паспорт получить необходимо. Новый паспорт “счастливой европейки” готовить еще год могут, а домой надо съездить сейчас. С первых двух раз мы друг друга не поняли. Действительно, куда я собралась, дед же не умер еще, значит не на похороны, не его донор (я бы с удовольствием, только нельзя поделиться молодостью) — значит не экстренная ситуация. И связь только через поколение, тут три фамилии разных, извольте доказать родство. Да и зачем мне туда в Россию, когда я замужем здесь, в прекрасной стране, и мне должны выдать паспорт через месяц-другой! Неужели дед подождать не может? Не говорите, удивительно эгоистичны эти старики...

Дедуля, ты продержись еще, родной, я обязательно приеду. Не уходи без меня, миленький. Ты же... ты же мне ближе всех, подожди чуть-чуть. Деда, как в детстве. Уткнуться в тебя и плакать-плакать о несправедливостях мира. А ты гладишь по голове, обнимаешь, что-то бормочешь шепотом. Ты как будто один по-настоящему понял про Йозефа. Хотя Наташка сказала, что ты, наверное, уже совсем не в себе был, раз одобрил мой брак с потомком фашистов. Дура она, даром что сестра родная. Ей хоть доказательства приведи, что он вообще из австрийских евреев, бабка в лагере едва выжила. Нет же, как заладит. Невыносима стала. А сколько раз в детстве ты нас разнимал, помнишь? Все говорил, самые близкие мы с ней, держаться друг за друга надо. Куда там, и десятой части, чем с тобой делилась, не расскажу ей. Не поймет...

Зазвонил телефон. На экране высветилось: Хайбс. Хозяин квартиры. Ох, не к добру. Пунктуальные педантичные австрийцы, они не будут названивать своим арендаторам, приезжать в сдаваемое жилье с проверками или тем более, как у нас любят, оставлять там свои вещи! Даже если оплата не поступила в срок, они напишут письмо... Раз звонит — значит что-то не так. Очередь двигается медленно...

— Добрый день, херр Хайбс!

Как всегда чрезмерно вежливый: как дела, как здоровье, как в квартире... Давай уже, рассказывай, с чем звонишь?

На том конце вежливая пауза:

— Фрау Шольманн, я несколько обеспокоен. Мне звонила фрау Рутберг...

О, можешь не продолжать! Началось. Старая дева, мерзотная баба! Значит, решила через тебя продавливать.

— Она все еще жалуется, что вы мешаете ей спать, стуча дверями и принимая душ после полуночи. У нее появились проблемы со сном, из-за чего утром она совершенно не может подняться на работу.

У нее не со сном проблемы, а с личной жизнью! Неудивительно: с таким характером и вечно поджатыми в злобной улыбке губами — кому нужна такая мегера.

— Я озвучил ей, что это, видимо, недоразумение, ведь мы с вами обсуждали эту ммм... проблему в прошлом и в позапрошлом месяце и, как мне казалось, смогли договориться о соблюдении тишины. Я абсолютно уверен, что вы не хотели причинять неудобство фрау Рутберг.

Неудобства? Да я б ее прибила, была б моя воля, отравила бы поганую тетку, вечно лезущую со своими "правилами нашего дома"!

— Но я вынужден вас настоятельно просить о соблюдении тишины после девяти часов вечера.

Да, пусть еще скажет, в какое время мне спать ложиться, и сколько раз за ночь можно сходить в туалет! Она, видите ли, слышит, как работает наш водопровод! Ей бы в разведчицы пойти! Небось, понимала б английский — и наши разговоры бы ее возмущали!

— В противном случае, фрау Рутберг готова обращаться в совет дома...

О, еще один волшебный бюрократический орган. И оттуда уже на мозг капали.

— Мне бы не хотелось, чтобы зашло так далеко, вы понимаете меня?

— Да, конечно, херр Хайбс, я вас поняла. У мужа была рабочая командировка, и я поздно встречала его в аэропорту. Мы всегда стараемся входить тихо. К сожалению, слышимость в доме очень хорошая.

— Да-да, вы говорили. Странно, раньше жильцы не жаловались... Понимаете ли, мы здесь привыкли очень рано ложиться и рано вставать.

Опять это намек — "мы здесь", а я, конечно, "не здесь"...

— Вы очень приятная пара... И мне бы не хотелось, чтобы совет дома вынудил меня расторгнуть с вами контракт.

Что?! Из-за этой старой мегеры расторгнуть контракт?

— Ведь соблюдение правил тишины является обязательным пунктом договора...

— Конечно, херр Хайбс, я поняла вас. Мне очень жаль, что мы доставили неудобства фрау Рутберг. Йозеф поговорит с ней, и мы обязательно придем к согласию.

— О да, это было бы замечательно. Хорошего дня, фрау Шольманн!

Да, чувствую, просто шикарный у меня день будет...

— Спасибо, херр Хайбс! И вам приятного дня!

Даша, хоть и по-русски, но все же шепотом выругалась в экран телефона, представляя физиономию противной соседки. Даше, похоже, единственной было понятно, что причина не в шуме: до ее переезда соседка очень тепло, даже, пожалуй, слишком тепло, относилась к Йозефу, несмотря на его регулярные попойки с друзьями. Набилась ему в "мамочки", старая дева. А тут приехала даже не девушка — жена, да еще и русская! Хоть и фонтанируют нынче европейцы толерантностью, но фрау Рутберг не успела замаскировать свое возмущение и даже, пожалуй, брезгливость за поджатой улыбкой. Правда иногда... иногда Даше начинало казаться, что она сама так и не смогла ощутить себя здесь своей. Как будто это ей не хватало пресловутой толерантности ко всему, что окружало...

Днём мысли о чужом и чуждом она разгоняла имитацией активной деятельности. Особенно в начале своей жизни в Бадене: то передвинет мебель, то купит новую скатерть, то развесит журавликов из бумаги. На Новый год нарисовала елку прямо на стене. (Йозеф улыбнулся, конечно, но все же уточнил, смывается ли краска, а то ж контракт аренды...) Иногда ходила на целый день в термы, особенно первые недели — какое блаженство, за такие копейки недельный абонемент, как один московский поход в кино! Каскады бассейнов с каналом на улицу. Вот она — Европа! Вечерние огни, сверху осенний туман, над водой стелется пар. А ты лежишь в теплом джакузи, медитируя под шуршание фонтанов.

Часто выбиралась в Вену, благо трамвай (так похожий на наш, московский, жаль только, совсем не гремящий) соединял их малюсенький городок со столицей всего за сорок минут. Шумная центральная улица, толпы туристов, сверкающие витрины сувенирных лавок, каток на главной площади... Постепенно и это начало приедаться. Тогда она стала ездить на окраину Вены в огромные торговые центры, пустовавшие днем. Ходила и представляла,

какую бы музыку она запускала в каждом магазинчике, будь она директором. Вот домашний текстиль, вам подойдет Шостакович, надо поднимать эмоциональный настрой пенсионерок. А вот книжный, здесь что-то современное, но совсем приглушенное, почти невнятное, можно из ее юности, Моби. Книголюбам нужно аудиопростанство для своих мыслей, не давите на творческих людей...

Глупо, конечно, по московским меркам это попросту сливание времени, а что прикажете делать, пока паспорт не дали, официально работать она не может. А неофициально попробовала было, на объявление в интернете тут же откликнулись русские мамочки, желающие нанять выпускницу консерватории своим чадам в училки. Она с такой радостью показала их письма Йозефу, но он очень твердо попросил не рисковать: “Что скажут люди, если узнают? Фрау Шольманн работает по-черному!” И все равно ему, что вся русская диаспора только на том и держится здесь, что нанимает друг друга по-черному. Откуда ему знать про русскую диаспору! И вообще — она собиралась интегрироваться, а не держаться привычек низкоквалифицированных иммигрантов. Вот и пришлось затыкать растущую дыру хоть чем-то.

Ночью, когда Йозеф тихо спал рядом, а она все ворочалась, особенно остро накаtywало это детское ощущение потерянности, как будто тебя привели в новый класс, новую школу, и все такие злобные, или в лучшем случае тебя просто игнорируют... И придется самой разбираться в их правилах и обычаях, в их дружеских коалициях, в учителях. И как же не хочется, как боязно это, а поддержаться, спрятаться не за кого. Мама работает сутками, а дедуля привел и ушел домой, заберет только после обеда... А теперь и после обеда никто не заберет. Она здесь насовсем. Одна.

На табло регистратуры загорелся Дашин номер. Надо идти. Она рассеянно прижала к груди папку с документами и поплелась к своему окошку. Ничего приятного сегодня, похоже, не предвидится.

Даша не шла, а как будто летела из здания префектуры, боясь признаться себе в радости. Ей казалось, она ехала не прощаться, а просто увидиться с дедулей, домой ехала. Не была там уже полгода, а теперь вот повод... горький. Но домой!

Йозеф воспринял ее радость сдержанно. Удивился, зачем лететь на неделю, если только попрощаться: “Не будешь же ты там сидеть и ждать, когда он умрет, это как-то нехорошо”. И непонятно было это его “нехорошо” — про что именно оно. Эх, не важно. Она получила нужную печать. Уже стоя на ступенях, полчаса потратила, чтобы купить через сайт билеты, хотя удобнее было бы за компьютером, чем ковыряться с телефоном, тем более что домой идти пятнадцать минут, не больше. Но все хотелось сделать скорее, как будто кто-то мог еще помешать. Она по инерции зашла в аптеку, шагнула к знакомой полке, потянулась было... Внутри гулко отозвалось: “Теперь уже не надо...”

Каждую свою поездку она привозила деду новейшие ноотропы, чтобы хоть как-то поддерживать кровоснабжение мозга. Каких трудов стоило выбить разрешение на покупку (здесь без рецепта сможешь добыть разве что леденцы от кашля да аспирин). Сначала рецепты из Москвы, потом нотариальные переводы, подтверждения в австрийской клинике, выписки, страховки, вся эта бесконечная бумажная волокита... Но оно того стоило! Дед после каждого курса преображался, молодел лет на десять, с удовольствием читал, делился своими наблюдениями, меньше повторял древние истории, снова подсмеивался над собой.

Знакомый фармацевт поприветствовал Дашу. Она машинально кивнула в ответ, зачем-то невнятно пробурчала, что забыла рецепт, и торопливо вышла.

* * *

Дед лежал на любимом своем, давно продавленном диване. Не дал выбросить его еще лет восемь назад: “Все равно скоро помирать, уж не заставляйте старика привыкать заново”. В комнате пахло ускользающей жизнью.

Так пахнет утром в сентябре уходящим летом. Или еще ярче в марте: до весны с ее поющими птицами, каплями и гормонами еще недели две, а зима печально уходит, и мир будто брошен, остается между двумя временами года. И люди, потерянные, озадаченно высматривают в окнах вестники нового сезона. И вроде надоел старый, но и подвисать вот так “где-то между” не хочется. И все какие-то недоспавшие, неуверенные, ждут сигнала свыше, когда природа снова о них вспомнит.

Дедуля... Кто же теперь придет на смену. Кто будет... даже не то что рядом, нет. Давно уже не плакала тебе в жилетку, давно не набирала твой номер дрожащими от обиды пальцами, не слышала с первых всхлипов: “Ду-дочка моя, кто обидел?” Давно уже веду с тобой диалог в душе, а не по телефону. Тот, мудрый, рассудительный, последние годы все таял потихоньку, растворялся, но в душе у меня оставался дедулей, который и во дворе защитит, и про папу вздохнет вместе, и слова найдет нужные. Достаточно было просто знать, что ты есть, существуешь, а общаться можно и в мыслях. Но при этом ты все равно был, жил, пусть и все меньше осознавая реальность. А теперь... теперь ты уходишь и физически. И уже себя не обманешь, тебя совсем не станет...

— Дедуль, привет! — Даша не знала, что говорить дальше. Просто присела рядом и погладила деда по холодной, сморщившейся руке. Что не скажешь — все слишком глупо в такой момент.

— А... ну та... — прошелестел дед и как будто улыбнулся, — ну та...

— Дедуля, узнаёшь? — Даше стало тепло, дед, давно уже ввавший в забвенье, смотрел на нее и как будто вспоминал. Сейчас ей хотелось, чтобы он сказал как можно больше, чтобы слова эти унести, увезти с собой, уложить в душе, перебирать с трепетом, возвращаться к ним с нежностью, когда тяжело. Хотя бы от деда получить этот “клад”, ведь с папой попрощаться не удалось.

Папа умер в доме чужой женщины, и другая маленькая девочка держала его за руку и слушала его последние слова. Даша все это узнала лишь годы спустя. Так и не простила — сама не знала, кого больше: папу, который бросил дважды, сначала уйдя из семьи, а потом уйдя из жизни. Или маму, которая знала, где умирал отец, ездила к нему, а дочерей не взяла, не дала попрощаться, думала, скроет от них другую его жизнь.

Может, и права была мама. Ни Даша, ни Наташа не испытали бы в тот момент радости от того, что у отца была еще одна дочь, о которой он молчал. Впрочем, после смерти отца об этом также не говорили. Правда выяснилась, но обсуждать ее или делать с ней что-то не хотелось. Слишком тяжело было в тот момент само осознание папиной смерти, чтобы еще переварить ревность и боль от предательства.

Даже родители отца тактично молчали, продолжая тепло общаться с внучками от законной жены, помогать и советом, и деньгами. Дед был готов выслушать, обнять, успокоить. Когда показывал свои ордена, всегда прибавлял: “Гордость, она ни к чему. Я их заслужил, я и распоряжаться ими могу. Заберете себе после моей смерти. Поровну разделите. Если так у вас в жизни сложится, что нужны будут деньги — вспомните о деде, продадите. Это и будет моя вам помощь отсюда. Это не стыдно, это мое вам завещание, чтобы знали, чувствовали защиту деда”.

Даша никогда не задумывалась, бывала ли и третья внучка в их доме, показывал ли дед ей свои награды. Той как будто не существовало в мире Даши. Она жестко пресекала попытки матери пожаловаться на несправедливость мира, на мужиков этих неверных. Особенно маму “накрывало” при обсуждении жилья. Нет-нет да и вернет, что, мол, как хорошо, что квартира была только на нее записана, а то пришлось бы не двум дочерям ее делить, а “сама знаешь с кем судиться”.

— А... ну та.

— Да, дедуль? Воды дать? — Даша погладила влажный лоб. Дед был такой маленький, едва ощутимый. Она поднесла стакан с трубочкой, аккуратно придерживая голову деда. Чтобы отогнать щемящее чувство потери, начала сбивчиво и быстро рассказывать какие-то эпизоды детства. Все путалось,

мешалось. Но ей хотелось говорить, говорить, не смолкая, только не было бы этой тишины и натянутых попыток деда что-то произнести.

— Анюта, — дед произнес это настолько четко, что Даша на мгновение растерялась, не поверив.

— Деда, это я — Даша! Даша, дедуль! Это я, твоя внучка, дудочка.

Дед чуть заметно улыбнулся.

— Дашенька хорошая, — едва слышно зашептал он. — Ты с ней подружилась? Анюта, папа хотел, чтобы ты с Дашенькой... подружилась.

Даша замерла, оглушенная. *Не узнал?! Не...*

Она улыбнулась дрожащими губами.

— Я люблю тебя, дедуля. Очень люблю.

Крепко сжала ледяную руку, поднялась и, отсчитывая глубокие вдохи, вышла из комнаты.

— Сейчас Наташа едет. Как он там? — бабушка, совсем измаявшаяся за последний год с лежачим дедом, суетливо бросалась от одного дела к другому. То посуду начнет перетирать, то белье стирать. Она говорила с Дашей, вглядываясь в щелку прикрытой двери. — Врач с утра сказал, что до вечера вряд ли дотянет. Говорит еще иль задремал? И сидеть-то тяжело рядом, да попрощаться боюсь не успеть.

— Да, бабуль. Пока говорит. Ты иди к нему.

Даша подошла к окну. Во дворе малыш бросал птицам кусочки хлеба, и как только они начинали есть, тут же с радостными криками пытался поймать единственного белого голубя. Голубь в страхе убежал, потом снова возвращался, пытаясь ухватить остатки крошек. А малыш все гонял его по площадке. Наконец встревоженная птица полетела вверх, чтобы усесться передохнуть на окне в доме напротив. Даша смотрела, как голубь, хлопая крыльями, быстро постукивал скользящими лапками, пробуя ухватиться за откос. Безуспешно. Коготкам не удавалось удержаться на металлической плоскости. Он порхнул вниз, но, едва заметив бегущего ребенка, снова замахал крыльями, и улетел уже совсем, так и не приткнувшись нигде...

Даша достала телефон. Нашла на сайте номер.

— Алло? Здравствуйте, подскажите, пожалуйста, можно поменять билет с четверга на сегодня, рейс Москва—Вена? Сколько доплатить?

Папа

— Так, смотри, доча. Это называется противопехотная мина! Щас мы ее будем о-без-вре-живать, — отец кричит и что-то отворачивает. Ей не видно. — Главное, тут быть предельно аккуратным, а то все нахрен поляжем! — он пьяно смеется.

Ксюша смотрит в экран. Она не помнит, когда видела его трезвым. Когда она его вообще последний раз видела... Варя всегда зовет ее, когда он звонит. Варя хочет быть хорошей дочерью. Может, ждет, что папа вернется. Ксюша уже не ждет.

Отец поворачивает камеру, у него в руках какая-то коробочка, как из-под печенья, только грязно-зелёного цвета. Ксюша не знает, как выглядит мина. Она не верит отцу. Он хочет покрасоваться, произвести впечатление на дочь. Когда-то такие попытки вызывали у неё раздражение и жалость. Теперь — только раздражение.

* * *

Дома невыносимо. Бабушкина однушка. Диван один на троих. Спят двойным вальсом: в середине мама, по бокам Ксюша с Варькой. На отдельные кровати места нет. Мама говорит, почитай Солженицына, поймешь, что люди в бараках и не так спали. Ксюша не знает, кто это. Она не хочет знать про бараки.

Бабка постоянно шмонает ее полку, ничего не спрячешь, не укроешь. Мама говорит, почитай Ремарка, поймешь, что беженцы и не так жили... Ксюша не знает, кто такой Ремарк. Она не хочет знать про беженцев. У нее есть дом. Он целый, он стоит там, где даже не стреляют. Она не просила забирать ее сюда.

Мама говорит, почитай Шаламова... почитай Газданова... почитай-почитай-почитай, поймешь-поймешь-поймешь.

Мама, ты слишком много читаешь, ты не живешь как будто. Почитай меня, мама. Поймешь, как тошно.

Мама с переездом стала разговаривать тихо и ходит она, будто пригибаясь всё время. Вместо школьных сочинений у неё школьные туалеты, коридоры, швабры, тряпки. Учителем никто не взял. Похоже, это её сломило, Ксюша не знает. Ей не хочется видеть такую маму. Маме и самой себя, наверное, видеть не хочется.

Папины родители тоже переехали сюда. Ютятся на окраине у родственников. Папа перевез их после того, как ночью к ним приходили... Дед иногда звонит маме или Ксюше: “Смотрели новости? Вон как мы их покروшили, скоро совсем разбегутся? Твари, в школу попали, там дети невинные, а этим плавать”. Ксюша сочувственно мычит. Если бы она была там, ей бы тоже, наверное, сочувствовали. А она здесь. В “лучшей жизни”. Здешним не сочувствуют. У них же все должно быть хорошо.

— Страшно было? — спрашивали ее одноклассники

Страшно? Если они про войну, то Ксюша не помнит: они уехали загодя, с первыми выстрелами. Страшно было еще за пару лет до того, как весь мир обернулся на их уголок земли. Это она помнит.

Крик. Топот в коридоре, звякнула щеколда. Ксюша высовывается из комнаты. Отец дубасит в дверь ванной, орет. Мама там, внутри. Варька выбегает заспанная, она всегда спит крепче Ксюши, бежит к отцу, плачет, тянет его. Он продолжает дергать дверь, та будто вот-вот оторвется, как в мультиках, и отпружинит вместе с отцом аж до самой комнаты. Варя обвивает отца руками, рыдает. Уходят на кухню. Он дергает ящики, звенят столовые приборы, что-то ищет. Потом снова кричит в сторону ванной. Уходит, хлопая дверью.

Ксюша с Варькой прилепились носами к окну. Темно, высматривают отчаянно. От дыхания окна запотевают, приходится тереть. Вон, вон внизу отделилась тень от подъезда! Идет. Зло идет, не оборачиваясь. Через дорогу гаражи. Ксюша слышит, как Варька начинает шептать: мо́лится, чтобы машина не завелась. Ксюша слезает с подоконника и оглядывает кухню. На стене вмятина: дверца шкафчика ударяется, ее ручка оставляет след — раз за разом, ссора за ссорой. На этот раз посуда на месте, отец только солонку смахнул и корзину с яблоками. Вместе с клеенчатой скатертью свалил. Ксюша поднимает клеенку, на ней виноградные листья и коричневая кладка кирпичной стены. У них такие же обои в коридоре. У половины ее подружек такие обои, тоже как будто клеенчатые. Маме легко их мыть, если отец чем-то швырнет. Мама оттирает их и приговаривает: “Хоть обои менять не нужно”.

Ксюша заглядывает под раковину: бутылок нет. Смотрит вокруг. Под столом одна валяется, прозрачная. Прозрачные самые плохие. После них всегда жди ссоры. Еще бывают коричневые и зеленые. Их обычно больше, но после них отец веселый, и мама тоже.

Ксюша идет к ванной, стучит тихонько: “Выходи, он ушел”. Мама включает воду, какое-то время еще сидит. Потом выходит. Запирает входную дверь на ключ и цепочку: “Идите спать”. Варька берет Ксюшу за руку и тянет в комнату. Они ложатся, но Ксюша еще долго слышит, как мама всхлипывает на кухне.

Наутро Ксюша идет в школу с красными опухшими глазами. Говорить о ссорах родителей нельзя, так Варька велела. Варька взрослая, она лучше знает, у нее даже сигареты в рюкзаке есть, ей подружка отдала на хранение. На вопросы учителей Ксюша врет: прищемила палец с утра или кошка убежала, не нашли.

Отец не всегда был таким. Ксюша помнит: он работает водителем в каком-то управлении. На праздники ему всегда выдают для детей подарки. Вечерами он укладывает Ксюшу с Варькой спать. Папа рассказывает про деда, про его ранения в Афгане. Сам папа мальчишкой гордился своим отцом, таскал в школу его медали. Ксюша не рассказывает про своего папу в школе. У него тоже есть медали из другого места с коротким, резким названием. Чечня. Ему до сих пор платят деньги за то, что он там воевал. Гордо говорит “пенсия”, но ведь он совсем не старый: Ксюша не хочет, чтобы в школе думали, что ее папа уже пенсионер, как дедушка.

Потом — скандал. Она помнит урывками. Отец подрался, сломал кому-то челюсть. С работы выгнали. На новую не берут. В городе всё про всех знают. Он перестал провожать их в школу, лежал допоздна. Да и после школы они теперь редко общались.

* * *

Толстая тетка-соцработник проводила ее в комнату. “Вот, располагайся, это твоя кровать”.

Первый раз в приюте. Мать решила ее проучить: раньше грозила, а на этот раз исполнила — сказала в ментовке, что забирать не будет, они и переслали Ксюшу через опеку в приют на перевоспитание. Мать, конечно, долго терпела, ее понять можно, приводов в детскую комнату уже никто не считал, опека вызванивала каждый месяц, мозг прокапывали, что “надо последствия дать”. Но все же Ксюша до последнего надеялась, прокатит. Обидно, что в этот раз ее забрали просто по дурости. Она даже не пила, просто подошла к парням сигаретку стрельнуть, заболталась, а тут эти нарисовались, с мигалками. И главное — весна на подходе, можно по свободным дачам мотаться, а ее вот закрыть хотят...

Ничего, с матерью разберемся потом. Пока тут осмотреться. В принципе с виду нормальное место. Типа летнего лагеря. У нее даже отдельная кровать. Ого, да тут на три койки в палате отдельный душ и туалет. И тумбочка у каждой своя. По ходу, лучше, чем у бабки.

В комнату влетела толстая девушка с рыжими длинными волосами. Лицо круглое, нос картошкой, вся в веснушках. Ксюхе сразу вспомнился мультик “Летучий корабль”. Такую девушку наряди в сарафан, и прям боярыня, или кто там была эта подбивала “по-любви-хочу”.

— Привет, ты че, новенькая? Как звать?

— Ксюха...

— Ты к нам откуда? Из дурки?

— Не...

— Жаль, а то думала, вдруг ты кого из наших видела, — рыжая окинула взглядом Ксюху, ее кровать, заглянула ей за спину. — А вещи твои где?

— Нету, меня из ментовки сразу сюда.

— Че, и телефона нет? — рыжая недоверчиво прищурилась.

— Не, потеряла на днях.

— Ой, трынди больше! Загнала небось. Без телефона здесь никуда! Но я тебе подскажу, как добыть! — рыжая хитро улыбалась. Ее огромные навывающие глаза превратились в две щелочки. — Я тут всё знаю. Это тебе не дурка, это приют. Здесь все можно, только уметь надо. На, глянь! — рыжая не без усилий выудила из кармана обтягивающих джинсов айфон. Ксюха не знала, какой он модели, она таких и в руках не держала. Но точно знала — айфон.

— Крутяк? А, забыла сказать, я — Ирка! — Ирка протянула телефон Ксюхе, сияя от гордости. — Кучу бабла стоит!

— Да я представляю. Богатая ты...

— Не, я просто красивая. Мне Арик подарил. — Рыжая стянула резинку и начала наскоро заплетать волосы в косу. Косища выходила огромная.

Ксюха, пожалуй, в тот момент завидовала больше Иркиным волосам, чем айфону. У самой на голове росла сухая пакля, сто раз перекрашенная, оттого торчащая в разные стороны. Про “красивая” Ирка, конечно, загнула — за жиром не поймешь, а вот волосы... Волосы и здоровенные сиськи... — Ксюха вздохнула. Ни того, ни другого у нее не имелось.

— Так что держись меня, я тебя с нужными ребятами познакомлю, тебе тоже чё-нить перепадет.

— Это здесь, в приюте?

— Ага! Шаз. В приюте одни мелкие. Нашего возраста. Откуда у них айфон. Это там, снаружи! — Ксюха подмигнула. — Арик — мой парень. Он строитель, в общежитии живет. А айфон где-то отжал и мне подарил! — Ирка выхватила мобильник и начала в него тыкать. — На, глянь, это Арик.

— Так он взрослый... — на заставке какой-то усатый мужик по-хозяйски притягивал Ирку за шею.

— Канеш, взрослый! Шутит иногда, мол впаяют ему за меня — “сворачивание малолетки”! — Ирка громко, по-лошадиному, рассмеялась. — Зато мужик нормальный, а не эти, хлопвики местные. Сейчас в приюте из парней только Димка да Леха нормальные. Но Димка — мой, токо подойди, я те так вставлю! — Ирка сложила свои пухлые пальцы в кулак, по ее лицу было непонятно, шутит она или, правда, двинет для убедительности. Кулак выглядел основательным, костяшки в мелких шрамах, видать боевая.

— Да у меня есть там парень, снаружи, — Ксюха прикинула, как бы Мишка отреагировал на статус ее парня... — А у тебя ж вроде Арик?

Рыжая опять растянула улыбку:

— Ну, Арик — это снаружи, а здесь Димон. Тупо так называть, скажи? А этот придурок говорит, зовите меня “Димон”. Я ж сказала, в приюте все парни того, долбанутые. — Ирка картинно постучала себе по голове. — Ну пошли, короче. Че стоишь?

* * *

— Сейчас Клоун съест Бога...

— Что?

— Да вон, смотри. За пальцем моим следи. Видишь вот эту тучу? — Пальцы у Мишки длинные и обветренные. — Вот это нос, ниже улыбка такая кривая, как в ужастиках, а вон — как колпак, видишь?

— Вроде того. А че глаз нет?

— Злу не нужны глаза, оно и так всех нас найдет... — Мишка сказал это с интонацией старой гнусавой озвучки фильмов.

— А где Бог?

— Вон справа медленно подплывает. Видишь: длинные волосы и рука одна вперед тянется: “Покайся, грешник!”...

Они лежали на остывающей сентябрьской земле, иссыхающие травинки кололи через подстеленную толстовку. Толстовка Варькина. Опять будет пилить, если увидит испачканную. Проще выкинуть, сказать, что на вписке увели. Вот так лежать с Мишкой приятно. Только холодно уже. Мать говорит, придатки застудить, потом детей не родишь. Ну и норм, нафиг еще дети. Растить кого-то, чтобы он так же мучился?

— Барабанная дробь... Нет, надо музыку как во “Властелине Колец”, жутковатую такую, когда орки торжествуют! Уррррк-мэг-тэррррэ-пыд-тэ! Со-жрал.

— Ну, вообще-то непонятно, кто кого. Они просто слились.

— Конечно, понятно. Как в жизни: зло всегда побеждает.

Ксюша выжидала. Ей нравилось, когда Мишка “философствовал”. Он и так старше ее на два года, а в такие моменты прям взрослый. Худощий, правда, и прыщи эти... Зато высокий и умный. Хоть поговорить можно.

— ...Богу не победить зло: мы же его дети, но распустились очень. У твоей мамки вас двое, и то на тебе уже выдохлась. А Бог наплодил нас шесть миллиардов, как тут уследить? Наши развлечения Ему не по душе, но что Он может сделать. Жить нам скучно. Ищем удовольствий. Кто помладше — наркотики или там зацепинг, драки. Мужикам вроде как уже не подходит, им пожестче надо, чтобы адреналин получить. Они и придумали войны. Давно придумали. И ведь сколько веков работает, отвлекает от скуки. Помнишь у БИ-2? “Революция — она похожа на женщину, которая даст

тебе самое большое счастье на свете, но наутро убьёт тебя. Именно поэтому не будет в мире больше революций, потому что не осталось у этой женщины женихов”.

— Так это про революцию.

— Да война по сути то же самое, только с продолжением. Война соблазняет мужчин, забирает себе, и они идут за ней, не видя других женщин.

...Ксюха смотрела на пухлые Мишкины губы, что-то еле слышно напевающие. В профиль он больше тянул на свой возраст. Она все не решалась спросить: они вроде как встречаются или так, друзья? Боялась, рассмеется или вообще подумает, что она того. Они часто бывали вместе. Можно было в любой момент набрать Мишке и пойти шататься куда-то вместе, это грело. А вот определенности все же не хватало. Вообще за последний год ей все больше хотелось внятности, чего-то спокойного, своего, но образ девочки-дурашки, что-то все время невпопад говорящей, был настолько привычен и забавен для знакомых, что менять его было страшновато, да и на что менять — неясно.

— У меня последняя сига осталась. Надо пойти стрельнуть.

Мишка посмотрел на нее и разочарованно отвернулся к небу. Не любил, когда его мысли прерывают. Ксюше нравилось его поддразнивать: слегка, чтобы не думал, что она тупая.

— Бабка говорит: “Бог — это совесть”. Типа всем нам в аду гореть. А когда я в наркологичке лежала, там эти сектанты анонимные говорили, типа, Бог — это любовь. Мол, не страшно, что бы вы ни натворили, главное завязывайте, и Бог все простит, потому что любит.

— Конечно, любит. Вот Клоун его и сожрал. Бог любит и прощает, и Его снова и снова уничтожают.

— Он же бессмертный?

— А толку-то что? Бессмертный — не критерий. Камни какие-нибудь в горах тоже бессмертны, тысячи лет там лежат и еще столько же будут. Но это не значит, что от них что-то хорошее в мире происходит, и надо начать в них верить... Хотя, кстати, было бы неплохо. А что, давай создадим свою веру в вечные камни или океан? Секту слепим, деньги собирать будем.

— Да, денег бы хорошо. Тогда б все отцепились.

— Вот видишь, я ж говорю, зло побеждает: и в тебе меркантильность берет верх!

— Деньги не пахнут.

— Эх, бабка твоя права, в адище нас всех, бесстыжих. Хотя ей-то тоже туда билетик выпишут, мощная она у вас ведьма!

— Не говори.

— Ладно, пойдем, а то холодно. У меня полтинник есть, настреляешь чуть, еще одну банку купим.

— Опять я?

— Мать, ну ты сама посуди, кто быстрее настреляет. Вот ты кому б дала: тебе или мне?

— Я б тебе дала, конечно!

— Я учту, — расплылся в улыбке.

* * *

А меня пули не берут. Сколько раз прямо так бежал, без броника. Не поверишь, первое время думал, пусть хоть подстрелят, все равно жить тошно. Может, хоть поймет, дура, что я не за себя, я ж за них! Извела. Каждый день: деньги да деньги. Потом — алкаш да алкаш. Я мужик, мне выпить нельзя? На ее, что ли, деньги пил? Я военный, мне дело нужно, а не по базарам ходить да домашку у младшей проверять. Она сама училка, вот и занималась бы девчонками.

А я мужик. Воин. Мыдохнем от скуки. Виноваты, что ли, что так устроены? Онидохнут без своих журналов да сплетен, а мы без войны мрем. Но ничего, жизнь, она всё на свои места вернула, напомнила, где я и правда нужен.

Первое время ждал, что одумается, хоть извинится. Уехали к теще, чем не жизнь, в квартире с удобствами, школа рядом, ее мать, если что, на подмоге! Денег на дорогу дал, проводил. А она каждый звонок как заведенная: деньги пришли, деньги. Я тут, бл.., под пулями хожу, а ей только деньги! Что там у них, работы нет, что ли? Сидит, ж...пу свою поднять не может! Девки взрослые: Варька в институте, Ксюха школу дотягивает. Времени у жены дохрена, пойдй да заработай! Так задолбала, сил нет! Прислал ей бумаги на развод. Пусть думает. А ей хоть бы что, сказала, подпишет! Тварь. А я тоже человек. Я два года ждал! Пока она перед фактом не поставила, что к мужику переезжает. Невозможно, видите ли, с матерью однушку делить! Конечно, две змеи в одном гнезде.

К мужику, так к мужику. Я даже, знаешь, в тот момент не разозлился. Отпустило как будто. Два года ее не видел, уже ничего к ней и нет. Ну и мне чего одному скитаться. Совесть чистая. Тут долго искать не нужно. Нормальные бабы, они видят, кто стоящий. А здесь одинокой бабе тяжело.

Бывшая пусть теперь рыдает. К матери-то через год снова вернулась. Да только я больше не позову. У меня теперь Маруся. Молодая.

Бесит, что младшую настраивает против меня. Что ни звонок, так мычит просто. Ни тебе “папа”, я уж молчу про что ласковое. Видать, мозг ей пропесочивают, что мать, что бабка. Ничего, подрастешь, Ксюха, сама поймешь, что отец таких вот, как ты, здесь спасает, чтобы жизнь у них нормальная была, чтобы, как ты там, могли они здесь засыпать со своим плеером, а не под артобстрелы.

* * *

— Ну чего, док? — Яныч шагнул навстречу. В пустом коридоре отданной под МПП* сельской школы его тяжелый шаг отдавался эхом. Предутреннее затишье, все отсыпаятся.

— Чего тут топчешься попусту? Хоть бы выпить принес.

— Чего, значит, живой паренек-то? Живой? Я ж тебя расцелую!

— Да иди ты со своими поцелуями, я тебе не баба. Сгонял бы пузырь притащил, почти сутки на ногах.

— Да это я мигом, сейчас ребят кликну!

Окунь глянул вслед подпрыгивающей походке Яныча. Радуетя. Пусть радуетя. Ребенка из-под обстрела вынес. О том, что мальчику скорее всего придется отрезать ногу, он скажет Янычу завтра. А может, вообще не скажет. Главное, живой. Перевозка едет, через час-другой пацана переправят в город в нормальную больницу, там разберутся. Отрежут конечно, тут выбора нет. Но Яныч туда не доскачет. Не до того сейчас, он здесь нужен. Таких вот мальчишек и девчонок сколько ему еще повидать. Скольких притащат Окуню. А скольких не успеют... А все из-за глупости. Людской глупости.

Окунь не любил рассуждать о глобальных вопросах, не любил делить на добро и зло. Но его бесили родители, оставившие детей под огнем.

Ему Бог дал руки. Хорошие руки, не подводят. Дал мозг. Ему дали образование, знания, чтобы спасти жизни. Какая дурость самим делать так, чтобы дети попадали к нему на стол. Не уехать все равно, что ждать смерти. Ладно — мужики: они пришли сюда воевать. Это их выбор, их работа, если угодно. Войны были всегда. Работа военных — воевать. Но дети?! Окружения нет, почему ж вы их держите тут? В блокаду детей переправляли в тыл, зная, что, может, потом не найдут никогда, сколько их растерялось по стране. А теперь — в чем проблема? Да здесь даже на передовой каждый второй солдат выкладывает в сети свои фото, у всех телефоны, скайп, позвонить родным хоть во Владивосток можно. Отправь ты подальше детей — каждый шаг отследить сумеешь, тебе ж самому дышать спокойнее будет. Нет же, сидят, а потом хоронят, рыдают.

---

* МПП — медицинский пункт полка.

Окунь сломал шариковую ручку. Способ проверенный. Раньше мог пнуть что-то или швырнуть в стену, но сразу кто-нибудь заметит, уставится, обернется или, наоборот, отойдет в сторону. Здесь нервным не место. Война.

Только поговорить не с кем. За его мысли любой пьяный майор ему впечатает. По-своему будет прав: у него своя солдатская правда, он за нее воюет. Он получает за это медали местного отлива и непризнанные там, в реальной армии должности. Потому и сидят здесь такие майоры и подполковники... Не первый год уже. Не вернуться им назад. Здесь они мужики. Герои. А кого из них сейчас в Москву перекинь, да заставь крутиться, чтобы и жилье снять, и семью накормить. Да ладно семью — себя да кошку. И нет их силы, исчезнет вся. И уважения там не сыщешь, хоть обвешайся медалями. Там другая разменная монета. Другие герои. Эта война ценится только теми, кто в ней.

Окунь не такой. Мужики дразнят его терминатором. В шутку. Знают, что на нем весь госпиталь держится. Хотя тот же Яныч догадывается, что он не их породы. Догадывается по тому, как Окунь тихо выпьет свое, пока остальные обмывают шумно новый успех, как отмолчится во время тостов. Он профессионал *своего* дела. Он ехал сюда, чтобы отточить мастерство. Московский хирург. Там, дома, конкуренция лютая. Либо в частной шарашке сиди зевай, либо в больнице аппендициты режь. А в каком-нибудь Склифе или Боткинской таких, как он, одаренных, толпы. Не прорваться. Зачем себе врать — пробиться там не смог. А тут, думал, раз война, то в местных больницах точно пригодится, ценным будет, “столичный врач”, дослужится если не до главного, то хотя бы до завотделением. А через несколько лет обратно с записью в трудовой. Хм, смешно. Просчитался, персонала в избытке: все региональные врачи, кто не уехал, от огня перебрались поближе к крупным центрам. Что ж, логично.

Осталась только военка. Ничего, он не из трусливых. Ему надо двигаться вперед, а не ждать, пока там дома хирурги-пенсииеры уступят наконец место. А здесь он не просто врач на все руки, он параллельно управляет бесконечным организационным процессом. Он и голова, и шея, и весь организм этого госпиталя. Да и травмы такие, что в Москве раз в пять лет увидишь. Опыт, конечно, бесценный. И сам ощущаешь, как мастерство с каждым днем оттачиваешь. Только бы вот не на детях, не на детях же...

Окунь выдохнул, порывлся в кармане. Вторую ручку он сломал еще после полудня: палили бесперебойно, солдат привозили пачками, в основном осколочные. Одного не доглядел. Просто не успел. Внутреннее кровотечение.

* * *

Ксюха идет по подземному переходу. Голоса. Поют. Мелодия знакомая. В детстве из их гаража всегда на полную громкость звучало “Любэ”. Она точно знает, чей это голос. Сначала замедляется, прислушивается, едва ступая, подходит ближе. Люди без зонтов нерешительно выглядывают наверх. Там снаружи дождь. Август выдался мокрым и серым.

Он стоит в центре. У его ног черный кофр, в нем несколько помятых кушюр. Еще двое по бокам чуть сзади с гитарами. Они молодые, погрузневший с годами отец выглядывает на их фоне нелепо. Руки его заканчиваются в районе локтей. Рукава подвернуты так, чтобы обтягивали то место, где прошелся нож хирурга. Так прохожие точно поверят, что ампутированы. Все трое в камуфляже. На груди по паре медалей.

Когда отец месяц назад заявился к ним утром с поезда пьяный, поддерживаемый таким же поддатым дружком, Ксюши дома не было. Ей потом бабушка рассказывала. Мама после этого неделю ходила потерянная, но Ксюша разговоров с ней избегала. А бабушка все причитала, мол, куда же он пошел, как ему теперь жить. Повторяла, что отец передал матери деньги. Десять тысяч. Первый раз за столько лет. Ксюху злило непонятно откуда появившееся бабушкино сочувствие. Нахрена он припёрся! На жалость надавить? Повоевал, а как инвалидом стал, вспомнил, что семья есть? И гордый такой — не остался,

вроде как благородный, пришел помочь, а самому ничего от них не надо. Ксюха нарочно старалась растравить обиду.

Уставилась на отца.

Как много я говорила о тебе. Психологи, врачи, приют, наркологички, реабилитационный центр... Все наши разговоры упирались в детство. В последнем центре я даже врала, что ты умер! Думала, так больше шансов, что не будут спрашивать. Что не придется снова тебя обвинять, ненавидеть. Как много неотправленных писем написала я тебе... Они говорили, что так станет легче, что так выйдет вся боль...

Боль за те ночи с бутылками, за мамины слезы, за наш переезд, за невыносимую жизнь с бабкой. За мамино нового мужика, который оказался таким же пьющим, хоть и тихим. Спасибо, нас никогда не трогал, зато наливал мне от доброты своей. А знаешь, я ведь тогда и начала все пробовать. Сидела с ним на кухне и настойку эту мерзостную пила. И о тебе думала: вот папочка, я твоя дочь, доволен? Отомстить тебе так хотела. Ты ведь первое время все убеждал меня: мол, ты за нас воюешь, чтобы у нас с Варькой было все хорошо. Мне так хотелось, чтобы ты понял, что у нас все плохо. Варька в отличницу играла. В институт перевелась, подрабатывать начала, тебе регулярно звонила. А я, знаешь, решила по-другому. Захотела до дна дойти. До о-олго вроде спускалась. Да только потом поняла, что ты ведь раньше меня туда пошел, и оттуда снизу не замечаешь никого, кто еще не так глубоко спустился. Я сама постепенно перестала замечать тех, кто там, наверху. Но меня, представляешь, вдруг оттуда начали вытаскивать. Заметили и давай звать. Люди стали в жизни появляться нормальные. И снова вниз — не захотелось.

А ты — вот. Стоишь в двух шагах. Но почему-то все это тебе говорить уже как будто незачем... И сердце сжимается от боли.

Отец как почувствовал, среди нескольких зевак выцепил ее взгляд... Петь перестал. Смотрит. Ей сдавило все так, что вдохнуть больно. Ни крикнуть, ни отвернуться.

— Папа, не надо. Пошли домой.

ОПЫТ

Так вот работаешь-работаешь, набираешь тот самый “опыт” для будущих резюме, а ведь как бы хотелось, чтобы какой-то части его вовсе не было. Раз — и вычеркнуть. И уж точно знаешь, что ничего от этого не потеряешь, разве что страх свой умеришь и тревогу. Только нельзя, не отвертеться.

Они спрашивают: не страшно с такими работать? — психи же*! А вам с такими жить — не страшно? Думаете, к нам их засунули и всё: выйдут они здоровенькими и социализированными? Полагаете, что их реально всех держат на учете и отслеживают? Надеетесь, всё под чьим-то надзором?

На работе хотя бы иллюзия есть, что ты что-то контролируешь. Заборчик железный (правда, перепрыгивали не раз, а некоторые потоще сквозь прутья пролезали), двери на магнитном ключе (раз в три месяца вышибают, не чаще), решетки на окнах (посильнее дернул — и отогнулась). Но всё же ты специалист, а им нужна помощь (ну хоть один из десяти это реально признаёт). Даже ощущение тыла какое-то: нет, кнопок тревожных, конечно, нет, это вы фильмов пересмотрели, и качков-санитаров тоже (только тетушки божьи одуванчики со швабрами), но есть вроде как общая фантазия, что если что (даже не хочется конкретизировать), то кто-нибудь услышит или хотя бы вспомнит через пару часов: дескать, где этот наш психолог? Но всё это о другом, о нашем скрытом, внутрибольничном. Калитку закроешь — и осталось все там, до следующего дежурства.

А вот то, что наращивали тебе, это, как ни старайся, всё равно поволочешь за собой, в ту, внешнюю жизнь. И не оставишь в кармашке белого

---

* Елена Тулушева много лет работала в Московском реабилитационном центре для подростков-наркоманов (Ред.).

халата, брошенного на крючок в раздевалке, не закроешь вместе с картой, не вернешь им во время выписки вместе с личными вещами. Поделились с тобой — и уже не отказаться.

Только ведь не спрашивают они, когда делятся, хочешь ты это знать или нет. Думаете, вопросами их заваливаем, выпытываем? Ты только карту заполнять начнешь с базовыми *кто-откуда-почему*, и понеслось. У них за эти тринадцать-пятнадцать лет жизни столько наболело, что им и разрешения не надо — всё на тебя выльют. Иногда просто матом, иногда порционно, обрывками, проверяют, не будет ли им за это чего. К этому привыкаешь быстро. Отстраниться можно: да, тяжело им, да, ты здесь ни при чем, не тебя они сейчас оскорбляют, а всех тех, кто их сюда загнал, кто помогал накопить столько злости и боли.

А потом у них с тобой устанавливается доверительный контакт. И вот тут уже они готовы говорить о себе и о тех, кто с ними это сделал... Вроде как и отстраняешься, но... знаете, вы же в кино тоже сопереживаете тем, на экране? И хорошо всем известно, что это просто актёры и хороший сценарий, что у них будет “Стоп! Снято!”, — и все живы-здоровы, пошли чай пить. А здесь всё тоже очень естественно. Только не выйдут они из роли, некуда выходить. И тогда слушаешь и понимаешь, что эта жизнь где-то вокруг тебя, в соседних квартирах, на твоих улицах. Это в твоём городе мальчишке мать ножом пропорола ногу, по пьяни приняв за соседа, это в твоей стране четыре мужика изнасиловали одиннадцатилетнюю девочку, это в твоём мире женщина взяла грудничка из детдома, а когда подростком он начал становиться “гадким ребёнком”, она снова вернула его в приют.

И ты сидишь и думаешь — а зачем мне этот опыт? Куда бы его передать... И вот пока сидишь, тебе раз, и что-то там про нож в канализационный сток. Чего, спрашиваешь рассеянно? А он тебе всё с тем же каменным лицом про нож. Который он бросил. В ливневый сток на улице. Зачем бросил? Ерунда какая-то. Я тебя про алкоголь спрашиваю, а ты про ливневый сток. А он методично так повторяет, а ты смотришь на его лицо. Обыкновенное, со стороны и не скажешь, что он у нас в больнице забыл. Крепкий парень, умный, начитанный даже. Избирательно правда, все больше книги вроде “Майн кампф”, но читает дотошно, анализирует, всё тебе по полкам разложит. У нас взрослые недовольны, дескать молодёжь не читает, так вот вам, не все у нас унылые геймеры. А он тебе в это время без запинки про то, как человека убил. Так, знаете, как будто анкету заполняет. Графа о себе: хочу убивать людей.

И в конце вишенкой на торте: “Только вы имейте в виду, я такое только вам рассказал, я здесь больше никому не доверяю, я это вообще никому не говорил. Мы решили с пацанами молчать, просто с вами говорить можно”. Прошу прощения, хочется спросить, это уточнение мне куда, в копилку бонусов? Или в строчку резюме о своих навыках: вызываю доверие психопатов, располагаю к разговору, берите меня на работу, в каждой крупной конторе психопатов хватает! Авань, всех и вычислим. Кстати, для этого даже и не обязательно, чтобы тебе об убийстве рассказывали, можно просто за чаем спросить, как жизнь. Или вообще ничего не спрашивать, они как-то сами тебя находят. Щедрые люди, желающие своим опытом поделиться. Может, с лицом у меня что-то не то. Может, оно шлет сигналы...

Бывает, в самолете сидишь себе, в книгу уткнешься, никому не улыбаешься, все равно добродушная дама справа нет-нет, да начнет тебе про президента и Навального чирикать. Бурчишь что-то, мол не интересуюсь. А в ответ буря эмоций: ах, вы не знали? Да я вам расскажу, как все на самом деле! Очень вы зря! Вот молодёжь нынче! И давай тебя просвещать, ведь это ж какое благо, что они попались на пути, сейчас поделаются бесценными своими мыслями.

Вот и мне поделиться опытом удалось. А уж куда вы теперь его запихнете — это дело не моё. Сами виноваты, в названии всё честно было сказано.

ПАВЕЛ ВЕЛИКЖАНИН

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

ДЕТИ ДЕВЯНОСТЫХ

Ледяные батареи девяностых.
За водой пройдя полгорода с бидоном,
Сколько вытащишь из памяти заноз ты,
Овдовевшая усталая мадонна?

Треск речей, переходящий в автоматный,
Где-то там, в Москве, а тут — свои заботы:
Тормозуху зажевав листком зарплатным,
Коченели неподвижные заводы.

Наливались кровью свежие границы —
Ну, зачем же их проводят красным цветом?
А подростки участники “Зарницы”
Косяки крутили из бумажных вето.

Только детям всё равно, когда рождаться:
Этот мир для них творится, будто снова.
Сколько раз тебе и петься, и рыдаться,
Изначальное единственное Слово?

ВЕЛИКЖАНИН Павел Александрович родился в 1985 году в одном из небольших городов Кузбасса. Стихи печатались в ряде литературных журналов и коллективных сборников. Автор книги “В едином свитке”. Лауреат и дипломант Южно-Уральской литературной премии и премии “Справедливой России”. Живёт в г. Волжский Волгоградской области.

Мы играли на заброшенном “Чермете”,
В богадельне ржавых башенных атлантов,
И не знали, что судьба кого-то метит
Обжигающими клеймами талантов.

Мы росли, а небо падало, алея.
Подставляй, ровесник, сбитые ладони!
Вряд ли ноша эта будет тяжелее,
Чем вода в замёрзшем мамином бидоне.

* * *

Вечно жива эта шумная братия,
Пусть даже песни её недопеты:
В строгих учебниках и хрестоматиях
Смотрят на нас молодые поэты.

Кто — на портретах, а кто — с фотографий.
Кто — бородатые, больше — безусых...
Сами слагали себе эпитафии
Верные страдники Иисусовы:

Кто-то — частушки, а кто-то — элегии,
Но и посмертно не выглядят кротко.
Вечная молодость — их привилегия,
Данная пулей, войною и водкой.

ЕСЕНИН И ЛАЗО

Алкоголь выходил мутноватой слезой
И не брал ни шиша.
Двое тёзок-погодков, Есенин с Лазо,
Пили на брудершафт.

— Ты хоть сам, а меня-то...
— Да знаю, Серёг...
— Но чего уж теперь...
И лежал на столе одинокий сырок —
Символ встреч и потерь.

— Вон Андрюха внизу в паровозном гудке
Слышит ржанье коня.
Так что можем с тобой уходить налегке,
Никого не виня.

— Не напрасно твой колокол строчки литой
Загудел наверху.
Два полешка, сгорели мы, став теплотой,
А не сгнили в труху.

И один из них долго смотрел на свечу,
А другой — в потолок.
Но ключами звеня, поторопит ворчун,
Как бы ты ни толок

Водку тёплую в стопке, где сложено то,
Что в себе ты носил.
Сквозь пшеничную корку Серёжины сто
Поднимаются в синь.

УТРО В ПРОМЗОНЕ

Забасит трубным гласом гудок заводской,
Ввысь поднимутся дымные флаги,
Брызнет солнце оттуда, где небо с землёй
Скрестят рельсов звенящие шпаги.

И потянутся, в медленном таянье сна,
Разминая стальные суставы,
На крутых поворотах кренясь с полотна,
К выходным семафорам составы.

Длинношее краны кивнут мне без слов,
Вагонетки покатают, сигналиа,
И взметая щепу, загуляет тесло
По смолистой пахучей скрижали...

ЗЕМНЫЕ ДОРОГИ

Мотор сосёт бензин похмельной жаждой,
Шофёр глазами к полосе прирос,
Качается над выбоиной каждой
На лобовом всевидящий Христос.

И в каждой вспышке встречных фар мелькают,
Как мошки, буквы — кто б их разглядел:
“Всплывём мы все когда-нибудь мальками
Из глубины планктонных наших дел.

Зачем тебе придуманное имя?
Ведь там, куда ты ангелом влеком,
Бодливая луна седила вымя
Над пролитым по небу молоком”.

Но веришь и в межзвёздном разрежении,
В планету целя зрительной трубой,
Что твой небесный путь — лишь отражение
Земных дорог, проделанных тобой.

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВ

В ТЁПЛЫХ ЛУЧАХ

РАССКАЗ

Я возвращался из больницы, где лежала моя жена.

Главный вход уже закрыли — никого из врачей или запоздалых посетителей не было видно ни в коридоре, ни на чёрной лестнице, и только на улице у больничных ворот умиротворённо дремали две крупные собаки. Я вышел за ворота и остановился. В тёплом воздухе пахло еловой смолой, и оттого тревога моя как будто ушла вглубь, постепенно поддаваясь ласковому спокойствию летнего вечера. На пяточке у остановки стояли люди, ожидая последнего автобуса в город.

Первый раз мы приехали сюда вчера утром, и вокруг всё было совсем не таким, как сейчас. Повсюду сновали люди, подъезжали машины, лихо шурша колёсами по гравию. К главному входу тянулась длинная очередь, и мы встали в конец, нетерпеливо оглядываясь, будто надеясь, что нам можно пройти просто так. Жена молчала, машинально разглядывая свою фотографию в паспорте, который ей нужно было сейчас предъявить охраннику.

Подошли к проходной. Охранник медленно записал наши данные в толстую тетрадь и коротко объяснил, как пройти, но мы слушали рассеянно и долго ещё потом плутали в поисках входа в нужное отделение. Жена не мешала мне разбираться в больничных закоулках, но и не пыталась помочь, а просто ходила следом — я заметил, что ей неудобно было в этих длинных

ТИМОФЕЕВ Андрей Николаевич родился в 1985 году в городе Салавате республики Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Публиковался в журналах "Наши современник", "Новый мир", "Октябрь", "Роман-газета" и др. Лауреат премии им. И. А. Гончарова в номинации "Ученики Гончарова" (2013), премии "В поисках правды и справедливости" (2015), премии им. А. П. Кузьмина журнала "Наши современник" (2016). Председатель Совета молодых литераторов.

мраморных коридорах. Я же, напротив, радовался, что смог уговорить её оперироваться в дорогой больнице, и обращал внимание на каждую мелочь — на огромный мягкий диван у входа в отделение, на просторный холл с телевизором, на чистоту стен и полов.

Когда мы вошли в палату, там никого не было. Воздух, спёртый от жары, казался тяжёлым и неподвижным. Я распахнул окно и удивился, какой плотной зелёной стеной окружал больницу лес.

— Смотри, как здесь красиво... Можно представить, что тебя украли и насильно хотят выдать замуж, — неловко пошутил я. А она взглянула на меня внимательно и хмуро, так что мы оба почувствовали, что вчерашняя ссора не закончилась и не забылась.

Я тяжело вздохнул и остался у окна, рассматривая уходившую вдаль полосу леса, пересекаемую высотными зданиями начинавшегося на горизонте города. Я злился на то, что она ещё обижается, хотя прошла уже ночь, и можно было бы успокоиться за это время, а она злилась оттого, что я мог подумать, что у неё всё могло пройти, будто её обида была чем-то неважным...

Въехал на пяточок автобус, принялся неловко разворачиваться, не уместаясь своим неуклюжим железным телом на маленьком пространстве, и потому то отъезжая назад, то подаваясь вперёд. Люди обступили его, а потом поспешили войти внутрь, чтобы занять места. Я машинально подчинялся их напору. В голове носились обрывки случайных фраз, её слов, обращённых ко мне, но голос отчего-то был неласковым и даже раздражённым.

Я вспомнил, как вечером перед тем, как лечь в больницу, мы вернулись домой. Жена молча снимала туфли с усталых ног, стараясь не встречаться со мной взглядами. За несколько месяцев нашей семейной жизни я, кажется, научился чувствовать её состояние. Я знал: что-то гложет её сейчас, какое-то эмоциональное движение нарастает внутри, готовясь вылиться наружу, но не мог ничего изменить.

В такие часы мы делали по дому больше, чем иной раз за неделю. Жена начинала размеренно протирать туфли влажной тряпкой, а потом намазывала их чёрным смолистым кремом, я же шёл на кухню и убирал оставшуюся после завтрака посуду со стола. Я не знал, нужно ли греть ужин, и боялся спросить её об этом, и потому, помыв посуду, просто стоял посреди кухни, опершись на раковину и чего-то ожидая.

Когда я вернулся в комнату, жена уже легла. Я облегчённо вздохнул и сел за письменный стол, пытаюсь хоть немного поработать, но всё-таки чувствовал, что она не спит, хотя и не подходил к кровати, убеждая себя, что ей нужно выспаться перед завтрашней поездкой в больницу. Вдруг я услышал, что она плачет. Торопливо поднялся и присел рядом, пытаюсь обнять, но жена отстранялась, будто мои прикосновения обжигали её.

— Ну почему? Что происходит? — спрашивал я. — Скажи мне, ведь я всегда готов помочь, — но она не отвечала и только вздрагивала своим хрупким телом при каждом всхлипе.

Наконец, будто собравшись с силами, повернула ко мне заплаканное лицо и выговорила с ожесточением:

— Я всегда буду у тебя на втором месте... Я уже ненавижу твою литературу, — и отвернулась опять.

Это было несправедливо, я хотел возразить ей, переубедить, но едва я начинал что-то говорить, голос мой становился слабым, а фразы казались не настоящими.

— Всё будет хорошо, — только и мог сказать я. — Это такой период, его нужно пережить...

— Не будет хорошо, — возразила она резко, лишь немного отнимая лицо от подушки. — Зачем ты врешь?! Разве ты не видишь, что с каждым днём становится только хуже?

До того, как мы начали встречаться, она полгода была влюблена в меня. Я же мечтал о сосредоточенной писательской жизни, которая ждала меня впереди, и совсем не замечал её. И теперь я понимал, что эти обидчивость

и мнительность связаны именно с тем периодом безответной любви, но не знал, что же мне делать. Мне казалось, сейчас-то я рядом, что же ещё нужно, и разве не видно, как сильна моя любовь... Меня раздражали её легкомысленные слова о том, что у нас всё плохо, как будто она радовалась, что это так, или просто искала повод расстаться. Ещё я злился на то, что она совсем не думает о том, что завтра нам рано вставать, ехать в больницу, а мне потом ещё и на работу на другой конец города — но нет, ей важны были только её переживания! Так мы и лежали, она — отвернувшись, я — борясь с собственным раздражением.

Автобус повернул, размашисто вильнув тяжёлым телом, так что я мгновенно оказался на солнечной стороне. И от ярких красных лучей, хлынувших в меня, вдруг так горько стало, что мы, как два расстроенных инструмента, никак не можем найти ту ноту, на которой сошлись бы наши голоса...

Следующий день прошёл бестолково, в заботах и суете, я позвонил ей только после работы. Прижимая телефон к уху, стоял перед огромным раскалённым шоссе, по которому то и дело проносились пышущие жаром машины. Было плохо слышно, и оттого её голос казался особенно слабым. Вроде бы она просила меня не ездить к ней, не мотаться. А я только вздыхал в ответ на её беззащитную гордость, на желание показаться сильнее, как будто она могла вот так вот легко обойтись без моего присутствия в этот важный вечер перед операцией.

Когда я приехал в больницу, жена находилась в палате. Она только что перетерпела долгую и неприятную процедуру и теперь была в приподнятом настроении, оттого что на сегодня уже всё закончилось. Мы сели рядом и стали рассматривать причудливые следы от зелёнки на полу.

На другой стороне просторной палаты лежала большая кряжистая бабушка с громким грудным голосом. Она сразу же заговорила со мной, будто бы продолжая давно начатую беседу, а потом принялась предлагать яблоки из своего сада. Кажется, нам с женой приятна была её суетливая разговорчивость — легко было кивать или отвечать что-то простое, для чего не нужно было старательно подбирать слова. Бабушка оказалась очень набожной: вокруг её кровати стояло множество икон, которые она привезла с собой из дома. Иконы громоздились на тумбе, закрывая баночки с лекарствами и мешочки с яблоками, но не уместались там и потому расходились по спинке кровати в одну сторону и по подоконнику в другую. Потом жена рассказала мне, что у бабушки недавно умер сын, и теперь она часто упоминала о нём без причины.

И всё-таки нам хотелось побыть вдвоём, и потому через некоторое время мы вышли в коридор. Там от окна до окна ходил мягкий прохладный ветер, приятно щекотавший лицо и руки. Но, даже оставшись одни, мы не стали разговаривать, а молча сели на огромный мягкий диван на входе в отделение и замерли, ощущая теплоту друг друга. Ссора ещё чувствовалась между нами, но уже не обидой или раздражением, а едва заметным отдалением, будто что-то внутри не давало нам быть полностью открытыми друг другу.

Потом осторожно мы стали заговаривать о чём-то незначительном — то о прошедшей мимо нас пожилой медсестре, которая приветливым обхождением помогала многим больным легче переносить процедуры, то о забавном случае на моей работе — как бы пробую на вкус ту или иную тему. А на прощание жена сказала, что скучает и хочет домой, и я обрадовался, что наша старенькая съёмная квартира, которую она всегда называла чужой, теперь уже как будто стала для неё родным местом.

Её слова грели меня весь вечер, неожиданно вспоминаясь и волнуя сердце. А когда я вернулся домой, в ту самую нашу квартиру, мне почему-то показалось, что жена здесь, спит на кровати, а может, даже плачет, как прошлой ночью. Но в квартире было пусто и одиноко. Я слонялся из комнаты на кухню и обратно, потом сел за стол и вдруг почувствовал, как сильно виноват перед ней.

Она выносила нашу любовь, как ребёнка, мучаясь, растя в себе маленький огонёк — самое важное, что у неё было тогда в жизни. Когда мы уже

стали встречаться, она иногда рассказывала мне, как тяжело ей было хранить его в себе, уже не надеясь на взаимность, — я кивал в ответ, жалея её, но не ощущал эти слова кожей: они проходили сквозь меня, не задевая. Ко мне ведь чувство пришло неожиданной вспышкой, пронзительной радостью ощутить любящего человека рядом, и я беспечно отдавался этой радости, эгоистически наслаждаясь ею. И даже после свадьбы я почти не думал о нас, а больше о литературе — мне жадно хотелось писать, а жена все эти месяцы жила со мной, не чувствуя меня рядом; ждала отклика, но не могла получить его.

Я поднялся и медленно лёг на кровать, но не мог справиться с нахлынувшим чувством вины. Я представлял, как она плачет здесь одна, отчаянно надеясь, что я подойду и скажу что-то такое, отчего она мгновенно поверит в искренность моей любви, но я только раздражаюсь от этих слёз и принимаюсь бессильно успокаивать её дежурными фразами, от которых становится ещё тяжелее...

Следующим утром я проснулся от сильной тревоги. Я лежал, пытаюсь успокоиться, собрать растрёпанные мысли, но с каждой минутой всё яснее ощущал, что жене предстоит сегодня настоящая операция, что это будет общий наркоз — и почему же я не боялся этого раньше? Я столько переживал о наших отношениях, о ссоре и даже не подумал о возможной опасности. А жена волновалась, я только теперь понимал, как сильно она волновалась, но не хотела показать мне этого.

Она обещала позвонить перед тем, как её повезут в операционную, но мой телефон молчал, и после обеда я сам набрал её номер. Абонент был недоступен. Я понял, что операция уже идёт, а она просто забыла или не успела позвонить, но равнодушные механические слова в трубке всё равно отзывались во мне мучительным холодом. И страшно было, что я сегодня не услышал её голос, не сказал что-то важное, что могло бы успокоить её, дать сил.

И весь сегодняшний день мне казалось, что воздух вокруг натянут и может порваться в любой момент, а исход операции зависит от одного моего слова, неосторожного движения. Я сидел на работе, а из другой комнаты вдруг вышла незнакомая женщина и, громко хлопнув дверью, выговорила со злостью: “Какие же здесь все идиоты...” Всё содрогнулось во мне от этих грубых слов, будто плёнка задрожала, готовясь порваться, — а ведь именно в этот день она была особенно тонка, и потому в мире должно было быть как можно меньше злости.

А потом я сидел неподвижно, закрыв глаза, чтобы успокоиться, и слушал, как в соседней комнате работает радио. Диктор громко и проникновенно говорил об известных актёрах и актрисах, которые жили театром, и творчество было так важно для них, так постыдно-возвышено и оторвано от жизни. Но как же чуждо и нелепо это звучало в тревожном ожидании этого дня.

Телефон по-прежнему молчал, и я ничего не знал о ней до тех пор, пока вечером не приехал в больницу. Я торопливо двигался по запутанным коридорам, а сердце сжималось от страха. Наконец, я побежал, втиснулся в грузный лифт, ощущая его мучительную медлительность. И вот мелькнули передо мной тот диван, где мы сидели вчера, холл с телевизором, пост дежурной медсестры и сама медсестра где-то в глубине ординаторской. Я хотел окликнуть её, спросить о главном, но не знал, как именно выразить свой вопрос. Голос не слушался, и я только бессильно стоял, опершись на стол, глотая ртом воздух, а потом рванул в палату.

На кровати, укрытая простыней до подбородка, лежала моя жена. Я подскочил к ней и вдруг увидел, как простыня на груди вздрогнула от вдоха. А потом, видимо, услышав мои громкие шаги, жена открыла глаза и медленно, едва заметно улыбнулась.

— Прости, я не позвонила тебе, — сказала она тихим виноватым голосом.

Я замер от внезапной нежности и только дотронулся до маленького кровавого пятнышка на её простыне.

— Всё хорошо? — спросил ласково.

— Хорошо, хорошо, — услышал грудной голос сзади и, обернувшись, увидел её соседку — набожную бабушку. — Врач сказал, удачно прошла операция. Она молодец.

— Знаю, — зачем-то сказал я, опять глядя на жену.

Она ещё не до конца отошла от наркоза, ей тяжело было говорить, и потому я старался не давать ей сказать ни слова, но и сам не мог произнести ничего особенного. Осторожно осмотрел её рану, пропитанные пахучей мазью бинты, укрыл тёплым одеялом, старательно загибая края, чтобы внутри не проник случайный ветерок. Сел на краешек кровати.

Она кивала — иди, опоздаешь, поздно приедешь домой, а я только грустно улыбался. На тумбочке случайно заметил маленькую малиновую заколку, и так приятно стало, что в этой чужой обстановке рядом с ней лежит знакомая вещь.

Близилось время последнего автобуса, а я всё ещё сидел рядом, наклоняясь к подушке, касаясь её волосами, слыша близкое дыхание. Бабушка на соседней кровати как-то особенно громко завозилась, а потом вдруг отчётливо и монотонно стала читать молитву о своём умершем сыне. Мы замерли, боясь помешать ей. Стало так спокойно и торжественно — и мы, и наша любовь, и эти тяжёлые слова, будто дыхание Бога рядом. И кажется, мы оба почувствовали вдруг, как много значит этот долгий момент в нашей короткой, как одно грудное слово молитвы, жизни.

А когда бабушка закончила, я всё-таки собрался уходить.

— Спасибо, что пришёл, — сказала жена на прощанье, и у меня сердце сжалось от её беззащитности — разве я мог не прийти?.. Но я только улыбнулся, спокойно и нежно:

— Спасибо, что разрешила прийти, — и увидел, как постепенно теплеют её глаза.

А потом в автобусе, прислонясь к мелко дрожавшему стеклу, я смотрел вокруг, и на душе было светлее оттого, что на всём этом грубом и грустном мире будто бы запечатлелась её улыбка. За окном, по кромке леса на горизонте, по верхним окнам домов разливался горячий закат. Постепенно он спускался всё ниже, пока, наконец, не заполнил даже асфальт под колёсами автобуса. Я чувствовал, как он наполняет и меня, и все ссоры, тонкости отношений, непонимание — всё тонуло в нём, но в тоже время что-то важное, чего я сам ещё не понимал, как бы скрепляло нас друг с другом...

Раньше я думал, что в любви всё должно быть идеально, что нужно искать человека, который полностью подходил бы тебе, ведь любовь должна быть один раз на долгую жизнь. Я знал, как важно, чтобы у людей совпадали мнения по многим вопросам, чтобы правильно могли соединиться все человеческие качества. Но разве так мы выбирали друг друга? Нет, и у неё, и у меня это было по большому счёту внезапное влечение, совершенно не укоренённое в душе. И теперь я уже понимал, как случайным было наше соединение, как много есть в нас таких шероховатостей, которые никогда не лягут гладко, не притрутся — того, что ни один из нас не сможет полюбить в другом, самое большое — мы сможем привыкнуть. Но, даже зная об этом, чувствуя это так неотвратимо, разве можно было помыслить о ком-то другом рядом? В этом огромном всепоглощающем закате такой ничтожно короткой казалась собственная жизнь, что невозможно было ничего в ней менять и ничего другого выбрать.

Я думал, как же мне сделать её счастливой, как нам встать лицом к лицу, чтобы увидеть что-то самое важное друг в друге. Как преодолеть себя, стать чем-то большим, чем просто самолюбивым человеком со своими узкими убеждениями и предпочтениями. И так хотелось назад, ещё раз увидеть её, прижаться щекой к маленьким бледным рукам и говорить что-то очень важное, чего я, может, никогда ещё не говорил, но я только жмурился от неожиданного чувства и усталости.

Жена моя... Как странно происходит, когда вдруг шелуха жизни спадает и всё проясняется. И тогда остальное — и литература, и собственные желания, и мелкие обиды — всё становится неважным. И как будто море жизни открывается впереди, и остаётся только двигаться по нему куда-то за горизонт, где начинается что-то новое, радостное...

МАРИНА ВОЛКОВА

Я ВЕРЮ В ТО, ЧТО ЖИЗНЬ — ВЕРНЕЕ СМЕРТИ

К ЗАКАТУ ДЕНЬ

К закату день, и ласточка под крышей
Умолкла, пряча радость под крылом.
И дышится, и думается тише...
Мне слышно, как легко вздыхает дом.

Ему милы цветы мои и птицы,
Вечерний свет, сиреневый покой...
Лишь изредка вдруг скрипнут половицы,
Да дрогнет под усталую рукой

Цветная нить, которой вышиваю, —
Ночь так светла, что видно до зари.
На полотне — берёзка, как живая,
Стоит и каждым листиком горит.

Нехитрое отраднo рукоделье,
Когда в душе тревог и грусти нет.
А за окном душистою метелью
Летит, румянясь, яблоневый цвет...

ВОЛКОВА Марина Георгиевна родилась в Санкт-Петербурге в 1981 году. По образованию юрист. Работала в МВД следователем. В настоящее время ведёт авторский проект "Виват, Петербург!" в творческой мастерской "Нордвест-СПб". Победитель конкурсов "Национальное возрождение Руси", "Золотая строфа", "Велесово слово", "Северная звезда". Автор книги "Веру храня в Рассвет". Живёт в Санкт-Петербурге.

ЧЕРЁМУХА

Ветрами зацелован день весенний,
Не ведом травню буйному покой.
Смотри-ка, под черёмухой — Есенин!
Глядит в закат над медленной Окой,

И взгляд, чуть-чуть рассеянный и мудрый,
Скользит над синим поясом реки...
Черёмуха в его золотые кудри
Душистые роняет лепестки

И шепчет, разволнована до дрожи,
На свой весенний, ветреный манер:
“Останься в Константинове, Серёжа!
Зачем тебе проклятый “Англетер”...”

ДУША МОЯ, НЕ ГНЕВАЙСЯ

Наверно так, подкрадываясь, старость в душе взбивает пену из обид,
И от борьбы вселенская усталость почти что равнодушный дарит вид.
Деревьев во дворе редее роты, уходят детства добрые друзья,
И бег привычный скучен до зевоты, в нём лад — не лад и я — давно не я.

Приходят не творцы, а паразиты, желающие лишь собрать плоды.
...Мне видятся порой, волной укрыты, затопленные вешние сады,
А рядом — колоколенки и крыши. Всё то, что скрыла буйная вода.
Душа моя, не гневайся, будь тише! Теряли много больше иногда.

Теряли всё, чем жили! Где дышали, растили хлеб и строили мосты.
Под слоем пыли — древние скрижали, на месте хат — погосты да кресты.
А кое-где ни тропки, ни погоста, и срублены давно уж деревья.
Одна трава до неба, выше роста, полынная да горькая трава...

По саду ли забытому, по полю иду, куда тропинки тянет нить.
И слёз не хватит, чтоб оплакать вволю, и слов не хватит, чтобы отомолить.
Но, связанная с родом тонкой вервью, в который раз от горечи бегу
Сажать весною новые деревья и жечь костры на дальнем берегу.

В ГЛУХИЕ ДНИ

В глухие дни, исполненные боли,
Когда доверья к людям рвётся нить,
Я верю в Русь, что так же дышит волей
И что не может жить и не любить.

Пусть явь сечёт всё жёстче, всё сильнее,
И так темно в родимой стороне...
Я верю — в нас! И в то, что мы сильнее
Любых идей, навязанных извне.

Пускай в чаду безумной круговерти
Теряет крылья всякая мечта,
Я верю в то, что жизнь — вернее смерти,
И зла правей — любовь и доброта.

АЛЁНА БЕЛОУСЕНКО

ДИНОЗАВРЫ

РАССКАЗ

Юре было девять лет, но он мало что понимал про себя. Разве что носил внутри чужие, брошенные в него фразы, осторожно, слово в слово. И потому знал, что противным нравом пошёл в отца, хотя ни разу его не видел. А ещё то, что в садике писался во время тихого часа, мама с воспитательницей его за это ругали, а он от обиды плакал. Знал ещё, что глупее других детей и что шутки у него несмешные. И достаточно было этих скудных штрихов, чтобы мнение о себе Юра имел весьма жалкое.

Из того малого, что он понимал про себя, было его очарование Катей. Оно возникло не вчера, но Юра, сидя на уроке математики, только-только поймал его, когда солнечный луч, игравший бликами с Катиной партой и рукой, невольно увлёк его взгляд. Её пушистые волосы, почему-то не в хвосте как обычно, а распущенные, лежали на спине, а сквозь их путаницу едва мелькала кофта нежно-розового цвета. И своё чувство Юра скрывал, как скрывал и всё другое, что его волновало.

Жили Юра с мамой в трёхэтажном панельном доме, на самой окраине крошечного города, где через дорогу уже начиналась деревня. В этой деревне у них было огорожено четыре сотки земли под грядки и железный сарай с курами и недавно купленной коровой — без избы, без сторожки. Мама

БЕЛОУСЕНКО Алёна родилась в городе Удомля Тверской области в 1992 году. В 2013 году окончила МГУ им. М. В. Ломоносова (экономический факультет). Студентка Литературного института им. М. Горького (семинар М. П. Лобанова) с 2012 года. Лауреат фестиваля-конкурса "Хрустальный родник" (2015), ежегодной премии сайта "Российский писатель" в номинации "Новое имя" (2015), победитель конкурса фестиваля "Во славу Бориса и Глеба" (2016). Публиковалась в журналах "Наш современник", "Волга 21 век", "Польмя" и др. Живёт в Москве.

называла деревню второй работой, и Юру туда брала редко, чтобы не мешал. Вечера он проводил на улице с другом Артуром или в одиночестве на скамейке у подъезда. Ему разрешали играть и на детской площадке во дворе, но без Артура он туда не шёл — дичился незнакомых ребят.

И в этот майский вечер Юра сидел на скамейке и наблюдал закат. Иной раз ему было приятнее находиться здесь, в тишине, одному, чем с кем-то общаться. Небо притягивало его, словно пытаясь шепнуть что-то важное. И его яркие, нежные волны подсказывали Катиню имя. Они — закат и Катя — были одного рода-племени и берегли одну тайну на двоих. Её розовая кофточка была сшита из лоскутков заката, а солнце родилось из её волос. Вместе они были далёкими-далёкими и прекрасными-прекрасными. И ему никогда запросто не дотронуться было ни до Кати, ни до заката.

— Юрка, домой иди! — прокричали из окна. И Юра пошёл.

Мама встретила его на пороге.

— Завтра корову загонишь, я не смогу. Я работницу заменяю, — сказала она, как обычно сурово. — Слышишь?

Мама была в шершавой длинной юбке и тёплой кофте болотного цвета. В это время года она два раза за день ходила на дачу: в шесть утра доила и выгоняла корову, а в семь вечера забирала её у пастуха и доила повторно. Одевшись утром перед дачей, в той же одежде шла на работу. А вернувшись с завода, надевала тапки и принималась готовить обед. К вечеру — снова на дачу, с дачи — на точку продавать молоко.

Юра слышал, но не понимал, что конкретно ему нужно будет сделать. Он смотрел на мамину короткую, будто мальчишескую стрижку — волосы жидкие, кое-где седые. Особенно из-за этой стрижки он стыдился её. И из-за молока, которое мама продавала в изношенных пластмассовых бутылках по вечерам около центрального магазина. И ещё потому, что на школьных праздниках она стеснялась учительницу и стройных женщин с тонкими браслетами на руках и оттого болтала без умолку и громко смеялась. А дома, с Юрой, снова становилась прежней — важной и молчаливой.

Утром мама зашла в Юрину комнату и, положив на стол большой ключ от сарая, напомнила, что в семь вечера на пустыре у дачи будет ждать стадо. Юра, разлепляя глаза и понимая, что больше возможности не будет, всё же осмелился спросить напоследок:

— А как загонять-то?

— Как-как? — удивилась мама. — Что, не видел, как я два месяца корову загоняла, что ли?

Юра не раз видел, как мама загоняла корову, но в деле не участвовал, да и не интересовался им, а только ошивался поблизости.

— Видел, — сказал Юра, опустив взгляд.

— И что тебе непонятно?

— Всё понятно.

— Ничего, взрослый уже, с собаками грязными не боишься вошкаться, а с коровой и подавно справишься, она сама за тобой пойдёт.

После школы они с Артуром пошли на пруд, забежав по дороге домой за стеклянной банкой для тритонов. Юра надеялся, что друг согласится пойти с ним и на дачу, но Артур сказал, что бабушка просила вернуться пораньше. Юра понимал, что это неправда, но решил об этом не думать.

Тритонов к Артуру домой приносить было нельзя, и сразу от пруда Юра с банкой направился к пустырю. Он спросил у прохожего время, тот ответил: “Полседьмого”. И хмуро стало на душе, что успеваешь, что, позабыв о времени, не загулял с Артуром допоздна. Нарочно не исполнить поручение Юра не мог, а случайно забыть о нём ему бы хотелось.

На пустыре уже стояло небольшое стадо, коров десять, и сновали повсюду мошки. Коровы походили на динозавров: сильных, древних и непредсказуемых. Они не смотрели на Юру, но ему казалось, сделай он лишний шаг — побегут на него и потопчут, будто в танце. Он поставил банку на траву, огляделся — пастуха не было видно. Его бросило в пот — никто ему теперь

не поможет. Даже если найдёт Звёздочку, то не сможет отвести её в сарай. Не может быть, чтобы динозавр слушался мальчика. Как не может быть, чтобы его, Юрина, мать слышала его.

Но даже найти её было невозможно: все коровы кроме одной, бурой, ходили друг на друга. Все — белые с чёрными пятнами. Правда, знал Юра, что у Звёздочки на лбу треугольное пятно было. Но коровы все лбами к нему не поворачивались, а подходить и обглядывать каждую было страшно. Он кругом обошёл стадо. И — удача! — на противоположной стороне, с краю, стоит корова с пятном. Правда, пятно не совсем и треугольное.

— Звёздочка, — позвал он вполголоса, смотря корове прямо в глаза. И, удерживая на ней взгляд, словно зовя за собой, отошёл на три шага, ожидая, что та пойдёт вслед. Корова не двигалась, только судорожно вздрагивала её бока, и метался хвост влево-вправо. Юра стоял, ожидая непонятно чего. Вдруг взгляд его ухватился за мелькнувшее в центре стада пятно — там, наклонив голову к земле, стояла ещё одна Звёздочка. Слышно было, как от натуги трава под её толстыми губами разрывалась и потом вымешивалась крупными челюстями. Подойти к ней означало обречь себя на смерть от первобытного танца природы. Юра замер. Он всерьёз выбирал между смертью и маминым недовольством. Через пару минут он решил идти домой.

Было около восьми, когда послышались движения ключа в замочной скважине. Юра притих в своей комнате. Дверь открылась, на пол поставили пакет с продуктами.

— Юрка-а, ты дома?

— Да, — сказал Юра негромко и, поняв, что мама не услышала, протянул: — Ту-ут.

— Корову загнал? — спросила мама, зайдя в комнату.

— Да, — он старался смотреть ей прямо в глаза.

— Молодец. Я тебе апельсинов купила. Сейчас картошку пожарю и пойду доить.

Юра и боялся, что она ещё спросит: “Не забыл закрыть сарай?” или “Не потоптала корова цветы у калитки?” — и хотел этого всей своей трепещущей душой. Тогда неизбежное наказание придёт сейчас, и его не нужно будет ждать, как дикого зверя из леса, чьи шаги уже слышны. Но мама больше ничего не спросила. Она закрыла за собой дверь и пошла на кухню. Юра прислушивался к тому, как шипело и трещало масло на сковороде, и этот привычный ласковый звук сейчас утяжелял его тоску.

Он покинул комнату, только когда все звуки затихли. На кухне, в тарелке для супа, лежали четыре дольки апельсина. Юра вздохнул. Он ощущал себя самозванцем, который заполучил сладость, принадлежащую другому, правильному мальчику. И эта сладость не радовала. Съест дольку и шепчет: “Господи, хоть бы корова не ушла никуда с пустыря, а ещё лучше — подошла к сараю, тогда точно ругать не будут”.

Но всё же он готовился к наказанию — память сама подкидывала ему сцены.

— Врёшь, паразит? — сказал он сам себе тихо, повторяя знакомую фразу. Юра втянул голову в плечи, представляя, как в очередной раз получит поварёшкой по голове.

“Весь в отца!” — отозвалось где-то рядом маминым голосом.

А в прошлом триместре, когда Юра исправил двойку по математике в дневнике на четвёрку, мама сказала: “Отдам тебя отцу, чтобы он сам свою подлую породу выращивал”. Юра обрадовался тогда. Воображал, как незнакомый ему ещё папа будет играть с ним в футбол и покупать мороженое. Может, именно сегодня мама соберёт его вещи, и папа впервые придет за ним.

Вскоре Юру захватила игра с апельсиновыми шкурками-лодками, плывущими по столу через моря к отцу, как захватывает сон плачущего ребёнка. И когда заскрежетала замочная скважина, он еле успел перебежать в свою комнату незамеченным. Мама поставила ведро с молоком на пол, разулась, снова взялась за скрипящую ручку, зашла на кухню. Звуки прекратились.

Юра раскрыл перед собой учебник русского языка и сел, весь превратившись в слух. Шорохи, стуки, голоса рождались в его голове, как призраки в тёмной комнате.

Так прошло около получаса. Юра бесшумно вышел в туалет. В квартире стояла полная тишина. На кухню он направился уже уверенный, что мамы дома нет, и вздрогнул, увидев её прямо перед собой, сидящую на табуретке. Правый локоть лежал на столе, глаза закрыты ладонью. Будто статуя.

— Ну что, погонял меня по деревне? — сказала она, вытягивая каждое слово, и медленно подняла козырьком ладонь. Глаза у неё были измученные.

Юрины губы улыбались. Он старался их сдерживать, но они вновь расплывались, как у полоумного. В ответ на его улыбку мамыны глаза щёлкнули злостью. Она встала, подошла к раковине, включила воду и принялась мыть посуду, не глядя на Юру. Он уже не улыбался. Он дрожал. Мама повернулась к шкафу с посудой, и взгляд её голубых глаз проскользнул по сыну так же, как по рядом стоящей плите. Она расставила тарелки и вышла из кухни.

Он знал, что поступил плохо. Особенно эти купленные мамой апельсины никак не могли выйти у него из головы. Как будто из-за них он был прежде всего виноват. Но хуже было то, что даже на утро мама с ним так и не заговорила. Не заговорила и днём, хотя у неё был выходной. И не нарушая молчания, вечером ушла на точку продавать молоко. Оставшись один на один с маминим домом, таким же враждебным, как и она, Юра затосковал. Дом молча выгонял его, и он послушался. Но дальше скамейки не ушёл. И только там он вспомнил про оставленных на пустыре тритонов — теперь их точно собаки съели. Хоть и не корова, но всё-таки что-то пропало, утерялось.

По тротуару тем временем проходили женщина с девочкой.

— Кать, смотри, это Юра, что ли? — женщина в белых брюках дотронулась до плеча девочки и вопросительно посмотрела на Юру.

Юра на секунду подумал, что они пришли к нему в гости.

— Привет, — сказала Катя.

— Ты чего здесь так поздно один сидишь? Не замёрзнешь? — не дав ему поздороваться в ответ, спросила Катина мама.

— Не-ет, я тут, около дома, — Юра показал на свой балкон.

— А, ну хорошо тогда. Доча, поделись конфетами.

Катина мама смотрела на Юрины литые шлепанцы, надетые поверх носков, ворот футболки, вытянутой треугольником, и мягкие спортивные брючки с катышками по бокам. Она предугадывала по его глазам, что достаточно двух тёплых слов, и этот детёныш, не раздумывая, схватит крепко-крепко твои пальцы и, быстро-быстро перебирая ножками, пойдёт с тобой.

Этого всего Юра не знал о себе. Он разглядывал конфеты, которые насыпала ему Катя: мишки на деревьях, белка с орехом в лапках. И только сейчас он понял, что это Катина мама берегла с небом одну тайну на двоих, а после просто поделилась ею с дочерью. Юра сидел, почти не двигаясь, — закатное небо спустилось к нему и укутало его в своих объятиях. Катя с мамой превратились в две маленькие отдаляющиеся фигурки.

“ТЫ УЖЕ ЗА ХОЛМОМ!”

Читаю стихи Анны и удивляюсь, как она умудряется разглядеть в малом – великое, в подробностях жизни – целое, в обрывках чувств – неразрывную ткань мироздания.

Хочу сказать ей, что жизнь, тем более разбитую вдребезги, рифмами не склеишь и, подобно живой воде, ими не окропишь, но понимаю, что она мне не поверит, потому что рождена для того, чтобы ронять “животворящие слёзы”... Слыша, как она бормочет свою рифмованную прозу, вспоминаю блоковское: “бормотаний твоих жемчуга”. Её поэма о шахтёрской дочери – это современный плач Ярославны из “Слова о полку Игореве”, по законам героической поэмы переходящий в гимн сопротивления злу. Этот победный клич тем более естественен, что он разносится над просторами Дикого поля, где на берегах Северского Донца разыгралась много веков назад русская трагедия и где она продолжается сегодня, потому что Ярославна с плачем обращалась к своему князю не на какой-то мове, а на древнерусском языке, что пытался оспорить в шестидесятых годах прошлого века казахский поэт Олжас Сулейменов в книге “Аз и я”, попытавшийся доказать, что автор “Слова о полку” был из племени половцев. Впрочем, овладеть этим куском русского мира пытались многие: турки и шведы, поляки и татары, и даже немцы. Я тогда ответил Олжасу Сулейменову восьмистишием:

Разглядывая каждую строку,
Учёный тюрок вывел без сомнений
Такую мысль, что “Слово о полку”
Пропел в пространство половецкий гений.
Под шум берёз, под шелест ковыля
Судьба племён так прихотливо вьётся,
Но вспомнишь вдруг: “О, русская земля!
Ты за холмом... “ —
И сердце оборвётся...

Читаю поэму “Шахтёрская дочь” и снова чувствую, что и “златоглавый Кив”, и прифронтовой Донецк, и “дикое поле” со свежими могилами с незапамятных времён и до сего дня остаются израненными, расколотыми, распятыми частями великого русского мира, которому нужна “живая вода”... И вновь смотрит Ярославна (она же Анна) на холмы, за которыми простирается русская земля, как и во времена князя Игоря истекающая кровью, и сердце её обрывается, как обрывалось оно у безымянного автора “Слова о полку”...

Станислав КУНЯЕВ

АННА РЕВЯКИНА

ШАХТЁРСКАЯ ДОЧЬ

ПОЭМА

* * *

Червоточьями да кровотоочьями
зарубцовывается война.
Над полями, что за обочинами,
полно чёрного воронья.
По дороге, что лентой стелется,
где изрублена, видит Бог,
русокосая ясна девица,
в волосах — голубой цветок.
Её руки — не толще веточек,
её стопы — балетный свод,
она будет из добрых девочек,
из наивных святых сирот.
Её платье — бедность мрачная,
её крестик — металл да нить.
Эта девочка столь прозрачная,
её вряд ли разговорить.
По дороге, где грязь окраины,
там, где воины начеку,
эта девочка неприкаянная
начинает собой строку.
Молчаливую, милосердную,
утопающую во тьме.
Эта девочка — достоверная,
как война, что в моём окне.
На ладонях — кресты да линии,
на глазах — пелена дождя...
эту девочку звать Мариною.
И она на две трети я.

* * *

У Марии был дом — занавески и витражи,
был отец, который ей говорил: “Ложись!”
Был берёзовый шкаф, и была кровать,
вот такое счастье: ковать — не перековать.
А теперь у Марии что? На окошке — скотч,
за окошком — ночь, и в окошке — ночь,
где бесшумные призраки — конвоиры снов —
не находят для этой девочки даже слов.
Всё сплошное лязганье, грохот, треск,
у Марии есть мать, у матери есть компресс,
а ещё икона, на которой позолоченный Николай
обещает Марии тихий небесный рай.

* * *

Тишина проникает в ухо,
и ты думаешь, что оглох,
вот Мария на старой кухне
сигаретный глотает смог.
Надо лечь, пока держат стены,
пока крыша ещё цела.
У Марии дрожат колени,
над Марией молчит луна
коногонкою в небе буром —
немигающий глаз отца.
Только глаз один, ни фигуры,
ни одежды, ни черт лица.
Этот глаз на реке — на реке дорожка,
на стекле — серебристый блик.
Скоро-скоро опять бомбёжка
И глазной неуёмный тик.

* * *

Кто-то скажет: “Он был неплохим отцом...”
Сочинял ежедневно завтрак и в ванной пел,
он ходил по субботам гулять со своим птенцом.
Говорил с Марией так ласково, как умел.
Его обувь была чиста даже в самый дождь,
его руки были огромны и горячи,
и Мария шагала рядом — шахтёрская дочь,
хотя в их роду остальные — все сплошь врачи.
Это было счастье — детское, на разрыв,
настоящее счастье, которому края нет.
Он всегда был первым и никогда вторым.
Они ели яблоки — золотой ранет,
они пили какао, ходили в театр и зоопарк,
он показывал ей созвездие Близнецов.
Он любил смешить её — внезапно и просто так,
а однажды из проволоки подарил кольцо.

* * *

А потом приходила война, забирала в строй
самых смелых и самых правильных из людей.
Он забыл своё имя, но запомнил свой позывной,

он видел скелеты обуглившихся церквей.
Он стал снова чёрен лицом, но душою бел,
научился молиться, словно в последний раз,
он свои ледяные руки дыханием грел
и всё ждал, когда отдадут приказ.

* * *

У Марии есть тайна —
пачка девичьих писем.
Она пишет о главном —
девочка-летописец.
Она пишет на русском,
а иногда на птичьем.
Она пишет о грустном:
“Мы все теперь стали дичью...”
Она пишет отцу на рассвете
и поздно ночью.
Она пишет, как пишут дети:
неровным почерком,
словно письма из летнего лагеря
или с морей известия.
Она пишет, как пишут маленькие,
потерявшие равновесие.
Она пишет, как пишут взрослые
из подвала под артобстрелом.
Она пишет, и свет полоскою
оставляет в письме пробелы.
Она пишет, и ей не пишется,
ей скулится, ей страшно, тошно.
Вот деревья — сплошные виселицы,
вот свеча, что горит всею ночью.

* * *

Дорогой отец,
не дари колец,
не дари цветов,
берегись полков,
воротись домой
под большой луной,
станем жить-тужить,
до чужих женитьб,
до чужой любви,
не считая дни.
Воротись, отец,
воротись, боец,
станем сказки плести,
вот добро, вот честь,
станем пить огонь,
вот моя ладонь,
вот наш старый дом,
словно в горле ком.
Вот наш спелый сад,
вот ползучий гад,
райских яблок сок.
Этот сад — есть Бог.

Этот сад — есть мы.
Или наши сны.
Или наши сны...

* * *

Обрывается всё: провода, разговоры и струны.
Обрываются жизни, которым не видел конца,
месяц май неожиданно станет военным июнем,
в это жаркое лето прольётся так много свинца.
Загорелые травы донецких степей, терриконы,
обелиски невозвращенцам из дальних дорог.
Этот мир всё ещё подчиняется Божьим законам,
этот мир состоит из патронов и пары сапог.
Николай говорил, что победа, добытая смертью, —
это просто победа над страхом, победа побед.
Николай уходил в распростёртые древние степи,
где посеяна смерть, словно маковый цвет.

* * *

Здесь густая трава и беспечные песни сверчков,
здесь разверзшийся ад среди райского лета.
И плывут облака по чернильному небу зрачков,
и в кармане сломалась последняя сигарета.
На войне не бывает ничьих, только свой и чужой.
По чужому стрелять, своего прикрывать, что есть силы,
повторять: “Слава Богу! Живой! Слава Богу! Живой!” —
И звонить дочерям с почти севшей мобилы.
И любить сыновей, тех, что рядом — в окопе, в пыли —
делят тяготы дней, делят хлеб и говяжью тушёнку.
Эти воины — дети кротами изрытой земли,
вместо нимба Господь отдал им коногонку.
Вместо сердца Господь даровал антрацит,
вместо вдоха степного — горючесть метана.
Здесь густая трава, что так ярко, чадаяще горит,
словно вечная слава победы на груди ветерана.

* * *

Что нас ждёт впереди? Победа.
Ясный сокол мой Николай,
мы вкусим и вина, и хлеба,
на двоих мы разделим рай.
А пока ты лежишь в окопе,
пока где-то кипят котлы,
я молюсь обо всех двухсотых
с наступлением темноты.
Вижу сполохи, рвётся небо,
на дыбы горизонт встаёт.
Смерть идёт по чьему-то следу,
дай-то Бог, чтобы шла в обход.

* * *

Это был страшный август четырнадцатого года, два народа шли в лобовую. Николай с лицом чёрным, как добываемая им порода, прикрывал собою горящую передовую. На его руках умирали и воскресали, на его гла-

зах открывались ходы в преисподнюю. Город детства его, город угля и стали, превращали в пустошь, в пустыню неплодородную. Сеяли смерть, как раньше сеяли хлеб, сеяли ужас, боль и жуткое “зуб за зуб”, а зелёные пацаны, утверждавшие, что смерти нет, рыдали от страха, увидев свой первый труп. А увидев второй, начинали, кажется, привыкать, говорили: “Война — не место для бабьих слёз!” И у каждого в городе оставалась мать, в городе миллиона прекрасных роз.

* * *

Ходит дом ходуном без конца,
дочь Мария чертами в отца,
мать сидит за столом, жжёт свечу.
— Мам, поспи!
— Не хочу, не хочу!
За чертой, за порогом, в ночи,
там, где струны грызут скрипачи,
где кровавая речка течёт
и открыт уже гамбургский счёт,
тихо красная всходит луна,
как вдова, в чёрном небе одна.
И Мария, шахтёрская дочь,
словно маленький загнанный зверь,
всё стоит и стоит у окна,
а в окне — пустота, краснота.
И надломлены руки её,
и не снять уже ими бельё.
И предчувствие скорой беды,
словно запах гниющей воды.

* * *

Мы — подвальные, мы — опальные,
кандалы наши тяжелы.
Мы — идея национальная,
мы — форпост затяжной войны.
Чёрной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная —
наша ненависть к палачам.
Мы священные, мы убогие,
мы у Боженки в рукаве.
И глаза Его слишком строгие.
И следы Его — на траве.
Утром встанем, пересчитаемся,
похоронимся, поревём.
Эх, война-война — девка та ещё!
Частоколы да бурелом,
заминированы окраины,
человеческий страшный суд.
Авель помнит — повсюду Каины,
только высунешься — убьют.

* * *

Приносили его на щите,
и Мария губами к щеке
припадала, и плакала мать:
“Положите его на кровать!”

Он был хладен, безмолвен и сер,
и был день — беспросветный четверг.
Ну, а дальше — на пятницу ночь,
и Мария, шахтёрская дочь,
занавешенных мимо зеркал
проходила в траурный зал
и глядела на лоб мертвеца,
на холодные губы отца,
на его восковеющий лик,
на немой неподвижный кадык,
на пурпурный распахнутый гроб,
словно двери в кровавый окоп,
где он денно и ночью сидел,
где живой он вчера помертвел,
где последнее небо его
выедало из глаз вороньё.

* * *

Воронки, вороньё, война...
Мария — дочь степи донецкой,
несчастный ангел бытия,
лишённый ангельского детства.
О, безотцовщины клеймо!
О, сиротливое удушье!
Война, воронки, вороньё.
Смертельно раненые души.
Прощайте, храбрые сыны,
прощайте, дочери, до встречи.
И лица ваши — лик войны,
и в камне вас увековечат.
Мария, девочка моя,
коса — пшеница, руки — плети.
Воронки, вороньё, война.
А мы — войны святые дети,
а мы войны священный крест
несём и, в общем-то, не ропщем,
и в ополчение из невест
уходим через эту площадь.

* * *

Лицом сурова, черна глазами,
стоит Мария под образами,
в руке — просвира, и — голос сверху:
“Оставь печали при входе в церковь!”
Крестись истошно, молись о мёртвых,
целебен воздух церковно спёртый.
Не плачь, Мария, молись, Мария,
молитва — та же анестезия.
И голос певчий, прекрасный, звонкий,
и эти свечи, что коногонки,
и путь в тумане, в пыли забоя,
подобен смерти на поле боя,
подобен жизни в твоём Донцке.
Держись, Мария, за бортик детства,
за бортик угольного бассейна
и за винтовку, что из трофейных.
Смотри сквозь оптику в эти звёзды

с земли, изъеденной чёрной оспой,
с земли, где поле пропахло тленом,
где все вдруг стали военнопленными.
Где мать — вдовица, а дочь — сиротка,
где брат вгрызается брату в глотку.

* * *

С нами Бог, с нами солнце и с нами дождь,
зарядивший снайперскую винтовку.
Это поле — рожь, а за рощей — ложь,
а за ложью — ружья наизготовку.
Это поле — ржавчина старых битв.
Что посеет ветер степей разъятых?
Террикон лежит, словно мёртвый кит,
облака плывут, облака из ваты.
Золочёный гулкий степной закат,
уплывает солнце за край планеты.
Кто во всём случившемся виноват?
Кто спасёт распятую землю эту?

* * *

Горсть земли — трижды. Я стану грызть эту землю — эту рыжую глину, эту свинцовую гирию, эту чёрную плоскость. До самого горизонта. Я — Мария, мне двадцать два от роду, я принадлежу городу, плывущему в облаках. У меня есть винтовка — СВ Драгунова, — зоркость, немало костей под кожей. Я убью всякого, кто посмеет подойти ближе, чем эти низкорослые горы. Я — Мария, и всё, что у меня есть, — это горе. Горе!

* * *

Поле Дикое, цель опознана,
от винтовки саднит плечо.
Помолитесь, религиозные,
будет страшно и горячо.
Снайпер знает, что надо с первого,
долго целится, не спеша.
В степь Мария вращает нервами,
в них одна на двоих душа.
Точным выстрелом — пулей глупою.
Смерть Марии теперь, как мать.
Поле выставлено будет трупами,
ночью станут их собирать.
У Марии в блокноте крестики —
безымянные пацаны.
И они почти все — ровесники
развязавшей войну страны.

* * *

Имя горькое твоё — Мария,
имя твоё убийственное.
Как твоя мать, Мария,
пишет ли тебе письма?
“Как тебе там воюется,
доченька моя светлая?”

А у нас на улице
бабье нелёгкое лето.
Яблоки собрать некому
райские — падают сами.
Соль под моими веками,
видимо, что-то с глазами.
Горько на сердце бабьем,
воротись, доченька, с фронта.
Облака плывут, как кораблики,
до самого горизонта.
Пальцы мои бесколечные
крестят небо над городом.
А за кровавой речкою —
вороны, вороны...”

* * *

Господи Иисусе, как же страшно:
стало минное поле, была пашня.
Небо черно от дыма, глаза режет.
Господи, мы одержимы, мы — нежить.
Господи, я — отшельник, стрелок, пешка.
Господи, присмотри за мной, установи слезку,
приставь ангела, чтобы рука не дрогнула,
накорми манною дурочку сумасбродную,
дай хоть глоточек чистой воды из колодца.
Путь мой тернистый, путь, что не продаётся.
Лежу, а в глазах осень, коростой изъеденная.
Господи, вплети в косы мне святое неведение,
забери память, забери имя, дай новое.
Степь моя обетованная, время — средневековое,
время моё матерное, кровожадное, страшное.
Стало поле минное, а было пашенное...

* * *

Приходила зима — снежная, белая, —
и деревья стояли сказочные, звенящие.
Умидали воины — юные, смелые —
умирали стоя, умирали по-настоящему.
Эх, донецкие ветры — вольница, житница,
а теперь безлюдье — лишь псы да вороны.
И моя Мария — степей защитница,
а вокруг зима на четыре стороны.
И в блокноте крестики в столбик синие,
на погостах новых крестов тьма-тьмушая.
И моя Мария — ресницы в инее,
и тоска на сердце, тоска гнетущая.
По отцу тоска, кровью не смываема,
и слезами тоже она не смывается.
И моя Мария — доченька Николаева —
полушёпотом молится Богородице.

* * *

Не зная ни имени, ни возраста,
видит главное по нашивкам — враг.
Воин с рыжей кудрявой порослью
на суровых мужских щеках.

Руки — ломти, краяхи белого,
как поджар он и как висок,
жалко даже в такого смелого,
жалко целить в его висок.
Зубы сахарные, жемчужные,
фальши нет ни в одном из них.
Кто принудил тебя к оружию,
кто послал убивать своих?

* * *

Он стоит на коленях, крестится,
молод, весел, рыжебород.
Между нами — окно и лестница,
на окне — деревянный кот.
Чей-то кот, позабытый в спешке,
статуэтка, ненужный груз.
Кот-мурлыка ершит в усмешке
свой единственный правый ус.
Тень в углу залегла густая.
Как же зыбок январский свет...
В небе зимнем, что запятая,
чёрный ворон — в броню одет.
Воин тоже в бронежилете,
но висок так опасно наг.
Хрипло воет январский ветер,
назначая, кто друг, кто враг.

* * *

Церковь белая на пригорке,
снег похож на лебяжий пух.
Глаз Марии предельно зоркий,
музыкален девичий слух.
За спиною — полсотни жизней,
на груди — православный крест.
Снег молочный безукоризнен,
снег из рая для адских мест.
И так хочется в детство снова —
в утро первого января,
старый год обернётся новым,
свечка — каплями янтаря.
На льняную скатёрку жизни
истечёт прозорливый воск.
И на кухне, как тюль, повиснет
дым от папиных папирос...
Но откроешь глаза и в небо
бросишь взгляд — небосвод свинцов.
Что нас ждёт впереди? Победа!
И отмщенье за всех отцов.

* * *

Родить бы сына,
назвать Николашей.
Родить невинного,
кормить манной кашей.
Родить красивого,

глазами в деда.
Пусть вырастет сильным,
балованным сердцеедом.
Родить бы дочку,
тонкую, как берёзка,
беленькие носочки,
платье в полоску.
Волос тугой, русый,
не сплесть в косоньку,
плечики узкие,
пяточки абрикосовые.

* * *

Никого не родишь. Только чёрный камыш да слепая луна над рекой...
Не пройдёт человек, даже серая мышь здесь боится бежать по прямой.
Степь — лоскутный пейзаж и горячий рубеж, пограничье двух разных миров.
Я люблю этот кряж, его дикий мятеж в кружевах кучевых облаков.
И винтовка в руках, и “ни шагу назад”, здесь — забытая Богом земля.
И бесплодны поля, где под небом лежат нерождённые сыновья.

* * *

Здравствуй, мама! В моём блокноте
не осталось живого места, на сердце пусто.
Как вы там живёте, как вы все живёте,
когда здесь в степи алой речки русло?
Разливанны воды, небеса развёрсты,
километры гиблого безвоздушья,
а луна — сухарик окопный, чёрствый,
да и тот был кем-то другим надкушен.
Я убила столько, что думать страшно,
мой последний был молодым и рыжим.
Он бы мог стать братом мне бесшабашным,
он бы мог стать другом и даже ближе.
Я убила столько, что мне приснилось,
как отец спустился с небес к ставочку
белолицым ангелом — Божья милость! —
и сказал мне: “Машенька, хватит, дочка!”
Я убила столько, ты не поверишь.
Помнишь нашу яблоньку во саду ли?
Я убила столько, что стала зверем,
на которого жалко потратить пулю.

* * *

Птицы возвращаются на восток,
вместо речки тянется кровосток,
но весна звенит, и готов росток
пробиваться к звёздам.
Как полны и влажны её уста,
а она, дурёха, спешит в места,
где боец, считающий “до двухста”,
и прогорклый воздух.
Ощущенье пьяной шальной весны.
Мы устали видеть дурные сны,
мы устали жечь во дворах костры
и бояться ночи.

Скоро-скоро речка вскипит водой,
и в неё бы утром войти нагой,
вспоминая рыжего с бородой,
но февраль обочин,
где деревья всё ещё мертвецы,
где не будут вылуплены птенцы,
где стихи читают до хрипотцы,
до истёртых связок,
где рука Марии в моей руке,
где вся жизнь, повисшая на курке,
и слеза солёная в уголке
маминоного глаза.

* * *

А с неба не снег, а серые лепестки пепла.
Мария лежит, и горы над ней огромны,
но Мария не видит горы — она ослепла,
врастая хребтом в донецкие чернозёмы.
Она захлебнулась огнём, прикрывалась дымом,
ползла, а после бежала к густой зелёнке,
держала винтовку крепко, так держат сына,
младенца, завёрнутого в пелёнки.
Ей было почти не больно, почти не страшно,
её прикрывали громкие пулемёты,
на палец левее в одном километре — башня,
а справа стоят огнедышащие расчёты.
— Ребята, прикройте, я отхожу, ребята! —
Мария кричала и падала навзничь в почву,
и кровь её растекалась, как сок граната.
Мария, моя Мария, шахтёрская дочка.

* * *

Спи, моя дорогая, спи,
девочка-одиночка.
Спит посреди степи
шахтёрская дочка.
Травы над ней шумят —
дикие, колдовские,
а в небесах кружат
чёрные часовые.
Мы стережём твой сон,
дочь Николая.
Солнце за террикон
к вечеру уплывает,
стелется сизый дым,
воды несёт речка,
страшно ходить живым
по этим святым местечкам.
Спи, моя дорогая, спи
в теле большой планеты.
Пусть твои мёртвые сны
будут о вечном лете.
Старый седой ковыль
пусть тебя колыбелит.
Кто-то зажжёт фитиль,
споёт тебе колыбельную.
Спи, моя милая, спи...

Ещё одна тёмная ночка.
Спит посреди степи
шахтёрская дочка.

* * *

На самой вершине дальнего рыжего террикона,
где колокольный звон — музыка из привычных,
они встретятся — отец и дочь, — натянута сетка для бадминтона,
а у подножия плещется море — поле пшеничное.
И у них не будет другого занятия, кроме счастья,
и только Донецк с его улицами, проспектами и мостами
навсегда останется с ними, будет их лучшей частью,
навсегда останется с нами — погостами, розами и крестами.
Это память, с которой не стоит бороться, она нетленна.
Я помню звук, с которым стреляют “Грады”, ложатся мины.
Но Донецк — это не просто город, это вселенная,
Донецк — это шахтёрские девочки и песня их лебединая.

БОРИС ПЕЙГИН

ДОКТОР КАНИН

РАССКАЗ

1

Доктор Канин выехал из Дементьевска-Тиманского рано утром. Он ехал в город N где-то в Центральной России, читать лекции для повышения квалификации тамошних эскулапов. На лице у доктора Канина была кислая мина. Ему было скучно.

Оно и понятно. В купе он ехал один, да и вообще в вагоне народу оказалось немного. Канин находился как раз в том социальном статусе, когда СВ руководство ещё не оплачивает, а в плацкарт садиться уже как-то не с руки. Никакого чтива, кроме свежего номера “Ведомостей” из автомата на Нижегородском вокзале, он с собой не прихватил, а рубиться в “Героев-3” на ноутбуке ему уже порядком надоело. Да и несолидно это. Что он, студент сопливый, что ли? Кандидат медицинских наук, доцент на кафедре, старший научный сотрудник НИИ пульмонологии, а в игрушки играет. Смех, да и только.

Он смотрел в окно, а видел своё отражение. Физиономия вырисовывалась неприятная, любоваться на неё не хотелось. Канин провёл рукой по седеющим волосам, которые никак не желали лежать по-человечески, зачем-то дотронулся до высокого, чуть скошенного лба, потом махнул рукой и попробовал читать газету.

ПЕЙГИН Борис Сергеевич родился в 1988 г. в г. Северск Томской области. Окончил юридический институт Томского государственного университета. Литературой начал заниматься в школьные годы. Шорт-лист премии “Дебют” (2010), лауреат Премии Губернатора Томской области по литературе (2016), участник 15-го, 16-го Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Член Союза писателей России. Живёт в Томске.

Не вышло. Глаза начинало резать, чёрные на сером буквы сливались в одно большое сюрреалистичное пятно, и настроение испортилось ещё сильнее. Самое страшное для врача понимать, что он болен. А в том, что сходить к офтальмологу по возвращении в город всё-таки придётся, у доктора Канина ни малейших сомнений теперь не было. С другой стороны, в очках он станет выглядеть ещё презентабельнее.

Потом он попробовал почитать им же написанные лекции (там шрифт был покрупнее). Вышло ещё хуже, чем с газетой. Тему лекций — респираторный дистресс-синдром — он и так знал наизусть, рассказал бы и с закрытыми глазами. А открытые всё равно видели плохо.

Вообще, справедливости ради следовало признать, что жизнь была не так отвратна. Не далее, как месяц назад Канин очень удачно сменил свою трёшку на Волобуева (почти центр, но далековато от метро) на четырёхкомнатную на Яновском Поле, что уже не такой центр, зато метро прямо под носом. Кроме того, сбор материала на докторскую шёл полным ходом.

Так он и ехал в одиночестве до самого Глазова, то есть почти до вечера. Сходил в вагон-ресторан, с важным видом постоял у окна в коридоре, всё же почитал с горем пополам газету. Пробовал поспать, да заснуть не смог.

Наконец, не выдержал: расстегнул сумку и достал оттуда бутылку сливового вина, подаренную наведни одним пациентом. Тот знал, что доктор Канин любит сливовое вино, и где-то раздобыл его любимый сорт, надо сказать, довольно дорогой. Канин подумывал оставить его дома в серванте, но не совладал с собой и в последний момент взял, завернув в старую рубашку.

Поезд уже отъехал от перрона глазовского вокзала, когда доктор Канин, налив вина в маленькую стопку, чокнулся со своим отражением в начинающем чернеть окне и чуть-чуть пригубил. Вино шикарное. Словами вкус было не передать.

В этот самый момент дверь купе открылась, и вошёл человек. Более от скуки, чем из интереса, Канин внимательно рассмотрел его. На вид вошедшему было примерно столько же, сколько самому доктору, — сорок пять, много — пятьдесят. Своеобразное, запоминающееся лицо — сухое, серое, покрытое редкими, но глубокими и длинными морщинами, стянутое в какой-то странной, задумчиво-суровой гримасе. Глаза этого человека отдавали едкой, неприятной желтизной, к тому же постоянно подергивались, будто их обладатель всё пытался зацепить что-то взглядом, и не мог. Одет он был в недешёвый, но сильно измятый серо-бежевый плащ, не застёгнутый ни на одну пуговицу, на плече — ветхая чёрная сумка, а в правой руке — какая-то книга. Книгу эту крепко сжимали пальцы.

Впечатление оставалось неприятное. Будь дело веке в девятнадцатом, про такого человека сказали бы “жёлчный субъект”. Но на дворе, слава Богу, был двадцать первый, так что награждать соседа по купе таким эпитетом показалось Канину до смешного высокопарно. А ещё для приличия, конечно, следовало поздороваться, что Канин и намеревался сделать, но вошедший опередил его.

— Добрый вечер, — почти неразличимо сказал он не то доктору, не то куда-то в сторону, а затем посмотрел на Канина и улыбнулся ему — сдержанно, одним намёком, но как-то очень приветливо, так, что неприязнь развеялась сама собой.

— Здравствуйте, — кивнул Канин и, смущённо отставив стопку, посмотрел в окно.

А попутчик его, меж тем, сел напротив и, не положив в рундук сумки и даже не снимая плаща, открыл книгу и принялся сосредоточенно вглядываться в убогий текст. Затем достал откуда-то огрызок карандаша и начал им что-то подчёркивать. Стоило думать, со зрением у него тоже было худо, так низко он нагнулся над столом.

Здесь доктор Канин почувствовал себя неловко. Заниматься какими-то своими делами в присутствии этого человека ему казалось неудобно и почему-то невежливо, и потому он просто смотрел в окно. Так прошло полчаса,

может, три четверти часа, Канин времени не засекал. Наконец, сосед отложил книгу в сторону и поднял глаза.

— Скажите, вы куда едете? — голос у него был тихий, необычно умиротворённый и спокойный.

— В N.

— Правда? — с воодушевлением спросил человек.

— Да.

— Вы тоже... в монастырь?

— Нет, я по работе. А в какой монастырь?

— Мужской монастырь. Древняя, святая обитель, — и он улыбнулся снова, и снова едва заметно, но так же тепло и мягко.

— Я даже и не знал, что там есть монастырь...

Доктор Канин на этот раз внимательнее всмотрелся в своего попутчика, и не смог понять, отчего эта улыбка так к себе располагает. Ведь её даже улыбкой назвать было сложно — на лице его почти не было мимики. И выражение задумчивости, сосредоточенности никуда не исчезало.

Доктор Канин смотрел так, наверное, с полминуты, не отводя глаз. Куда же смотрел незнакомец, сказать было сложно, — его взгляд так и не зацепился ни за один предмет в купе, так, как будто бы для этого человека все они были одинаковые.

Наконец, нарушив повисшее молчание, он произнёс:

— Наверное, вы никогда не бывали в этом городе раньше. Все знают об этой обители, все едут туда. И я тоже... надеюсь успеть к Страстной пятнице.

Ах да, вспомнилось Канину, скоро же Пасха. А нынче четверг, Чистый четверг, стало быть.

Так выяснилось, что сказать им друг другу больше нечего. В воздухе повисло — опять — то ощущение неловкости, которое хотелось как можно скорее преодолеть.

Вежливо кивнув, Канин снова отвернулся к окну, но боковым зрением всё поглядывал на лицо попутчика. Оно стало напряжённым, черты заострились, как будто тот подавлял мучившую его сильную боль. Но улыбка с губ не исчезла и даже не выглядела наигранной и фальшивой — человек действительно улыбался. Напряжённость выражения усиливалась, передалась на шею и плечи, отчего поза стала ссутуленной, а левая рука сжалась в кулак.

Наконец, в какой-то момент он вздохнул, тяжело и раздосадовано, вынул из кармана белый флакончик с какими-то таблетками (Канин не успел рассмотреть, какими именно), вытряхнул себе в ладонь три или четыре и проглотил, не запивая. Затем откинулся на стенку, закрыл глаза и несколько минут неподвижно так сидел, еле заметно дыша и ничего не говоря.

Канин, разумеется, понимал — что-то здесь не так, но вежливость долго не позволяла спросить, что именно. Наконец, он спросил — негромко и со странной для медика опаской:

— Вам плохо? Я врач, я могу помочь...

Человек не сразу ответил. Даже глаза открыл не сразу, а едва ли не через минуту.

— Господь с вами, всё нормально, всё хорошо...

— Да нет, я же вижу, вам больно... Скажите, что...

— Язва желудка. Ничего, поболит, пройдёт. В пост всегда сильнее болит, но это ничего, это пост.

— Вы, что, всерьёз думаете, — спросил, нахмурившись, Канин, — что это мелочь?

— Всё послано Господом как испытание.

— Знаете, верить — это одно, а так... Скажите, вы когда ели в последний раз? И что ели?

— Как же, утром, картошку варёную, без масла, как положено.

— А когда в следующий раз есть будете?

— В Великую Субботу, утром уже можно будет.

— Я думаю, не стоит так делать. Здоровье нужно беречь. От него в нашем с вами возрасте уже и так немного остаётся, надо к нему трепетнее относиться.

— Скажите, как вас зовут?

— Евгений Викторович.

— Так вот, Евгений Викторович, вы поймите — в этом весь смысл поста, это испытание и изнурение для души и тела, это доказательство веры человека.

— Испытание — не испытание, но вот с язвенной болезнью желудка шутки очень плохи, это я вам как врач говорю.

— Это не шутки. Это попытка смирения, — при этих словах попутчик посмотрел куда-то вверх и, после некоторой паузы, продолжил: — Христос принял смерть за грехи человеческие, и мы воодушевляемся примером Его. И, значит, в каждом из нас должна быть готовность страдать и, может, не только за себя. Это и есть то, что называется смирение, самая, наверно, большая добродетель.

— Нет, не понимаю. Зачем заставлять себя терпеть, если этого вполне можно избежать, вовсе не причиняя никому вреда или неудобства? По-моему, извините, это мазохизм...

Человек лишь пожал плечами и ничего на это не сказал, лишь снова взяв в руки книгу и продолжил её изучать.

За окном уже совсем стемнело, и доктор Канин решил ложиться спать — не то, чтобы завтра ему было рано вставать, но делать всё равно было нечего. К тому же, ему было стыдно за свою последнюю фразу, она казалась теперь звучащей обидно. Но ещё более неудобным ему показалось за неё извиняться.

Раздевшись и укрывшись одеялом, доктор уже сквозь сон видел, как его попутчик по-прежнему сидит за столом, в одной позе, с карандашом в руке.

Постель в вагоне — не самая мягкая, чистая или тёплая на свете, но доктор Канин в ту ночь отлично выспался. Он проснулся очень поздно, почти в одиннадцать утра, когда проводница зашла в купе предупредить пассажиров, что через 40 минут — город N. и что бельё пора сдавать.

Канинский попутчик в это время тоже спал — так и не снимая плаща, прислонившись к окну. Перед ним лежала раскрытая книга, по столу с неприятным шорохом перекатывался огрызок карандаша.

Он крепко спал. Голоса проводницы он не услышал, и поэтому Канин, дождавшись, когда та уйдёт, встал с постели, оделся и, наклонившись к нему, произнёс:

— Просыпайтесь. Через 40 минут прибываем.

Но он не просыпался. Тогда Канин легонько тронул его за плечо, и это помогло — человек дёрнулся всем телом, ещё сильнее вжался в угол и только потом открыл глаза, а когда понял, в чём дело, растерянно произнёс:

— Извините меня, я, кажется, уснул. Слава Богу, что вы меня разбудили, спасибо.

— Не за что. Это вы меня извините, что так бесцеремонно.

— Нет-нет, ничего...

Он смотрел на доктора, бесцельно моргая глазами, будто пытался сфокусировать взгляд. Вероятно, вновь подумалось Канину, у его попутчика были проблемы со зрением.

Всё-таки он был странный, этот человек — вроде бы первое впечатление от него осталось пренеприятное, но стоило заговорить, и тут же оно поменялось! И какая-то сверхъестественная теплота исходила от его, в общем-то, самых обычных, слов, и от улыбки его, такая теплота, от которой хочется жить.

Перрон вокзала в городе N. всегда был многолюднее, чем сам город, — большая станция, на ней часто и надолго останавливались поезда. На платформах шла бойкая, неискоренимая торговля с рук всем, чем только можно, — от пирожков и беляшей с неизвестной начинкой до нехитрой радиоэлектроники и мужских журналов за прошлый месяц.

Сойдя с поезда, доктор Канин тут же затерялся в шумной вокзальной толпе, которая перенесла его через путь, высокую платформу, внесла в зда-

ние вокзала, вынесла наружу и рассеялась, оставив одного на привокзальной площади.

Там было совсем не то, что у поездов. На большой площади, где проезжая часть была покрыта потрескавшимся асфальтом, а тротуары — битыми плитами, почти не было людей. Правда, у другого крыла вокзала, отданного, как водится, под автостанцию, стояли в ожидании пассажиров несколько пригородных “Газелей”, которые производили некоторое оживление, но в остальном было пустынно и тихо.

В этот самый момент из вокзала вышел ещё один человек, и в нём Канин без труда узнал своего попутчика. Подойдя к доктору, он улыбнулся и спросил:

— Вы не знаете, как уехать?

— Если честно, нет, — признался доктор Канин, не задумывавшийся об этом вовсе, полагая взять такси, которое и так куда нужно увезёт.

— А куда вам нужно?

— В больницу для начала.

— А-а-а... Садитесь вот прямо здесь на 3-й автобус и езжайте до конечной. К самой больнице приедете. А можете на такси, если хотите. Только здесь вы такси не поймаете, пройдите во-о-о-о-он туда, метров сто, они все там стоят.

— Хорошо, спасибо большое.

— Не за что. А вы, всё-таки, приходите сегодня в монастырь, на службу, и завтра приходите... Приходите.

— Ладно, я попробую, если у меня получится, я приду.

— Что ж, всего доброго.

— До свидания.

Сказав это, человек наискосок пересёк площадь, и скрылся в каком-то из дворов.

Канин, никуда не торопясь, по-прежнему стоял на остановке, выбрав место посуше, и шурился от тёплого весеннего солнца. Можно было насладиться тишиной, свежим воздухом, хорошей погодой и ярким, живым светом. На долю доктора все эти удовольствия редко выпадали. В кабинете было душно и жарко, в операционных института — ещё душнее и ещё жарче, а при включённых кондиционерах — нестерпимо холодно. А дома? Дома бывало по-разному, но почему-то всегда темновато.

Здесь ему подумалось, что в большом городе, откуда он приехал, вообще существенно темнее — может, потому, что дома там выше, может быть, потому, что сам город — севернее, какая разница? Он постоял так ещё некоторое время и тоже пошёл наискосок через площадь, только в другую сторону — туда, где, как указал ему попутчик, стояли таксисты.

Носатый седой армянин, водитель неопределённого цвета “семёрки”, мирно почивал на разложенном кресле, и на голос Канина никак не реагировал, поэтому доктору пришлось поступить невежливо: он просунул руку в опущенное с водительской стороны окно, легонько постучал по пыльному пластику приборной доски, и это мгновенно подействовало.

Задав дежурный вопрос: “Куда?” — и услышав ответ, армянин назвал дежурную же цену — “пятьдесят”. Будь в городе сто тысяч населения, он попросил бы семьдесят, а если полмиллиона — сто семьдесят. Доктор Канин отлично это знал, поэтому, прикинув в уме примерное население города, вытащил полтинник из кошелька ещё на подходе.

Ехать тоже оказалось одно удовольствие — на улицах не было ни светофоров, ни разметки, ни, собственно, потока — изредка попадавшиеся одиночные машины почти мгновенно терялись из виду. В приоткрытое окно врывался свежий ветер, однообразные и в то же время совсем не надоедающие пейзажи небольшого города проносились мимо, и даже многочисленные выбоины на асфальте почти не ощущались. Таксист ехал быстро и соблюдением правил себя не утруждал (в чём, впрочем, и не было особой необходимости), так что домчались они минут за десять, если не меньше.

Собственно занятие намечалось на час пополудни, так что, бросив вещи в гостиничном номере, скромном, но чистом, доктор Канин, которому порядком надоело как сидеть, так и лежать, стал думать о том, чем же здесь можно заняться. Вопрос был не отнюдь не праздный, так как обратный поезд был только в субботу утром, и стоило как-то спланировать время.

Занятый этими построениями, он зачем-то вышел на улицу, и куда-то пошёл — неизвестно, куда. Не то, чтобы он очень хотел прогуляться, — просто ноги сами вынесли его, и он не стал этому противиться. Сами же собой перед его глазами возникли наполовину обшитый сайдингом универмаг с окнами, местами заложёнными шлакоблоками, за ним — ещё один торговый центр, который когда-то явно был кинотеатром, а за его углом обнаружился небольшой и нешумный, но колоритный и очень ароматный рынок, мимо которого Канин просто не мог пройти.

Он вспомнил, как в детстве бегал на точно такой же базарчик (в те времена такие в Дементьевске-Тиманском ещё существовали), покупал там малосольные огурцы, редис, квашеную капусту, зелень, причём покупал всегда больше, чем было нужно, — многое съедал уже по дороге... Доктору Канину вдруг почудилось, что вот здесь, сейчас, он встретит то же самое — такие же огурцы, такую же квашеную капусту, — и он был почти уверен, что как найдёт — непременно купит...

Однако ни огурцов, ни квашеной капусты на рынке не нашлось. Там нашлись прошлогодние мандарины, яблоки и хурма, сложенные в аккуратные пирамидки, да ещё очень много крупной, неестественно чистой картошки в фирменных красных сеточках. Доктор Канин даже не сразу понял, что в апреле месяце свежим овощам просто неоткуда взяться.

Отойдя от торговых рядов, Канин присел на чистую от снега скамейку. Ему вдруг очень захотелось курить, хотя он бросил ещё лет пятнадцать назад.

Никак не выходил из головы безымянный попутчик. Он, Канин, редко теперь уже обращал внимание на дорожные знакомства, и любого другого забыл бы через пять минут, но этого... Какая стойкость, думалось доктору, ведь, как он вспомнил услышанное где-то, больные освобождаются от поста. А ещё этому человеку должно быть больно, очень, очень больно. Канин, конечно, не был гастроэнтерологом, но ощущения представил себе довольно живо. А крутом все спуют, все бегают, все чем-то заняты, и кому какое дело, что нынче Страстная пятница! Все забыли... И тут же в голову пришла другая мысль: а может быть, и правильно сделали?

Доктор Канин никогда не считал себя не то что религиозным, но и просто верующим, и не смог себе объяснить, откуда у него возникло желание всё же съездить вечером в этот монастырь. Но сделать это он решил твёрдо — в том числе и потому, что заняться всё равно было нечем. Не пить же с местными коллегами. Тем более что доктор Канин с кем попало не пил.

2

Занятие по повышению квалификации получилось неприлично скучным. По ходу лекции доктор Канин всё пытался, но так и не смог понять, кого сильнее клонит в сон: слушателей или же его самого.

До монастыря он сначала хотел было отправиться пешком, но, когда спросил у местных, куда нужно идти, и услышал от них, что монастырь находится в добром десятке километров от города, решил всё же взять такси.

...Машина притормозила метрах в ста от ворот: ближе водитель подъезжать не рискнул из-за собравшейся под стенами большой толпы. Расположенная справа стоянка была до отказа забита автомобилями, рядом с выездным плагбаумом стояли несколько паломнических автобусов.

Лишь только доктор Канин ступил на землю, толпа, как за несколько часов до того на вокзале, подхватила его и понесла по направлению течения.

Только оказавшись по другую сторону стен, Канин смог выбиться из общей толчи и, встав на бордюр, немного осмотрелся по сторонам. В огромном

комплексе монастырских зданий церковей было, по меньшей мере, восемь, но действовали из этого числа, по-видимому, только три, так как народ стекался туда.

Канин точно не знал, в какую из них следует идти, поэтому пошёл в ту, которая оказалась ближе всего, — не очень большую, но, как и все здания в духе классицизма, не лишённую некоторой излишней массивности. За тяжёлыми дубовыми дверьми, в притворе, и далее, в западной части придела, людей было сравнительно немного — отдельные разрозненные группы, но дальше спины смыкались сплошной стеной.

...Доктор Канин стоял у западной стены, не пытаясь прорваться через толпу. Нет, он не молился и не думал о страстях Христовых, и вообще в тот момент ни о чём не думал. Больше в воображении, чем на языке, он перекачивал подхваченное им где-то в притворе словосочетание — не то, чтобы совсем незнакомое, но определённо для него новое: “Великая вечерня”. Вот как эта служба, стало быть, называлась.

...Священник пел тягучим, тяжёлым голосом, гулкое эхо отражалось от сводов и, волна за волной откатывалось от алтарной части к притвору. От этого голоса Канину делалось как-то не по себе, внутри что-то начинало вибрировать и дрожать. Голос проносился над окружавшей людей тишиной, не трогая самой этой тишины — вязкой и плотной. Канину было слышно, как где-то слева от него кто-то чихнул... Было слышно, как ещё левее, у самого окна, какая-то женщина резко и зло цыкнула на не вовремя заплакавшего ребёнка... Как сзади кто-то шуршит пакетом...

Канин осматривался по сторонам, пытался взглянуть в лица рядом стоящих... На службу собрались люди самые разные — старые и молодые, мужчины и женщины, одетые богато и попроще. Но если во всех этих людях и было нечто общее, то, несомненно, выражения их лиц — суровые, нарочито хмурые, даже мрачные, с поджатыми уголками ртов и взглядами, направленными в одну точку, перед собой. Глядя на эти лица, доктор Канин вдруг понял, что же на самом деле означает выражение “постная мина”. Ни за одну из них глаз не цеплялся, взгляд хотелось тотчас же отвести.

Поэтому Канин стал всё больше смотреть вниз, на пол, и не сразу заметил почти прямо перед собой знакомый серо-бежевый плащ. Они с попутчиком и здесь умудрились не разминуться!

Первой мыслью Канина было подойти и поздороваться, но, сразу поняв, что это будет, по крайней мере, невежливо, он остановился, застыл в полуготовности сделать шаг, с подогнутой в колене правой ногой и головой, наклонённой вперед. Сразу вслед за тем он почувствовал желание взглянуть этому человеку в лицо, увидеть, что стало с ним, как оно здесь преобразилось. И тогда доктор осторожно, по миллиметру ступая, через минуту или две сумел вклиниться во впереди стоящий ряд и повернул голову влево.

Человек этот, как и все вокруг, смотрел куда-то в одну точку, но не на впереди стоящих, а как будто бы поверх их голов и плеч, на иконостас или, быть может, сквозь него. Но совершенно другим, отличным от всех прочих, было его лицо — на нём запечатлелись одновременно и скорбь, и недоумение, и скрытый, но неподдельный ужас, как будто бы он оказался в совершенно неестественной для себя ситуации. Видно было, что человек очень внимательно смотрел и слушал — глаза широко раскрыты, мимические мышцы предельно напряжены. И оттого лицо было живым; Канин подумал, что, будь у него зрение получше, он бы непременно разглядел, как на лбу и на щеках его попутчика собираются и тут же разглаживаются крошечные морщины.

Всё это показалось доктору Канину странным, ведь уж у этого-то человека опыт стояния на службах должен быть огромным! Но подойти и спросить, он, конечно, не мог, да и незачем.

Хотя Канин не обращал ничьё внимание на своё присутствие, человек всё же разглядел его боковым зрением и, на секунду отвлекшись, повернулся и кивнул, не улыбаясь, впрочем. Канин, также не улыбаясь, кивнул ему в ответ и тут же сильно зажмурился, ощутив вдруг нестерпимую резь в глазах.

...Он стоял, разминая глаза пальцами; был вынос Евангелия, и на какое-то время стало тихо.

Как следует проморгавшись, он снова взглянул на своего попутчика, но — снова зазвучало, и доктор Канин волей-неволей отвлекся на слух.

...Святого блаженного, Иисусе Христе: пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа, Бога. Достоин еси...

Человек по-прежнему стоял на своём месте, и всё так же внимательно смотрел и слушал, но выражение ужаса с его лица на мгновение исчезло, втянутые щёки расслабились, чуть сощурились глаза. И тут же лицо напряглось снова...

И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другим своим; и он возвращался в стан; а служитель его Иисус, сын Навин, юноша, не отлучался от скинии.

Моисей сказал Господу: вот, Ты говоришь мне: веди народ сей, а не открыл мне...

Человек вдруг зажмурился, видно, от резкой боли, а открыв глаза, шумно вдохнул и начал судорожно сглатывать, будто подавляя подступавший к горлу ком.

...Кого пошлешь со мною, хотя Ты сказал: “Я знаю тебя по имени, и ты приобрел благоволение в очах Моих”;

итак, если я приобрел благоволение в очах Твоих, то молю: открой мне путь Твой, дабы я познал Тебя, чтобы приобрести благоволение в очах Твоих; и помысли, что сии люди Твой народ.

[Господь] сказал: Сам Я пойду, и введу тебя в покой.

[Моисей] сказал Ему: если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выводи нас отсюда, ибо по чему узнать, что я и народ Твой обрели благоволение в очах Твоих? не по тому ли, когда Ты пойдешь с нами? тогда я и народ Твой будем славнее всякого народа на земле...

Человек продолжал стоять, не двигаясь, но Канину видно было, как он стискивает зубы, как по морщинистому лицу начинают ходить желваки, как взгляд начинает метаться по церкви из угла в угол. Но на лице не появилось ни тени озлобленности, человек стоял и продолжал внимательно слушать.

И сказал Господь Моисею: и то, о чем ты говорил, Я сделаю, потому что ты приобрел благоволение в очах Моих, и Я знаю тебя по имени.

Человек лихорадочно запустил правую руку в карман плаща, пытаясь что-то там найти, но нужного предмета, видимо, не было. “Он всё-таки доигрался со своей язвой, — подумал доктор Канин. — Ах, я же его предупреждал... Надо его отсюда вывести и в больницу его, срочно в больницу”...

[Моисей] сказал: покажи мне славу Твою.

И сказал [Господь]: Я проведу пред тобою всю славу Мою и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать — помилую, кого пожалеть — пожалю.

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале;

когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду;

и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо.

...Но было уже поздно. Лишь только Канин, кого-то потеснив, двинулся туда, где был его попутчик, он увидел, как тот резко, всем телом, дёрнулся, обеими руками оттолкнул стоявших впереди женщин, и его вытошнило

чёрной, зловонной массой. В первую секунду повисла гробовая тишина, человек стоял, наклонившись, упершись руками в колени и тяжело дышал, и в этот момент его вытошнило снова.

“Рвота цвета кофейной гущи... — вспоминал Канин цикл гастроэнтерологии. — Это желудочное кровотечение. И, похоже, очень сильное. Ну всё, труба...”

И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние: у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц...

— Помилуй, Господи! — закричала какая-то женщина — Нечистый! Здесь нечистый!..

...Доктор Канин плохо помнил, что началось потом. Волна паники в мгновение разлилась по всей церкви. Поднялся страшный шум: визжали женщины, плакали дети... Все разом рванули к выходу; в притворе началась сильная давка.

Доктор Канин попытался прорваться к своему попутчику, но в начавшейся сумятице это оказалось непросто.

— Дорогу! Пропустите, пропустите, я врач!! — он кричал, что было силы, но его никто не слушал и в общем шуме не слышал.

“...Как бы они его не растоптали... Осмотреть, осмотреть, чтобы там перфорации не было. Проперкутировать, сохранена ли печёночная тупость, посмотреть на симптом Щёткина-Блюмберга... Только бы он был не в коме...”

— Вызовите “скорую” кто-нибудь!!! Он же умрёт!!! Ну, пропустите же! Пропустите!

Жалкие три-четыре метра до цели Канин прошёл почти за минуту. Человек, вокруг которого разом образовалось пустое пространство, лежал на полу, на спине, свесив голову вправо, и почти не шевелился, его по-прежнему безостановочно рвало. Канин не мог определить, был ли человек в сознании или же нет.

Он ещё продирался сквозь толпу, как его окликнул какой-то монах, который до того стоял, склоняясь над лежащим и что-то бормотал:

— Вы — врач? Что нужно сделать?

— Переверните, переверните его, положите на бок, и рот ему пошире откройте, а то он рвотными массами захлебнётся.

Монах мгновенно всё исполнил.

— Так, я его сейчас осмотрю...

— Ещё что-то? — спросил монах подоспевшего Канина и, после секундной паузы, добавил: — Обезболивающее что-нибудь?

— Нет, ни в коем случае... При остром животе — ни в коем случае обезболивающее не давать, вся клиническая картина смажется... У вас лёд есть? Принесите лёд!..

Монах уже развернулся, как Канин окликнул его:

— “Скорую” вызвали?

— Не знаю, должны были уже.

— Немедленно “скорую”, немедленно, тут такое сильное кровотечение...

— Хорошо, хорошо...

Толпа уже почти полностью рассеялась; только лишь бабушки-лампадки сбились в кучу где-то в уголке, да несколько человек стояли далеко впереди них, у клироса.

Служба, конечно, не прервалась. И не могла она прерваться, ибо служилась не для собравшихся.

Так многие народы приведет Он в изумление; цари закроют пред Ним уста свои, ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали.

Доктор Канин, как до того монах, склонился над лежащим, присел на корточки. Расстегнул рубашку, проперкутировал правое подреберье.

“...Живот напряжён, звук тимпанический... Значит, там газ, похоже, всё-таки перфорация. Плохо дело”.

— Эх, говорил же я тебе, не шути ты с язвой...

— Всё в порядке, — вдруг ответил слабым голосом лежащий, пытаясь приподняться на локте. — А-а-а-а... Не надо было столько шума.

— Да вы что, — Канин начал пальпировать эпигастральную область, справа, — в самом-то деле, хватит бравады. Вера верой, а так нельзя. Сами себя довели. Сейчас уж просто лежите, на спину не переворачивайтесь, “скорая” едет. Вот так больнее?

— Да, больно...

— А вот так?

— Так... меньше...

— А здесь? И, правда, не нужно бравады, я знаю, я знаю, что больно...

— Нет, не бравада... Больно?... Больно... Умирать со Христом в сердце... умирать не страшно... А-а-а.. Не бойтесь. А шум... паника, страшно, что паника... Только бы там... а-а-а... никто не покалечился.

— Ну, вы умирать-то не торопитесь. Я думаю, всё нормально будет, — доктор Канин резко отдернул пальцы; лежащий дернулся следом. “Симптом Щёткина-Блюмберга положительный. Совсем худо”. Можно было бы, конечно, проверить ещё несколько симптомов, но доктор Канин решил, что лучше его лишний раз не шевелить — не навредить. Да и потом, без препаратов сделать он ничего не мог, а коагулянты в здешней аптечке вряд ли водились. Он попытался улыбнуться, но строить из себя оптимиста у него получалось не ахти как. Он-то знал, он-то всё знал.

— И вы не бойтесь, что так обо мне закричали, не бойтесь. Это неважно всё...

Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его.

Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, [что] Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом.

Доктор Канин думал, что к ним кто-нибудь подойдёт. На них двоих и вправду все смотрели, но никто не подходил. Никто. Человек хотел ещё что-то сказать, но застонал, закашлялся, опять лёг на бок, и его тяжёлое, с хрипом дыхание эхом отражалось от свода и стен.

Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились.

Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас.

Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих.

Доктор Канин так до конца и не понял, зачем спросил:

— Вы и вправду не боитесь умирать? Даже неисповеданным?

Человек снова приподнялся на левом локте, внимательно посмотрел на Канина и улыбнулся, но уже не сдерживаясь, широко и ясно:

— Боюсь. Очень боюсь...

Он снова закашлялся, и в этот момент сознание оставило его окончательно.

Прибежал монах и принёс пузырь со льдом. Доктор Канин приложил лёд к эпигастральной области и, как мог, примотал. Трудно было сказать, да-ло бы это ощутимый эффект или нет, но доктор Канин старался — свой долг он привык исполнять до конца.

С улицы донёсся звук заглушаемого двигателя и, по тёмному притвору запрыгали синие отблески проблесковых маячков.

Резанимационная бригада действовала быстро, слаженно, почти без слов. Канин сказал о результатах осмотра, его выслушали, но не очень внимательно.

Человека осмотрели снова, положили на каталку, как было, на бок, и тотчас же повезли к выходу; Канин следовал за ними.

На улице, когда уже захлопывались двери машины, ему вдруг пришла в голову мысль, что, может быть, стоит поехать с ним, но тут же ей ответила другая, не менее резонная, что в реанимобиль его никто не пустит, и он оставил свою затею.

На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет.

Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем.

Доктор Канин стоял на крыльце, теребя в кармане заваливавшиеся там ключи от квартиры и глядя куда-то вдаль. С запада, от начинающего заходить солнца, ветер гнал причудливой формы перистые облака, которые проплывали прямо над головой и скрывались за остриём колокольни. Ветер шевелил верхушки берёз по ту сторону аллеи, потрёпывал волосы на головах прохожих, шуршал пакетами в их руках.

Доктор Канин так и не мог понять, что же это такое. Что такое должно быть внутри тебя, чтобы ты мог терпеть такую боль. А тот ведь терпел... терпел. Станный человек. В сущности, Канина с ним ничто не связывало, но он понимал, что, пожалуй, ни к кому из своих пациентов он не испытывал такого сочувствия, как к этому — даже не пациенту, случайному знакомому.

Доктор Канин, конечно знал, что это такое, когда умирает твой пациент. У него, как у всякого врача, было своё личное кладбище. Но он, в общем, никогда не казнил себя за это. Да и здесь не казнил, но досадно было до слёз. Ему, Канину, очень станет горько, если этого человека не спасут. Что-то светлое было в нём, что-то, что не хотелось отпускать из мира.

Он боковым зрением уловил, как сзади подошёл давешний монах.

— Что теперь? — спросил тот у доктора.

— Теперь — экстренная госпитализация, наблюдение, и, думаю, операция. Резекция желудка, вероятно, хотя, я не хирург, я точнее не скажу, там могут быть варианты.

— Это он вас сюда позвал, так ведь? — монах внимательно, испытующе посмотрел на Канина, и тому, неизвестно, отчего, стало немного стыдно.

— Да, это он. Я, знаете, к стыду своему, не так часто в церкви бываю.

— Это личное дело каждого. А вы с ним знакомы?

— Нет, в общем-то. В поезде ехали, в одном купе... А вы?

— Я? Нет, конечно. Сюда ведь много паломников приезжает каждый год. Хотя он часто бывает, я его запомнил. Но по имени, разумеется, не знаю.

— Глупо как-то всё это случилось, глупо. Ведь вдруг такая паника...

— Всякое бывает, и это тоже бывает.

— Да, я понимаю, народ экзальтированный...

— Никого не надо осуждать. Случилось то, что случилось. В этом как раз и есть смысл того, что здесь произошло.

— Вы о чём?

— Я вот о чём. Как вы думаете, в чём смысл чтения Книги Исхода на Великой вечерне, когда, казалось бы, речь идёт о новозаветных событиях?

— Не знаю, — честно ответил Канин.

— А смысл в том, чтобы напомнить в том числе и о том, что человек может не понимать и заблуждаться, это свойственно ему. Это что-то вроде наглядного примера: в ветхозаветные времена даже Моисею было невозможно узреть лицо Господа. А когда Христос явился в этот мир, Его лицо могли видеть все. И всё же люди не поняли этого и осудили Его на крестную смерть...

— Я, — растерянно и совсем не к месту сказал доктор Канин, — я, что мог, сделал. Я, может, для церкви человек пропащий, но как врач, что мог, сделал.

— Для Господа никто не пропащий. Скажите, вы за него переживаете?

— Да. Не понимаю, зачем он так?.. Не ехал бы сюда, не изводил бы себя постом, он же язвенник, ему строжайшая диета нужна...

— Каждый сам выбирает себе путь. Страдание — это тоже выбор. Не нам с вами его осуждать. Не казните себя. Не надо.

...Двое послушников нараспашку открыли ворота, и на подворье въехал огромный *Dodge Interpid* неопределённого цвета. Стоявшие чуть поодаль трое полицейских поспешили к машине и, когда дверь с водительской стороны открылась, вытянулись по стойке “смирно”, разве что под козырёк не взяли.

Из автомобиля вышел парень лет двадцати трёх, одетый в дорожную, но безвкусную чёрную куртку с воротником из искусственного меха, с огромным портфелем на плече. Не обращая на стражей порядка ни малейшего внимания, он закрыл машину, и поднялся на крыльцо, поприветствовав стоявших там лёгким, но изящным кивком головы.

— Здравствуйте, — негромко и нерешительно, так, чтобы, если что, никто не услышал, сказал доктор Канин.

Монах ничего не сказал, только кивнул.

— Добрый день, — сказал парень, — мне отсюда позвонили, попросили заехать...

— А вы кто? — спросил монах.

— Моя фамилия Постышев, я следователь, из района, — парень вынул из нагрудного кармана красное удостоверение и хлопнул им перед лицом у монаха.

— Значит, сказали уже отцу настоятелю...

— Вообще-то сначала позвонили в полицию, а уж потом мне из дежурной части... Меня вообще здесь быть было не должно, меня с трупа из района выдернули. Ладно, давайте, пообщаемся с вами, — он посмотрел на Канина.

— Будете меня допрашивать?

— Не допрашивать, а опрашивать, — менторским тоном произнёс Постышев, извлекая из портфеля планшет и бланки. — Пока уголовное дело не возбуждено, никаких следственных действий не проводится, допросов в том числе. Это пока только объяснения.

— Вы понимаете, я не из этого города... И вряд ли скоро сюда приеду. Может, лучше без этого, а то как вы меня искать потом будете?

— Ничего страшного, второй раз вас дёргать никто не станет. Вы же, наверное, сами понимаете, что никакого дела здесь не будет.

Опрос происходил там же, на крыльце. Постышев стряхнул перчаткой снег с балюстрады и, опершись на неё, начал заполнять бланк.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Канин Евгений Викторович.

— Дата рождения?

— Двенадцатое июня тысяча девятьсот шестьдесят *** года.

— Место рождения?..

— Всё верно записано?

— Да, всё верно вроде...

— Тогда вот здесь напишите: “С моих слов записано верно, мною прочитано” и распишитесь, только дату не ставьте. Вот, возьмите ручку.

— С моих слов... верно... прочитано, — Канин с удовлетворением взглянул на свою размашистую, с претензией на начальственность подпись и вдруг понял, что хочет засмеяться.

— Что с вами?

— Да нет, ничего, анекдот смешной вспомнил...

— Понятно... И я всё-таки не понимаю: как так вышло, что вы с ним разговаривали и даже имя не узнали?

— Да даже и не знаю, — честно ответил доктор Канин, — как-то необходимости в этом не было...

— Да, вам ещё повезло... Человек в прелести, вы с ним говорили... Такие персонажи иной раз даже и не разговаривают...

— Где человек?

— Тут, Евгений Викторович, не “где”, тут, скорее, “как”... Когда говорят “в прелести” — это что-то вроде православного сленга. Значит, что человек верующий до такой степени, что, кроме веры, вообще ничего не интересуется. Страшное дело, скажу я вам...

— А вы-то откуда всё это знаете?

— В нашем районе поработаешь — и не такое узнаешь, — невесело усмехнулся Постышев.

— Скажите, а дальше что будет?

— Дальше? Дальше будет проверка, будем искать, не было ли у кого умысла на убийство, не отравил ли кто... Но вообще туфта всё это, если честно. Меня лично вообще здесь быть не должно. По-хорошему, такие вещи участковый должен отрабатывать, вон он, кстати, в церкви, протокол ОМП пишет... Тут теперь одна проблема — имя узнать. Документов-то у него при себе не было, оставил, видать, где-то. Эти ж паломники, они же по всяким скитам останавливаются или ещё где-нибудь в подобных местах. А скитов этих по окрестным деревням...

— А сами вы что думаете по этому поводу?

— Да ничего пока не думаю... Я ж с ним не беседовал. По-дурацки как-то всё это. Вот уж правда, заставь дурака Богу молиться... Здесь, помнится, были случаи, когда люди в голодные обмороки падали. Но чтобы так...

Канин хотел спросить что-то ещё на эту же тему, но спросил совсем о другом:

— Как теперь мне выбираться отсюда в город?

— Да никак, на такси только. Или может, к паломникам в автобус впишетесь. Но это вряд ли, у них там всё битком. А вообще, знаете, что? Если подождёте, хотите, я вас довезу? Мне в Хлебниково потом, всё равно через город ехать. Только с монахом с этим тоже надо поговорить сначала. Но это недолго.

— Хорошо, я подожду.

Постышев и монах и вправду разговаривали недолго, не больше десяти минут. Потом следователь зашёл в церковь, надо думать, забрать протокол, а выйдя, пошёл заводить машину. Канин последовал за ним.

Ехали быстро, ехали молча. До гостиницы Постышев Канина не довёз (ему нужно было в другую сторону) и высадил в паре кварталов от неё.

Но в гостиницу доктор Канин сразу и не пошёл. Он решил дойти до больницы, благо, было недалеко. Зачем? Нет, не проведать (да и не пустят к такому больному), а, скорее, узнать, что да как. А может, ещё и просто прогуляться. Вечер был тёплый, приятный.

В больнице его визиту несколько удивились. Зато доктор Канин ничего нового для себя не узнал. Да, доставлен, осмотрен, в экстренном порядке взят в операционную, скоро, наверное, уже закончат.

...Сидя у входа в оперблок, доктор Канин подумал, что так глупо он себя, наверное, никогда не чувствовал. Что он спросит у хирурга? Как прошла операция? Будет ли жить? Ерунда, ей-богу, ерунда...

...“Скоро” растянулось на добрых полтора часа. Когда же двери, наконец, открылись, и хирург вышел в коридор, доктор Канин подскочил со скамейки, где сидел, потому что, как ему показалось, он понял, о чём он хочет его спросить...

Но тотчас же сел на место, потому что по одному угрюмо-усталому выражению лица, показавшемуся из-под снятой маски, доктор Канин понял, что уже всё кончено.

Доктор Канин шёл в гостиницу. Вместо мыслей в голове была какая-то несуразница, каша. “Пост. Молитва. Страстная пятница. Молитва. Служба. Тишина. Нечистый. Нечистый?.. Шум. Опять тишина. Облака. Небо. Снова тишина...” А потом пришла и вовсе странная мысль: что все те люди, которые были там, в церкви, будут помнить об этом случае? О чём расскажут знакомым?

А час или два спустя в номере его посетила другая мысль, простая, но оттого не менее удивительная мысль — окажись вдруг он когда-нибудь на месте этого человека и уйди тогда со службы — ему было бы очень стыдно. Доктор Канин поморщился от осознания этого явно неудобного факта, рука потянулась в карман брюк, за давно не существующими там сигаретами, а когда сигарет не нашлось, ноги сами, как-то против его воли встали и подвели его к окну.

Солнце садилось в тучу. Над тучей плыли всё те же перистые облака, только окрашенные в багряный оттенок.

...Хоронили на другой день, в Великую субботу (ибо на Пасху хоронить никого нельзя), под вечер. Хоронили у самого дальнего угла городского кладбища, у самой железной дороги, среди безымянных могил.

Подморозило. Снег, чёрный апрельский снег на ярком солнце снова блестел, как зимой, и неприятно похрустывал под переминающимися от долгого стояния ногами.

Панихиду служил иеромонах Анастасий, в ризе и епитрахили. Доктор Канин молча стоял за его спиной и слушал. Рядом с ним, плечом к плечу, стоял Постышев и тоже молчал. Ещё где-то в стороне курили двое могильщиков, и больше на кладбище никого не было.

В какой-то момент следователь, который был повыше ростом, наклонился к Канину и доверительным тоном прошептал:

— Ну, вот и всё. Исследование, слава Богу, быстро сделали, почему я и разрешил его хоронить. Теперь уже всё.

— Вы думаете? — таким же шёпотом спросил Канин.

— Конечно. А что теперь? Где он остановился, будем искать, но это уже мелочи.

— Вы так к этому относитесь? Вам его хотя бы жалко?

Постышев отрицательно покачал головой.

— Конечно, не по-людски всё как-то вышло, кто же спорит. Но так... Знаете, сколько каждый год безымянными умирает?.. Всех не пожалеешь, — и после некоторой паузы, повторил: — Всех не пожалеешь. Да и потом, что здесь не так? Он похоронен с миром, как положено. Он наверняка бы сам этого хотел — почти как Христос, опять же, в Великую субботу. Тем более вот, — Постышев кивнул на иеромонаха Анастасия, — он благословение у настоятеля испрашивал на панихиду, он мне так сказал.

— Да, наверное, вы правы. Только всё равно, нельзя так, не должно быть так. Ну, какой он “нечистый”, или как это теперь будут вспоминать? Бред же это всё, всё же не так...

— Хм, нечистый? — Постышев странно улыбнулся и, немного помолчав, добавил: — Хорошо сказано.

...Солнце уже клонилось к закату. Где-то вдалеке кричали птицы. И в небо поднималось торжественное и заунывное:

— Вечная па-а-амьять, вечная па-а-амьять, ве-е-е-ечная па-а-амья-а-ать!..

АНТОН МЕТЕЛЬКОВ

КУДА БЕГУТ РОМАШКИ?

* * *

куда бегут мурашки?
в какую мураву?
вот кто-то рвёт ромашки
а я вот их не рву

пускай они оставят
любовь без лишних рифм
и дети подрастают
а мы всё говорим

о том, что нынче август
не то, что был февраль
но есть ли в этом радость
и есть ли в том печаль?

куда бегут ромашки?
куда уходит дождь?
в тетрадях промокашки
давно уж не найдёшь

МЕТЕЛЬКОВ Антон Сергеевич родился в 1984 году в г. Новосибирске. По первому образованию — проектировщик радиоэлектронной аппаратуры, по второму — режиссер любительского театра. Работает библиотекарем в ГПНТБ СО РАН и там же учится в аспирантуре. Автор сборника стихов “Футляр”. Публиковался в журналах “Сибирские огни”, “Урал”, “Наш современник” и др. Лауреат ряда литературных премий. Участник и организатор поэтических акций в Новосибирске и других городах России.

* * *

вот и в небе, в синем небе
популярный крюк висит
снеговик подругу лепит
и под нос себе свистит

раз — снежинка, два — снежинка
да — сугробам, нет — весне
назову её пушинка
снег мой белый, белый снег

с волоокими глазами
с первоклассною метлой
чтоб весь мир в восторге замер
и мело мело мело

друг мой нежный, нос твой красный
мы научимся мечтать
мир печальный и прекрасный
будем вместе подметать

* * *

причудливые лекала
для снов или даже слов
пернатые скалы Байкала
такое у вас ремесло
смотреть, как бы взгляд ни слепило
как в хлади байкальских вод
плывет Александр Вампилов
и может быть — доплывёт

* * *

Что я вложил в своих детей:
сосну и берёзу в Бибихе,
Барнаул в мае,
фольклорный центр Ивана Афанасьевича,
Обское море и лодку, и сети, и деда Колю,
маму и папу.
И ещё кое-что в этом роде.

Чего я не стал в них вкладывать:
свои предательства,
свою гордыню,
свою расчётливость,
свою трусость,
своё неверие.
Всё это я несу с собой.

АЛЕКСАНДР ЕВСЮКОВ

КАРАИМ

РАССКАЗ

— Шторм. До утра парома не будет.

Эти слова означали, что Борису надо смириться, что он застрял здесь без малого на сутки. Влезть в автобус, вернуться на нём в Керчь, а там — выйти, чтобы слоняться по городу.

На раскалённых улицах — духота. Гроза, стремительная и желанная, бродила где-то за горизонтом.

“Ну, какой ещё шторм в такую погоду?..” В любой нормальной, привычной к материковым порядкам голове такое укладывается с трудом. Определив направление, он скоро вышел к набережной. Море било о берега под безоблачным небом. Брызги долетали холодные и освежающие.

Поодаль белые яхты и пёстрые катера сбились у причала, как куры на невидимом насесте. А совсем рядом огромный, будто всплывшее морское чудовище, нагруженный корабль медленно и грациозно менял курс, готовясь пришвартоваться. Несколько минут, замороженный зрелищем, как в детстве, Борис не мог оторвать от корабля взгляда.

Наконец, кипящие волны были побеждены, и исполин, покачиваясь, на самом малом ходу двинулся прямо.

ЕВСЮКОВ Александр Владимирович родился в 1982 году в городе Щёкино Тульской области. Окончил Литинститут (семинар М. П. Лобанова). Публикации прозы, стихов и критики в журналах “Дружба народов”, “День и ночь”, “Роман-газета”, “Нева” и др. Проза переведена на итальянский, армянский и болгарский языки. Победитель российско-итальянской премии “Радуга” (2016) и Российско-болгарского литературного конкурса (2017). Победитель (3-е место) премии “В поисках Правды и Справедливости”. Участник Форумов молодых писателей России. В 2017 году в издательстве “Русский Гулливер” вышла первая книга рассказов “Контур легенды”.

* * *

— ...Если, оказавшись здесь, идти не торопясь, и оглядывать дома, читать вывески, вдыхать причудливую смесь запахов города и моря и сворачивать с новых на старые улицы, то город начнёт вам приоткрываться.

На тесном перекрёстке Борис догнал экскурсию и ненадолго задержался среди группы людей, внимавших приятному, поставленному голосу:

— И тогда под маской промзоны, стратегического порта и транспортного узла различается сначала недавняя история, отчаянная и героическая. Вы, конечно, уже слышали об Аджимушкайских каменоломнях, о стасемидесятидневной их обороне. О бессмертных героях Эльтигенского десанта. В честь тех и других названы улицы нашего города. До этого — времена чужих владений, когда город и окрестности были одними из самых дальних окраин Крымского ханства и его покровительницы — Блистательной Оттоманской Порты*. Ещё раньше был период запустения и упадка. Он не слишком хорошо отражён, да и незачем. А перед ним, до всего этого — далёкая эпоха расцвета столицы могучего царства**, бросившего вызов величайшей империи древности. Если бы война тогда завершилась по-другому, то и Центр мира, то самое место, куда ведут все дороги, могло быть не где-то в Риме, а прямо ЗДЕСЬ — в Пантикапее! — обладатель приятного голоса приподнялся на какую-то невидимую из-за спин ступеньку и оказался пухлым, с заметной залысиной гидом. Он сделал паузу и пристально оглядел своих подопечных, как будто решая, стоит ли ещё взвинтить пафос своей речи или же рассказать подходящий случаю анекдот.

Борис отразил долгий подозрительный взгляд соседки в пятнистой панамке, цепко прижавшей сумочку к животу, и заставил себя двинуться дальше.

— А там — знаменитая лестница без малого в полтысячи ступеней, — продолжал за спиной гид. — Мы на неё ещё поднимемся! — В ответ донёся восторженный и горестный гул.

* * *

Борис остановился под навесом с вывеской “ВИНО НА РОЗЛИВ”. Отвернулся от фруктов и бутербродов, — хотя в животе уже урчало от голода, — а взял только стакан каберне. “Денег-то в обрез. Ночевать придётся, сидя на переправе. Или на скамейке под платаном. Или... Или?..”

Огляделся. Через дорогу — старинный дом среди большого сада. Красная черепица над белой стеной. Такие крыши ему здесь не встречались.

— Кто там живёт? — спросил смуглого парнишку-продавца. Тот выглянул из-под навеса и наморщил лоб, припоминая.

— Самуил, — ответил, наконец. — Да, точно. Караим. Так его зовут.

Борис кивнул, опрокинул в себя последний глоток и двинулся в сторону дома. Даже не спросил, что за странная фамилия — Караим?

* * *

Тёмный Угол выгнал старика Самуила на крыльцо.

Самуил прошептал молитву, глядя на заросший переплетёнными кустами юг, и сразу отправился к выходу, держа в поле зрения стену, чтобы опереться, если устанет. Теперь вот сидел на скамейке по колено в тени — так что ступни пекло солнце — и никак не решался вернуться.

Фасад его дома выходит на одну улицу, сад — на другую. А Самуил — самый старый на них обеих. И как же долго у него никак не получается уме-

* Блистательная (Высокая) Порты — резиденция турецкого султана либо местопребывание турецкого правительства, а также наименование самой турецкой монархии.

** Гид неточен. Пантикапей (одно из названий Керчи в древности) был столицей Боспорского Царства, поглощённого Понтийским при Митридате VI Евпаторе, царе, активно противостоявшем Римскому государству.

реть. Это последняя его забота. В ящике стола под лампой лежит особая тетрадка с потрёпанными углами, где записано, кого звать на похороны. Раз в полгода он сверяется и уточняет: все ли приглашённые живы сами, в уме ли они и точно ли в силах приехать? Порой приходится вычёркивать и думать дальше.

Жаль, что уже нет Симы. Хорошо, что есть Майя, её сестра. Она обо всём позаботится и ничего не упустит. Зря только он ей ТАК сказал в тот раз. Но это, понятно, стариновское. И она, кажется, отошла от обиды. Но всё равно — зря...

* * *

Борис подошёл к ограде. И за каким лешим его сюда потянуло? Дом как дом, каменный, крепкий. Сад за ним видно, что хороший, хотя и малость запущенный. Но пугало в шляпе вон выставили от птиц, чтоб не так клевали. Ладно, постоит, посмотрит и решит, куда двинуть дальше — ничего страшного в этом нет.

Всё вокруг было тихо и неподвижно. Подняв голову, Борис понял, что прямо над ним нависла отяжелевшая ветка груши. Руки потянулись сами и сдёрнули два спелых плода. Почему не попробовать обмануть ими голод?..

Вдруг ему показалось, что пугало в шляпе пошевелилось и взмахнуло рукавом. А потом с глухим стоном опрокинулось назад, на горку насыпанного щебня. Борис тоже невольно вскрикнул. Из дома никто не появился. Тогда он поддел щеколду калитки и вбежал внутрь.

Шляпа отлетела в сторону. На щебне лежал старик и пристально смотрел на него.

— А спросить язык отсох бы? — глухо выговорил он, не отводя взгляда. — Не пацан уже.

Глупо. Ни на чём подобном Боря не попадался лет с одиннадцати.

— Вам помочь?

— Руку дай.

Опершись на молодую крепкую руку, старик снова сел на скамейку.

— Шляпу.

Борис наклонился и, стряхнув со шляпы пыль, подал ему. Старик водрузил шляпу на голову, чуть поправил.

— Спасибо.

Борис пожал плечами:

— Не за что.

— Ну что? Ешь.

Тут Борис заметил, что обе груши по-прежнему сжаты в другой его руке.

— Неудобно, — тихо ответил он.

— А рвать чужое — удобно? — И помолчав, старик решил: — Дай мне одну, а второй угощайся.

Откусив и старательно прожевав кусок сочной мякоти, хозяин сада представился:

— Я — Самуил.

— А меня Борис.

Старик улыбнулся краем губ:

— Присаживайся, Тебя-Борис, есть место.

* * *

Они сидели в доме за столом. Самуил показал гостю, где что искать, и тот сам выставил на стол и холодное мясо, и разогретые на плите фаршированные перцы, и козий сыр, и фрукты из сада, и округлую бутылку с крепкой многолетней настойкой.

— Будем знакомы! — решил на тост Борис.

Оба выпили до дна.

— А ты откуда сам? — выдохнув, спросил Самуил.

— Родился в Крыму. Но мы рано переехали, так что я почти ничего не помню.

— И так бывает, — согласился хозяин.

— Вы ешьте тоже, Самуил. Чего ещё положить?

— Доем — тогда и добавишь. Мне бы твой аппетит. И лет на двадцать пять поменьше.

— А вы скиньте мне из своих?

— Сам наживёшь и не заметишь.

Борис налил ещё “под перцы”.

— Я давно живу, — с усилием заговорил старик, — и с детства знаю, что у нас почётная фамилия. Моего деда помнят в Японии. До сих пор. В своём последнем бою он один убил восемнадцать самураев. Сначала у него был наган, потом — только сабля. Вон те ножны, — он кивнул на дальнюю стену, — от неё. На лезвии остались зазубрины от всех ударов. Вокруг него одного лежал взвод мёртвых солдат с командиром. Говорят, у тех, кто упал на спину, у всех были удивлённые молодые лица. Почести к его телу приходил воздаты сам их генерал. Саблю они вернули, но сперва выковали точно такую же и выставили в своём музее славы. Написали, что это — оружие великого воина*... Здесь? — он произнёс немой вопрос, который ожидал увидеть в Бориных глазах. — Нет, никто про него не знает.

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

— А ваша почётная фамилия — Караим?

— Нет, бойдак**. Караимы — это народ; его называли святым народом. И особая вера, которую предки считали самой верной. Мы не евреи, не татары, не литвины и не турки. Доводилось уживаться с ними со всеми. Мы одни чеканили монеты для Хана всего Крыма; наших сородичей брал телохранителями Великий князь Литвы. Но отстаивать себя всегда выпадало самим.

— Я понял, — кивнул Борис.

— Ты мало что в этом понял, но слушай дальше. Я ушёл работать ещё совсем юнцом. Был чересчур худым, но очень настырным. И быстро научился прикрывать глаза своему страху. Потом пришла война, и я решил, что ни к чему от неё прятаться. До деда мне далеко, но своё дело я знал. Бывало, каждую ночь ходил за “языком”, жаль, что донести их живыми не всегда удавалось. За одного, которого посчитали особенно ценным, представили к ордену и сразу выдали трофей — его “вальтер”. Два раза меня крепко задевало, но вернулся обратно с руками, с ногами и со всем, что нужно мужчине. Как раз тогда решили заново строить город. Вот этот дом уцелел — отделался несколькими шрамами, как и я, — Самуил приподнял руку и провёл пальцами вдоль стены, как бы проверяя. — А мы стали строить назло войне. В это время мне встретилась моя женщина, та самая, в чьи глаза не страшно смотреться до самой старости. И она что-то такое разглядела во мне. Мужчин в поре было тогда немного, но к ней уже сватались: и наши, и русские. Нам тогда казалось, что мы ждали очень долго, а сами обвенчались по старому обычаю уже через месяц.

— Знаешь, — отпив воды из кружки, продолжил Самуил, — я не рвался в начальники, однако меня ценили. Звали в другие города. Я уезжал на месяцы. Возвращался. Бывало, я вдруг дико ревновал её там, в сотнях километров. Я звонил самым близким и доверенным, с каждого требовал присмотреть за ней и сразу сообщить мне, но никто так и не узнал про неё ничего плохого. А к моим приездам у нас рождались дочери. Пять дочерей. По их повадкам я вновь убеждался, что все они — мои. Старшей уже нет. Так бывает редко, но её я любил и баловал больше всех. Мы дали ей нежное имя — произносишь, и будто цветок распускается.

* В основе реальный исторический факт героической гибели поручика караимского происхождения М. Ф. Тапсашара при обороне Порт-Артура в 1904 году.

** Бойдак (bojdach) — парень (караим.).

— А как её звали?

— Айтолу. Это значит, полная Луна. Она родилась в полнолуние.

— Можно влюбиться в одно только имя.

— В неё было за что влюбиться. Святая правда. И говорю так не потому, что я отец. После неё сильно ждал сына. Достойного правнука моему деду. А вместо него — новая дочь. Я очень переживал. Ждал и молился, подолгу и горячо, — и сын, пусть очень поздно, но должен был у нас появиться.

Я понял сразу, что в этот благословенный раз будет ОН. Мне казалось, что это видно уже по её животу. Другие сомневались, но у них-то не рождалось столько дочерей. Жена рассказывала счастливым шёпотом, что он бил изнутри не часто, но сильно и требовательно. По-мужски. Я купил ему колыбель и повесил в отдельной, его комнате. Он точно должен был вырасти красавцем и настоящим батыром.

Только сначала родиться, задышать и заговорить.

Я всё и всюду успевал. Мне казалось, что кто-то скинул с меня лет двадцать, и я теперь могу взлететь без крыльев, на одной своей будущей радости.

И вот в один из дней на последнем месяце ожидания я вернулся из сада перед самой жарой и заглянул с порога в его комнату. Айтолу стояла там — не знаю, что на неё вдруг нашло, — и качала колыбель со своей старой куклой, и напевала ей. Что-то шептала от себя и снова напевала. Она стояла спиной и меня не видела. А об этом есть дурная примета. Глупое суеверие. По нему выходит, что младенцу не выжить. Я вспомнил об этом и едва не задохнулся. Язык не слушался, и я ничего не мог ей сказать. Она учуяла взгляд. И мой взгляд был такой, что она — совсем уже не маленькая девочка — прижала к себе ту проклятую куклу, выскочила отсюда и не появлялась в доме до самой ночи.

Роды были долгими. Ребёнок оказался слишком большим. Пять с половиной килограммов, как сказала потом сестра. Нужно было решаться, помочь ему и сделать то, что они называют “кесарево”. Но молодой врач так ничего и не сделал. Только успокаивал её и ждал. Рассчитывал, что сойдёт и так. У роженицы ведь были дети и все как-то выбирались сами.

А потом мой сын задохнулся...

Сказав это, Самуил сам задышал отрывисто, приподнялся было со стула и снова сел.

— В комнату... там, возле головы... справа, белая пачка...

Борис стремительно затопал по кухне и коридору и вернулся с таблетками.

Старик дошёл бы туда и сам, если бы не Тёмный Угол. Хорошо, что есть тот, кто о нём ещё не знает.

* * *

— ...как похоронил? Его принесли в деревянном гробике. Я сам копал могилу. Единственный раз после войны. Могильщики были не в обиде на меня. Яму длиной в неполный метр рыть дольше и труднее всего. Я закончил поздно вечером. А потом, на что-то надеясь, просидел на кладбище всю ночь и вернулся утром.

Жена быстро встала на ноги, но очень стыдилась себя в следующие дни. А у меня не получалось жить со всем этим. Я продал по хорошей цене вещи, заведомо не нужные моим женщинам: мотоцикл, мотор для лодки, парадные пиджаки. Потом снял все сбережения с книжки, добавил к ним деньги от этих продаж, завернул в пакет и положил дома, за известным только мне и жене кирпичом.

А на следующий вечер я пошёл к врачу в гости. Принёс с собой жареного барана и лучшего вина.

— Сегодня у нас будет Курбан*, — сказал я, — последний день траура.

---

* Курбан у караимов означает последний, а не первый (как у многих тюркских народов) день траура.

У него нашлось что-то вроде большого подноса, и мы сели вместе возле его дома. Врач знал свою вину. Сначала бормотал что-то невнятное, а потом перестал. Сидел, опустив голову.

— Ешь.

Помню, как судорожно он жевал, испуганно выглядывая из-за куска в своей руке. Казалось, от него даже пахло каким-то особым предемертным потом.

— И пей.

Его глаза выпучились. Было видно, как входит в него каждый глоток, готовый отпрыгнуть. Добра от меня он точно не ждал. Но повиновался.

— А теперь будь мужчиной. И помолись, если есть кому молиться.

Доктор ошалело мотнул головой. Как я понял, это значило, что молиться он не станет.

Не торопясь, привычным движением я просунул руку за пазуху. Рукоять была тёплой — согрелась на груди. Этот трофейный ствол, как следует, смазан и надёжно заряжен. Осечек с ним не бывало — это я помнил и тогда, через четверть века после моих ночных вылазок.

Я смотрел на него в упор, дожидаясь, чтобы он поднял взгляд, когда с крыльца сошёл маленький сын доктора. У сына были огромные светлые глаза. Он был совсем крохой и пролепетал мне что-то радостное и доверчивое. Наверно, поздоровался, но разобрать непривычным ухом у меня не получилось.

Я вынул руку и поднялся. А доктор всё сидел со своей опущенной головой.

— Береги его, как он сегодня сберёт тебя, — сказал я на прощание. И тогда, услышав это, он весь задрожал.

Позже я видел доктора всего раз. На вокзале. Он суетился, подавая чемоданы в вагон. Поезд отходил через несколько минут. Я сделал шаг из-под навеса и остановился на освещённом месте, пристально глядя на него. И люди, даже те, кто очень спешил, молча обходили меня. Тогда я разглядел, что на виске у доктора выступила седина. Он всё копался во внутренних карманах, а потом сразу полез по ступенькам в вагон. Так и не поднял голову. И глаз не показал. Может даже, я ошибся, и в тот раз это был вовсе не доктор.

А через несколько лет дочери стали разъезжаться. Ещё чуть позже, выдавав их всех замуж, во сне умерла моя жена. Я был ещё крепок и женился снова, но и она, моя Сима, опередила меня.

— А дочь Айтолу?

— Однажды она попала в крушение на море. Её тела так и не нашли. От неё растут чудесные внуки. Они у меня редко здесь бывают, но недавно зять прислал мне их фотографию.

Они вместе помолчали.

— Знаете, — негромко произнёс Борис, — мой отец — врач.

— Надеюсь, он хороший врач?

— Да. У него был мудрый учитель. А вы простили того врача за сына?

— Я же никого не тронул.

— А там, в сердце, где болит?.. Простили?

Самуил задумался, протянул руку и сам разлил им обоим. Поднял стакан и опрокинул залпом.

— Что смотришь, бойдак?

— Никогда не видел живого караима...

— А мёртвого карая?

— Надеюсь, никогда не увижу, — мотнул головой Борис. — Идёте спать?

— Иду. Только соберусь с духом и пойду.

— А что там?

— Знаешь, я стал бояться его — Тёмного Угла. Там, слева от изголовья. Там ничего, совсем ничего. Я раньше не думал, не приглядывался. Но там совсем ничего нет. Ни разу не пробежала по стенке ящерица. Паук не вьёт паутину. Кажется, даже мухи туда не садятся. И я таки уже очень старший.

Борис проводил его до кровати. Потом взгляделся, пытаясь определить, где этот самый страшный Угол, но так его и не различил. Упал на диван в другой комнате и уже ночью, очнувшись среди короткой, кипящей в листе грозы, увидел под потолком в отблеске молнии крик для колыбели.

И накрылся покрывалом с головой.

Утром Борис проснулся от надсадного кашля из соседней комнаты. Он обулся, накинул рубашку и вошёл.

— Мои годы уже не такие лёгкие, — повернул голову Самуил.

— Если надо, я останусь.

— Нет, сынок, тут теперь нужен не ты. Встреть лучше Майю на переправе, она там работает. С виду такая полная, улыбается глазами, и волосы тёмные закалывает всегда вот так... — он с трудом приподнял кисть руки с неуклюжими скрюченными пальцами, чтобы показать. — Это сестра второй моей жены. Сегодня её смена. Она всё устроит, как надо.

— Тогда прощайте, Самуил!

— Иди, огьлан*. — И уже в спину Борису донеслось: — Я простил его!

* * *

Шторм почти улёгся. Вдалеке к югу мерещились в дымке контуры испанского судна. Борису мельком припомнился вчерашний маневр в порту.

Он вошёл в зал и, ещё не достав паспорт, приметил и узнал её. Обратился:

— Вы — Майя.

Она кивнула.

— Мне передали просьбу для вас. Когда освободитесь сегодня, то зайдите... — он запнулся и махнул рукой назад в утренний сумрак.

Майя сама назвала улицу и дом.

— Точно. Туда.

— Я обязательно зайду вечером.

Он прошёл досмотр быстро, без лишних вопросов.

С парома смотрел на уходящий крымский берег и думал сразу об отце и об этом неизвестном ему раньше народе; и о странном человеке, который вдруг отчётливо выступил из тумана младенческой памяти; и о таком нескончаемом горестном дне, и о том моменте, когда вот так невозможно становится поднять руку и убить.

Огромный корабль уже без груза с протяжным гудком уходил от берега в море.

---

* Огьлан — сын, сынок.

Дышит земля,
    упираясь вершинами в небо.
Мне бы
    песком раскатиться по берегу.
Мне бы
    травой
        в непролазной тайге прорасти.

* * *

Не туман вокруг —
    золотая взвесь
Обнимает землю
    за всюю весь.
И на каждого светит
    по сотне солнц.
И у каждого в сердце
    по сто оконц.
А на свете нет
    ни дорог, ни стен —
Так светло,
что дочиста
выс-вет-лен.

* * *

Город пылал, и дробилась на искры вода.
Берег сжимали в беспамятстве истовом плиты —
Правый и левый желали срастись монолитом
И обнимать эту реку от верха до дна.
Волны катились томительно меж берегов,
Влагой дышали на битый подошвами камень
И расходились свободно двумя рукавами,
И удержать их воления город не мог.

* * *

Пахнет декабрь
Солнцами мандаринов.
Утро воскресное
В ладанном сладком дыме.
А для меня
Запах один —
Вторимый,
Множимый,
Твой —
окрест.
Там, где тебя
Не было и в помине.
Маревым куполом,
Коконом, колпаком —
Крепче влюблённый
Милую не обнимет —
Захватил,
Спеленал.
Накрыл меня целиком,
Как внезапный
И щедрый на воду
Июльский ливень.

ИРИНА ИВАСЬКОВА

ЗВЕЗДА СИРЕНЬ

РАССКАЗ

В бассейне холодно и пахнет хлоркой, едкой и безнадёжной, как долгая зима. Светло-голубая кафельная плитка, лязгающие дрожащими железными дверцами шкафчики и пронзительный свет люминесцентных ламп — царство беспощадной Хлорной Королевы от шумной раздевалки до мокрых резиновых ковриков у воды.

Маша ненавидит бассейны с самого детства. Мучительнее всего ей в первые минуты, когда нужно раздеться, делая лицо равнодушное и бывалое, сложить одежду в шкафчик и пройти в душевую. Но спрятаться не получится: и там лёд кафеля, стали и света, ждущий впереди, никак не отменить.

Посетительницы бассейна плавают основательно, с чувством: разноцветные резиновые шапочки и плотные купальные костюмы размеренно двигаются вдоль пластиковых бусин разделителей дорожек. Маша старается никому не мешать, тихо шевелится у бортика, ждёт, пока пройдёт положенный ей час, а потом наблюдает, как женщины рывками поднимаются из воды, перехватывая сильными руками блестящие скобки поручней.

В раздевалке Маша снова испытывает чувство оглушительного стыда, стягивая с себя мокрый купальник и стараясь не поднимать глаз. Обрести взрослое равнодушие к собственной наготе ей никак не удаётся, без одежды она чувствует себя совершенно беспомощной и мягкой, этаким дождевым червяком на асфальте. Впрочем, стесняется только она, остальные пловчихи одеваться не торопятся: шуршат пакетами, расправляют тёплые колготки,

---

ИВАСЬКОВА Ирина родилась в 1981 году в Красноярске. Окончила Красноярский государственный университет по специальности «юриспруденция», работала юристом около десяти лет. Писать начала в 2007 году. В настоящее время занимается созданием статей для различных интернет-сайтов, а также кубанских газет и журналов. Публиковалась в журнале «Север», газете «Кубанский писатель». Живёт в Анапе.

что-то подтягивают в бельевых лямках. Тела окружают женщин как самые надежные убежища, бастионы из плоти и крови, крепкие или рыхлые, бледные или загорелые, такие разные, но удивительно похожие своей уверенностью.

Маша одевается быстро, наскоро сушит волосы феном и спешит выйти на улицу. Толкнув тяжёлую дверь, она чувствует, как живущий в бассейне влажный холод хлорки тает в морозном воздухе.

Белая папина “девятка” уже ждёт у остановки. Сегодня он не опоздал, и Маша издалека видит, как его руки стучат по рулю, отбивают ритм неслышной мелодии. Открыв дверь, Маша окунается в мешанину странных звуков — папа предпочитает удивляться музыке, а не наслаждаться ею.

— Потихе сделай, а? Голова болит. — Про боль Маша соврала, но папа сочувственно улыбается и выкручивает ручку громкости влево.

— Машка, привет! Я устал, как чёрт! Ты просто не представляешь, что сегодня было! У меня в машине мужик помер, вот на том месте, где ты как раз сидишь!

— Пап, поехали уже, я есть хочу.

— Да ты погоди! Дай расскажу!

Маша старается не слушать, смотрит на людей — стоят себе, ждут автобуса, думают о чём-то своём. Интересно, почему человек на остановках часто делает такое презрительно-независимое лицо, будто бы он только сегодня вынужден опуститься до общественного транспорта, а обычно добирается до цели как минимум на личном вертолёте?

— Да ты послушай, послушай! Я их на Курчатова подобрал, без вызова, думал, подброшу за сотку, если по пути! Бабка вся в чёрном, и мужик с ней, ну, дед, скорее. Жёлтый весь, как мумия. Сел, двумя руками в бардачок упёрся и гудит. А бабка сзади устроилась и кричит, типа, в больницу вези.

— Гудит? — без любопытства переспрашивает Маша, поняв, что помолчать не получится.

— Ну! Низко так, а громко, даже через музыку слышно! Я ему, типа, ты чего, дед? А он ничего не отвечает, а бабка сзади верещит, что болеет он, больно ему, срочно вези! А он, представь, вот так сидит!

Папа выставляет руки вперёд, иллюстрируя рассказ.

— Держись за руль, пожалуйста, — напоминает Маша.

— Да ты слушай! Ну, я думаю, раз такое дело, повезу в краевую — там недалеко. По газам, на красный, за десять минут добрались. А как машину у ворот заглушил, слышу — он замолчал. И бабка молчит, хотя всю дорогу орала — быстрее, быстрее. Сидим, короче, все и молчим. Ну, я потом вылез, пошёл искать там хоть кого-то, какую-то санитарку нашёл, говорю, у меня там дед гудел, а теперь молчит. Пока разобрались, пока прислали кого-то. Вытащили его, унесли. А бабка мне говорит, типа, молодец, сынок, быстро вёз. Визитку взяла зачем-то и пошла за дедом вслед.

— Ага, всё ясно. Пап, в магазин не забудь, масло кончилось. — Маша зевает и ёжится — замёрзла.

Папа сворачивает к магазину, останавливает машину и выскакивает на улицу, не заглушая двигателя. Маша смотрит, как он бежит, оскальзываясь и махая руками для равновесия, без шапки, в распахнутой куртке.

На прошлой неделе огромная чернокожая женщина принялась рожать в его “девятке”, но он знал секретную дорогу через дворы и успел доставить негритянку в роддом. А сегодня вот мертвеца в больницу подвёз.

Маша с досадой думает, что папа постарел: когда она была маленькой, он не позволял своим историям повторяться. Она откидывается назад, поморщившись от прикосновения влажных волос к затылку, и закрывает глаза. Как жаль, что день ещё не закончен. Сегодня четверг, и папа знает, куда её нужно отвезти.

* * *

Эта новая девятиэтажка, выросшая посреди города совсем недавно, похожа на гигантский блестящий холодильный утыканный сотнями мелких полуслепых окон, и в каком-то из них — Маша никак не может сообразить, в каком, — наверняка маячит Мишкина голова. Он очень ждёт.

Папа смотрит на дом-холодильник, морщится и бормочет что-то еле слышно.

— Что, пап? — переспрашивает Маша, стараясь не смотреть в его лицо.

— Машка, ты там матери скажи, чтоб заканчивала дурью маяться, пусть возвращается. Скажи, что я работу нашёл нормальную, денег всем хватит, и Мишку обязательно отдадим на танцы. Скажи, что я её жду.

— Ладно, пап, я передам.

Там, где теперь живёт Машина мама, всегда пахнет стиральным порошком. И вообще очень чисто — Маша не помнила, чтобы мама раньше была такой усердной хозяйкой. Должно быть, Владимир очень любит порядок и расписание. Вот, например, Маша всегда должна приходиться в гости по четвергам. Поначалу, скучая по Мишке, она несколько раз забежала без приглашения, но мама попросила больше так не делать — Владимир нервничает.

Маша аккуратно жмёт на кнопку звонка и с большим удовольствием представляет себе, что бы сказал папа, если бы увидел нового маминого мужа. Владимир высокий, стройный и, в общем-то, даже симпатичный, но Маше кажется, что он упакован в невидимую смирительную рубашку. В старых романах таких называли “чопорными”, однако папа наверняка придумал бы что-нибудь посмешнее.

Дверь открывает мама с незнакомой улыбкой и странным выражением лица. Маша до сих пор не может понять: маме стыдно? Гадко? Скучно? Пока Маша снимает пальто, мама стоит рядом близко-близко, и Маша хочет сказать ей то, что папа просил, но в коридор влетает Мишка, взъерошенный и счастливый.

— Маша! Ты пришла! Я так тебя ждал! Пошли скорей заниматься!

Следом за Мишкой, шлёпая твёрдыми пластиковыми тапками, идёт Владимир. Он говорит, растягивая слова и приседая на гласных звуках — это вызвало бы в папе ещё больший смех.

— Да, Михаил, сестра пришла. Но это не повод для топота. Сейчас будем ужинать, занятия после. Здравствуй, Мария, проходи.

Маша до сих пор хвалит себя за находчивость — несколько месяцев назад, увидев, что Владимир с трудом выносит её визиты, она предложила бесплатно заниматься с Мишкой математикой. Новый мамин муж чрезвычайно практичен и быстро сравнил ущерб, наносимый одним неприятным вечером в неделю, с расходами на репетиторов. Теперь он почти радушен.

Чаще всего ужин проходит в молчании, прерываемом только одобрительным “М-м!”, издаваемым Владимиром при смене блюд. Но сегодня Владимир необыкновенно разговорчив и оглядывает Машу как-то по-новому, оцениваяюще.

— Мария, — говорит он и сопровождает обычным “М-м!” поставленную перед ним салатницу. — Мы с твоей мамой хотели бы предложить тебе раз и навсегда изменить твою жизнь! Тебе интересно узнать подробности?

Маша видит, как мгновенно краснеет Мишка, но кивает.

— Мы знаем, как тяжело тебе живётся. Учебное заведение некачественное, непрестижное, кем ты там будешь — менеджером, бухгалтером? И вдобавок другие... ээ... семейные обстоятельства. Это путь в никуда, полная бесперспективность, а мы, как твоя семья, не можем такого допустить! Как ты знаешь, к лету мы планируем достроить дом, и хотели бы, чтобы ты переехала туда с нами. Свежий воздух! Ежедневные прогулки! Твоя мама сказала мне, как ты любишь плавать, и!.. — Владимир наклоняется вперёд и придаёт голосу немного доверительности, — и я попросил включить в архитектурный проект — внимание — бассейн!

Маша молчит и смотрит в тарелку, белую, без сколов и трещин, похожую на чистый лист бумаги с нарисованной на нём отбивной.

— Знаю, это так неожиданно, можешь даже ничего не говорить нам сейчас! — продолжает новый мамин муж. — Такие удивительные жизненные перемены трудно осознать мгновенно! Но у тебя ещё почти полгода, чтобы привыкнуть и... э-э-э... закрыть свои обязательства. С твоей учёбой, думаю, мы разберёмся, — Владимир ободряюще улыбается и берёт вилку. — Всё можно решить, а возможности у нас имеются.

Все долго жуют суховатое мясо, а после пьют чай с трескучими вафлями. А когда стол пустеет, сидят в тишине: Владимир одобрительно улыбается сам себе, мама моет посуду, а Мишка с Машей поглядывают в сторону детской.

— Ну вот, теперь можно браться и за математику, да, мальши? — пошутил хозяин дома и встал, давая понять, что время тёплой семейной трапезы истекло, и пора отрабатывать съеденное.

В детской Мишка быстро обнимает Машу и коротко, жарко плачет, уткнувшись в её живот. Раньше она плакала вместе с ним, но теперь не позволяет себе расслабиться и просто гладит его по голове тихонько.

— Маш, Маш, ты поедешь с нами жить в этот дом? — шёпотом спрашивает Мишка. — Я очень хочу, чтобы ты поехала! Только папа как? Я же тогда не смогу ничего про него знать, и кто будет ему помогать? Звонить ему нельзя, письмо писать нельзя, ему к нам в гости нельзя, и меня к нему не пускают, а я просил маму! Скажи мне, как у него дела? Он кого-нибудь спас на этой неделе?

Маша опускается на колени рядом с Мишкой и рассказывает ему, что в воскресенье папа спас тётю и её ребёнка, а сегодня старенького дедушку, а теперь папа отдыхает, потому что очень устал.

Мишка слушает очень внимательно, и на лице его счастье.

Потом они садятся за письменный стол. Учебник по математике, клетчатые тетради, ручки и карандаши безмятежно греются под настольной лампой, а за окном тем временем рождаются быстрые и тревожные сумерки — такие бывают только в самой середине зимы, когда кажется, что целый мир останавливается и перестаёт жить.

Час проходит быстро, и Владимир уже выразительно покашливает за дверью. Мишка слышит этот кашель и снова обнимает Машу словно бы на прощание, а потом вдруг шепчет ей на ухо:

— А ты же знаешь про звезду Сирень? Знаешь, что она всегда рядом с нами?

Маша вздрагивает и сначала страшно злится на отца — надо же, успел рассказать, и когда умудрился! А потом злость уходит, и остаётся страшное бессилие: ничего не исправить, ничего. Она дотрагивается до колючей Мишкиной макушки — как же коротко его стали стричь! — и шепчет в ответ:

— Да, Мишуг, конечно.

* * *

Как ни крути, время умеет быть милосердным. Инструментов у него предостаточно: и жёлтый ножник, и мягкая кисть, и маскировочная сетка. Время жалеет нас, неразумных, и никогда не торопится, хотя мы подгоняем его криками и пинками. И пока мы бьёмся, огрызаемся и плюёмся, время тихо следует за нами, подбирает оброненные в пылу жизни сокровища и уносит их в особую комнату — каждый знает, где она, только мало кто хочет заглядывать туда по доброй воле. Но время уверено, что рано или поздно мы вернёмся и будем рыдать над треснувшими тарелками, выцветшими тряпками и порванными фотографиями.

Вот тут-то нам и понадобится помощь. И время охотно включит свой жёлтый ножник, смахнёт мягкой кистью пыль и пепел, набросит сетку с искусственными цветами и травой. И если зажмуриться и плотно прижать ладони к ушам, можно увидеть и услышать всё, что нужно.

В твоей особой комнате сокровищ немного. В углу валяется знакомая только тебе рухлядь: алюминиевый обруч, ветхие шторки в ситцевый цветок, зелёное кресло с деревянными ножками. Вещи кажутся беспомощными и обнажёнными, но одного лишь душевного усилия достаточно, чтобы они обрели свою давно потерянную значимость и яркость. Нет больше ветхости, нет больше пыли — инструменты времени работают отлично.

Проходи, не бойся. Становись вот здесь, у окна — в нём живёт предчувствие рассвета. Темнота, дрожащая от мороза, вот-вот сменится серым

утренним шумом, от которого ты просыпалась, тёплая, маленькая, хмурая — почти безмолвный человеческий комочек на ладонях большого города.

Скажи-ка мне, что ты помнишь о тысяча девятьсот восемьдесят шестом? Ты ещё не школьница, но уже не малыша. Тихие детские дела, папины сказки, мелкие игрушки на колючем ковре, жёсткие сапожки и тугая шапка. Станный возраст — младенческая безмятежность уже далеко, и разговоры родителей нередко прерываются выразительными взглядами и шёпотом — мол, нельзя уже про такое, ребёнок всё понимает. А что тут поймёшь? Совершенно ничего не ясно.

Взрослые ходят большими шагами, смотрят большими лицами, и голоса у них тоже огромные, на всю квартиру. Некоторые взрослые мягкие и удобные — ловко берут на руки, гладят по волосам, спрашивают про куклу, кошку, детский сад. А некоторые пугают, потому что тычут внезапно твёрдыми пальцами в живот, а потом смеются очень громко.

У папы много друзей, они частенько заходят в гости, усаживаются на кухне, спорят и грозят кулаками старенькому чёрно-белому телевизору. Смотреть на них маленьким детям нельзя, и мама всегда уводит тебя в комнату, закрывает дверь и достаёт цветные карандаши. Ты рисуешь голоса — зигзаги и стрелы, а потом лица — на весь лист, красные, с усами.

Папины друзья странные и страшные. Но страшнее всех дядя Игорь — он очень толстый, высокий, носит тёмно-зелёный костюм, а на плечах у него мелкие золотые звёздочки, и ты никак не можешь сосчитать, сколько их там насыпано.

Но папа дядю Игоря любит и твердит, что они дружат с самого детства. Правда, дядю Игоря сложно представить маленьким мальчиком, наверное, папа опять всё выдумал.

Дядя Игорь приходил часто, но потом вдруг пропал, надолго. И вернулся лишь тогда, когда ты уже пошла во второй класс. Он перестал носить свой тёмно-зелёный костюм и уже не казался таким уж страшным, может, потому что ты подросла, а может, потому что сильно похудел, стал говорить очень тихо и дышать со свистом, как сдувающийся воздушный шарик.

Наверное, новый дядя Игорь папе не слишком нравился — встречались они редко, и вместо оглушительного хохота из кухни слышались лишь негромкие разговоры и звон посуды. А потом дядя Игорь и совсем перестал приходиться — после того вечера, когда они с папой разругались в пух и прах.

Папа тогда стучал ладонью по столу и кричал, что не потерпит в своём доме мракобесия и кликушества, а дядя Игорь кричал в ответ, что сам, своими собственными глазами видел, что натворила звезда Польша, и только божьи силы спасут его от смерти и ада. И ещё он кричал, что теперь твёрдо знает, что нужно делать, когда звезда придёт опять, а вот что папа будет делать, если она сию секунду рванёт прямо здесь, это очень интересно было бы посмотреть.

Мама, конечно, закрыла дверь, но это не помогало, и никакие цветные карандаши уже не смогли бы отвлечь тебя от папиного притворного смеха. “Ха-ха-ха, — кричал он, — звезда Польша тебе на погоны!”

Дядя Игорь ушёл, папа вернулся в кухню и оставался там один до самого утра, а утром ворвался в комнату и разбудил тебя и маму плачем, похожим на лай. Лицо у папы было белое, глаза белые, и руки он держал так, словно собирался цапануться.

Но ничего страшного не случилось. Папа загнулся об ковёр, упал и перестал плакать. Мама вызвала “скорую”, папу забрали, но очень скоро отпустили домой, а дядя Игорь умер через четыре месяца в больнице. Перед смертью он попросил свою жену передать папе картонную папку с грязными веревочными тесёмками. Ничего интересного там не было — ты видела сама. Ничего, кроме газетных вырезок, мутных фотографий и православного календаря за 1991 год.

Твоя особая комната кружится, меняется, темнеет и светлеет. Отлетают в небытие зелёное кресло и алюминиевый обруч, но время терпеливо подбирает за тобой другие сокровища — предметы, книги, звуки, запахи и дни — не только твои, но и чужие.

После смерти лучшего друга ежевечерние папины сказки изменились. Раньше он рассказывал тебе о космических путешествиях зайцев и кошек, сочинял весенние пчелиные песни или гномьи стихи, а теперь вдруг решил говорить о другом.

На тебя сыпались истории странные и страшные. О дедушке, затоптанном быком. О костях динозавра, найденных за пасекой. О дяде, талантливом архитекторе, убитом у собственного дома — семнадцать ножевых ранений насчитали, а убийц так и не нашли. О заброшенных ракетных шахтах в тайге. О бабушке, красавице полячке, вынесенной военным штормом в дикую Россию, менявшей бриллианты на муку, но так и не купившей себе долгую жизнь. О летающей тарелке, опустившейся на гору, сверкнувшей длинным лучом и улетевшей прочь. О любимой папиной овчарке, защитнице и подруге, отравленной и закопанной под яблоней. О змее, устроившей гнездо в старом деревенском сортире. О медведе, стучащем толстым когтем в замёрзшее окно.

Папа метался между деревенским детством и городской юностью, путался в именах и датах, смертях и рождениях. Пёстрый хоровод его мыслей оседал в твоей голове — не процидить, не перебрать, не найти, в чьей теперь памяти хранится толстый дядька с пупком на боку, плачущий от разлуки с любимой лётчик-космонавт, запертые в погребке голодные дети, пьяный моряк, рубящий топором кухонную дверь. Мог ли быть этому конец? Завершалась ли жизнь со смертью, если кто-то ещё помнил, как курил, пил и говорил вот этот мертвец?

Конечно, истории о прошлом, тем более о чужом, проверить уже не было никакой возможности. Но и в настоящем папу кружило и несло то по мелочи, то по-крупному. Он спасал взобравшихся на многоэтажку самоубийц, покупал голодающим булочки с маком, вынимал из реки котят, ловил за капюшон поскользнувшихся, утешал рыдающих — этаким городской супергерой в треснувших ботинках и кроличьей формовке. А потом рассказывал тебе о своих подвигах — без хвастовства, а так буднично, просто, вроде не так это важно, но было же, было.

Теперь уже и не вспомнить, в какой момент ты начала соображать, что все эти истории не могут быть правдой, — их слишком много для одного-единственного папы. Наверное, примерно в то же время, когда поняла, что твоя семья вызывает в других людях недоумение и некоторую брезгливость. Когда увидела контраст между своей жизнью и упорядоченным, ровным существованием одноклассниц. Когда стояла, замёрзшая до дрожи, у играющей серебристо-голубыми бликами ловушки бассейна и слушала, как девочки смеются над твоим перешитым из мамино кувальника костюмом. Когда осознала, что означают заботливо заплетённые косички, чистые туфельки, семейные прогулки, новые платья к каждому празднику, кудрявые щенки, домашнее печенье и плачущие в затейливо раскрашенной бумаге розы для учительницы на первое сентября.

Весь этот чётко осязаемый запах благополучия щекотал твои ноздри, тебе хотелось чихать и кричать во весь голос, как кричал папа после того, как дядя Игорь рассказал ему про звезду Полюнь. И тяжкую ненависть вызывала одноклассница, рассказывающая, как её благонадёжный отец вдруг куда-то пропал аж на целый вечер. Ушёл пройтись с другом, а вернулся только глубокой ночью. И как вся семья дружно обзванивала окрестные рестораны, потом больницы, потом морги, а гуляка пришёл в третьем часу ночи пьяненький — подрался где-то и даже пиджак немножко испачкал. И как они рыдали и обнимались, и отзванивались родне по всему городу и стране — нашёлся, нашёлся! И даже в Казахстан звонили старенькой двоюродной тётке.

И плевать бы на новое платье, и даже на блестящие туфельки, если бы хоть кто-то из твоей семьи мог рваться и искать друг друга вот так, через тысячи километров. Папа пропадал частенько, но мама никуда не звонила и ничего не говорила, просто уходила на работу и приходила вечером, пила чай и так по-особенному, коротко и звонко, ставила пустую чашку на стол. А папы не было сутки или двое, или неделю, а потом он возвращался домой с бородой, и от него пахло дохлой кошкой.

Когда мама забеременела, папа растерялся. Поутих, словно бы задумался, а потом нашёл себе занятие: стал готовиться к достойной встрече нового ребёнка. Рассказал Маше о столетнем аксакале, спустившемся в город прямиком с горных вершин для покупки спичек и мыла, заблудившемся среди одинаковых пятиэтажек и вышедшем к нужному магазину с папиной помощью. Аксакал отблагодарил папу тазиком тёмно-синего винограда и секретным рецептом домашнего вина, взмахнул бородой и побрёл обратно в сторону гор.

Папа долго хлопотал на кухне, давил податливую мякоть, переливал пенящуюся жижу в голубой бидон, колдовал с сахаром и дрожжами. Закончилась вся его возня трёхлитровой банкой мутной жидкости — папа плотно закрутил её металлической крышкой и объявил, что к новому ребёнку готов. Через неделю, глубокой ночью, мама уехала в роддом.

* * *

У младенца бесцветные, бессмысленные глаза — чистый лист, набросок человека. Младенец похож на толстенькую рыбку, он ничем не занят и даже собой не интересуется. Младенец шевелится, просит молочного тепла, а потом снова затихает, уходит в сон, на сон-то и не похожий.

Комната наполнена странным туманом — только новорождённые умеют создавать этот желтовато-голубой, аккуратный полумрак тишины. Там, за дверью, шумит большой город, но здесь задёрнуты шторы, выключен звук и отменены резкие движения.

Маша никак не могла сообразить, на что стала похожа их небольшая комната, затенённая, приглушённая, освещаемая лишь намёком. А потом поняла — аквариум. Впрочем, подводная тишина продлилась недолго. Тихая рыбка, двигающаяся плавно и неуверенно, спустя два месяца обрела голос, да ещё какой! Младенец краснел всем телом, гневно сжимал кулачки и наполнял криком целый мир, от земли до неба.

Аквариум исчез, как и не было, солнце било в окна, кружились ситцевые и фланелевые флаги пелёнок, а спокойствие возвращалось лишь ночью, на несколько часов. Время словно пропало, всё кругом пропало — ни школы, ни книг, ни праздников, а только стремительная смена освещений и декораций — вот утро, и пахнет кипячёным молоком; вот день, и дребезжат по асфальту пластмассовые колёса; вот вечер, и зажигается круглый ночник.

Свои страшные, удивительные и невозможные истории папа теперь не вспоминал. Рождение сына он отмечал, но как-то без усердия, всего пару дней, а потом вообще забросил и друзей, и весёлые встречи, и бессрочные прогулки. Поговаривал о постоянной работе, охотно возился с младенцем, много читал. Что-то, сломанное смертью дяди Игоря, вернулось к нему, а что-то ушло — как казалось, навсегда. Звенья дней скреплялись в цепочки недель, и ничего, абсолютно ничего не происходило, отчего жизнь вдруг стала похожа на счастье.

Взрыв раздался в субботу, незадолго до полуночи, разорвав на осколки уютный ночной полумрак.

Маша лежала, зажмурившись, мгновенно изъятая из тёплого убежища сна, в оглушительной после грохота тишине, и слушала, как кричит проснувшийся младенец и хрустит стекло под папиными тапочками.

Зажёгся верхний свет, и Маша открыла глаза. Светлые обои, белёный потолок, паруса пелёнок — всё было покрыто мелкими розовато-сиреневыми брызгами размером с копеечные монетки. Длинные тёмные потёки тянулись от батареи по ковру, сиреневые стрелы наискось украшали занавески.

Забытое папой домашнее вино, два месяца прятавшееся в стеклянной банке, превратило обычную комнату в творение буйного живописца, поклонника сиреневого и всех его оттенков. Сумасшедший художник побрезговал лишь человеческой кожей — ни одного пореза не оказалось ни у кого.

Папа бродил по комнате с веником в руках, мама кормила младенца, закрывая его личико от яркого света, кажущегося глубокой ночью воспалённым

и болезненным, а Маша свернулась клубочком на лишённой постельного белья кушетке.

— Это Игорь, — сказал вдруг папа и выпрямился. — Он же меня предупредил. Звезда всегда появляется, когда не ждут. К нему вон Полянь приходила, с собой забрала. А к нам... — папа оглядел расписанную брызгами комнату, — а к нам, видать, Сирень наведалась.

И засмеялся тихонько. А мама заплакала. Звезда Сирень смотрела на них с потолка и стен, пахла ягодами и дрожжами, поблескивала стеклянной крошкой.

— Машка, хорошенько запомни! — папа стягивал с верёвки забрызганные пелёнки, бросал их на пол и говорил громко, нараспев. — Нам теперь ничего не страшно! Я всегда подозревал, что жизнь у меня особенная будет, только знака ждал. И вот он — знак-то! Видала, как рвануло? И хоть бы хны! — Он обмотал руку ситцевой, в цветок, пелёнкой, и осторожно доставал осколки из детской кроватки. — Сын вырастет — ему расскажу. Ты, главное, знай, мы все теперь, как в броне! Покрепче саркофагов всяких! Ну, что ты скукожилась? Замёрзла? На вот одеяло, я его вытряс уже. Да на пол не ступай, не ступай, я укрою.

Под одеялом Маша быстро согрелась и уснула, но даже сквозь сон слышала, как папа всё говорил, говорил, а мама ничего ему не отвечала. На следующий день Маша не пошла в школу, чему, впрочем, она огорчилась мало — в расписании был ненавистный бассейн.

В окружении сиреневых клякс на стенах и потолке они прожили ещё шесть лет. Папа гордился следами локального катаклизма и охотно приглашал к себе друзей: рассказать о взрыве, продемонстрировать его размах и показать себя — живое свидетельство чуда.

Всё стало, как прежде. Гости, кухонный хохот, споры. О постоянной работе папа больше не вспоминал, перебивался случайными шабашками, пропадал где-то сначала днями, а потом и неделями. Всё стало, как прежде, за исключением новой жизни, включившейся в это пёстрое месиво и ставшей её полноправным участником.

Младенец стал Мишкой — чудом, сердцем, любовью в растянутых синих колготках. Ему доставались самые удивительные папины сказки, похожие на давние, Машины, но полные такого тёплого света и такой трепетной надежды, что хотелось плакать и петь. Наверное, однажды вместо сказки папа рассказал Мишке историю о звезде Сирени, о защите, что крепче любого бетонного саркофага, о знаках, дающихся лишь избранным и твёрдо обещающих счастье. Скорее всего, Мишка легко поверил папиным словам, ведь он верил даже тем историям, в которых папа помогал пожарным тушить зоопарк и выносил из огня задыхающегося крокодила. Впрочем, это всё было уже неважно, потому что звезда Сирень свои обещания не сдержала.

* * *

Когда Маша возвращается домой, на улице уже совсем темно.

Она жмёт на ледяные кнопки домофона, открывает тяжёлую дверь и поднимается на второй этаж. Подъезд наполнен разнокалиберным шумом: кто-то получает вечернюю порцию телеэфира, кто-то громко выясняет невыясненное, а кто-то издаёт оглушительный запах пригоревшего картофеля. Все спрятались по своим утеплённым норам, однако в подъезде Маша не одна.

Очень старая женщина в тёмном платке смотрит на Машу внимательно и серьёзно, наклонив голову набок и прижав руки к груди. Глаза её, чёрные и блестящие, словно бы маслянистые, отражают в себе скудный свет уставших подъездных лампочек.

— Девочка, Геннадий Сергееч здесь живёт? — спрашивает женщина у Маши, а та соединяет в голове безусловный кавказский акцент, две объёмистые спортивные сумки и пугается до сердцебиения. — А ты дочка, наверное? Чего лицо несчастное? Обидел кто? Отца-то позови, давно жду уже, звоню, не открывают, а я чувю, что дома.

По вечерам папа любит слушать музыку в наушниках — так ему легче засыпается, но объяснять это неожиданной гостье Маше не хочется. Она отпирает дверь, проходит в комнату, стягивает с отца наушники и трясёт его за плечо.

— Пап! Папа! Тут к тебе пришли! Проснись!

Он открывает глаза и улыбается Маше так безмятежно, словно за окнами всё ещё восемьдесят шестой, и в целой стране — тихий полумрак, как в комнате с новорождённым, и скоро придут друзья, и никакие звёзды — ни зелёная, ни сиреневая — никогда не взорвутся.

— Геннадий Сергеич! — зовёт его черноглазая. — Иди сюда, дорогой. — И когда папа выходит в коридор, старуха вдруг падает перед ним на колени и плачет.

Папа смущён, но не удивлён.

— Ну, чего ты, мать, ну, чего ты, я ж, как мог, быстро ехал. Видать, судьба такая, ничего не попишешь — все там будем в своё время...

— Сынок, ты быстро ехал, быстро! — рыдает старуха. — И успел! Откачали его врачи, не помер! Лежит в больнице, велел тебя найти и благодарить, как могу! Не помер он, не помер, понимаешь?

Папа смеётся и поднимает старуху с колен.

— Не зря, значит, гнал! Ну, мать, крепкий у тебя дед, ещё сто лет проживёт!

Старуха тоже смеётся и долго кашляет, а потом достаёт из сумок брызжущие солнцем жёлтые яблоки, туго обтянутые королевским пурпуром баклажаны, отполированные до блеска помидоры и пучки влажной зелени, пахнущие летним дождём. Всё это ароматное, сочное великолепие — невозможное, невиданное богатство, сама жизнь — переливается в смуглых дрожащих руках, бесстыдно рассыпается по журнальному столику, креслу и ковру, а в комнате отчего-то становится светлее.

Старуха сворачивает опустевшие сумки. Она больше не плачет и ничего не говорит, а просто смотрит на двух людей, в растерянности стоящих рядом с разноцветной россыпью её благодарности. Потом отступает в темноту коридора и словно растворяется там — чёрная на чёрном. А потом совсем уходит, и никто её не удерживает.

— Папа... — шепчет Маша, — так ты что, мне правду про старика рассказывал?

— Ну, Машка, ты даёшь! — сердится папа. — Ну, когда я тебе врал, а? У меня такое правило: детям и женщинам только правду, и ничего, кроме правды.

— Ничего, кроме правды, — как эхо, повторяет его слова Маша, — ничего, кроме правды...

У неё кружится голова. Завтра она проснётся с высокой температурой — мокрые волосы после бассейна не пройдут даром. А пока Маша чувствует себя такой слабой, словно из её тела вдруг исчезло всё твёрдое, основное, а осталось что-то незначительное вроде холодца или пастилы.

Все папины истории, всегда бывшие призраками и бесплотной ложью, вдруг обрели весомость вероятного существования, а каждое слово из когда-то сказанных оказалось готово пройти дорогу от “верю — не верю”, яркого камушка в одном из трёх стаканчиков, платка в рукаве фокусника и кролика в шляпе, загадки без ответа, кривых зеркал и грязных стёкол до ослепительной, чистой истины.

Да и какая разница, была ли правда, если от всей жизни ничего не остаётся, кроме воспоминаний: тёплых сквозняков, вздохов, пыли в солнечных лучах. И закричит рожающая в машине чернокожая женщина, закивает седой головой аксакал, замашет лапой сердитый, замёрзший медведь, закурит позабытый всеми мертвец, улыбнётся юная, ничего ещё не знающая мама, и зажжётся над всеми нами горячая, всепрошающая звезда Сирень.

КИРИЛЛ КОЗЛОВ

ЗАМЕЛО ПЛАНЕТУ ДО ПРЕДЕЛА...

* * *

Замело планету до предела,
Пошумит на славу детвора.
Мне на почту новость прилетела
Не сегодня, а ещё вчера.

Не отреагировал корректно —
Дескать, как не причинить вреда?
Мы перепахали интернет, но
Что теперь посеем, господа?

Что посеем, то пожнем в итоге...
Я отнюдь не жажду райских мест.
До свиданья! Я уже в дороге.
Расплатился сразу за проезд.

Снова споры Запада с Востоком
Истину познать не помогли.
Я уехал с бешеным восторгом
Выступать для жителей Земли!

КОЗЛОВ Кирилл родился в 1984 году в Ленинграде. Выпускник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Поэт, искусствовед. Член Союза писателей России. С 2014 года курирует благотворительный проект “Диалоги литературных поколений”. Лауреат литературной премии “Молодой Петербург” и премии им. Б. П. Корнилова “На встречу дня!”. Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

(Накануне повидал в аптеке
Блока или просто двойника?).
Наши мысли в двадцать первом веке
Устремятся в новые века.

А пока резвятся карапузы
Лишь в начале своего пути,
Никакой не чувствуя обузы
И — креста, что нужно донести.

* * *

Рисую небо, птиц в полёте,
Рисую чей-то дом вдали.
О чём вы, птицы, нам поёте,
Бескрылым жителям Земли?

О том, что создано руками
И в то же время, в тот же миг
Берёт увесистые камни
Дрянной, уродливый двойник.

И совершается расправа,
И кровь краснеет на траве,
И распадается Держава
Уже, как минимум, на две!

Я стал навряд ли ближе к Богу,
Решив единожды соврать.
Рисую небо, дом, дорогу,
Не научившись рисовать.

Вписав единственную дату,
Обратный вытащил билет...
И солнце близилось к закату,
И мы смотрели солнцу вслед.

31 ДЕКАБРЯ 2008 ГОДА

Вековую задумчивость парков
Сменит снова в конце декабря
Карнавал новогодних подарков,
И, безбожно деньгами соря,

Мы — с трудом повзрослевшая банда —
Веселимся всегда будь здоров!
Разместилась на ёлке гирлянда
И десятки нарядных шаров.

Красота новогоднего действия
Остаётся в стучащих сердцах,
Как частичка безгрешного детства,
Что прошло на одних леденцах.

Этот снег, только выпав, растает —
Я в пальто нараспашку стою...
И фарфоровый ангел читает
Городскую молитву свою.

ИРИНА МИХАЙЛОВА

Я СЛЫШУ!

РАССКАЗ

Ира помнит свой первый звук так, как многие помнят своё первое слово. Они шли с мамой через железнодорожные пути — переходили по опасному переходу на другую сторону. Мама шла чуть впереди, а маленькая Ира сразу за ней. Вдруг Ира услышала шум. Поезд! Мама шла, не замечая его. А он был уже совсем рядом. Тогда Ира закричала. Так пронзительно она закричала первый раз в своей жизни:

— Мама!

Мама обернулась. Она не слышала, но обернулась. Вибрация или чутьё. Она обернулась. И остановилась.

Поезд с грохотом пронёсся мимо, а Ира стояла, смотрела ему вслед и не могла пошевелиться от вдруг нахлынувших на неё чувств и звуков.

Мама может выговорить её имя — “Ира”. Получается непохоже — “Ырра”.

На языке жестов — зажата ладонь с двумя прямыми пальцами (мизинцем и безымянным), зажата ладонь с тремя пальцами (мизинцем, безымянным и указательным) и зажаты полностью пальцы. Всего три движения рукой. Родители назвали её так, потому что знали, что их дочери придётся с ранних лет выучить эти три движения, ведь дети любят называть своё имя...

Но Ира родилась слышащей.

МИХАЙЛОВА Ирина Евгеньевна родилась в 1986 году в Люберцах. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах и альманахах “Пролог”, “Кольцо А”, “Зелёный бульвар”, “Сибирские огни”, “Пятью пять”. Входила в лонг-лист премии “Дебют” (2008), в лонг-лист премии “Лицей” (2018). Лауреат международной литературной премии “Радуга” в номинации “Молодой автор года” (2018). Член Союза писателей Москвы. Работает учителем русского языка и литературы. Живёт в Москве.

Она знает, как сложно выучить язык жестов. Как трудно составлять слова — с непривычки болят пальцы, словно от игры на гитаре. Как тяжело понимать и различать эти жесты у другого человека. Но она старалась, ведь родителям произносить одно-единственное слово гораздо сложнее, но они произносят.

— Интернат до семи, — беззвучно говорит мама и показывает семь пальцев.

Ира кивает. В специальном интернате учится и живёт её младшая сестра Арина. Она в третьем классе. Ира забирает её каждое воскресенье днём, гуляет с ней, а вечером отводит назад. Арине не повезло — она родилась, как и предсказывали, глухонемой.

Ира как-то спросила маму:

— Что значит ничего не слышать?

Мама закрыла уши руками и опустила голову низко-низко. Ира попыталась сделать так же, но у неё закружилась голова. Потом, в ванной, она опустила голову в воду. И все звуки вокруг тут же стали глухо отдаваться где-то внутри. Нет, не правда, что глухие ничего не слышат. Они постоянно слышат. Это страшнее. Тишина — это покой. А они слышат непрекращающийся даже во сне гул.

А вдруг она тоже станет глухой? Ира никогда не спрашивала об этом. Только думала. Каждый день, каждый раз, когда приходила к врачу.

Каждый год её осматривают. Каждый год они с мамой едут в больницу, не в поликлинику, а в самую настоящую больницу, где Иру долго смотрит серьёзный врач. Он сначала заглядывает в уши специальным прибором, потом просит Иру отойти на несколько шагов и шёпотом произносит цифры. Ира должна повторить то, что она услышит.

— Тридцать пять, — говорит врач.

— Тридцать пять, — повторяет Ира.

— Сорок четыре, — шёпот становится тише.

— Сорок четыре.

— Шестьдесят три, — едва слышно.

— Шестьдесят три, — безошибочно слышит Ира.

Потом врач подносит к уху Иры прибор, который он называет камертон, стучит по нему пальцами и прикладывает к Ириной шее.

— Слышишь вибрацию?

Первый раз Ира очень испугалась. Чувствовать вибрацию — это хорошо или плохо? И осторожно, точно пробуя воду ногой, прошептала:

— Нет.

— Ты уверена? — спросил врач.

Он приложил камертон ещё раз. Где-то в глубине Ира почувствовала лёгкий отзвук, точно только что пролетел комарик. Тогда она сказала громко и уверенно.

— Слышу.

В пятнадцать лет Ира впервые, уже без мамы, пришла к врачу.

— Тебе нужно следить за собой, — говорил он. — Избегай травм и громких звуков. Не простужайся. Поняла?

Он говорил с ней, как с маленькой, наклонившись к самому уху, и тогда Ира сказала:

— Я поняла. Я вас слышу.

— Ты слышишь, но не слушаешь, — сказал врач, — тебе очень повезло, и ты должна всегда помнить об этом.

— А я могу стать... — Ира не хотела произносить это вслух.

Врач промолчал.

Ира хорошо помнила, как однажды мама, когда кто-то в толпе задел маленькую Иру локтём и попал по голове, долго плакала и гладила её уши. Она трогала их так, как будто видела первый раз. Ира говорила ей ещё неуверенным детским голосом:

— Mam, всё хорошо, мне совсем не больно.

Арина родилась, когда Ире было шесть лет. А когда Ира перешла в третий класс, сестру отдали в интернат.

Ире сразу не понравилась эта школа. Когда они приехали оформлять Арину, директриса долго молча переговаривалась с мамой, а когда они всё решили, уже вслух сказала секретарше:

— И ведь двоих родила. Зачем? Вся семья глухая. Муж тоже.

Тогда Ира обернулась и сказала:

— Не вся.

В коридорах интерната очень тихо. Около каждой двери в класс вверху лампа, как при врачебном кабинете, и вместе со звонком на урок она загорается.

А на уроках наоборот — шумно, хотя в классе всего шесть человек. Учительница всё время говорит, говорит, говорит. Одни и те же слова — и дети, кто может, повторяет за ней.

Ира как-то подсмотрела урок — над дверями кабинетов прозрачные окошки.

Дети сидели на стульчиках, но не за партами, а друг за другом, изображая вагончики поезда. Держали в руках игрушки, у каждого своя — волк, заяц, лиса... Арине досталась маленькая кукла. У доски стояли карточки с названиями игрушек.

Учительница неестественно громко и чётко выговаривала — “волк”. И тот, у кого в руках волк, должен был подойти к табличке с соответствующей надписью и положить свою игрушку рядом.

Затем другое животное — “заяц” — и хозяин зайца выходил к своей табличке.

Так продолжалось очень долго, потому что никто не мог понять с первого раза. И приходилось много раз твердить одно и то же слово по слогам, громко — “лиса”, “ли-са”, “ЛИСА!”

В Ириной школе у учителей не было столько терпения. Они злились, ругались, если кто-то начинал разговаривать на уроке. Писали замечания. У Иры весь дневник был исписан: “Разговоры на уроке”, “Болтает на контрольной работе”, “Постоянно говорит в классе”. А здесь, если бы кто-то вдруг заговорил, пусть даже на контрольной, учителя были бы только рады.

Ира с ужасом ждала, когда учительница скажет: “Кукла”. Но Арина быстро вскочила, положила свою куклу, пригладила ей зачем-то волосы и убежала обратно.

— За сестрой? — спрашивает охранник.

Иру здесь уже все знают. Ещё бы — единственный слышащий ребёнок в семье глухонемых!

— Они в музыкальном. Танцы у них.

Музыкальный класс в самом конце коридора. Он чуть больше обычного кабинета — и там, как в балетной школе, висит зеркало во всю стену.

— Раз, два, — говорит учительница.

Дети поднимают руки и опускают, потом кладут их на пояс и делают наклоны.

Ира стоит в дверях и смотрит.

— Позвать? — опять спрашивает охранник.

Ира вертит головой:

— Пусть потанцует.

Арина любит танцевать. Она кружится в тишине под неслышную никому, кроме неё, музыку. Когда Ира увидела это первый раз — испугалась. В абсолютной тишине Арине кружилась в танце.

В классе заиграла современная весёлая песня — и все стали танцевать, точно слышали её так же, как и сама Ира.

Арина кружилась, кружилась. Заметила сестру.

— Гулять пойдём или ещё потанцуешь? — спрашивает Ира жестами.

— Пойдём.

Сёстры садятся на лавочку в парке, Ира достаёт шоколад, который Арина не может, но который она очень любит.

— У меня самый лучший рисунок, — хвалится Арина.

— Хочешь стать художником?

Арина мотает головой.

— А кем? Танцовщицей?

Краснеет.

— Может, балериной?

Арина слегка толкает Иру в плечо. Надулась. Обиделась.

— Ну ладно, не обижайся. Пойдём на качели.

Арина бежит первая, забирается на качели, а Ира её раскачивает высоко-высоко.

Арина смеётся. Громко, в голос, на весь парк.

Ира раскачивает и раскачивает — качели летят всё выше и выше. Голос Арины всё громче и громче.

Иногда так хочется поговорить с мамой. Не этими однообразными жестами, а просто сказать:

— Мам, я не знаю, куда мне идти дальше учиться. На выпускной платье надо надевать, а я не хочу. Учителя цепляются. Почему ты родила меня? Ведь ты же знала... Знала... А Арина? Как она будет жить? А если я умру — как вы все будете без меня?

Но Ира ничего этого не говорит. Она просто слушает. Сейчас — как смеётся сестра. А вечером, дома, как тихо-тихо откроется входная дверь, как неслышно поставят зонтик, как коротко и звонко будут брякать ключи.

Мама всегда заходит к Ире на ночь. Она садится к ней на кровать, обнимает её. Долго-долго беззвучно говорит. Ира её слушает. И слышит.

А мама слышит её.

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

МАРИНА КРУТОВА

ЖЕНСКОЕ РЕМЕСЛО

Снег занавесил простынями сад:
Хэбэшки белоснежные висят
И в детство тянут и зовут упрямо.
Там — тощая стиральная доска,
На зимней речке — два гнилых мостка,
И прорубь, где бельё полощет мама...

В воде холодной пальцы, словно лёд.
Отпустишь ткань на миг — и унесёт,
А мама шутит: “Для русалок платья!”
С ней рядом — таз, бельё горой лежит...
Не каждый с ним управится мужик.
Вот только это — “женское” занятие.

Потом в саду от неба до земли
Белеют парусами корабли —
Морозом укрощённые скитальцы.
Так было раньше... И почти везде
Бельё купали в ледяной воде
И мучились всю жизнь от боли в пальцах.

Течением те годы унесло...
Быть женщиной — “простое” ремесло?
Поймёт не каждый этот подвиг тяжкий.
...А мама — рядом. И её рука,
Как в детстве, исцеляюще легка...
И я целую красные костяшки.

АНТОНОВКА

Антоновку с ветвей снимал сосед,
Стремянкой небо подперев умело.
И осень на его ладонях зрела,
И он был этой зрелостью согрет.

И становился будто бы здоров,
Вдыхая запах кислый и бодрящий.
И тяжесть яблок наполняла ящик
И душу наполняла до краёв.

Но жизнь сама снимает урожай,
Срывая с веток души, будто ношу...
И дом был снегом густо запорошен,
И было деда по-соседски жаль.

А прелый запах яблоневых строк,
Лежащих без движенья на соломе,
Напоминал, что был хозяин в доме,
Но пережить антоновку не смог.

г. Тверь

ИРИНА ИВАННИКОВА

* * *

Погост, перрон, дом детства моего.
А рядом те, кто не отбросит тени.
Я опоздала. Только и всего.
И в прошлое обрушены ступени.

Пока глядят оконные огни.
Им жить осталось, может быть, немного.
Сегодня вспомни, завтра — помяни.
Куда ни кинь — железная дорога...

г. Рязань

ОЛЬГА КОЧНОВА

* * *

А дальше будут только холода,
заплаканные стёкла, шорох капель,
и небо, точно блёклая слюда,
и лес расхристан, и весь мир — как паперть...

А дальше будет только этот снег,
пугающий своею чистотою,
лежащийся на чёрный глянec рек,
летающий над тобой и надо мною...

А дальше... всё известно наперёд.
Я, как во сне, твою сжимаю руку,
и вижу ледостав и ледоход,
но кто-то вдруг окошко распахнёт
и душу выпустит,
и кончит эту муку...

* * *

Завтра снова будут идти дожди,
как вчера, как неделю, как год назад.
То ли лето кончается, то ли жизнь.
То ли вечность за окнами, то ли сад
старый, дедов.

Ветки скрипят, скрипят.
Корни ноют к ненастью. К войне...
Скушай яблочко,
скушай, моё дитя!
С каждой ночью становится холодней.

В старой кадке замшелой живёт карась.
В кадку льётся вода с потемневших крыш.
То ли жизнь вчистую не задалась,
То ли просто под полом скребётсямышь —
не даёт уснуть.

Тихо выйду в сад,
к старой яблоне прислонюсь спиной
и услышу:
ветви скрипят, скрипят,
будто дед опять говорит со мной.

* * *

Сезон закрыт. И бересклетом
пылает лес.
И лета песенка допета,
и сбита спесь.

Мы — дачники, мы — тунядцы,
нас город ждёт.
А к стёклам клеится прохладца,
прозрачен лёд.

И дремлет пёс, и старой печки
теплы бока.
А дым — колечко за колечком —
за облака.

Дым улетает, тает, тает...
А гладь небес
перечеркнули птичьи стаи
и светел лес.

г. Тверь

ОКСАНА РАЛКОВА

* * *

Сторона — солона,
Но и отчая гарь горька,
Где ни камня на камне,
Ни на угольке уголька,
Где полынь да крапива
Хлопочут у очага
И плакучая ива
Ещё бережёт берега!

Отчий храм — невоздвигнутый —
Кровный нетленный прах,
Ох, и тесно же мне
На твоих четырёх ветрах,
То застывших,
То гнущих на раз-два-три
Белопамятных плит
Закалённо-стальные штыри!

г. Челябинск

ДАРЬЯ УЛАНОВА

РЫБА РЫБЕ

Так улыбка будит фразу.
Так глаза хватают мрак.
Нам друг друга видно сразу:
Ты рыбак и я рыбак.

Так следы по перелеску
Вдруг уводят не туда.
Так судьба, закинув леску,
Тянет сердце из пруда.

Там серебряною сетью
Рябь плывёт поверх голов.
Спят в счастливом беспредметье
Твой улов и мой улов.

Светлым трепетом зовущим
Чешуя на них горит.
А внизу совсем беззвучно
Рыба с рыбой говорит.

Рыба рыбе говорит:
— Не люби меня, не надо.
Всё отмокнет, отболит.
Лишь побудь со мною рядом.

* * *

Я молчу, будто нечего больше сказать.
Будто ты уже знаешь всё про себя, про меня,
Про дурацкий вопрос, что повис между нами, как мост
Разводной. Шаг навстречу всегда приближает край.

И молчу. И тебя не гоню. И на мост не ступаю.
И несу свою ношу. Ты — драгоценный камень
На сердце моём. Безопасней писать стихи.
Потому что ты никогда не читаешь их.

г. Хабаровск

ТАТЬЯНА ЖИЛИНСКАЯ

БАБА НИНА И БАБА ВАЛЯ

Побудьте со мной, отдохните немного.
С трудом добрали до земного порога.
Путь был непростым из-за облачной дали,
Скажи, баба Нина, скажи, баба Валя?

Я редко стремилась “до вашага чаю”,
Делиться успехом, улыбкой, печалью,
Рассматривать раны, седины, медали —
Твои, баба Нина, твои, баба Валя.

Последний раз, помню, была званым гостем
На светлом осеннем смиренном погосте.
Так мудро от нас, от земных “паміралі”,
Что ты, баба Нина, что ты, баба Валя.

Тихонько вдвоём собирались в дорогу,
“Дзецям” жизнь свою отписав понемногу.
С разбежкой в месяц «ляглі ў зямлю кралі»,
И ты, баба Нина, и ты, баба Валя.

Теперь пустота. Ни прийти, ни проведать.
Ни спеть, ни испечь, ни спросить, ни отведать...
Кому я скатёрки стараюсь, крахмалю?
Зачем, баба Нина, зачем, баба Валя?

Ну вот, повидались, пора и обратно.
Там с Богом ведите себя деликатно...
Жемчужной росинкой на скатерть упали
Слеза бабы Нины, слеза бабы Вали.

г. Минск

ИЛЬЯ ПОКЛОНСКИЙ

* * *

Над пустыющим сквером безлунное небо озябло,
Кто-то бродит по тропкам в холодном осеннем дыму,
Ветер, гасящий звёзды и листья срывающий с яблонь,
Что-то шепчет вослед уходящему в мёрзлую тьму.

Пёс, бредущий за ним, растворяется в сумерках зыбких,
Пёс уходит за ним в неприютный безлиственный мрак.
И в клубящейся мгле мне мерещатся отзвуки скрипки,
И печальный скрипач, облачённый в мерцающий фрак.

Он играет для звёзд, он играет для листьев осенних,
Для фонарных огней и ворон, открывающих клюв
И кричащих в простор, где толкуются безликие тени,
И все плачут о чём-то, оплывшие свечи задум.

И несутся над ним неуёмные зимние ветры,
И срывают, как листья, гниющую кожу вещей,
Гасят свет фонарей, увлекая в межзвёздные недра
Силуэт одинокий в оборванном старом плаще.

Кружат всюду ветра, и под звук обезумевшей скрипки
Всё срывается с места и мечутся толпы теней,
Всюду слышится хохот, но нету на лицах улыбки,
И в тумане лишь ветер да пятна слепых фонарей.

А потом тишина... И смычок не змеится по струнам,
И во мраке лишь чей-то далёкий, чуть слышимый плач,
Только стая ворон всё кричит над простором безлунным,
И по листьям увядшим уходит безмолвный скрипач.

г. Минск

АНТОН ШКОЛЬНИКОВ

ЗИМА И ПЕЧЬ

В лапе еловой, несжатом хлебе,
В листве гнилой...
И на земле — зима, и на небе,
И под землёй...

В стогах, сугробах, собачьем лае,
Кошачьих снах —
Зима. Не добрая и не злая,
Как есть. Зима.

Нет-нет, да снег отряхнёшь чекушкой
С сутулых плеч:
Зима — весь мир. Человек — избушка.
В избушке — печь.

Подёрнет ухом у печки кошка
На ставен трель —
С мороза кто-то глядит в окошко:
— Пусти, согрей...

Зима. В сердцах, на висках-опушках —
Везде права...
— Согрею, что ж... Заходи в избушку.
Неси дрова.

...С устатку кто, может, кто с охоты,
А кто — с утех...
Но если в душу стучится кто-то —
Пускайте всех.

Натопчут — пусть! Надымят прилично,
И негде лечь...
Не стены греют.
И не наличник.
Топите печь.

г. Омск

АЛЕКСАНДР РУХЛОВ

* * *

Я Одиссей. В крови шумят века.
И долог путь, и время кровожадно.
Я шёл без карт, но шёл наверняка —
На шум одежд прозрачных и прохладных.

Ветра безумствуют. Разбиты корабли
О рифы острые, затерянные в море.
Зачем я уходил на край земли
И оставлял тебя одну рыдать у мола?..

Кругом лишь невозможный горизонт,
Где небеса и волны бьются лбами.
Сквозь голоса сирен иду на зов,
Зову тебя солёными губами.

И я ко дну пускаю сундуки,
Где скрыта с глаз поверженная Троя.
Я тишину хочу кормить с руки
В той бухте, о которой знают двое.

И я приду — назло отливам всем
И поцелую женщин нелюбимых.
Я растеряю всех в пути. Я — Одиссей,
Одной тобой в кромешной тьме хранимый.

г. Курган

МАКСИМ ЕРШОВ

А ВСЁ-ТАКИ РОССИЯ...

* * *

Этот город уездный...
Самый близкий чужак.
Ах, как замер над бездной
мой единственный шаг!
Так потом не случится,
может быть, никогда...
Дорогая столица,
Я твоя высота.

Не во вторник, так в среду —
твой единственный друг —
я приеду, приеду,
заломив длинный крюк.
Не душа — чрезвычайка;
постою, помолчу.
Я, как белая чайка,
может быть, закричу.

Как ты, город уездный?
Всё жуёшь удила?
Распускаешь над бездной
все свои купола —

ЕРШОВ Максим родился в 1977 году в Сызрани. Окончил политехнический техникум, техник-механик автотранспорта. Учился в Литературном институте им. Горького, в семинаре Станислава Куняева. Постоянный автор "Нашего современника", автор книги стихов "Флагшток". Член Союза писателей России.

купола-парашюты...
Лишь один на земле
ты запомнил маршруты
в позабытой судьбе.

Я люблю тебя, Сызрань!
В оцепленье машин,
шаг с подножки на пристань —
это целая жизнь.
Так почувствуй, почувствуй,
что, пока я курю,
ты проходишь в искусство
через душу мою...

* * *

Беги отсюда. Здесь живёт беда.
В глуши домов, стоящих на печали,
журчит по трубам ржавая вода,
а все иные речи отжурчали.

И вообще — куда ни посмотри,
бугрит обои иней острозубый.
Здесь пахнут псиной гулкие внутри
на смертный час умноженные судьбы.

Ты не сможешь. Слишком мало средств
есть в кошельке, чтоб выполнить затею.
Беги отсюда. Водка — это крест,
а крест чужой тебе сломает шею.

На пол скрипучий падали слова,
ты за здоровье выпил раз двенадцать.
Настала полночь. Свесилась глава.
Туши бычок, не надо извиняться.

Экзамен самой гадкой из наук
придётся сдать, как светлое стремленье.
Сам по себе и город не паук —
паук в нём тот, кому он дан в кормленье.

Все города — все, как одна беда, —
крест равнодушья, алчности и фальши.
Так нашей жизни тухлая вода
питает всё, что будет с нами дальше.

При чём тут нефть, когда большой народ
давным-давно своей не сто́ит нефти?
Паук спокоен, зная наперёд:
народ и Бог всегда уходят вместе...

Под знаком “Сызрань” падать и лежать
ноздриями вверх — на запах керосина.
Бежать отсюда? Некуда бежать.
Хоть не твоя, а всё-таки — Россия.

БАБУШКЕ

Мне сегодня ветер — с голосами.
Я стакан, наполненный слезами.
Разыгралась в бликах пред глазами
склень-черта горячая моя...
Онемев пред распорядком твёрдым,
смущена собравшимся эскортом,
в измеренье сказочном — четвёртом —
ты, конечно, ищешь: где же я...

— Где же я... Бабуля! Вот он — рядом!
Глядя в небеса закрытым взглядом,
помнишь, помнишь клён над полисадом?
Значит, знаешь ты, где я стою...
Пожелтел, ещё не понимая,
что октябрь, свой колокол вздымая,
вот — задел тебя, моя родная, —
кинул листьев в лодочку твою...

— Внучек, милый! Где ж тебя носило?
Эх, моя б любовь, твоя бы сила...
Вот — пока часы остановила.
Как вернёшься, я услышу бой...
Новый луч ударит по окошку,
пыль смахнёшь, да вытряхни дорожку...
А захочешь — посади картошку...
Понемножку, сына... Бог с тобой...

— Ничего! Я вам давно не светоч.
К новым дням — куда такая ветошь?
Хорошо (такое дело это ж) —
напоследок собрала родню!..
Оттого и ветер с голосами...

— А стакан со спиртом и слезами
для Максимки... к возвращенью... сами
уберите — к праздничному дню.

РУССКИЙ КОСМОС

Русский космос — это русский выбор,
это путь, что вёл издалека.
Как в скульптуру — мраморная глыба,
так в полёт сей вложены века:
времена открытий и сомнений
и борьбы нелёгкой времена.
Русской силе служит русский гений —
значит, мы великая страна.

Русский космос — песнь о нашей вере,
результат привычки к чудесам.
Мы умеем жить по высшей мере —
с неизбывной тягой к небесам.
Что взяла от купола ракета?
А ударит в колокол звонарь,
муэдзин затаяет с минарета —
и ясна космическая старь.

Потому, когда в ревушем смерче
из надежды, стали и огня,
вдруг своё почувствуешь бессмертье —
то держи ты за руку меня,
чтобы с высью справилась ракета
и ушла серебряной стрелой..
Русский космос — важная победа
над вселенским хаосом и мглой.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВА

ОБОГРЕТЬ УЛИЦУ

О рассказах Андрея Антипина

Всё вверх и вверх, по крутой тропинке, с частыми остановками и передышками в пути. Где-то на полпути возникает ощущение чего-то большого. Кажется, “вот оно”, но сердце недоверчиво и откликается тревогой, пытаюсь защититься от неизвестности. И всё-таки оно захватывает неожиданно. Забываются горечь и тяжесть от прочитанного, всё переплавилось в новое, стало им. Чувство радости захватывает, как открывшийся простор с вершины горы, – высота и деревья внизу, пёстрые точки цветов – и небо. Оно огромное – в полмира. А если повезёт, можно увидеть рассвет. Таков рассказ Андрея Антипина “Смола”*. Последние слова рассказа растворяются в созданном им мире, тают в просторе нахлынувших чувств. С ощущением открывшейся близкой дали родного живёшь, бережёшь его, улыбаешься на улице каждому встречному.

А мысль возвращается к началу, чтобы сцепить воедино солнечную капелку смолы на сером высохшем заборе и человеческую судьбу. “И тогда в старом, сером, щелястом заборе, смертно наклонившемся и подпёртом частыми колыями, вдруг “вспыхнет”, вдруг “заиграет”, вдруг “загорится” морёными наплывами какая-нибудь одна-единственная доска, против тления и угасания напитанная красной лиственничной смолой”. Откуда из глубины старого простуженного забора эта капелка, вобравшая в себя солнце? Как она сохранилась там, на ветрах и морозах, Бог знает. Внимательные глаза автора направляет зоркое сердце. Открытие сути бытия объединяет прозу Андрея Антипина с русской классикой, и в первую очередь, с близкой по времени – с прозой Валентина Распутина.

Андрей Антипин – выпускник филологического факультета Иркутского государственного университета. Живёт в глубине Сибири в посёлке Казарки на реке Лена. Впервые стал печататься в журнале “Сибирь”. Сибирь и питает его творчество, создавая особое пространство слияния человека и природы, которое в городах забыто и воспринимается как атавизм. Отчуждение от мира и родство с природой, с людьми, столкновение этих сторон – центральный нерв прозы Андрея Антипина. На стыке противоположностей рождается живительная искра.

Мир писателя держится парадоксами, соединением несоединимого. Парадоксальные сочетания слов, фраз, впечатлений от реального и воображаемого рожают неповторимое впечатление от прозы Андрея Антипина, придают ей свежесть и выразительность. Это видно уже в первом рассказе писателя

* Антипин, А. Смола. // Литература. Электрон. лит. журн. №104.

“Зачем?..”^{*} Добро нечаянно становится злом. “Сейчас я с ужасом осознаю открытый для себя парадокс: не обрати я тогда внимания на первые проявления зла, не возбудил в этом зле необходимости защищаться и поработать, зло умерло бы само собой, более не распространяясь”. Невольная смена позиции праведника на потворника зла – только один из парадоксов рассказа. Прямой и искренний главный герой идёт на открытый разговор со своим противником. Отстаивая бережное, благодарное отношение к природе, он оказывается сражённым своим же оружием – ему возвращают заданный им вопрос: “А ты – зачем?” В лобовом столкновении добра и зла добро отступает безоружным, беспомощным, не способным объяснить словами естественную для себя любовь к миру.

Смеховое, сниженное переплавляется в рассказе “Зачем?..” в трагическое. Человек, который заставляет себя ждать, потому что “дрищет” в кустах от выпитого просроченного пива, предстает страдальцем и умирает от жестоких болей буквально на глазах защитника справедливости. Смеховое усилено “рассказом в рассказе” массовика Васьки о проделках над дружком Серёгой. Контраст обостряет трагизм происходящего. С человека зла слетает социальная оболочка, обнажается суть его действий – жалость к себе и ненависть к тем, кто остаётся жить после него. Пронзительное вглядывание в человека, совершившего зло, усилено чувством жалости и признанием чего-то таинственного в его душе, не доступного сознанию. “Во взгляде его, как мне показалось, мелькнула вдруг человеческая грусть, по какому-то, ещё непонятному мне поводу. Я не выдержал этого взгляда и отвернулся...” Мимолётное проявление глубокого чувства в ненавидящем всё человеке оставляет след тайны. Крайности объединяются, и психологически объяснимо зло, которое совершает человек, и мудро прощается сделанное. Приближение, приход главного героя к рубщикам леса, шайке организованным зла, крупный план изображения души человека через видимое и слышимое – облик, слово, жест – открывают в этих людях человеческое так, что зло словно отступает, остаётся у них за спиной. Вражда людей растворяется перед страданием человека. Возникает чувство общности (“мы обступили раздавленный вагончик”), понимания и сострадания друг к другу. Нет плюсов и минусов, всё смыкается участием одного в другом, переплавляется высшей, не постижимой умом, силой – единой музыкой бытия, которую слышит юноша в конце рассказа.

Главный герой рассказов “Зачем?..” и “Теплоход “Благовещенск” словно вырос из Сани в рассказе Валентина Распутина “Век живи – век люби”. Это он, впитав красоту и величие тайги как откровение, получает тайновидение – способность различать добро и зло – силы жить с добром и творить его. Только такой восприимчивый к добру человек способен слышать “непрекращающуюся музыку жизни”. “Все эти звуки были настолько отлажены, настолько едины, что казалось, будто это звучит затаённая где-то в земле музыкальная шкатулка. И было страшно сделать неловкое движение, крикнуть невзначай, прожить жизнь не в унисон этому божественному звучанию...” Человек попадает в высшую синергию – единство земного и Божественного, в их нераздельность и нужность друг другу. Синергия даёт способность видеть многомерность зримого мира, парадоксальное стечение несоединимого, где сквозь обыденное просвечивает древнее. Небо, которого так много в прозе Валентина Распутина и для которого оно – мерило бытия, где в высоте качается маятник человеческой жизни, кажется, спустилось в сердце главных героев рассказов Андрея Антипина.

“Теплоход “Благовещенск”^{**} начинается с колоритной сцены купания дериженских старух. Действие вызвано стремлением женщин вызвать дождь каким-то особым, забытым способом – купанием с иконами в реке. Экспрессивность и стереоскопичность видимого возникает из совмещения разных ракурсов – наблюдения детей с берега, ощущений самих старух, переданных в их репликах, замечаний стариков, восприятием происходящего главным героем, мальчиком-подростком. Слово автора вмещает в себя многоаспектность наблюдения и одновременно существует как воспоминание

* Антипин, А. Зачем?..: рассказ // Сибирь. 2006. № 4. Электрон. версия печат. публ. Сайт: Хроники Приангарья.

** Антипин, А. Теплоход “Благовещенск” // Сибирь. 2006. № 6. Электрон. версия печат. публ. Сайт: Хроники Приангарья.

о вчерашнем дне. “Тут как тут и ребятня: стоят поодаль, утирая носы, никак не решаются подойти поближе к старым бабам, которые ещё полчаса назад гоняли их от малинника крапивою, а сейчас барахтаются в реке, выставив на обозрение всему свету жёлтые животы и квёлые, словно брусника в ноябре, старушечьи груди”. Старухи входят в воду, бормоча детские считалки, и ведут себя, как дети. “Они смеются, охают, кричат, толкают друг дружку на глубину”. Противоположность, полярность возрастов смыкается. В таком неуловимом сплаве старости и детства – выразительность описания, словно жизнь, завершая свой круг, возвращается к началу. Старики срамят для потехи купающихся старух, задирают непристойными советами, вызывая их на такой же ответ, но не отходят, привлечённые к реке необычным зрелищем. Их слова контрастны замыслу обрядового действия, дополняют смеховым сакральное.

Живописность стиля рассказа “Теплоход “Благовещенск”” возникает из созерцательного взгляда подростка на мир – тихого, доброго и наблюдательно-го взгляда взрослеющего человека, воспринимающего мир будто впервые. Остраненность даёт свежесть и новизну изображенному, в нём присутствует мудрое не по годам желание не нарушать мир, сохранить его целым. “На таган села красная бабочка, за ней другая... и вот уже вся ольховая жердинка увешена разноцветными прищепками. Внезапно они срываются с насиженного места и разлетаются: это я, дурачась, кинул палку в прогоревший костёр и поднял прямо на бабочек облако золы. Никто, кажется, не заметил этого, но я пожалел о содеянном, и настроение у меня подыспортилось”. Мир вокруг главного героя предстаёт в нетронутости первозданного блаженства, единства всего живущего и осмысленности взаимного существования. Импрессионизм стиля писателя – в мимолётности впечатления, яркости солнечных красок, в ценности и жалости к тающим мгновениям бытия, в одновременном осознании собственного одиночества при расставании с ними.

Цветовая палитра определяется детским принятием мира, радости от соприкосновения с радужной гармонией. “Из-под поднятого вала поскакала большая жёлтая лягушка. Я посадил её в пенопластовую чашку, прикрепил бумажный парус и пустил по ручью. Мой самодельный кораблик скоро заскользил по голубым волнам, ловко увёртываясь от коряг и зелёных, покрытых тиной камней”. Детский кораблик как отзвук впечатления от красивого и недоступного теплохода “Благовещенск” с названием, словно из другого мира. Образ детской и взрослой мечты отражается в самодельном кораблике, формируя художественную многомерность текста. Палитра изображённого выдаёт в подростке ребёнка, рисующего на листе чистыми яркими красками – жёлтой, голубой, зелёной, синей, алой – свой мир. Этот детский рисунок – старый мир новыми красками – автор дарит читателю.

Разговоры, споры о политике, о бедственном положении человека в деревне, о насущном не гасят гармонии окружающего. Они – необходимая часть совершенного, со-бытия человека с природой, их разумного согласия. Шум, суета, споры соприкасаются с миром природы и умолкают, растворяются в тишине мудрого взаимодействия всего со всем. Действия и слова людей в сознании главного героя получают сакральность высшего смысла – каждый момент проживается, впитывается душой как ценный и неповторимый в творимом узоре человеческой жизни. Естественно звучат последние слова рассказа: “Такого дня, как сегодня, больше никогда не будет...” Слова отражают полноту жизни. Миг и вечность в рассказе Андрея Антипина сплавлены общим законом со-бытия. Сенокос, метание копен – тяжёлая до изнеможения работа в жару, – мучительные укусы мошки, купание в реке, ловля щуки становятся священнодействием. Размеренность и осмысленность каждого человеческого движения хранят тайну, полны трепетного отношения к природе, при котором действия человека равны миротворению и миротворчеству. С вниманием и благодарением, с заботой и любовью жизнь главного героя протекает в точке соединения прошлого и будущего: слово писателя осязаемо передаёт этот незримый и неуловимый миг перетекания времени. Сплав времени в момент делания человеком природосообразного и необходимого воспринимается как прикосновение к древнему знанию, к истоку самой жизни.

Образ теплохода “Благовещенск” с нарядными, праздными людьми для подростка – не только символ иной, лучшей, чем у людей рядом с ним, жизни – он его волнует, манит. Теплоход, как красивый мираж, проплывает мимо, но сон мальчика открывает вслед ему главное. Сон в лодке, на воде, между

берегами метафоричен. В нём мальчик стоит на носу теплохода рядом с оборожительной женщиной в голубом платье и одновременно смотрит на это с высоты всеведения. Оба состояния дают ощущение трансцендентного. Прощание мальчика с людьми на берегу, которых он не сразу узнает, их слова: “Будь счастлив, милый, в той далёкой стране!” – помогают осознать границу в своей жизни, фиксируют переход туда, где близкие и родные остаются уже позади, в прошлом. Волнение и щемящая грусть мальчика, его тихие слёзы после пробуждения отмечают разрыв с детством. Приходит прозрение – осознание настоящего как переходного. “Я иду впереди всех, но внезапно для самого себя останавливаюсь и смотрю туда, куда скрылось солнце. Темно. В небе лежат крупные звёзды. И тут я с неизъяснимой ясностью понимаю, что вместе с теплоходом, ушедшим вверх по течению, закатилась за горы часть моей жизни”. Прощание с детством в сознании главного героя согласовано с небесными ритмами дня и ночи. День жизни, как и прозрение растущего человека, включены в космическую гармонию и осмысленность существования неба, солнца, звёзд.

Рассказ Андрея Антипина “Капли марта”^{*} – о нескольких днях жизни пятилетнего мальчика у бабушки, вдали от мамы. Колебания, вибрации мыслей и эмоций на стыке смешного и трагического создают живую ткань с объёмным видением реальности, смещением фокусировки взгляда, перемены роли наблюдателя, разностью миропонимания человека со стороны и участника. Центральная оптика – видение мира ребёнком, страдающим от того, что оторван от матери, и не понимающим причины своей брошенности. Палитра чувств мальчика, постепенное вращение в чужой для него мир и, наконец, согласие с ним, связаны с взглядом всеведующего повествователя. Чередование точек зрения обнаруживается, например, переходом от бабушки – “старухи”, которую можно слегка лягнуть ногой и получить в ответ крепкий подзатыльник, к называнию бабушки “бабкой” и “бабушкой”, и даже “Клавдией Еремеевной”. Последнее характеризует уже взгляд повествователя. Перемещение точек видения оттеняет ведущую модальность повествования – восприятие пятилетнего мальчика.

Остраненность, изображение мира глазами ребёнка рождает противоречие с картиной мира взрослого читателя. Возникает балансирование растущего художественного пространства на стыке “взрослый-ребёнок”. Автор не позволяет читателю до конца вжиться в состояние пятилетнего человека, погрузиться, вернуться в сладостное райское состояние первого знакомства с миром. Фразы взрослых (бабушки, мамы, Тётки, Главного, Китихи) выдёргивают читателя из глубины тихих созерцаний, принуждают глотнуть воздуха критического отношения к действительности. Но такова жизнь и впечатлительной, безоружной души ребёнка, в которую врывается взрослый мир. Живая подвижность текста Андрея Антипина создана из погружений-выныриваний, из переплетения взгляда из детства и взрослости.

Реальность рождает сказку, и она органична в сознании ребёнка. Оставленный в больнице, среди закоулков, лестниц-коридоров, в которых растворилась бабушка, мальчик вовлечён в борьбу добрых и злых сил. Чепчик оказывается Главным в этом незнакомом мире. Веник и Коробочка обижены и ненасытны у корзины с мусором, они готовы съесть мальчика, но “на выручку ему подоспела бабушка”. У этих двух персонажей появляется союзник – Коричневые Тапочки. Реальность обращается сказкой при соприкосновении с душой ребёнка, но для читателя она не перестаёт быть узнаваемой. Испугавшись напора бабушки, “Веник с Коробочкой, под которой обнаружили Коричневые Тапочки, поспешили убраться со столовой у переполненной корзины и бурчать”. Сказка продолжается. Появляется невидимый Восьмой по счёту Март и уводит всех женщин больницы в магазины, где снег у крыльца усыпан цветочными лепестками. Неосторожный “бряк” мальчика вызывает злую Тётку, грозящую расправой, пока Главный у “своей дистрофии”. И опять спасает бабушка. Знакомство с Китихой и Розовым возвращает сказку в реальность. Мастерство писателя проявляется в этом извлечении сказки из обычного, словно очищается от скорлупы чудо. Приёмом метонимии человеческое смещается на вещь. Предмет крупным планом – персонифицированный –

^{*} Антипин, А. Капли марта: рассказ // Сибирь. 2011. № 3. Электрон. версия печат. публ. Сайт: Хроники Приангарья.

раскрывает психологию человека и отношений между людьми. Но предмет не просто очеловечивается: в рассказе Андрея Антипина, скорее, опредмеченный человек теряет свою человечность. И это уже не сказка. А если и сказка, то для взрослых. Возникают колебания самого воздуха текста, создающего реально-ирреальную картину.

Повествование Андрея Антипина многоголосо – размышления ребёнка разворачиваются как споры с бабушкой, как предъявление детских доказательств в ответ на воображаемые аргументы взрослого, дополненные голосом автора. Слова взрослого в таких спорах не всегда обозначены кавычками – слово “шандарахнулась”, например, появится позднее в речи бабушки. “Зачем только бабушка оставила его у двери, посадив на кожаный диван с пуговицами и приказав не уходить, а сама убрела по коридору – и как в раскрытое подполье шандарахнулась... Допустим, ещё дома ему дали шоколадную конфету. Так мальчик не кланчил её! Он бы лучше пошёл искать маму. А конфету бабушка всё равно отдала бы, потому что у неё “деабед” и она может “сковырнуться”, если “сглотнёт лишнюю ложку сахара”. Столкновение и одновременное созвучие закавыченных и не закавыченных бабушкиных слов в рассуждениях ребёнка, единение слов старого и малого, контраст их ценностей и смыслов создаёт динамику стиля, колебания-раскачивания мыслей и чувств читателя от одного полюса к другому – смех сквозь слёзы и сопереживание беспомощности маленького человека при столкновении с трагикомедией жизни. Присутствие автора в мыслях мальчика отражает колебания позиции самого автора, часто смотрящего на мир глазами своего героя. Иногда, правда, роль повествователя передаётся бабушке: “одела – только голубые гляделки и выдать – и, полусонного, повела за ворота, покатила на ледяном автобусе с кусочком фанерки вместо стекла...”. Оценить со стороны, критически посмотреть на одетого внука и словно сказать самой себе: “Только голубые гляделки выдать”, – могла только бабушка.

Авторский голос полифоничен, он незаметно включает в себя слова всезнающего повествователя, впечатления бабушки, опять повествователя и впечатления самого мальчика, закутанного в одежду, неповоротливого, посаженного у окна автобуса и с досадой видящего только фанерку (“фанерка вместо стекла”), а душа-то готова к приключениям. Одно предложение может раскрыть полифонию жизни – наплыв голосов, впечатлений, чувств. Авторское слово вбирает в себя различные стилистически окрашенные эпитеты, сравнения, метафоры и поднимает читателя то в гору, то спускает под гору – в описаниях, построенных контрастно. “Такая песня велась тяжело, словно несла её бабушка, идя по буеракам, с расстановками, когда “в горку”, а “под горку” с широким вольным роздыхом, с отчаянным жестом руки, которую Клавдия Еремеевна откидывала в сторону, точно занесённое для гребка весло, а потом единым росчерком возносила стремительно от талии, выше головы”. В другом предложении существуют рядом сниженное “скреблись” в значении “шли еле-еле, плелись” и тонкое поэтическое описание заснеженных деревьев. “Потом они скреблись по обледенелой лестнице в больницу на горе, меж серебряных от изморози сосен”. И в этом весь автор. Глаза писателя не только зоркие и приметливые, они с любовью смотрят на человека и природу, отражая красоту.

Любовь-нелюбовь мальчика к бабушке – другие два полюса, между которыми разворачивается качание чувств главного героя, скрытая пружина сюжета. Мальчик живёт то в согласии с бабушкой и любит её, то она становится “жадной старухой”: “...приковыляла, заваливаясь на бок, больше не любимая им старуха”, и мальчик готов насолить ей. Читатель видит мир сквозь оптику противоположных чувств ребёнка, и мир окрашивается разными красками. Живопись меняет цвета: перед глазами импрессионистская палитра, играющая, бликующая, живая, как текущая вода. Вот мальчик смотрит на бабушку любящим взглядом: “...после долгого и громкого разговора с мамой она была просветлённая, точно умытая снегом, в радужных брызгах слёз”. Мальчик “снова полюбил бабушку”. Психологическая органичность текста – в такой эмоциональной пластичности детской души, в её перемещениях между полюсами любви-нелюбви, определяемых острым чувством брошенности, ощущением себя чужим в чужом доме. Чувство одиночества соединяет ребёнка и бабушку, создавая связи-отталкивания в отношениях двух близких людей. Многие эпизоды рассказа останавливают волной скрытой, затаённой

тоски, боли одинокого старого человека. “Приедет, уж это ты не беспокойся! – фыркнула Клавдия Еремеевна. – Сразу забудешь баушку, всю её ласку-заботу пустишь по ветру, как корова струю. Форкнешь наперёд всех в город свой – баушке только на твой хвост и смотреть!” Прикрытая иронией, боль старого человека неизмеримо трагичней одиночества ребёнка, который всё-таки дождался мамы. Душевная опустошённость при расставании с внуком воплощена в ёмкой детали-метафоре – пустой сумке вернувшейся с полдороги в магазин бабушки. “Следом, валяя из стороны в сторону головой, поспешала бабушка с болтавшейся у ноги пустой сумкой...” Два одиночества срифмованы в тексте – человека в начале жизни и в её конце.

Бабушкиными слезами – *каплями марта* – начинается рассказ. “Набрав из пузырька в рот, бабушка обыкновенно сидела в прихожке, глядела в окно, за которым ронялись с влажной крыши первые сосули и, звенькнув о бельёвую проволоку, разбивались о тротуар”. Ими же и заканчивается: “Бабушка укатилась в горницу и тихо плакала за раскрытой дверцей шифоньера, сося слёзы вперемешку с капельками из тёмного пузырька”. *Капли марта* замыкают композиционное кольцо рассказа. Скрытая от другого боль выдаёт тихое страдание, характерное, наверное, только для русского человека, пережившего тяжёлые годы голода, войны и политических катаклизмов XX века и идущее от христианства. Этим терпением силён русский характер, как бы мы ни старались забыть об этом. Но *капли марта* – это не только слёзы бабушки и капельки из её тёмного пузырька. Амбивалентность образа вбирает в себя капельки из носа и из раззявого рта бабушки, и капли на лбу Главного, и “капание” в обвинениях Тётки, и “побежавшие влажные ноздри” мамы при встрече с сыном, и тихие слёзы обиженного мальчика. Эти слёзы в какой-то момент заполняют весь видимый для ребёнка мир: “и, словно лес после дождя, видя перед собой лишь свои мокрые от слёз ресницы”. Капли изображены чаще издали, реже – крупным планом, отражая состояние маленького человека.

Но *капли марта* становятся и главным героем рассказа, доверяя мальчику роль повествователя. Ребёнок остранен от самого себя и наблюдает за другой судьбой – за короткой жизнью маленькой капли. Капля очеловечена, и в этом тоже контраст художественного изображения, в котором человек опредмечивается, а неживое очеловечивается. “Долго, переливаясь на вешнем ветру и ярком солнце, висела капля на выступе крыши, как бы размышляя, упасть ли ей теперь или, дождавшись примороза, застыть, а то, полнясь другими каплями, вырасти в длинную сосулю и рассыпаться от удара палки, кинутой смеющимся мальчишкой”. Капля задумалась над выбором одной из предложенных природой судеб, и вся её жизнь вместились в пространство “между краем крыши и краевой тёмно-сизого сугроба...” – фрагмента мира, видимого ребёнком из окна. “Ка-ап!” – осязаемая текучесть проживания в мгновении. Рассказ в рассказе – как принятая в себя другая жизнь. Но *капли марта* – это ещё и капли сосулек, которые пил мальчик, чтобы простудиться назло маме и бабушке. Опасные для здоровья, в конце рассказа они дарят ему тепло и исцеление. Дарят ощущение счастья от встречи с мамой: “всё куда-то бежали, подпрыгивая на шляпках гвоздей, всё торопились прожечь снега целебные капли марта – последние у ранней весны, самые-самые светлые, проморгавшиеся для счастья и любви в природе, которые теперь не замалчивали ни радость, ни горе, ни день, ни ночь”. Они – как отражение жизни, её движения и многоречивой полноты. Их торжество завершает текучую полифонию рассказа.

“Капли марта” в одноименной книге* принесли некоторые разочарования. В отдельных фрагментах текста разорваны внутренние связи, нарушена цельность впечатления и возникающего чувства. Разделена, например, описанием песенка бабушки, которую та напевает в роддоме младенцу:

*“Как у нашего царя —
Топай! Топай!
Родила богатыря
Кверху жо... (тыфу) попой!”*

* Антипин, А. А. Капли марта. Повести. Рассказы. Иркутск: Издатель Сапронов. 2012. 296 с.

При этом теряется нарастание боли, которую испытывает мальчик при понимании, что песенка раньше наговаривалась бабушкой только ему. Введённые детали дробят чувства. Эти детали могут быть видимы только взрослому, но не ребёнку, попадающему в неотразимое действие любимой приговорки, которая берегла его, а теперь утрачена с рождением Розового. Описание распеленанного “топающего” новорождённого вызывает сомнение – сердце матери, сердце бабушки, запреты медперсонала не позволили бы этого. Конкретизация встречи мальчика с мамой и братиком в роддоме избыточна для психологии ребёнка. Жалко фразу: “Кто-то цапнул его за руку, вернул в тепло, посадил по-утрешнему на кушетку...”, – которая потерялась по дороге в издательство. В ней точно и убедительно передано состояние мальчика, ощущающего сквозь слёзы действие чьей-то руки – неведомой силы, остановившей и водворившей его на место, с которого начались его злоключения, испытания, тревоги. Разрушается естественная, идущая от природы таланта живая ткань текста – стиль автора с присутствием тайны в недоговоренностях, уместных ещё и потому, что раскрывается сознание пятилетнего ребёнка, которое выхватывает из окружающего мира только эмоционально значимые фрагменты (Веник, Коробочка, Китиха, Баба С Чёрной Родинкой На Щеке), пугающие или радующие его. Но это сравнение писателя с самим собой возможно уже потому, что существуют два варианта произведения. Сравнение рождает ожидание и интерес к тому, что будет дальше...

Проза Андрея Антипина наполнена добром и верой в человека, которые сцепляют корнями всё им написанное. Тонкий психологизм души ребёнка, подростка, взрослого, сплав смешного и трагического, высокого и низкого, их гармония создают неповторимый стиль автора. Слово писателя диалектично, оно рождается на стыке противоположностей, балансирует между ними, создаёт внутреннюю динамику текста. Слово так живо и слаженно, что воспринимается, как первые солнечные дни в послезимье. К такому слову в дефиците тепла среди холодных лиц и улиц тянется сердце. Пятилетний ребёнок мёрзнет в городе: “Было холодно, у них в деревне теплее, потому что там все топили печки и обогревали улицы”. Простота, непосредственность маленького человека открывают истину. Наверное, кому-то, действительно, нужно топить печки и обогревать улицы, чтобы прохожие могли жить этим теплом до весны в одной большой стране с названием Россия.

ВИКТОР БАРАКОВ

доктор филологических наук, профессор

“ЖИТЬ БЕЗ ЛЮБВИ — НЕВОЗМОЖНО, НЕМЫСЛИМО...”

Лирическая проза Юрия ЛУНИНА

Поэзией вначале называлось искусство слова в целом, без разделения на прозу и поэзию. Стихотворная форма, конечно, зримей, чем прозаическая, но и в прозе должен быть внутренний ритм, звучание стиля, иначе язык перестаёт быть поэтическим. Юрий Лунин, один из самых талантливых и заметных современных прозаиков, говорит об этом так: “Проза тоже должна стремиться к этому, хотя состояние, в котором ты пишешь прозу и стихи, конечно, отличается... Когда ты читаешь хорошее стихотворение, то чувствуешь, что в нём каждая строчка неизбежна. В идеале в прозе тоже должно быть неизбежно каждое предложение, но это не всегда получается. У прозы нет поводья, как у поэзии, в виде ритма, например, но мне нужен компас при работе с текстом, и для меня это язык. Если ты врешь, пишешь что-то непрожитое, наугад, это обязательно приведёт к логической, стилистической или другой ошибке. А вообще, у прозы тоже есть потенциал быть поэтичной и музыкальной” (1).

Иногда проза и поэзия сложным и не до конца понятным образом взаимопроникают друг в друга, и тогда рождается довольно редкое явление, которое принято называть лирической прозой. Формальная структура лирической прозы важна, но она — всего лишь мёртвое тело. Чтобы оживить его, требуется главное — дух. Если его нет, то ничего не получится.

Вот тут начинается самое сложное, так как мы имеем дело с духовной сферой, которую невозможно “потрогать руками”. Обратимся за помощью к Н. В. Гоголю: “В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно — что-то близкое к библейскому, — то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных, и есть твёрдый взлёт в свете разума, верховное торжество духовной трезвости” (2).

Ещё в 2008 году Екатерина Босина отметила подобную “духовную трезвость” в прозе Лунина: “И, наконец, Юрий Лунин. Вот его надо читать обязательно. Лунин ставит вопросы. Совершенно не молодёжные, не подростковые какие-нибудь, а самые настоящие взрослые, общечеловеческие вопросы” (3).

Возьмём, например, его рассказ “Новая жизнь” (4). В стародавние времена подобный текст отнесли бы к экзистенциализму, для которого характерны смертная тоска, безысходность и проклятия, вознесённые к небесам. У Лунина — прямо противоположное отношение к смерти. Неизбежная смерть у него — это переход к новой жизни и смена поколений как движение к совершенству.

Рассказ “Через кладбище” завораживает музыкой прозы. Лунин рисует картину русской природы широкими мазками, фразы синтаксически построены так, что читатель словно качается на звуковых волнах авторской речи и речи героев. Центральная тема — отношения отца и сына — присутствует и в рассказе “Три века русской поэзии”, но там она дана пунктирно, а здесь является главной. Кроме психологической точности в обрисовке взаимоотношений, есть ещё что-то мистическое, слишком личное для автора, но не субъективное, как иногда бывает. Тема эта постепенно становится своей и для читателя. И хотя название рассказа располагает к минорному восприятию, концовка заставляет вспомнить о пушкинской “светлой печали”: “Сын чувствовал, что сейчас отец не думает ни о грибах, ни о работе, ни о деньгах; сейчас он думает о том, что у него есть сын и что это хороший сын. А сын думал об отце и уже не хотел ни о чём важном ему говорить. В его душе ещё жила грусть, но он чувствовал, что эта грусть не кладбищенская, она пройдёт, как проходит дождь”.

Рассказ “Под звёздами” также посвящён психологическому поединку, притяжению и отталкиванию теперь уже между родными братьями, и так же стилистически безупречен, если бы не одно “но”. Рассказ слишком затянут, перегружен многочисленными подробностями, затормаживающими развитие сюжета. Из-за этого внутреннего гармония прозы разрушается, тускнеет, становится замкнутой. И тоска здесь, увы, не светлая. . .

Рассказ “В морге” навеян. . . запахом. Запах испорченной капусты в холодильнике напомнил герою о ночи, проведённой в морге в студенческие годы просто так, из любопытства. Однако и здесь героя поджидает открытие: “Мы остановились под козырьком. Сокурсник предложил сделать по глотку горячительного перед тем, как войти внутрь. Мы выпили, закурили, и я заговорил про странную архитектуру здания.

— Знаешь, — сказал я, — мне представляется советский зодчий, которому дали задание спроектировать этот морг. Согласись, от всяких художественных элементов надо было сразу отказаться.

— Почему? — поинтересовался сокурсник.

— Ну, хотя бы потому, что в художественных элементах присутствует стремление к красоте, а в *любой красоте неизбежно присутствует намёк на бессмертие*” (выделено мной. — **В. Б.**).

Вот о чём, оказывается, это повествование! В нём развивается главный “достоевский” мотив всего творчества Лунина: красота, спасающая мир.

“Визитной карточкой” Лунина является замечательный рассказ “Три века русской поэзии” (5). Филолог Гурий Судаков пишет: “Рассказ Юрия Лунина “Три века русской поэзии”. . . поражает глубоким психологизмом в передаче процесса пробуждения поэта в семнадцатилетнем юноше” (6).

Но поражает не только психологизм! Во вступлении к рассказу, состоящем из четырёх абзацев, автор сразу раскрывает главную его цель и содержание: “По обеим сторонам от дороги стоит спокойный, ещё не прогретый солнцем лес. Вся дорога в тени этого леса, и асфальт от этого — синий. В воздухе ясно ощущается запах прохладной дорожной пыли. Парень чувствует, что этот запах и синее каким-то образом связаны друг с другом и что в этой связи кроется нечто не по-земному прекрасное. Ему очень хочется разгадать тайну этой связи и в то же время ему особенно приятно, что он не может её разгадать”.

В больничной палате парень прочёл антологию “Три века русской поэзии”: Тютчева, Заболоцкого, Фета, Рубцова, Пастернака, Полонского, Державина, Фофанова. . . “Видимо, боль, с которой он познакомился в больнице, распахнула в его сердце какую-то тайную дверь, в которую сразу и ворвалось понимание этих стихов”.

Речь идёт не о физической боли, а о приступах тоски и одиночества: “В первые дни после операции с незнакомой ему прежде тоской смотрел на верхушки берёз, которые призывно дрожали сверкающими листьями за окном палаты”.

*В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берёз*

*Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слёз...
(Н. Рубцов)*

“Слёзы счастья” в рассказе схожи со слезами раскаяния на исповеди — очищающими и приближающими к “прекрасному миру”, невыразимому, но ощущаемому душой.

Поэзия изменила его взгляд на мир, точнее, мир изменился сам, и столкновение с прагматическим, обыденным (разговор с отцом) убеждает героя: возврат к прежнему состоянию невозможен. “Он вспоминает свою вчерашнюю мысль, — что стихи делают идеальным неидеальный мир, — и понимает, что был не прав: стихи уже содержатся в мире, только в особом, небуквенном виде”.

Ещё раз вспомним Гоголя: “Наши собственные сокровища станут нам открываться больше и больше, по мере того, как мы станем внимательней вчитываться в наших поэтов. По мере большего и лучшего их узнанья, нам откроются и другие их высшие стороны, доселе почти никем не замечаемые: увидим, что они были не одними казначеями сокровищ наших, но отчасти даже и строителями нашими” (7).

Теперь герой способен видеть земной мир как мир Божий: “Мир — это рай. Я в раю”, — думает парень, слыша гудение пчёл, стрекотание кузнечиков и вдумчивый полуденный щебет маленьких птиц”. Предуготовленная к любви душа сразу же, “в золотые секунды”, встречает “ту, что приближалась к нему издалека”. Это девушка на велосипеде, у которого даже колёса хрустальные, — под взглядом героя рассказа всё становится поэтическим. И следующая встреча, с “женщиной с рюкзачком” и её дочкой, девочкой лет пятнадцати, вроде бы оказывается ещё одной встречей с красотой: “Девочка улыбается, — видно, что не ему и не о нём, а, наверное, просто от привычки улыбаться, оттого, что нет причин не улыбаться. В такой улыбке тоже кроется красота”. И вот тут, в самый воздушный, ангельский миг диссонансом вторгается пошлость: “Давай, давай, не ломайся, — подбадривает мама. — Одной клубничкой нормального мужика в дом не заманишь. Мужчине нужно другое — сама знаешь, что”. Не верится, что так, сразу, при первом знакомстве, мать этой девочки способна сказать такие, например, слова: “Вот если приедет в гости, тогда оставлю вас вдвоём — будете целоваться сколько хотите. А сейчас поехали. В женщине должна быть недоговорённость”. И тут на пути героя случайно (случайно ли?) встречается молодой священник отец Андрей, благословивший парня потрудиться “во славу Божию” — собрать стожок в поле. Сороботник парня, Андрейка, больше похожий на бомжа, любитель выпить и покурить, оказывается вовлечённым в тот же поэтический круг: “Неожиданно парень чувствует к Матвейке то же самое, что он чувствовал к тем местам у реки, где ему сегодня приходилось останавливаться: этот человек уже не чужой ему и никогда не будет чужим, он навсегда отпечатался в его сердце и тоже стал его милой родиной. Парень снова ощущает рядом присутствие стихов — каких-то новых, не о любви, не о лесе, а, наверное, просто о человеке, — но он уже не пытается услышать слова этих стихов. Ему достаточно знать, что стихи есть, что они снова рядом”. После работы герой рассказа идёт не в гости к “женщине с рюкзачком” и её дочери, а поворачивает к храму, похожему на “инопланетный космический корабль, в котором всё, что кажется созданным просто так, для красоты, на самом деле имеет какое-то гораздо более важное, таинственное назначение”. И теперь мы знаем, почему юный герой делает такой выбор: “Без этого смысла невозможны и стихи” (выделено мной. — В. Б.).

Всё-таки герой разгадал тайну поэзии! И встреча с соблазном состоялась уже после храма: “Эх, художник, — говорит мама, взбивая ладонями свои короткие обвисшие от влаги волосы, — на такую ты картину чуть-чуть не успел! Мы сейчас там с Алисой около леса купались... — она перегибается через руль и добавляет шёпотом, как бы по секрету: — Голенькие!..” Герой преодолевает соблазн, спасается почти бегством: “Художник! — всё-таки слышит он за спиной. — Вы куда?!.. Что с вами, художник?! Художник, а вы случайно не голубой?!.. Или художники все голубы-ы-ые!” Музыкальное описание последовавшего в конце пути очищающего ливня звучит торжественным аккордом: “Поле вспыхивает белым светом, река на миг становится ртутной и пропадает

в черноте, гром ударяет так сильно, что его слышно не столько ушами, сколько грудью, – и дождь принимается за работу сразу, без разгона”.

Вторая встреча с НЕИ, той девушкой на велосипеде, о которой парень думал весь этот бесконечный, длиною в целую жизнь, день, будет иметь продолжение – она оставила ему платок, совсем как в романах золотого века: “Он бережно складывает косынку в несколько раз, кладёт её в карман и уезжает в направлении дома”.

День прошёл. “Сегодня солнце и дождь, небо и облака, поле и река, храм и бетонная будка, Алиса и её мама, отец Андрей и Матвейка, богомольные старушки и, конечно, она – всё как будто договорилось выступить перед ним, обыкновенным парнем, единым согласным хором, в котором каждая партия была исполнена великого, хоть и не всегда понятного значения”. Он чувствует, что готов лишь к одному: “к бестолковой и великой судьбе поэта”.

Главная мысль рассказа заключается в подчёркивании спасительного предназначения настоящей поэзии. Это сверхзадача для всех “служителей муз”. Служим мы, конечно, не музам, а Богу, истине и Родине, и если не стремимся к спасению сами и не призываем к спасению других, то какая всем нам от такого творчества польза?.. “Поэзия наша, – утверждает Н. В. Гоголь, – пробовала все аккорды, воспитывалась литературами всех народов, прислушивалась к лирам всех поэтов, добывала какой-то всемирный язык затем, чтобы приготовить всех к служенью более значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тех пустяках, о которых ещё продолжает ветрено лепетать молодое, не давшее себе отчёта нынешнее поколение поэтов; нельзя служить и самому искусству – как ни прекрасно это служение, – не уразумев его цели вышей и не определив себе, зачем дано нам искусство” (8).

Если в рассказе “Три века русской поэзии” пошлость – внешняя сила, от которой герой спасается бегством, то в повести “Клетка” (9) от неё так просто не убежишь – в лунинском тексте показана внутренняя драма духовного помрачения. Впервые образ зла, выбравшегося из клетки, появляется в рассказе “Смертное”: “Утром я заключил, что вчера в очередной раз выходил из клетки мой зверь, и всё происшедшее произошло лишь потому, что я эту клетку вовремя не запер”.

Этот зверь называется в христианстве блудным грехом. И как его ни поэтизируй, как ни оправдывай – он таковым и останется. И в бунинском “Солнечном ударе”, и в чеховской “Даме с собачкой”. Лунин сознательно создаёт вариацию на чеховскую тему – есть в его тексте и упоминание классического произведения, и действие лунинского рассказа происходит в Таганроге.

Его герой, как и персонаж в рассказе Чехова, несчастлив в семейной жизни, да и семью создал вынужденно, из-за беременности подруги. В приступе тоски, в пьяном угаре он соединяется со случайной женщиной в поезде, в туалете (!), а потом следует за ней, ведомый только лишь влечением, а не чувством.

Лунин специально снижает образ как самого героя, так и его спутницы. Дама в рассказе – некий фантом, реализовавшийся лишь в воображении автора, она не похожа на настоящую, живую женщину, у неё нет эмоций, нет чувств. В её душе нет даже намёка на раскаяние, нет той боли, которая есть у главного героя. И это вдвойне печально, потому как именно женщина является источником и хранительницей любви.

Безвременье наше уничтожает многие светлые чувства и порывы – слишком оно приземлённое и безысходное в своей неотвратимости, но неужели даже любовь в нём невозможна? Неужели мы живём в последние времена, когда, согласно словам Святителю Иоанна Златоуста, **“по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь”**? Один из толкователей Библии, А. П. Лопухин, пишет: “Если в семье водворяется беззаконие или безнравственность, которая есть также беззаконие, то, как это всем известно, между членами семьи прекращается любовь. Это верно и относительно отдельных обществ, государств и народов. По отсутствию взаимной любви между гражданами всегда можно судить, что среди них водворилось беззаконие; по существованию и развитию беззакония можно заключать о прекращении среди граждан взаимной любви” (10).

Курортный роман закончился, герой не ищет нечаянную любовницу, в нём нет любви, есть лишь вина перед близкими. Но это чувство искреннее, в нём залог будущего спасения, и не только литературного.

Лирическая проза Юрия Лунина соответствует формуле: *жизнь – любовь – смерть*. Лунин здесь не оригинален, вся мировая литература подчинена этому триединому вечному сюжету. Он оригинален в исключительно эмоциональной передаче оттенков сумрачной картины и в верности духовному идеалу спасения – подлинному идеалу красоты.

“У моих рассказов нет ясных сюжетных линий, – объясняет Юрий Лунин, – для меня идеал рассказа – чтобы внешнее событийное всколыхнулось минимально, а во внутреннем плане произошло большое движение” (11).

Верность языковой, человеческой достоверности, стремление к духовной высоте и нравственной цельности – главные творческие принципы Юрия Лунина, которым, надеемся, он будет следовать всегда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прозаик Юрий Лунин: иногда кабинет нужен писателю, чтобы скрыться от стыда (интервью): <http://ulgrad.ru/?p=158812>.

² Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. О лиризме наших поэтов (http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0160.shtml).

³ Босина Екатерина. Мы кажемся такими // Октябрь. 2008. № 5 (<http://magazines.russ.ru/october/2008/5/bo32.html>).

⁴ Цит. по: “Святой день” (Сборник) – вышел в 2017 году пока в электронном виде: <https://profilib.net/chtenie/93003/yuriy-lunin-svyatoy-den-sbornik.php>.

⁵ Цит. по: Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова “Всё впереди”. Вологда: ВОУНБ; Полиграф-Периодика, 2017. 313 с.

⁶ Судаков Гурий. Что впереди у русской литературы? (Вместо предисловия) // Проза: сборник лучших произведений Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова “Всё впереди”. Вологда: ВОУНБ; Полиграф-Периодика, 2017. С. 4.

⁷ Гоголь Н. В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 369–409. (<http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-369-.htm>).

⁸ Там же.

⁹ Лунин Юрий. Клетка : рассказ // Наш современник. 2017. № 8 . С. 15–29.

¹⁰ Толкования Священного Писания (<https://bible.optina.ru/new:mf:24:12>).

¹¹ Прозаик Юрий Лунин: иногда кабинет нужен писателю, чтобы скрыться от стыда (интервью): <http://ulgrad.ru/?p=158812>.

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ

МАТЬ ЕЛЕНА

О новой книге Елены Тулушевой “Первенец”

Не бывает настоящего писателя с абстрактным отношением к тому, о чём пишешь, мол, люблю вообще жизнь, люблю историю, культуру и всё, что с ними связано. Люби. Только ничего не выйдет, если нет своего кровного куска этой жизни. И даже если такой кусок есть — ничего не получится без личного, страстного и пристрастного к нему отношения. Без ощущения, которое сквозит в каждой строчке и которое ни с чем не спутаешь. Это ощущение можно назвать одним коротким словом: “моё”. Моё, потому что у меня уже всё слилось воедино: и жизненное дело, и то, как сверкнуло оно в слове, и то, как невыносимо трудно было этого добиться. Потому что верю лишь мурашам, бегущим по хребту. А бегут они, когда думаешь о “своём”. Великое счастье найти такое “своё”.

У Елены Тулушевой такое “своё” — это работа в центре помощи трудным подросткам. Такое “своё”, которое не каждому и по плечу. Действительно, натворит делов эта курица Лидка из рассказа “Первенец”. Забрюхатела, едва понимая, что делает, причём сама наркоманка, а отец будущего ребёнка, если его отцом можно назвать, с таким набором, что волоса дыбом встают. Бесплезное дело.

А ведь подумать: сколь людей хотят ребёночка, лечатся, мучаются, стараются, а не получается, а тут этой бичихе — пожалуйста. Несправедливость. Или урок? Почему она такая? Кто виноват: среда или характер? Гадать сколько угодно можно, почему живот мудрее мамыши... А ребёночек-то шевелится, интересно, он ножкой сейчас ударил или ручкой? А она хоть и бичиха, а ей тоже ласковое слово нужно, не безнадежная она, и, может, всё выправится? Может, непривычное для Лиды ласковое слово, сказанное врачом, сделает дело? “Всё у нас получится”. “У нас”. Надо же. Врачиха сказала “мы”. Ничего себе!

Сколько таких, как Лидка! И что с ними делать? Как я могу помочь? Или не могу? Вот! Главное произошло: уже заработали у читателя голова и сердце, потянулась ниточка размышлений. Почему врачиха вдруг по-человечески обратилась к Лиде? Почему автор решил оправдать её сочувствие тем, что она тоже в беде, что у неё сын — наркоман? Чтобы показать, что человек нынче не способен на добро без личной привязки? Что не поможет просто так, по человеческому долгу, по Божьей заповеди? Или это сюжетный ход? Для убедительности. Да. Всколыхнула... Есть над чем подумать.

Или вот этот Олег из рассказа “Близнец”. Пивной алкоголик... Да много их... таких. И названия-то всё у Елены Тулушевой — “Первенец”, “Близнец” —

будто подчёркивают изначальный созидательный замысел, преступно исковерканный человеком. Много их, таких, по Руси, искорёженных, коверкающих и свою жизнь, и чужую, изломанных и нуждающихся не в нравоучении, а в тёплом слове, в материнской ласке.

Читатель, дотошная порода, спрашивает, что же Тулушева так пишет-то скупое? Где развёрнутые предложения, образные сравнения? Вообще классический литературный язык? Могла бы талантливая писательница продемонстрировать побольше языковых возможностей. Картин каких-то... Как-то “задержаться на кадре”.

Задержаться на кадре... Эх, ты! А ещё читатель! Ничего-то ты не понял. И забыл, поди, что есть вещи, которые в чёрно-белом изображении намного красноречивей, чем в цветном.

Задержаться на кадре... А ты детей растил? Не спал ночей? Да как до тебя донести, что не может Елена “задержаться”! Потому что так пинается ребёночек в Лидкином животе, что кажется, тебя саму по сердцу этой ножкой колотят! И потому, что Дашин дед может не дожить, пока ей разрешат в Россию приехать (рассказ “Домой”).

К своим героям Елена Тулушева относится, как мать к ребятишкам в большой семье. Заботливо-сдержанно. В таких семьях не принято афишировать чувства, “рвать страсть в клочки”, при этом поглядывая в зеркало: эффектно ли получается?..

Авторскому настрою соответствует и художественная манера Елены. Сдержанная, работающая простыми, но действенными средствами – динамично построенными диалогами, точно отобранными деталями. Буйная метафорика, изысканность описаний были бы неуместны в том суровом, скупом на выражение эмоций, а тем более – на многословные описания их мире, который из рассказа в рассказ воссоздаёт Елена Тулушева.

Оправдано и органичное использование языка городских окраин: нелепо пытаться заставить скинхеда Славу из одноимённого рассказа или ту же Лидку говорить изысканным языком литературной классики.

Не до изысков, когда надо успеть помочь, потом поздно будет.

А вы давайте, пишите пейзажи природные и культурные. На Руси всегда кто-то пейзажами любит, а кто-то – непутёвым детям сопли вытирает. И жалеет. И надежду даёт.

ЯНА САФРОНОВА

НАЙТИ ВЫХОД

Прозаическая призовая тройка первого сезона премии для молодых писателей “Лицей” была небезынтересна. Победительница Кристина Гептинг с повестью “Плюс жизнь” про подростка, больного СПИДом, представляла остросоциальную прозу. Евгения Некрасова (второе место) экспериментировала с фольклорными и библейскими мотивами в рамках реалистического повествования в сборнике рассказов “Несчастливая Москва”. Андрей Грачёв сосредоточился на глубоком психологическом осмыслении своих внешне антонимичных героев – жены и мужа в цикле рассказов “Немного о семье”. Создавалось впечатление размаха, была сделана наглядная попытка показать разные направления развития молодой прозы второго десятилетия двадцать первого века. Победители этого премиального сезона продолжили “славную” традицию и распределились на пьедестале схожим образом. Это является первым, но не главным поводом для исследования. Каким образом достигается разноплановость текстов, названных лучшими: свойство ли это шорт-листа или искусственно созданный диапазон? Но этот вопрос относится, в первую очередь, к литературному процессу, а потому не является корневым. Гораздо интереснее было бы выявить закономерности в развитии молодой литературы, тем более что, по моему мнению, в коротком списке этого года они даже чрезмерно очевидны.

Понятно, что премия “Лицей” – лишь одна из многих площадок, однако концентрация такого количества текстов молодых писателей уже является поводом для критического размышления. Немного статистических данных. Премия в этом году увеличилась на тысячу работ: от 2027 шагнула на отметку 3069. Призовой фонд остался неизменным – 4,8 миллиона рублей. Что касается судейства, то тут произошли неожиданные изменения: в состав жюри вошли победители прошлого года: Кристина Гептинг (проза), Владимир Косогов (поэзия). Помимо них, выбирали победителей издатель Елена Шубина, литературные критики Лев Данилкин и Юлия Подлубнова, а также поэт и переводчик Марина Бородицкая.

ЧАСТЬ 1. ДЕСТРУКЦИЯ

Беспрецедентное попадание в контекст премиального сезона прошлого года – повесть “Химио-терра” **Андрея Верина**. В псевдониме автора кроется мистификация, на которой, впрочем, не следует заострять особого внимания. На объявлении шорт-листа оказалось, что Андрей Верин – это Вера Трофимова-Трофимова. Однако гендерная принадлежность в данном случае никак не может повлиять на оценку текста.

Гораздо важнее, что текст Трофимовой-Трофимовой – пёстрая картина, нарисованная разными оттенками чёрного. Будто увлекаемая успехом прошлого года текста про СПИД, писательница выбирает основной темой своей повести ещё одну неконтролируемую стихию двадцать первого века – рак. Но эволюционирует в формальном плане, насыщая нарратив добавочными повествовательными планами, выводя произведение за рамки реалистического текста в постмодернистское временное искажение.

Анатолий Гремин болен лейкозом. Как мы узнаём на последних страницах романа, он фантастическим образом заразился раком крови от переливания по ошибке. Герой не пытается вылечиться от своей болезни, для него она в некотором смысле спасительна. Недавно мать Гремина умерла от рака желудка, и в последние, особенно тяжёлые дни он даже желал ей смерти, за что теперь жестоко наказывает себя.

Смежные реальности, в которых происходит тройственное умирание героя, таковы: Гремин находится в НИИ онкологии, где старается помешать карьерным козням против честного врача Чуденского; размышляет о жизни на сломанной орбитальной станции, облучаемой радиацией, где его зовут Регмин по прозвищу Восток; иногда он посещает деревню Новые Шепеличи под Припятью, куда “поместил” ушедших, в том числе мать. В финальной сцене повествование схлопывается: становится понятно, что все события повести имели место быть лишь в сознании Гремина, фактически же герой отходит в мир иной на полу Ховринской больницы. К “миксу” миров добавляется ещё и любимый приём Чака Паланика, мода на который, казалось бы, уже давно прошла: Гремин и его больничный друг Ершов оказываются одним и тем же человеком, который расщепился ради предсмертной агонии и художественного эффекта.

Из-за наличия сразу четырёх повествовательных планов произведение дробится. Кажется, что намеренное усложнение текста продиктовано не столько психологическим состоянием Гремина, сколько желанием создать гиперреальность, в которой каждый читатель нашёл бы то, с чем он может сопатировать свой инстинктивный страх. Даже внешняя композиция работает на ощущение неотвратимости конца, цифры глав располагаются в обратном порядке, имитируя обратный отсчёт.

Показателен и выбор локации. Ховринская заброшенная больница*, посёлок Новые Шепеличи в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС... Автор будто бы невзначай избирает эти места, но на самом деле очень осознанно нажимает читателю на синяки, которые образовались благодаря многолетнему накоплению человечеством трагедийного опыта.

Выбивается из общего настроения только космическая линия, которую Верин активно навязывает читателю. В “Химии-терре” всё похоже на космос, всё и все связаны с этой темой. Вот, например, описание одного из второстепенных героев “больничного” мира: *“Он обладал простой, очень располагающей наружностью, в ней было что-то легендарное и с букваря знакомое – улыбка первого космонавта, должно быть. Да, Вячеслав Андреевич похож был на Гагарина изрядно – молод, здоров, красив и лучезарен”*. В том же ракурсе даны и отношения героев: *“Чуденский же невлюбчив и невпечатлителен земным, витает в вышних сферах. И Вика смотрит на него, как в космос, и роняет перед ним листы историй из дрожащих рук, и с высоты своих шпилек опускается на корточки – ему под ноги”*. По ходу движения текста автор становится всё более авторитарен, герои видят космос везде, где возможно и невозможно, только потому, что он так захотел: *“На этом поле брани Гремин разглядел отчётливее, чем под микроскопом, собственную смерть, чуму нового времени, грозившую ему кладбищенской лопатой. Но присмотревшись пристальнее, он увидел космос. Куда как красочнее, чем воображал его за окнами НИИ. Клетки-миелобласты и звёздные кластеры соседствовали там на равных”*. Навязывание мотива приводит к тому, что на каждом отрезке текста нам встречаются соответствующие сравнения. Это объясняет искусственность образа, в частности, и “сделанность” текста – в целом.

И если “Химии-терра” по сути своей – созидание распада, наблюдение

* Ховринская заброшенная больница – российская городская легенда, здание, которое считается одним из самых страшных недостроенных в мире. Место, где неоднократно происходили убийства, самоубийства, сборища сатанистов с жертвоприношениями животных.

за физически необратимым процессом, то ядро произведений, о которых пойдёт речь дальше, – это операции по саморазрушению, последовательная деструктуризация личности. Даже герой в них всегда тождественен по состоянию внутреннего дребезжания, он блуждает призраком по жизни и не может найти себе в ней места. Болезненно ощущает своё одиночество, но в силу различных обстоятельств ничего не может (не хочет) с этим поделать.

Несмотря на значительную драпировку китайскими элементами, **Линь Наоли** с её повестью “Праздник Тайфуна: Шанхайская проза” продолжает тенденцию к изживанию себя. Проза о Китае, написанная специально для русской аудитории, ожидаемо авторства нашей соотечественницы – китаеведа Дарьи Потапенко. Но культурные параллели подсказывали национальную принадлежность автора ещё до раскрытия интриги. Как бы повышая уровень болезненного напряжения, Потапенко пишет об интернет-форуме самоубийц в Китае. Переключаясь с недавней острой ситуацией в России, связанной с интернет-“игрой” в самоубийство “Синий кит”^{*}, “Праздник тайфуна” попадает в разряд ежесекундно актуальных произведений, обрабатывающих свежие гематомы – спутники нового века.

В начале повести акцентируется проблема доведения до самоубийства в интернете – одной из разновидностей кибертерроризма. Неуловимая Бэй провоцирует участников форума самоубийц на окончательное решение. На этот раз в её власти оказались две девушки: Фэй (в анамнезе травля в школе из-за лишнего веса, замужем за нелюбимым человеком) и русская эмигрантка Дуняша (бывшая пианистка, ведёт переписку с Бэй скорее в шутку). С Дуняшей общается психиатр Иосиф, который изначально создал Бэй для работы со своими клиентами, а с Фэй – её муж, укравший аккаунт Иосифа. Мужчина чувствует себя рядом с богатой женой-наследницей миллионером неполноценным и пытается таким образом компенсировать свою незавидную роль. Но только вот к концу автор, видимо, расписавшись, уделяет гораздо больше внимания частным событиям, бытовым описаниям и разъяснениям китайских традиций. Настолько, что даже забывает, что муж Фэй украл аккаунт у психиатра и довёл до самоубийства уже не одного человека. В чём глобальная мотивация персонажа, если в повести подробно описаны только его действия по отношению к жене?

Из-за переноса акцента возникает композиционный разрыв первой и второй части. В принципе, это можно воспринимать как оздоровление текста, ведь Наоли переключается с внешнего явления на внутреннее состояние героев, однако беспокоит резкая потеря главенствующего мотива из-за центростремительных событий, которые далеко не всё объясняют. Автор игнорирует богатую проблематику повести, отделяется от читателя симулякроем решения. Фэй, например, не кончает с собой по чистой случайности – комбинация двух средств даёт обратный эффект. И это только ситуационная развязка, физическое уничтожение не случается исключительно по воле случая. Замах “Праздника тайфуна” не соответствует конечному результату, глобальная проблема становится рудиментарной по отношению к многочисленным сюжетным линиям, которые добавляются позже. Повествование расплывается, шесть историй не завязываются в один узел. А так как внутренней свободы текста не хватает на то, чтобы позволить героям проходить по ребру события, – по мысли автора им обязательно нужно быть в него включёнными, – то стыковки выходят надуманными и приблизительными.

В многоголосоце повести удаётся выхватить пунктирные, неточно намеченные образы. Чего стоит русская девушка с крайне необычным именем Дуняша, которая пьёт текилу в китайском кафе “Челябинск”, закусывает пряником и с удовольствием наблюдает за встречами китайской мафии. Карикатурность Дуняши совершенно не согласуется с уровнем её страшного таланта: девушка обладает уникальным даром извлекать из своего инструмента смерть.

Нельзя не упомянуть, что русская писательница Дарья Потапенко отлично чувствует свою аудиторию. Вся мнимая самобытность текста – в его интеркультурности. Вот, например, автор умело создаёт межязыковой конструктор:

---

* “Синий кит” – российская городская легенда 2016 года, основанная на существовании некой игры в интернете (конкретно, социальная сеть “ВКонтакте”), цель которой – выполнение заданий, которые приведут участника к самоубийству. Новость об этой эпидемии была моментально распространена в СМИ и стала причиной волны паники.

“Фэй вдруг подумала: а вот это английское *asthma*. Китайский иероглиф “удушьё” пишется двумя элементами – “рот” и “почтение к родителям”. Пытаешься вдохнуть, но возникает препятствие. Это значит, ты забыл что-то сделать, и пока не вспомнишь, воздух не пройдёт в лёгкие”. Без этого аспекта произведение значительно потеряло бы в занимательности (учитывая структурные проблемы), и Потапенко, взяв китайский псевдоним, видимо, хорошо это понимала. Заботливый автор объясняет каждое действие своих необычных героев: “Можно я сниму туфли? – вдруг спросила Фэй. Гао удивлённо обернулся. В китайских домах не принято снимать обувь, но ходить по японским татами следовало босиком”. Исчезает натуральность материала, виден эффект фильтрации. Лупа, которую автор периодически подносит к глазам читателя, мешает увидеть целое. И, как выяснилось, создать его она мешает тоже.

Продолжая тему самоубийства как фона, поговорим о повести **Игоря Савельева** “Ложь Гамлета”, которая заняла второе место. Короткий список этого года на удивление синонимичен и пронизан контекстными параллелями. Вот, например, главный герой Олег прогуливается по ВДНХ около корабля “Восток”, по видимой аналогии с которым был назван герой Верина в одной из своих ипостасей. А вот на кладбище Олег видит памятник жертвам чернобыльской катастрофы и размышляет по этому поводу о скоротечности бытия. Ну и, конечно, к концу повести у героя – подозрение на рак, а повлиявшая на его жизнь девушка кончает жизнь самоубийством. Такое впечатление, что авторы шорта действовали по принципу “от перемены мест слагаемых сумма не меняется”...

И если текст Верина был преимущественно формальным, показательно-экспериментальным, а Наоли совершила необоснованный переход от события к внутреннему миру персонажей, то у Савельева с самого начала заявлен глубокий психологический анализ типического героя. Именно личность, а не ситуация берёт на себя сюжетообразующую функцию, повествование сконцентрировано на герое, а потому он просматривается здесь чётче, чем в других текстах короткого списка.

Олег – скандальный журналист, работает на канале “Файл” (в котором угадывается НТВ) и делает фальсифицированные документальные расследования. На этот раз в его объектив попал арестованный за хищение режиссёр Коноевский (в котором легко узнаётся Кирилл Серебренников*). Новый документальный фильм Олега называется “Ложь Гамлета”: именно эту классическую пьесу Коноевский интерпретировал на новый лад. Сам Олег переживает кризисный период. В соцсети в группе Коноевского, с которой связаны слухи о массовых самоубийствах подростков, он нечаянно натывается на страницу Анны Стародубцевой по кличке Газоза, с которой когда-то имел половой контакт. В связи с этой находкой Олег начинает в подробностях припоминать дни, проведённые с Газозой, а автор по этому поводу впадает в унылую бессюжетницу.

Героя отчаянно штормит, бросает из рехаба в секс-клуб, всё это сопровождается рабочими неурядицами. Ключевое слово “метания” прямо звучит в тексте несколько раз: “Его метнуло тогда радикально: после сонного царства барнаульского телевидения, где “24” в названии было только ради красного словца, <...> В Тулу, на выборы мэра. В пиар-бригаду. Баксы заколачивать”, “Это был просто рекордный по своему дебилизму и затратам энергии день. По бесполезным метаниям. Бессмысленным телодвижениям”. Повесть состоит из череды слабых попыток забвения, ухода из реального мира, где Олег – просто никчёмый журналист и морально слабый человек.

Но к чему все эти порывы? Где слом? В какой момент взрослый мужчина, который создаёт из ничего целые расследования, потерял способность моделировать собственную жизнь? Проблема у главного героя вполне классическая: хотел покорить Москву, да не покорила. Косвенно Игорь с горечью рассуждает о том, как мог бы выглядеть памятник покорителям Москвы: “Там бы он точно прописал на лице парящего человека наивный идиотизм телячьей радости бытия. Первую радость от кэша. Первую иллюзию мобильности, когда махнуть туда-сюда-обратно – раз плюнуть, с пиаровскими-то серыми зарплатами <...> Первая иллюзия всесильности – от физической,

---

* Кирилл Серебренников – российский режиссёр, художественный руководитель театра “Гоголь-центр”. В 2017 году против него было возбуждено уголовное дело, предъявлено обвинение в особо крупном размере.

когда ты не спишь сутками и по-прежнему на бодряках, до... Что Москва сжигала без следа, понятно, но Олег всё-таки не мог принять это в буквальном смысле". Получается, что герой переоценил значение возможностей, а когда обнаружил, что без усилия и осознания пути они ни к чему не приводят, предпочёл отойти в сторону и наблюдать за тем, как его жизнь рушится, а карьера превращается в фарс. Как истинный персонаж кризиса, Олег инерционен, а бездействие в его высококонкурентоспособном мире ведёт к ликвидации.

Оригинален способ, с помощью которого Савельев раскрывает психологическое состояние героя. Часто оно выражено через физиологическое ощущение – именно так Олег осязает мир, в пределах этой области демонстрируется и степень отчаяния. Анализ состояния неизменно сводится к половому действию. Констатация сонной депрессии невозможна без обязательного атрибута: *"Это была какая-то зомби-форма-жизни. Тульский электрикотрэш. Отключение всех жизненных систем, не затронувшее, впрочем... Вот странно: он спал по часу в сутки, а у него постоянно вставал и стоял, как каменный"*. Предметное опошление удаётся автору мастерски. Особенно запомнилась одна внушительная фантазия. Якобы Олег слышал, будто школьную форму для выпускниц теперь можно купить только в секс-шопе, и вот он уже увереннее обобщает: *"...патриархальные мамы дружно идут в секс-шопы, потому что больше для дочерей взять эту форму неоткуда"*. Савельеву очень важно, чтобы картинка выглядела модно, для создания нужного фильтра в ход идут любые способы и средства.

В этом плане особенно показательны два момента, и я позволю себе процитировать их максимально объёмно, потому что они прямо свидетельствуют об отсутствии у автора художественного вкуса. Первый – один из способов работы Олега, его очередной изобретательный план по изобличению режиссёра: *"То есть великий режиссёр обоссался – то ли от страха перед гневом народных активистов, то ли просто не вытерпел, потому что прячется там несколько часов. То есть мы показываем эту мочу и объясняем всё ровно то же, что я сейчас вам сказал"*. Или – перформанс на спектакле Коноевского: *"Продолжая хрипеть, Гремио достал из своих мешков два больших стеклянных сосуда, молоток, торжественно тюкнул, и по залу прокатилось: а-ах. Какие-то дамы уже пробирались к выходу. Что это у него – было почти неразличимо из-за огней рамп, отсвечивающих в стекле, Олег-то, конечно, знал: час назад в студии Гремио долго, подробно и как-то со смаком демонстрировал заспиртованных младенцев"*. Всё это кажется плохой шуткой, странной подростковой фантазией, после этого очень сложно всерьёз сопереживать кому бы то ни было в этом тексте и адекватно воспринимать дальнейший событийный фон.

Язык произведения упрощён до преобладающего разговорного стиля. Сам автор повествует точно в тон своему герою: *"Олег немножко троллил, СС смотрел на него, как учитель на школьного клоуна"*; *"Но тот всё равно пускался в рассуждения: "А ведь и над Иркутском, и над Барнаулом озоновая дыра, учёные выяснили", – что заставляло заподозрить в нём полнейшего деграда, прикрытого бронёй высокой должности"*. Речевые характеристики автора и героя практически неразличимы: мы видим одного моно-персонажа, который рассказывает нам о себе на два одинаковых голоса.

Также стоит упомянуть об актуальной теме современного театра и угнетении художника. Только вот освещена она довольно скудно, через гиперболических мёртвых младенцев и уринотерапию. Из текста совершенно непонятно, достоин ли всех изобличений, подлогов и арестов Коноевский. Сам Игорь Савельев, судя по его интервью, считает это самоочевидным, будто его личного взгляда на ситуацию достаточно, и это избавляет автора от труда создания понятного читателю образа: *"В конце повести режиссёра сажают. Я с большим удивлением, когда уже повесть появилась на сайте среди финалистов, видел, что большинство не понимает о чём речь. Кто-то из критиков написал, что режиссёр оказывается преступником (смеётся). Меня это удивило. Наверное, это потому, что некоторые критики не следят за творчеством Серебренникова"**.

В сухом остатке мы узнаём про сборище непрофессионалов. Продажные журналисты, превратно трактующие классику режиссёры, неудачливые покорители Москвы – скучающий паноптикум новой интеллигенции, развлекающийся

* Писатель Игорь Савельев: "Как получу премию, закрою кредиты"//gorobzor.ru/novosti/obschestvo/pisatel-igor-savelev-kak-poluchu-premiyu-zakroyu-kreditu-11702.

оргиями и маленькими девочками и не имеющий сил заняться чем-нибудь, что будет приносить банальное удовлетворение. Зато сколько цинизма в интонации, сколько безразличия к жизни! Слабосилие как смертельный диагноз. Из-за явного примата мускулинности и брутальности выражения такая проза обычно называется мужской. Но не стоит оправдывать её сексуальную окраску гендерной принадлежностью, ведь и вне гендера она остаётся низкопробной.

Тожественным по герою и способу восприятия мира кажется мне отрывок из романа **Игоря Белододе** “Подрывной”. Как и предыдущее произведение, это снова история многоэпизодного карьерного разочарования: в своих способностях, в их реализации и, конечно же, в обстоятельствах. Важным аспектом романа является формальная сторона, ведь “Подрывной” – это, в первую очередь, глобальный эксперимент с формой.

Белодед применяет приём тройной рекурсии. Молодой писатель Андрей пишет роман об Иване Каляеве, который в девятнадцатом веке совершил удачное покушение на императора, взорвал его карету и был казнён. Сам Андрей, переживая сложный период после смерти матери, помыкался по рабочим местам и, наконец, обосновался на госслужбе. Герой становится свидетелем коррупции в министерстве и, в стремлении всё расставить по своим местам, готовит теракт, на который в момент икс ему не хватает решительности. В итоге Андрей взрывает сам себя, выманив у министра признание в махинациях. Последняя “матрёшка” этой сложной композиции – старший товарищ Андрея, писатель с тем же именем, который создаёт произведение по запискам младшего друга. Автор настолько вживается в своего героя, что даже начинает думать, будто невеста Андрея-младшего теперь делит жизненный путь с ним. “Потому что роман стал писать меня, а этого я уже не мог терпеть”, – произносит он одну из важнейших фраз романа и отказывается от незаконченной книги.

Сам автор определяет своё произведение как роман-дифонию*. Действительно, помимо композиции-матрёшки Белодед использует кинематографические переклочки между линиями романа, стыковки их неочевидны: *“На улице очень холодно, нечего студить kota. К тому же такого славного. Мы провели с ним весёлую неделю. Жаль, что вы вернулись из Сибири так рано. . . “Главное, раньше времени не оказаться в Сибири”, – говорю ему я. Он скалит зубы-скалы, отвечает половому по-немецки, дескать, наш император-то большой Франц. Всем Францам Франц”*. Перемену героя мы опознаём по смене декораций. Как и в случае с “Химии-террой” Верина, глобальный формальный эксперимент влечёт за собой серьёзные внутренние проблемы произведения.

Уже знакомый нам потерявшийся персонаж разложен на трёх. И если герой Савельева был инерционным, то герои Белододе – скорее, рефлексирующие. Следует упомянуть, что, несмотря на “размноженность”, по речевым характеристикам и способу мышления это всё ещё один человек. В романе мало действия, гораздо больше размышлений о нелёгкой доле писателя и о судьбе народа. В подобных стенаниях проходит сто с лишним страниц: *“Я держал глыбу человеческой жизни в руках и боялся сделать из этой глыбы роман; каждый раз, когда я садился за стол, я задумывался: зачем вообще нужен посредник? [. . .] Неужели кто-то действительно может видеть во мне не муравья, тащившего на себе камень смыслов, а великана, который снизошёл до обыкновенных людей и сидит здесь, слушая их маленькие рассуждения, и – о чудо! – даже сам будет выступать перед ними”*. Умственная жвачка собственных выводов, заимствованных философских сентенций и общих мест. Андрей-младший довольно холоден, безынициативен и даже вял, он сосредоточен лишь на созерцании своего потока сознания.

Потому взрыв, прозвучавший завершающим аккордом, не кажется органичным. Теракт – скорее, свидетельство авторского бессилия, новая жертва форме, ведь в изначальном романе Андрея-младшего Каляев тоже взбунтовался против власти с помощью гранаты, а значит, причинно-следственные связи ведут нас к повторению истории. А вот третье кольцо гранаты почему-то не выдёргивается: Андрей-старший скромно возвращается к ненавистной жене и отказывается от своих замыслов. Таким образом, вся содержательная часть романа полностью обесценивается: получается, что выхода нет ни в творческом, ни в глобально-жизнейском плане.

---

* Дифония – музыка на два голоса.

Кризисный момент в произведении показан походом, зато дан ещё один его возможный исход: самоподрыв как итог деструкции. Будучи созвучным в формальном плане с “Химии-террой”, роман Белододеда имеет схожие проблемы, связанные с тем, что молодые писатели в силу ли возраста, в силу ли ограниченных творческих возможностей не могут качественно сочетать усложнённую форму и внутреннюю полноту содержания. Хотя, как мы видим, о полноценности содержательной части тоже говорить пока не приходится.

Как можно было заметить, во всех вышеперечисленных текстах в том или ином качестве нам встречалось самоубийство. Герой Верина после переливания крови по ошибке не лечит себя, но идёт умирать в заброшенное здание Ховринской больницы; текст Линь Наоли буквально наводнён самоубийцами, будущими и бывшими; в произведении Савельева кончает с собой важная для героя девушка; а в романе Белододеда финальной точкой становится изначально запланированный как теракт самоподрыв. В двух следующих текстах, о которых пойдёт разговор, герои занимаются не только саморазрушением, но озабочены ещё и устранением ближних своих.

И это легко получается у героев романа “Желание исчезнуть”, автором которого является **Константин Куприянов**, победитель второго сезона премии “Лицей”, на данный момент проживающий в Сан-Диего. Снова универсальный код страха, новая гематома размером во всё тело – война на Украине.

Вернувшись с войны в родной посёлок, ветераны решают взять всю власть над ним в свои руки для того, чтобы обеспечить жителям спокойствие. И хотя вначале автор пытается убедить нас в том, что главный герой испытывает эмоциональный дискомфорт из-за того, что ему сложно заново приспособиться к жизни, из которой он был “изъят”, через несколько страниц мы понимаем: внешняя потерянности ещё не означает растерянности внутренней. Кузьма не будет ждать, когда мир примет его, он просто сделает из мира войну, а уж там он точно будет на своём месте.

Первая сцена – возвращение раненого отца семьи из военной Одессы, попытки неловкого сближения, дочь, которая дичится отца, потому что не видела его уже долгое время, – всё это даёт надежду на честный рассказ о том, как человек с трудом переходит от жизни на войне к мирной жизни, как долго и больно он выстраивает отношения с собственной дочерью. К сожалению, заявленный в начале мотив в “Желании исчезнуть” прозвучит очень посредственно, а потом и вовсе забудется.

Куприянов превратно трактует посттравматический синдром. Кузьму не оставляет подсознательное желание убивать, он моментально находит себе врага в родном посёлке (им оказываются подвернувшиеся под руку кавказцы) и организует отряд для зачистки местности от тех, кто ей якобы угрожает. Новые ветераны жестоко расправляются с кавказцами, а заодно и друг с другом. Все, причастные к этой войне, по мысли Куприянова, практически безумны: у каждого обнаруживается критический психологический перегиб (один видит свою девушку-призрака, другой падает в религиозный фанатизм). Даже журналистку, которая собиралась писать книгу, основанную на интервью вернувшихся с Донбасса солдат, расчётливо насилуют перед взаимным уничтожением, ведь она “хотела прикоснуться к войне”. Парадоксально, что по сути своей гуманная мысль, заключающаяся в том, что война противна человеческой природе, подаётся такими антигуманными способами.

Тотальное взаимное уничтожение нового боевого отряда в развязке только утверждает читателя в мысли: все эти люди, все, кто вернулся оттуда, – неправы. И возмездие всегда настигнет. В лице ли товарища, который убьёт тебя просто потому, что ему нравится убивать, руками ли врага, который достанет и здесь, да только ты всё равно умрёшь, потому что теперь войной ты ушиблен и везде будешь создавать войну: *“Память сегодня упрямо сворачивала обратно в войну, и он не сильно противился, однако чувствовал неловкость за то, что живёт прошлым, тогда как в настоящем столько бед и забот есть у родного посёлка и у собственной семьи. Всё вокруг требовало починки, а он как будто уехал обратно на фронт”*.

Итак, Кузьма – лидер не только по натуре, но и фактически: долгое время он руководил отрядом в Одессе. Этот человек в одиночку выжил после осады вокзала, товарищей разорвало буквально у него на глазах. Основная мысль, которая педалируется автором и носителем которой является Кузьма, – о нас все забыли: *“Я же смотрел ящик, газеты читал. С каждым годом*

всё меньше и меньше новостей о нас. Приезжаешь – меня тут все знают. Все знают, где и почему я был, но, кроме названий, ничего-то они не знают, им всё равно. А я-то хожу и молчу – подписка! Да и противно навязываться, коли им дела нет!” Для сравнения, та же идея, звучащая из уст другого человека: “Нас было совсем мало, но за каждым стояло по тысяче гражданских. А теперь – кого ни спроси, они и не в курсе, что там была и есть война. Будто это на другой планете, а не по соседству! А разгадка простая: по радио и ящику передавать перестали!” Куприянов наивно полагает, что главная вещь, которая волнует людей, отдающих свои жизни на Украине, – это упоминание о них в СМИ.

Собирательный образ солдата, следуя дидактике книги, – человек жалкий, обиженный на всех вокруг: “Теперь Кузьма понял, что мужичок показался ему знакомым, потому что у всех прошедших эту войну был общий отпечаток стыда, разочарования и гнева. Особенно гнева – на огромный безмолвный народ, который они пошли защищать на самую передовую”. Антитеза солдат – народ может говорить только о том, что автор просто не понимает, о чём он пишет. Кузьма откровенно злится на своего тестя за то, что тот тоже считает себя задетым этой войной. В сознании Кузьмы всё просто: не воевал, значит, жаловаться права не имеешь. Герой не способен на обдумывание действия, он демонстрирует типичный подростково-собственнический тип поведения. У дочери появился парень – выгнать его из зоны видимости; кавказцы купили его кафе – перебить их всех. Дома стало эмоционально некомфортно из-за скрытого конфликта с дочерью и тестем – Кузьма убегает в рыбацкий домик к друзьям и со своей компанией начинает терроризировать окрестности. Это желание показать свою силу, доминировать говорит о психологической ограниченности героя и неудовлетворённости. Казалось бы, зачем успешно военному доказывать свою силу среди тех, кто и не претендует на то, чтобы её оспорить... Куприянов ответа не даёт, возможно, потому что просто его не знает.

Примечательна и молодая журналистка Катя, которая совершенно не видела жизни, не говоря уже о смерти. Она хочет написать о Донбассе, но не до конца понимает, какую страшную тему затрагивает. Умиляют способы, которыми автор пытается создать образ. Энтузиазм Кати доведён до абсолюта, речь её звучит комически пошло: “Это очень важная тема, вы правы! Но в Одессе лишь один из театров. Самый важный, но не единственный! О, я так хочу обо всём это написать хороший материал! Я вообще думаю из этого сделать диссертацию. Или книгу. Или диссертацию и книгу, я ещё не решила! <...> Но я точно хотела начать с разговора с ветераном. Я, правда, сначала искала ветерана Ближнего Востока, но мне сказали, что по тамошним пока рано писать, им ещё нельзя говорить особо...” Да, Кате совершенно всё равно, каких ветеранов ей интервьюировать, главное, чтобы были ветеранами.

Все процитированные здесь поверхностные суждения напоминают уровень дискурса в интернете, и уж никак не претендуют на глубокое художественное осмысление события. Солдаты обижаются на народ и очень волнуются, что о них не пишут СМИ, а глупые журналистки не понимают различия между конфликтами на Ближнем Востоке и Украине. Нехитрое, но очень опасное спрямление.

Наивна и попытка катарсиса, который переживает Кузьма в связи с впечатлением от произведения искусства. Натворив бед, избив до полусмерти кавказца, Кузьма стоит на перепутье: продолжать зачистку своего посёлка от врагов дальше или свернуть с намеченной дороги. Один из воинов нового отряда Кузьмы, Егор, указывает предводителю на художника Нестора, который живёт неподалёку от посёлка и рисует картины гомосексуального содержания. Кузьма откликается на сигнал, но, купив одну из картин художника, на которой изображены венчающиеся молодые люди, переживает нравственный переворот. Вот Кузьма, до этого совершенно неконтролируемый, застаёт свою дочь с её возлюбленным Максимом, которому он до этого ясно дал понять, что видеть его больше никогда не хочет: “Кузьма набрал воздуха в грудь, чтобы ответить, но потом вспомнил картину, и страшное предчувствие, похожее на кошмарный сон наяву, остановило его. Оно пронеслось за секунду и оставило его. Он понял, что теперь может разрушить всё, что имеет, если пойдёт дальше”. Живительна сила искусства, но впоследствии она, конечно же, не становится сдерживающим фактором.

Первая часть романа построена исключительно на диалогах: кажется, что именно для удобства повествователя в роман введена журналистка, которая берёт у солдат интервью. Объяснив таким образом форму, можно не обращать особенного внимания на ход сюжета, а “хитро” встроенные в интервью прямые трансляции позиций не требуют событийного обоснования. Из-за большого количества диалогов в первой части редко удаётся оценить стилистические навыки автора, но всё же иногда Куприянов вступает в роль рассказчика, и тогда голос его звучит особенно нарочито, с театральными акцентами: *“Укры мучительно убивают её, но он не ускоряет её конец, просто смотрит на будущие страдания женщины, которой признавался в любви. Марина стонет, жизнь медленно утекает из неё, но человеческое тело сильно, оно выносит новую и новую секунду пытки, и смерть растягивается, поглощая город, на который падает град из пламени, пока никому нет дела”*. Впрочем, во второй части события вдруг начинают развиваться стремительно, словно автор пытается уравновесить изначальное обилие диалогов при полной пробуксовке сюжета.

“Желание исчезнуть” – это неумело сделанная декламационная брошюра, которую наспех скопировали из первых встреченных в сети источников. Автор брошюры заметил свой промах и экстренно расписал её до остросюжетного триллера, но внутреннего объёма она от этого не набрала, не стала хорошо написанной, менее крикливой и очевидной. Зато получила премию – она и не могла её не получить, потому что написана на очень болезную тему, а когда нажимаешь на свежий сыняк, кажется, что больно по-настоящему. Кроме того, символично, что именно апофеоз деструкции стал “лучшим” текстом молодёжной премии.

Тематически повесть **Сергея Кубрина** “Между синими и зелёным” условно совпадает с произведением Куприянова, однако повод для прозаического размышления гораздо более скромный: Костя возвращается из армии и совершенно не понимает, что ему делать дальше со своей жизнью. Его брат Денис сидит за убийство, и Костя решает пойти по стопам родственника: быстро связывается с его прошлой компанией. Герой близко знакомится с бандитом по кличке Старшой, настоящим виновником преступления, за которое осудили Дениса. Первым заданием Кости становится разукрашивание танка в цвета радуги, он успешно справляется с ним. О дальнейших подвигах молодого человека известно немного. Читатель знакомится с Костей в поезде: бывший солдат едет хоронить армейского друга Лёху по прозвищу Лётчик.

Скрепляющий эпизод – случай, пережитый молодыми людьми в армии. По воле судьбы именно Лёха и Костя с несколькими ребятами отправляются в лес, чтобы поймать беглого зэка. В решающий момент, пока Лётчик пытается решиться убить заключённого, именно Костя уговаривает друга отпустить беглеца. Разумеется, решение Кости обусловлено уместной психологической проекцией: *“И пока Лётчик справлялся с дыханием – беспокойными волнами бродило оно без оглядки, Костя вспоминал брата. Тот стоял перед ним, и черты его проглядывали в бедном зэке. А что, думал Костя, если брат побежит и нарвётся вот так вот на двух раздолбайных солдат. Вдруг уже побежал и кроется где-нибудь в подземных трущобах, в подвальных оскоминах сырой гнили”*. Этот непрозвучавший выстрел становится сквозным, прошивает повесть по одной линии. Убийство, за которое сидит Денис; смерть Лётчика от ножевых ранений на вокзале; вооружённый грабёж, которые совершает Костя в пьяном бреду; его планы мести за Лётчика – все эти внешне не связанные преступления синхронизируются и становятся одним ужасающе случайным и бессмысленным событием. Именно эпизод с зэком кажется мне высшей нотой повести, логическим выходом из цепочки смертей. Пусть даже через ассоциацию и личный опыт, но Костя поступает как человек – важно, что на тот момент человеческое в нём было.

Было, потому что Кубрин выбирает для своего персонажа другую дорогу. Фактически в повести нет ходов в жизнь. После армии солдаты находятся в состоянии прострации, они не знают, что с собой делать. Костя бросается к лёгким деньгам, объясняет он это невозможностью найти нормальный заработок: *“А нет никаких перспектив, – махнул Костя. – Никаких перспектив нет здесь, на зоне, – ответил Денис, – а на свободе можно жить, ты мне тут не заливай. – Костя рассказал бы, как безуспешно искал работу, пока Старшой не появился, пока не подарил веру в лучшую денежную жизнь”*. “Лучшая денежная

жизнь” приводит его к насилию, во время которого он даже не осознаёт себя. Лётчик, помаявшись на гражданке, всё-таки решает вернуться в условия психологического зажима – служить на контрактной основе. Да и остальные сослуживцы Кости устроились не лучше: один работает охранником и мечтает о месте менеджера по продажам, другой уволился с лейтенантской службы и пребывает в затыжном запое. Выходит, что нормального трудового места для молодых мужчин в России двадцать первого века просто нет. Но и сами герои не проявляют особенного энтузиазма в поиске достойного заработка, любые усилия кажутся Косте непреодолимыми препятствиями, а своё бездействие он оправдывает обстоятельствами: *“Завтра, через неделю, спустя месяц, в какой-то момент перестал он искать работу. Одни требовали вышку, вторые – опыт, третьих смущал армейский вакуум. Костя понял, что консультантом в банк его не возьмут – нужен хороший внешний вид и грамотная речь <...> Тогда, не дождавись, проработал недели две охранником в сетевом алкомаркете, но после первой же ревизии, когда недосдачу повесили на всю дежурную смену, Костя ушёл. Работал он хорошо и старательно, но денег за это не платили”*.

Психологические проекции у Кубрина встречаются довольно часто – автор умело использует этот приём. Ценен эпизод в поезде, когда в апогее пьянства разбитый горем Костя принимает случайного дембеля за Лётчика. Вроде бы и все темы они уже проговорили, и понимает Костя, кто перед ним сидит, а всё-таки на секунду – на одно мгновение – хочет верить, что друга ему вернули. Момент узнавания чужого написан с максимальной прозаической достоверностью.

Достоинны внимания и речевые характеристики персонажей, как через манеру и мелкие детали речи автор точно передаёт характеры: *“Какой на хрен увал? – скулы ротного задрожали. – Какой на хрен увал? – Ротный всегда повторял дважды. Сначала спрашивал себя. Убедившись, что ответ находится вне зоны его понимания, дублировал вопрос”*. Это говорящее повторение и его авторская интерпретация – уже начало возможного психологического портрета.

Если осмысливать произведение как единое целое, то нельзя не заметить, что текстуальная ткань подвержена разрывам. Есть ощущение, что автор местами не выдерживает серьёзности момента, от этого в жёстком реалистическом повествовании на пике события появляется притчевая манера. Происходит это как будто от неумения вписать сцену в сюжет, обобщить её с наработанным контекстом. От этого случаются иносказательные вскрики в конце, казалось бы, сильных эпизодов. Вот, например, завершающий абзац уже упомянутого нерасстрела зэка: *“Он обязательно решился бы на выстрел, будь не солдатом, а одним из тех невозмутимых воинов, из-за которых то и дело просыпался лес. Костя хотел сказать что-то вроде “извини, братуха”, но залил дождь. Так лес ревел от счастья. Пуля не пронзила лесную тишину, не ударил огнём отблеск свежей крови, жив остался человек, человек остался человеком”*. Кубрин довольно упорно пытается метафоризировать художественное пространство, придавая лесу эзотерическое значение, прямо олицетворяет его. И это всё-таки ощущается как инородная текстуальность.

Важно, что диалектика Кубрина не привязана к актуальному событию, внутренний раздрай героев – это кризис взросления, переходный период между юношеством и взрослостью, которого эмоционально незрелые герои не выдерживают, а оттого либо погибают сами, либо нацеливаются на убийство других. Попытка вневременного повествования, однако, не исключает родства с предыдущими произведениями: потеря как движущая сила текста, безвыходность, а в ней – слабый герой, который всё ещё не может найти своё место в мире и сваливается за борт при первой же сильной качке.

ЧАСТЬ 2. ДЕФОРМАЦИЯ

Возможен ли шаг в сторону от тенденции разрушения в контексте премии “Лицей”? Самым внешним и незамысловатым выходом являются тексты, представляющие нормативные жанры массовой литературы, существующие в рамках шаблона (таких в коротком списке премии два). Соответствие этому шаблону означает, в первую очередь, конструирование вымышленного

художественного мира. Внешний конфликт становится определяющим. Внутренний конфликт в таком случае практически отсутствует, авторы настолько увлечены выписыванием неправильного мироустройства, что почти полностью забывают о внутреннем мире героя, о влиянии на него изменений, которые произошли на длинном повествовательном пути. Представленные в шорте произведения в жанрах фэнтези и антиутопии – это лишь деформация текста, непропорциональное увеличение роли художественного пространства по отношению к остальным его характеристикам.

Сергей Носачёв представил на конкурс не один только роман, а ещё несколько рассказов, но они настолько незначительны, что я обойду их разбором. Самый крупный текст в подборке и, как мне видится, главный у Носачёва – это фэнтези-роман “Лес”. Жить в литературной ситуации, где есть такое знаменитое и растиражированное произведение, как “Игра престолов” Джорджа Мартина, конечно, совсем непросто. Ещё труднее творить в жанре фэнтези в рамках массовой культуры, где совсем недавно отгремели “Сумерки” Стефани Майер. Не мудрствуя лукаво, Носачёв взял понемногу и оттуда, и оттуда и явил миру русский фэнтези-гибрид.

В Лесозёрске после выпадения росы случилась странная мутация: все молодые женщины забеременели двойней, дети в утробе аномально быстро росли, а при родах матери погибали. Нетипичный рост продолжился и в младенчестве, позже отцы узнали, что их чада – необычные существа, которые называются триморфами. Полулюди, полужвери, полурастения. Пробыв достаточное время в мире людей, триморфы решают уйти от них, так как человеческая природа им невыносима. Они превращаются в деревья, лес хотя срубить застройки, против чего активно бастуют родители. Ясно, что оборотневая природа детей, их быстрый рост и вред матерям – не самое ценное наследие от “Сумерек”, а связь с лесом, вращение корнями в почву и, как итог, превращение в деревья окончательно – сразу две линии, заимствованные из “Игры престолов”. Пересказом сюжетных совпадений заниматься, наверное, не стоит.

“Лес” книга лёгкая. Массовые смерти женщин, огромное горе для целого города забываются поразительно быстро. Вдруг, в трогательный момент превращения детей, мы читаем, что *“матери повязывали на ветки разноцветные ленты”* – то ли это неожиданное воскрешение родительниц, то ли просто авторская невнимательность. Подобные фактические ошибки здесь не редкость. Это легко объясняется, ведь когда писатель сосредоточен на декорациях, внешних украшениях среды, которые бы красиво подсвечивали зверорастениеподобных героев, отсутствие матерей не кажется таким уж важным фактом. К завершению роман и вовсе поворачивает на сто восемьдесят градусов: от любования необычными существами Носачёв резко переходит к проблеме вырубки лесов и, будто нащупав золотую жилу актуальности, больше не отказывается от этой темы.

Главный мотив “Леса” существует в пределах допустимой жанровой нормы. Триморфы выносят человечеству стандартный приговор, упрекая людей в их жестокой природе, практически в их существовании: *“Животным в стае не нужно объяснять, что убивать друг друга неправильно. Это внутреннее знание. Вам пришлось научиться говорить и писать, чтобы оно появилось хотя бы как внешнее. Но даже очерченные границы вас не сдерживают. Вы скачете через них, как будто играете в классики. Дурацкая прихоть – и вы уже уничтожаете всё вокруг: и себя, и других, и в поисках оправдания переписываете свои же законы”*.

Неудивительно, что фэнтези-роман не обладает выдающимися художественными качествами. Но вот настоящий сюрприз – увидеть его в шорт-листе молодёжной премии, а не на соответствующей полке в книжном магазине. “Лес” не новаторское произведение, Носачёв не привносит ничего нового в жанр, не пытается разрабатывать его, лишь существует в контексте фэнтезийно-масскультурных штампов. Возможное разрешение загадки заключается

* “Игра престолов” – фэнтези-роман, часть пятикнижия “Песнь льда и пламени”, рассказывающий о династических войнах в вымышленном мире между наследниками и претендентами на трон континента Вестероса. Было продано около миллиарда книг, телесериал по мотивам книги стал невероятно популярен среди зрителей.

** “Сумерки” – серия книг о вампирах, впоследствии кинотрилогия, только на момент 2010 года было продано более 116 тысяч экземпляров книги.

в том, что для “Лицея” было принципиально добиться хоть какого-нибудь разнообразия жанров и подходов, и во многом именно этим объясняется третье место премии – антиутопия **Булата Ханова** “Дистимия”.

В ней мы знакомимся с циничным личностным тренером, Максимом Архетиповым, который считает, что в каждой социальной группе существует свой дискурс, набор определённых общих фраз, привычек и т. д. Архетипов отправляется проводить тренинги в Нертеннгову, далёкий заполярный городок, где обнаруживает гиперболу современного общества. В Нертеннгове повсюду висят баннеры с цитатами великих людей, все жители города обязаны проходить бесконечные тренинги личностного роста. Архетипова “закрывают” в психологическую лечебницу, где всех больных называют страждущими, и вдоволь пичкают его же лекарством, тренингами и командообразующими мероприятиями. Героя упорно пытаются убедить в том, что у него депрессия, просто он этого не осознаёт.

“Дистимия” – произведение сатирическое, доводящее до абсурда современную моду на популярную психологию и новые методы корпоративного взаимодействия. Расстраивает, что автор видит лишь внешнюю атрибутику современного общества, работает с его характерными маркерами: *“Как бы ты ни загружал себя работой, тебя будут загружать современные мысли. Почему, например, ты надрываешься в Нертеннгове, а московские дружки по-прежнему обсуждают, где самый вкусный лавандовый раф?”* Лавандовый раф, инстаграм, дискурсы... Всё это высмеивается с такой безусловностью, будто является самоцельным поводом, будто за всей этой тягой к наносному Ханов не видит глубокой внутренней проблемы. Автор весь мир старается подвести к математической модели, максимально упростить всё доступное взгляду современного человека. Вот, например, главный герой с присущей юности однозначностью рассуждает о том, что для либералов и патриотов весь мир – чёрно-белый: *“Например, для патриотов белое – это Кремль и парад на День Победы, а чёрное – это гей-парад и “Макдональдс”. Для либералов – наоборот. И неважно, что Кремль – красный, парад на День Победы – цвета хаки, а гей-парад, хм, голубой”*. В такой позиции кроется слабость, так как найдётся много читателей и тех, и других убеждений, для которых мир – палитра гораздо более обширная.

В “Дистимии” обнаруживается и проблема жанра. На первый взгляд кажется, будто это антиутопия нового толка: с авторитарным мэром, который заставляет всех водителей слушать классическую музыку, а всех работников – посещать тренинги хотя бы раз в зное количество времени. Но в процессе наблюдения за этим обществом создаётся скорее ощущение того, что это – утопия. Нам показывают и работников школы, которые вместе ходят в походы, рассказывают о том, что мэр приглашает в город актёров, музыкантов и спортсменов, чтобы те давали мастер-классы, отводят на поэтический вечер к местной “дутой” звезде Николаю Кагэдэ, где люди, между тем, читают стихи существующей публике. Да и бедные водители уже не кажутся такими несчастными: *“Более того, также поощряется слушать (с позволения клиентов, разумеется) аудиокниги. Так, Сергей уже справился с “Горем от ума”, “Капитанской дочкой” и подборкой поэзии Фета”*.

Мир “Дистимии” действительно авторитарен только по отношению к главному герою, которого жители Нертеннговы (да и не только они, ведь это была инициатива директора из Москвы) считают депрессивным и пытаются помочь ему с помощью своего специфического учреждения. Антитеза легко выявляема. На фоне всех этих псевдосчастливых людей социально неактивный человек оказывается за пределом нормы. Психиатр обвиняет Архетипова в том, что он *“не практикует медитацию и не внедряет бодипозитив”*, а также *“редко обновляет свой Инстаграм”*. И вот тут стоит остановиться и подумать, а не о западном ли обществе идёт речь? Бодипозитив в России – частность, а не стихийное явление, в отличие от стран Запада. Получается какой-то ядерный коктейль с насильственным насаждением классической русской культуры и обвинениями в отсутствии модернизации – пародия на всё и сразу.

Если я попытаюсь копнуть в глубину, у меня вряд ли что-то получится из-за её отсутствия. Главной герой повести, Максим Архетипов, – это просто программа реакций. Удивления, досады, бунта против дома страждущих. Носитель циничных оценок, приговоров, которые он, как и герои Носачёва, выносит обществу. Удивительно серьёзно завершение его линии: из цитадели

общества потребления, торгового центра, до которого герой таки добрался, сбежав из больницы, Архетипов отправляется искать мифического отшельника на кладбище умерших поездов и то ли остаётся там, то ли продолжает своё путешествие.

Один раз Ханов делает попытку проанализировать природу сдвига, но либо забывает о ней, либо просто не справляется. Наташа, летевшая с Архетиповым из Москвы, хочет спасти своего молодого человека из Нертеннговы, а тот всерьёз намерен остаться в экологически неблагоприятном и очень далёком городе. Архетипов пытается уговорить зачарованного парня. Уже знакомые нам аргументы, вроде *“Тебе необязательно таскаться по вечеринкам и вести “Инстаграм”*. Так же, как и *необязательно ломать себе жизнь на Севере”* ни к чему не приводят, автор не выходит за очерченный круг, и сам становится заложником созданного в рамках повести дискурса.

ЧАСТЬ 3. КОНСТРУКЦИЯ

Но есть и другой путь из коррозионной тенденции, не столь очевидный, но гораздо более верный. Если предыдущая дорога была простой и лёгкой, но приводила читателя лишь в тупик констатации, то эта, хоть и имеет массу развилко и крутых поворотов, всё-таки обещает выход в будущем.

Следующие две повести шорта – это произведения о подростках примерно одинакового возраста, в одной из них важным фактором является неблагоприятная среда, в другой за основу взято трагичное событие. В обоих текстах мы видим попытку преодоления деструкции художественного мира, явное стремление найти выход. Характерно, что появляется эта попытка именно в литературе про детей, а потому можно предположить, что продиктована она сегментом и возрастом героев. Кроме того, это даёт повод всерьёз задуматься о незрелости молодой литературы на сегодняшний день, ведь когда лучше всего у тридцатилетнего автора (а средний возраст участников – двадцать девять лет) получается написать о подростке, это показательно.

Повесть **Анаит Григорян** *“Посёлок на реке Оредеж”* рассказывает нам о девочках примерно четырнадцати и одиннадцати лет, Кате и Лене Комаровых, которые живут в посёлке, в многодетной семье. Их родители беспробудно пьянствуют, а в перерывах избивают сестёр за мелкие провинности. Так как мать Комаровых безразлична к дочерям, её роль пришлось взять на себя старшей из детей – Кате. Повесть начинается с того, как Катя осваивается на новой работе в продуктовом магазине.

Следует сразу сказать, что *“Посёлок на реке Оредеж”* – это фиксация момента, а потому в ней отсутствует полноценный сюжет. Короткие зарисовки из полутрудовой, полупраздной жизни сестёр сменяют одна другую. Конечно же, это скорее недостаток текста, чем его достоинство. Благодаря этому безвременно повесть ничем конкретным не заканчивается, и читатель может сам додумать, к чему же привело сестёр Комаровых их *“брошенное”* существование.

И это видится мне отказом от ответственности. Григорян по очевидным причинам не может поставить сюжетную точку. Если бы сёстры подчинились среде, автору бы пришлось окончательно заземлить повесть; если бы вырвались из-под влияния окружения, необходимо было бы описывать долгое фундаментальное изменение. Но автор так и не принимает решения, а потому во второй части произведения вновь знакомит нас с теми же героями и снова отрывочно даёт яркие ситуации из повседневности Комаровых. Это делает повесть композиционно несостоятельной: подобно змее, кусающей себя за хвост, повествование ползёт по второму кругу-близнецу.

Но оставим формальную сторону вопроса и углубимся в текст. Главным мотивом *“Посёлка на реке Оредеж”* является безграничная тоска по матери, которая физически находится рядом, но на самом деле уже давно потеряна. Мать Комаровых, в прошлом городская, не выдержала тяжёлой жизни в деревне с мужем-алкоголиком, а потому озлобилась и полностью ушла в себя. Естественно, что дети должны были найти родителя в ком-то другом. Во время особенного эмоционального напряжения, побоев, обидной ругани или просто внезапного ощущения одиночества Катю будто *“выкидывает”* в воспоминания о бабушке, в них она может спрятаться от давящей реальности. Особенно показательна сцена избиения: *“Была бы жива бабка, она бы их защитила:*

она всегда их защищала, а потом ещё утешала мать, которая всегда после этого бежала на кухню <...> Бабка подвигала стул, подсаживалась рядом, гладила мать по вздрагивающей от рыданий худой спине и монотонно повторяла: “Ничего, доча, всё пройдёт, ты поплачь-поплачь, всё, доча, проходит, это ничего, ты терпи, ты плачь, слёзы лечат, всё проходит, и это пройдёт”. <...> Комарова сидела на полу, глядя ей вслед: потом, когда Наталья скрылась в комнате и щёлкнула дверной защёлкой, провела рукой по голове, и в руке остался большой клок вымазанных в крови волос”. Эти внезапные пологи в прошлое дают Кате моральные силы исполнять обязанность, которую она получила по наследству от бабушки: быть опорой своим братьям и сёстрам. Как и любой подросток, Комарова делает это с неохотой, но выбора у неё не остаётся.

Помимо прошлого, есть у Комаровых и ещё одно временное спасение. Это местный священник отец Сергей и его жена Татьяна, которые не могут иметь детей, а потому ситуацию Комаровых воспринимают особенно близко и всегда помогают им, если это возможно. Тонко описаны взаимоотношения супругов, особенная психологическая ситуация, существуя в которой они не могут быть до конца близки: “Двенадцать лет с Татьяной прошли как во сне. Сергей иногда боялся, что его любовь к жене была слишком сильной и, может быть, неприличной для верующего человека”. Природа еле уловимого холода и сопутствующего чувства нереализованной любви раскрывается в эпизоде ночного пробуждения Татьяны и Сергея, обидное отчуждение близких друг другу людей выписано в нём особенно точно: “С тебя самой Богородицу можно писать. — Татьяна смущённо засмеялась. — Что ты такое говоришь, Серёжа? — А разве неправда? — Он протянул руку в темноту, как бы невидимо проникнутую её светом, но Татьяна ускользнула — он только ощутил под пальцами движение воздуха. — Ты что, Таня? — Она не ответила, ткнулась лицом в подушку. Осенняя темнота стала просто темнотой. Сергей вздохнул, лёг на спину и уставился в потолок”. Чистая, природно добрая Татьяна, довольствующаяся малым, противопоставляется Наталье. За расписной дверью её скромного дома скрывается намёк на настоящую жизнь.

Несмотря на очевидную образную удачу, порой Григорян уходит от трудностей распространения образа. Всякая неоднозначность не оговаривается подробно. Случайные приступы злобы, несвойственные этой паре, проходят фоном, резко диссонируя с уже устоявшимся представлением. Эпизод с крещением Комаровой: “Мать сама была из городских и крещение не признавала; по поводу Комаровой она даже пыталась с Татьяной поругаться, но та, обычно тихая, вдруг раскричалась, чуть не силой отняла ребёнка и отнесла в церковь”. Или — в церкви женщину обвинили в том, что она пришла в красной юбке: “Сергий тогда тоже впервые на памяти Татьяны рассердился: перестал читать, побежал в подсобное помещение, схватил там швабру, ткнул её в руки бабке и сказал громко, на всю церковь: “Вот тебе, дура старая, епитимья! Будешь до самого Покрова пол мести!” Просто сказать, что вспышка злости случилась в первый раз, недостаточно для завершения характера, тем более интересно, что агрессивны Татьяна и Сергей становятся именно в отношении веры.

Неоспоримое достоинство повести, её самобытная характеристика — это многочисленные народные поверья, которые Григорян трансформирует в метафоры, которые “работают” на уточнение характеров героев: “...и Комаровой вспомнилось, что покойная бабка Марья говорила, будто бы все ведьмы умеют шить, и если баба хорошо шьёт, держись от неё подальше, потому что такая и память может зашить, и счастье, и что если видишь, как ведьма шьёт, то нужно крепко закусить язык, и тогда она ничего тебе не сделает. Сама бабка шить не умела, и мать смеялась над ней, говоря, что, когда бабка приходит к халату пуговицу, она весь халат вокруг этой пуговицы собирает в сборку, а если дать ей пришивать пуговицу к пальто — она и пальто всё к одной пуговице стянет”.

Повесть Анаит Григорян написана о детях, но не совсем для детей, галерея образов и набор тем не концентрируется только лишь вокруг детского миропонимания. Повесть же **Серафимы Орловой** “Голова-жестянка”, напротив, явно апеллирует к подростковой аудитории, показывая девушку Женю в период её непосредственного развития и становления после серьёзной физической, а вследствие этого и психологической травмы.

Женя и её лучший друг Иван Приходько однажды изучали заброшенный санаторий (снова локационно общее место, вспомним заброшенную Ховринскую больницу). Убегая от преследователей, Женя вспорола себе ногу арматурой, а Ваня, не сориентировавшись быстро, *“очень долго за помощью ходил, или он вообще не хотел ходить, ему там плохо стало тоже”*. Родители Жени хотели подать на мальчика в суд, остановила их от этого действия только дочь. Теперь Женя вынуждена ходить с тростью, а все попытки наладить отношения с когда-то лучшим другом заканчиваются либо оскорблениями с его стороны, либо вообще избиениями.

Безусловно, огромным плюсом повести является сильный, цельный и развивающийся герой. Женя не винит во всём мироздание, она борется за своё право быть полноценным членом общества, находится в поиске занятия, которое могло бы удержать её на плаву. Девушка порой иронична, порой действительно жестока к себе: *“На что он надеется? Сначала шоколадка, потом цветы, потом предложить встретиться? Мы рядом смешно выглядим. Пара инвалидов. Люди, чего доброго, закидают нас камнями, чтобы не размножились случайно”*. Но эта беспощадность не переходит в стагнацию, Женя действует не по инерции, она движется вперёд сообразно с запасом внутренней силы. Именно для удовлетворения своей внутренней потребности Женя начинает ходить на кружок робототехники.

Там она встречается с проводником-наставником, учителем по фамилии Карин, *“человеком с шестерёнками в голове”*, образ которого иногда навещает Женю. Ухватившись за соломинку, героиня вытаскивает себя из болота, а потому в конце повести мы видим её работающей на фестивале робототехники в окружении новых друзей. И даже болезненная любовная линия с Ваней Приходько оканчивается возобновлением знакомства. После всех обидных слов, после избиения Женя находит в себе силы сказать такое трудное *“привет”*.

Орлова умело передаёт отношения между ломкими и неустойчивыми подростками, но значительным перегибом кажется мне жестокое избиение Жени только лишь из-за того, что она попыталась забрать у мальчика стакан с кофе: *“Приходько быстрым шагом подходит ко мне и бьёт прямо в нос. Теперь точно сломал. Кровь течёт мне в рот. Я размахиваюсь и тростью шибая Приходьке по ногам. Пытаюсь варежкой остановить кровь, задираю голову, теряю равновесие и падаю на низкий забор палисадника. Остроконечные доски впиваются мне в рёбра”*. Да и дальнейшее бездействие любящих родителей Жени и даже угрозы родителей Вани из-за сообщений в интернете выглядят не слишком убедительно.

Вообще если говорить о мастерстве исполнения, то Орлова не демонстрирует особенного владения писательским мастерством. Повествование от первого лица оправдывает скучный язык повести, щедро приправленный интернет-сленгом: *“Слава котикам, она за мной не идёт, да и куда ей идти в закупленных кедах. Улыбается. Отдохнёт без меня морально хоть пять минут. А я прямо предвкушаю, мне кажется, меня ждёт что-то особенное, открытие века”*. И хотя это объяснимо возрастом главной героини, от лица которой ведётся рассказ, но всё же является стилистической несостоятельностью и отходом от литературного языка.

Автор старательно игнорирует опасный, но очевидный момент. В отношении Жени к учителю Карину есть доля юношеской влюблённости, девочка враждебно настроена к жене учителя, Оле. Вот Женя без всякого стеснения обозначает свои чувства: *“Классно. Вообще тут классно. Там, где ты есть, так уютно, — отмечаю я. — Это Оля делает уютно. — Нет, в сквоте тоже уютно, а Оля же там ничего не делала”*. Да и начинается повесть с того, как Женя бежит обнимать Карина. Разрешения ситуации не происходит, что даёт основание предположить более сложные, противоречивые отношения развить в рамках подростковой повести сложнее, потому автор и оставил их в статичном виде, хотя все остальные линии были поступательно развиты.

“Голова-жестянка” — произведение, художественными достоинствами небогатое, тут скорее наблюдается минимализм. Однако на фоне стремительного распада остальных текстов импонирует уверенное движение сюжета вверх и удовлетворительное его психологическое обоснование.

Врезался в память риторический вопрос председателя жюри премии *“Лицей”* Льва Данилкина: *“Правда ли, что наше общество одержимо историей,*

апокалиптическими предчувствиями, сексом и политикой?” Да, что ни говори, достойный был обозначен размах, важная миссия ложилась на плечи новых лауреатов “Лицея”. И показательно, что первое и второе места из какого-никакого, а разнообразия текстов молодых авторов были выбраны в точном соответствии с одержимостью “апокалиптическими предчувствиями, сексом и политикой”. Константин Куприянов и Игорь Савельев удивительным образом сконцентрировали это в своих текстах. “Желание исчезнуть” и “Ложь Гамлета” – это самые актуальные, самые современные (в каком-то даже телевизионном, “жёлтом” понимании этого слова) тексты. Стоило только выбрать острую тему – события на Донбассе у Куприянова и дело Серебренникова у Савельева, – чтобы победить в самой финансово крупной на данный момент молодёжной премии. И неважно, каким образом раскрываются темы, насколько тексты художественно убедительны. Главное, что от них за версту не сёт тиражом, кровью и другими физиологическими жидкостями.

С распределением мест в контексте “Лицея” всё вполне понятно. Прошлогодняя схема “большая тема – эксперимент с реальностью – психологическое исследование” была в точности реализована и в этом году. Неизменным осталось величие повода – СПИД в случае Кристины Гептинг и Донбасс в случае Константина Куприянова, оно неизменно возглавляет список призёров. Конечно, роман “Желание исчезнуть” является ещё и политическим заявлением, что тоже сыграло свою роль. К пристальному психологическому исследованию Андрея Грачёва, который в прошлый раз был на третьем месте, Савельев добавил острой злободневности и занял вторую строчку хит-парада. Если сравнивать двух этих авторов, то динамика наблюдается скорее отрицательная. Герои Грачёва хотя бы пытались быть сложными, герой Савельева не пытается даже просто быть. Ну, а синонимичный произведению Евгении Некрасовой роман “Дистимия” Булата Ханова взял третье место, обеспечивая премии жанровый диапазон. Уже Некрасова в своём цикле о Москве упоминала, что жизнь в России двадцать первого века существует только в кольце МКАДа, а главные страхи современного человека – это мутация, неконтролируемое совокупление, тотальная англоязычность всего мира, из чего следует потеря своей культуры и т. д. Ханов работает примерно в том же направлении. Выделяет новые определяющие общество явления, гиперболизирует их до диагнозов и уверенно принимает эстафету третьего места.

Очевидна тенденция к деструкции как основы/повода/финала. И это, пожалуй, волнует более всего. Деструкция самым прямым образом ведёт к исчезновению, вымиранию литературы как метода. Простая констатация безвыходного положения делает невозможным всяческое развитие: слишком долго нужно ждать, когда на выжженной земле что-нибудь вырастет снова. Воздействовать на эмоциональное, живое в человеке проще всего с помощью страха, демонстрации крайностей. Ещё лучше, если эти крайности и страхи будут не просто архетипическими, но свежими, не потерявшими своего информационного влияния на общество. Тогда деструкция актуализируется событием и превращается в соцзаказ.

В этом году безраздельно победил социальный заказ, но никогда не нужно забывать о том, что социальные заказы меняются, а настоящая литература остаётся. Синяки зацветают, и когда гематома бледнеет, становится видно тело прозы – клинически здоровое или обезображенное смертельной болезнью.

*Все тексты взяты с официального сайта премии и доступны по ссылке:
<http://pushkinprize.ru/proza/>*

ПЛАТОН БЕСЕДИН

РУССКИЙ АКРОПОЛЬ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ХОЛМ СЕВАСТОПОЛЯ

В советские годы Севастополь по количеству музеев входил в первую десятку городов страны. Более того, многие из них имели – да и имеют – колоссальный статус не только для России, но и для всего мира. Будь то Панорама “Оборона Севастополя”, музей Черноморского флота или Херсонес Таврический. В них не только находятся поистине уникальные экспонаты, но и сама роль этих мест – ключевая и в русской, и в мировой истории.

Однако есть в Севастополе и места, сами по себе являющиеся музеями под открытым небом – точки сборки судьбоносных событий, смыслов, решений. Таков Центральный городской холм. Он не так знаменит, как, например, Херсонес, однако значение, – прежде всего, цивилизационное – имеет не меньшее. Особенно в контексте последних событий.

Я, конечно же, говорю, о Крымской весне, когда России вновь была возвращена энергетика больших целей, и самые светлые, чистые эмоции и помыслы наполнили души миллионов россиян. Именно тогда был дан ответ на главный вопрос 90-х – вопрос, сформулированный Алексеем Балабановым в фильме “Брат-2”: “А где твоя Родина, сынок?” И миллионы людей ответили: “Здесь наша Родина!”

Центром этого события стал Севастополь – цивилизационный центр России, в то же время сам являющийся городом-цивилизацией, подобно тому, как в древние времена были города-государства. Таковым являлся Херсонес Таврический, ставший краеугольным камнем для будущего Севастополя.

Данная преемственность, прежде всего, связана с именем Святого князя Владимира. Известно, что, согласно преданию, крестился он в Херсонесе, после чего Православие пошло на Русь. В честь данного события был возведён собор.

Изначально строить его хотели в Херсонесе. Однако адмирал и градоначальник Михаил Петрович Лазарев принял решение возводить Владимирский собор на Центральном холме Севастополя. Он посчитал, что там храм будет более посещаем. Место для Владимирского собора Лазарев указал сам и обратился к Николаю I. Тот поручил составить проект храма придворному архитектору Константину Андреевичу Тону. В то время он находился на вершине славы, в частности, именно по его проектам строились Храм Христа Спасителя и Большой Кремлёвский дворец. Тон хотел возводить пятикупольный храм в русско-византийском стиле.

Однако вмешалась война, умер прежний император, и собор проектировал уже Алексей Александрович Авдеев, живший тогда в Севастополе. Он разработал новый проект на основе подлинной византийской церковной архитектуры. Надо сказать, что Авдеев создавал и ещё один уникальный севастопольский храм — пирамидальный Свято-Никольский собор на Братском кладбище.

Снаружи Владимирский собор, выполненный из местного светлого известняка, с тёмными лабрадоритовыми колоннами и мраморными резными капителями, кажется весьма компактным, но на самом деле он весьма могуч — 33 метра в высоту. А впечатление компактности достигается за счёт специальной архитектуры. Сделано это для того, чтобы мощь собора не довела над человеком, а, наоборот, приближала его к Богу.

Полностью строительство Владимирского собора было закончено уже после смерти адмирала — в 1888 году.

К слову, удивителен резонанс, вызванный в Севастополе уходом из жизни Михаила Петровича Лазарева. Прощание с адмиралом стало поистине всенародным. От Графской пристани до Петропавловского собора — он также находится на Центральном холме — стояли войска, гроб сопровождали военные и священнослужители. Его оставили открытым, и весь день севастопольцы приходили прощаться с любимым адмиралом. После же они несли на руках гроб с телом Лазарева.

Любопытен и ещё один факт, свидетельствующий об искренней любви севастопольцев к градоначальнику. Когда был учреждён сбор средств на памятник Михаилу Петровичу, то за несколько минут собрали 7000 рублей, колоссальную по тем временам сумму. А люди были готовы жертвовать больше. Возможна ли такая народная любовь к градоначальникам сегодня? Для этого тем самым надо жить для народа. Как жил Михаил Петрович Лазарев.

Меж тем, оригинальный памятник ему не сохранился. Есть лишь небольшой бюст на одноимённой площади.

Первоначально же бронзовый памятник установили перед Лазаревскими казармами (сейчас там находится севастопольский филиал МГУ) в 1867 году. О нём Николай Яковлевич Данилевский, иллюстрируя страсть русских к европейничанью, писал: “Колоссальная фигура, сажени три вышиной, на огромном пьедестале, стоящая среди развалин, на высоком и крутом берегу залива, производит издали поразительный эффект. Но как только становится возможным рассмотреть подробности фигуры — её мундирный фрак с фалдочками, панталоны в обтяжку, коротенькие ножны морского кортика, — надо привести себе на память все труды, понесённые знаменитым адмиралом при устройстве Черноморского флота, и сопоставить их с печальной участью, постигнутой его созданием всего 4 года после его смерти, чтобы подавить более серьёзными и грустными мыслями невольную прорывающуюся улыбку”.

Оригинальный бронзовый памятник коммунисты ликвидировали в 1928 году. Официальная причина — не имеет исторической значимости. Удивительное, конечно, лицемерие.

Упокоен же Михаил Петрович Лазарев во Владимирском соборе. В том числе и потому неслучайно моё именование севастопольского холма Русским акрополем. Владимирский собор — усыпальница великих адмиралов, отцов-основателей города. Здесь, помимо Лазарева, захоронен прах Владимира Ивановича Истомина, Павла Степановича Нахимова, Владимира Алексеевича Корнилова — всего 13 адмиралов. Об их упокоении свидетельствуют диоритовые плиты на фасадах собора.

Для того чтобы попасть в усыпальницу, необходимо оказаться в нижнем храме. В вечернее время в нём проводят службы, а в дневное — это музей. В центре находится огромный чёрный крест, выложенный из могильных плит с именами адмиралов.

К сожалению, усыпальница не единожды подвергалась разграблению и осквернению. И если во время Крымской войны здесь лютовали французы, то в советское время бесчинствовали уже свои. В 1931 году Владимирский собор передали Осавиахиму. Склеп вскрыли, останки адмиралов как “приспешников низвергнутой династии” уничтожили. В 1932 году собор закрыли и разместили в нём авиационные мастерские и склад политуправления Черноморского флота, а вместо литургий стали проводить опыты.

Перед Владимирским собором сохраняется и ещё одно наследие большевиков – это гигантский памятник Ленину, один из самых больших в мире. Как говорят служители храма, отлит этот памятник из колоколов Владимирского собора. Ленина окружают солдат, матрос, крестьянин, рабочий – время сделало их купоросно-зелёными, словно Джон Ди и Бартлет Грин из романа Гюстава Майринка упражнялись в своих алхимических опытах.

Во многом аналогичная судьба постигла и другой собор Центрального холма – Петропавловский. Изначально возведённый в 1792 году храм был деревянным. Не лучший вариант для города, где обстрелы и бомбардировки случаются чуть реже, нежели проливные дожди. Потому уже вскоре собор разрушили, а возвели – по инициативе всё того же адмирала Лазарева – заново уже из камня.

Он имеет не только значимое сакральное, но и эстетическое значение. Сам я впервые увидел его лишь на 20-м году жизни. И впечатление моё было таким, словно я, как Индиана Джонс, обнаружил Храм судьбы.

Петропавловский собор имеет необычный для православных храмов вид, и первое, что поражает в нём, – это колонны дорийского ордера с античными каннелюрами, расположенные по всему периметру. Они создают и величественную монументальность, и особую игру света. При этом есть мнение, что Петропавловский собор создавался как копия древнегреческого храма Парфенона. Однако более тщательный анализ показывает, что собор – оригинальное произведение, только наследующее греческие черты. Сейчас этот действующий храм – один из самых необычных в Крыму.

В своё время его великолепие дополняли фигуры апостолов Петра и Павла работы итальянца Фердинандо Пелличчио в нишах у входа. Однако во время Крымской войны – распространённый случай – фигуры были вывезены во Францию. В советское же время здесь находился городской архив, затем театр и Дом культуры.

Если Петропавловский собор стал центром духовности Севастополя, то центром просвещения была Морская библиотека, завершённая в 1837 году. Средства на неё собирали всем городом. Морские офицеры отчисляли с каждого своего жалования по копейке с рубля, так что просвещение стало делом коллективным. Офицеры были тогда не только военной, но и интеллектуальной элитой – люди высочайших морально-духовных принципов.

К сожалению, уже через восемь месяцев после открытия Морская библиотека сгорела. Новая библиотечная штаб-квартира – изящное трёхэтажное здание, возвышающееся над морем, – строилась уже на казённые деньги при поддержке Николая I. Однако и она не пережила Крымской войны. Французы разграбили её – вывезли мраморные колонны и мраморных львов. Сейчас они украшают вход в парижский сад Тюильри.

Вообще во время Крымской войны и англичане, и французы отличались отнюдь не европейскими – в классическом понимании – нравами. Они разграбляли монастыри (исключением стал лишь Свято-Георгиевский на мысе Фиолент) и увозили трофеи (Херсонесский колокол долгое время украшал одну из башен Нотр-Дам де Пари), подходя к материальным ценностям весьма практично. Например, железная дорога с паровой тягой, построенная англичанами из Балаклавы к горе Гасфорта, где стояли их союзники итальянцы, после войны была разобрана на части и увезена в Англию.

От Морской же библиотеки осталась лишь Башня ветров. Как и Петропавловский собор, она напоминает копию греческого сооружения – одноимённую башню в Афинах. Однако всё же является самостоятельным архитектурным сооружением. Её восьмигранную верхушку украшают барельефные изображения ветров, устремлённых, как и весь Севастополь, к высшей цели.

Находится это архитектурное чудо прямо в живописном дворике трёхэтажного поэтического дома, рождающего аллюзии на приморские города Грина и Куприна. Попасть сюда можно по старой брусчатке, бегущей в тени каштанов по левую сторону от Владимирского собора.

Площадь перед ним очень живописна, это одно из моих любимых мест в Севастополе. Особенно я люблю гигантский разлапистый ливанский кедр, стоящий прямо напротив собора. Это больше, нежели просто могучее дерево: кедр – один из символов возрождённого Севастополя. Его чешуйчатые ветви напоминают лапы древнего дракона. Под ними хорошо, остановив мгновенье,

сидеть в дневной зной, созерцая и размышляя, а вечером составить компанию поющим под гитару, чувствуя крылатый ветер, летящий из Артиллерийской бухты.

Её, кстати, чаще всего называют сокращённо – Артбухта, – и многие думают, что речь идёт о чём-то творческом (art). Так называют и альманахи, и фестивали, но на самом деле название данного места имеет военное происхождение – изначально здесь находились артиллерийские склады. Впрочем, бухта столь живописна, что ей в полной мере подходит и сокращённая творческая приставка “art”, а жизнь духовная, творческая в Севастополе часто сопряжена с военной.

Кедры же, символизирующие несокрушимость, твердыню, высажены после Великой Отечественной войны в знаковых местах города. Например, в центре площадей, названных в честь адмиралов – Нахимова, Ушакова, Лазарева и военачальника Суворова. Эти площади составляют золотое кольцо города, опоясывающее Центральный холм. Соединённые улицами Ленина и Большая Морская, они составляют уникальный городской ансамбль, пожалуй, лучше всего иллюстрирующий словосочетание “музыка в камне”. И когда мы говорим “крымский стиль”, то подразумеваем именно Севастополь, дающий начало этому течению в архитектуре.

Разрушенный во время Первой и Второй героической обороны, город восстанавливался с особым трепетом и любовью. Он задумывался как несокрушимый символ, непокорённый град, засечный камень России, застывший в своём сахарно-рафинадном великолепии у Чёрного моря. И, вполне возможно, не назови Екатерина II город-герой Севастополем, что означает “город, достойный поклонения”, то быть бы другому названию – Феникс.

Марк Твен, побывавший здесь после Крымской войны, писал, что даже Помпеи сохранились лучше. “Всюду развалины, только развалины, – ужасался писатель. – Ни один город в мире не был так сильно разрушен”. При этом восхищался Марк Твен не только героизмом, но и радушием севастопольцев, отмечая, что нигде никогда его больше так добродушно не принимали. Война не озлобила наших людей – наоборот. Они смогли не только переосмыслить её уроки, но и создать один из красивейших городов мира, восстановив его из руин.

Однако, отстроенный после Крымской войны, он был разрушен вновь – уже во время Великой Отечественной. Именно из Штаба Черноморского флота, находящегося на Центральном холме, в 3:15 ночи поступило первое сообщение о нападении на СССР – немцы и румыны бомбили Севастополь.

Словно отдавая долг, именно немцы и румыны после капитуляции восстанавливали Центральный холм. Они возводили дома в стиле неоклассицизма и неоготики, в итоге создав уютнейший уголок – с двориками, заросшими плющом и петунией, с точёными балясинами и бесконечными лестницами, возносящими нас всё в новые и новые живописнейшие места.

Именно Центральный холм, даже в это застроечно-реновационное время, сохраняет атмосферу, за которую многие и любят город – атмосферу советской утопии, ту, которую мы видели в добрых отечественных фильмах. Непокоренный Зурбаган, белый город гриновской мечты.

Здесь – единственный в Севастополе, а может, и во всём Крыму – сохранился даже классический гастроном, фасад которого украшает лепнина “1953”, запечатлевшая год его постройки. Зайти сюда особенно хорошо в душные, жаркие дни, которые неизменно наваливаются на Севастополь в июле-августе. Выпить лимонада или пива из пузатых кружек, лично убедившись в кинематографической истине: “Жить – хорошо! А хорошо жить – ещё лучше!”

Правда, сейчас на Центральном холме всё более обосновывается мир современный. Тихие улочки заставлены машинами, а кое-где, несмотря на протесты общественников, точно циклопы на фоне карликов, прорастают многоэтажные новостройки, вносящие диссонанс в этот чудесный обособленный мир.

Знаково, что сейчас на Городском холме, обволакиваемом душистым запахом ленкоранских акаций и усталым пахучим ковром шелковицы, заброшенным остаётся лишь одно здание – бывший дом гестапо. Он, конечно, использовался в советское время, но в украинские годы пришёл в совершеннейшее запустение. Сейчас его стены очерняют жуткие граффити и загадочные надписи. Здесь любят встречаться не только люди без определённого

места жительства, но и адепты тёмной силы – такая своеобразная “точка сборки” нечисти и маргиналов.

Возрождение – то понятие, тот посыл, который запечатлел в себе Центральный холм. Изначально он назывался Хребтом беззакония. Здесь, словно таджики на съёмной московской квартире, ютились лачуги, кабаки и хибары. Злачные места, дома терпимости, трущобы – вот чем он был. Шёл 1833 год.

Но всё изменилось, когда адмирал Михаил Петрович Лазарев решил подарить холму и всему Севастополю новую жизнь, принести на Хребет беззакония порядок. По его указанию и по проекту инженера Уптона, англичанина на русской службе, холм начал преобразовываться. Возможно, адмирал Лазарев предвидел, что меняет не только судьбу города, но и всего Отечества. Очень скоро Хребет беззакония переродится в Холм нового миропорядка.

Произошло тотальное обновление не только города, но и сознания: ветхий мир пал, и на смену ему пришёл мир новый. Он соединил в себе русское и европейское, греческое и византийское – точно великолепный ковёр, сотканный из разных, но гармонично сочетающихся друг с другом лоскутков. И я говорю сейчас не только об архитектурном ансамбле, но и о цивилизационной идее тоже. Здесь, прежде всего, слились воедино важнейшие смыслы, посылы, идеи, и через весь город, точно стянутый к Центральному холму, прошло и греческое Православие, и византийская государственность, и славянская энергия.

Во многом потому в этой “точке сборки” смысловых и силовых линий в разные времена совершался истинный подвиг, сама сущность которого неразрывно спаяна с Севастополем и севастопольцами.

В последнее время нас всё чаще пытаются уверить, будто подвиг, совершённый нашей страной, нашими людьми, опороchen, а героические поступки были случайностями, стечением обстоятельств. Но это не так. У каждого подвига есть своя история. Он есть древо, которое может взойти лишь на благодатной почве. И Севастополь иллюстрирует это в полной мере.

На Центральном холме, на его Матросском бульваре, о котором первым написал Лев Николаевич Толстой, находится самый первый севастопольский памятник, и посвящён он именно подвигу. Это памятник брига “Меркурий” и лейтенанту Казарскому.

Он выполнен в эллинистическом стиле из инкерманского камня. На прямоугольном, слегка зауженном пьедестале возвышается отлитое из металла античное судно – триера. Верхнюю часть пьедестала украшают бронзовые жезлы бога Меркурия, а на его сторонах в аллегорической форме переданы героические события: бог морей Нептун, покровитель мореплавания и торговли Меркурий, крылатая богиня победы Ника, и на западной стороне – барельефный портрет самого Александра Ивановича Казарского. Вся эта эллинистическая тематика заставляет вспомнить такое понятие как “архэ”. В древнегреческой философии – это первооснова, первоэлемент, из которого состоит мир. Так вот в Севастополе архэ – мужество, рождающее подвиг.

Тут стоит напомнить славную историю “Меркурия”. Этот 18-пушечный военный бриг заложен и спущен на воду в 1820 году в Севастополе. В мае же 1829 года, во время Русско-турецкой войны, “Меркурий” под командованием лейтенанта Казарского встретился с двумя самыми крупными и быстроходными турецкими кораблями – 110-пушечным “Селимие” и 74-пушечным “Реал-беем”. Маленький бриг против двух лучших линкоров, 18 против 184 пушек!

Однако в морском сражении бриг не только героически выстоял, но и нанёс критические повреждения двум турецким линкорам, одержав невероятную, непредсказуемую победу, эпичнее даже той, где Давид сразил Голиафа.

Логически объяснить совершённое бригам “Меркурий” невозможно. Но это не было случайностью или вывертом сознания. Перед тем, как команда брига осознанно решила сражаться на битву с линкорами, Казарский организовал совет, на котором и офицерский состав, и матросы выступили за то, чтобы вступать в поединок. Бриг “Меркурий” бросил вызов не просто двум турецким кораблям, но самому року, безнадёжности, обречённости. Один против всех в сверхнеравном поединке!

И вся наша русская летопись – и севастопольская в частности – демонстрирует: своей волей, мужеством, верой человек способен побеждать фатум, менять ход истории, совершая невозможное. И неслучайно на памятнике Казарскому значатся именно эти слова: “Потомству в пример”.

Бриг победил, вернулся в родную гавань. Через два столетия этот невероятный подвиг повторит весь Севастополь. Будущие потомства исполнят завет, повторяют благодаря преемственности подвига, запечатлённой и в страницах истории, и в зданиях, и, конечно, в людях – в самом их духе.

Возможно, эти слова – “Потомству в пример” – вспоминал и адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, вышедший из дома на улице Суворова, 19 на своё последнее сражение.

Поразительно, столько обстрелов, столько бомбардировок терзали и разрушали Севастополь, но этот дом – последняя квартира адмирала Корнилова – пережил трагедии и сохранился. Он построен ещё до Крымской войны, в первой половине XIX столетия – в стиле ампир, из инкерманского камня; особо примечателен его главный вход, оформленный портиком из дорических пилястр с треугольным фронтоном. Любопытно ещё и то, что дом этот принадлежал отставному поручику, а затем купцу Даниилу Волохову, являвшемуся родственником ещё одного великого адмирала – Павла Степановича Нахимова. Это одна из старейших жилых построек города. Там до сих пор живут люди (кстати, очень приветливые), и на второй этаж ведёт лестница с остатками мрамора, по которой и вышел на своё последнее сражение адмирал Корнилов.

Погиб же он на Малаховом кургане, и о боях, происходивших там, очень ёмко, точно и вместе с тем поэтично написал Константин Симонов:

*Уж сотый день врезаются гранаты
В Малахов окровавленный курган,
И рыжие британские солдаты
Идут на штурм под хриплый барабан.*

Именно на Малаховом кургане, умирая, адмирал Корнилов произнёс легендарные слова: “Так отстаивайте же Севастополь!” Их знает каждый севастополец. Они больше, нежели просто завет или наставление – нет, это и образ мысли, и образ действия севастопольцев. Помня этот завет Корнилова, держали оборону герои Великой Отечественной Войны, а позднее, уже в веке XXI он стал девизом Крымской Весны, наукой, питающей севастопольских юношей.

Тут, конечно, вспоминается и легендарный пушкинский завет “береги честь смолоду”, и, несомненно, крапивинские мальчики. А ведь школа, которую описывал в своих произведениях Владислав Петрович Крапивин, находится именно на Центральном холме – школа №3, старейшая в Севастополе. В 2015 году ей присвоено имя Александра Невского (почему не Крапивина?). Изначально же она была Константиновским реальным училищем. Одна из её стен до сих пор хранит благородную старину; выстроенная из крымбальского камня, она особенно живописна на фоне лип и акаций. Здесь, по тенистой аллейке, хорошо пройтись, предаваясь юношески-романтическим мечтам, подобным тем, которыми грезили крапивинские мальчики. Им Владислав Петрович дал своё наставление:

*В погребках спрессован старый порох.
Пусть он никогда не пригодится...
Мальчики, храните белый город.
Помните, что вы его частица...*

Позднее Крапивин, будучи человеком аполитичным, тем не менее, весьма однозначно отреагировал на воссоединение Крыма с Россией. Он ёмко подвёл итог возвращения Севастополя, потерянного за 24 часа и шедшего домой 23 года: “История показала, что севастопольские мальчики разных поколений не разучились хранить свой Город”.

Пожалуй, и не могло быть иначе. Ведь произошедшее выходило далеко за политический контекст. Подобно тому, как Хребет беззакония волею адмирала Лазарева был превращён в прекраснейший Центральный холм, так и сам город переродился, сбросил наносное, лишнее, обременяющее, в очередной раз возвеличившись над фатумом. А вместе с Севастополем переродилась и вся Россия.

Я далёк от того, чтобы давать негативные оценки украинскому периоду в истории города – жили по-разному (чаще с радостью), но очевидно: то, что искусственно прививалось Севастополю на глубинном уровне, было для него инородным, чужим. Оно и в самой Украине зачастую воспринималось неоднозначно, настороженно, но в Севастополе, где после краха советской системы воцарилось лихолетье 90-х, подобное воспринималось как аномалия.

Расшатывались сами цивилизационные первоосновы, и в войне уже нового поколения севастопольцы отстаивали храмы, боролись за родной язык. Уверен, подари нам право быть собой, дай нам внятные символы, а не суррогат квазисвободы, многое бы разрешилось без зла и обиды, встало бы на свои места, но мусорный ветер с лихвой нанёс чуждого, вредного. Нанёс не только в Севастополь и на Украину, но и в саму Россию, – то, что нужно вымести за порог метлой истории, и если что реально и может тому способствовать, то лишь севастопольское чудо, произошедшее, на самом деле, даже не в марте 2014 года, а ставшее долгим поступательным процессом, вызревшим из самой истории города.

А где же та “точка сборки”, благодаря которой возвращение домой стало для Севастополя относительно безболезненным и в то же время решительным, несомненным? Ответ запечатлён возле Петропавловского собора, где установлен памятник Кириллу и Мефодию. Напомню, что они, прибыв в Севастополь в поисках мощей Святого Климента, сосланного римлянами в каменоломни Инкермана, обрели не только сами мощи, но и Евангелие на славянском языке (по одной из версий, переведённое самим Климентом), позднее преодолев ересь трёхязычия. Так вот, происходящее вокруг русского языка в Севастополе также напоминало преодоление ереси. И роковой ошибкой многих сторон было спекулировать на данной теме.

Но вместе с тем – и это куда важнее – русский язык в Севастополе (возможно, даже более, чем где-либо в России) стал и оберегом, и связью, и нитью памяти. Русский язык стал кодом, формировавшим сознание. Мандельштам, размышляя о природе слова в России, писал: “Каждое слово словаря Дая есть орешек Акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащённая эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории”. И Севастополь выстоял против угроз, создав свой акрополь – ментальный и материальный.

На Центральном холме здания и памятники стали охранными кодами, символами, стали запечатлёнными словами русского логоса, первоначалием каждого русского человека. И не случайно Константин Паустовский, часто бывавший в первой гимназии, – она находится напротив Владимирского собора – называл этот белокаменный макрокосм Акрополем Таврическим. Теперь же правильнее сказать – Русский акрополь.

Новый миропорядок рождался здесь снова и снова на протяжении многих веков. И всякий раз в Севастополе, прежде всего, отстаивали правду, нашу единственно желанную, без которой не может душа русского человека. Севастополь есть город запечатлённой правды, и она невозможна без подвига, а значит, и без жертвы.

Севастополь называют городом лестниц: их тут, действительно, очень много, но и каждый фрагмент города есть ступень на русской лестнице, по которой наше Отечество, несмотря на все трудности, поднималось, поднимается и должно подниматься к своей высшей цели. Столь важно не потерять, не упустить данных посылов, относясь к ним с трепетом и бережливостью. Особенно сейчас, когда город-герой вернулся домой, встав как важнейшая деталь в цельную конструкцию.

Потому Севастополь сегодня – это и шанс, и возможность. Севастополь – это ответ мракобесию, что смущало, оплёвывало и терзало Россию все эти годы. И в то же время Севастополь – ответ на вопросы: “Кто ты на самом деле? Готов ли ты идти дальше за Русской мечтой? Готов ли соответствовать нашей великой истории?”

Ответы находятся здесь – на Центральном холме Севастополя, в историческом сердце России.

г. Севастополь

ДМИТРИЙ ФИЛИПPOB

ПЕРЕД БЛОКАДОЙ

(отрывок из книги “Битва за Ленинград”)

Перед входом на Пискарёвское мемориальное кладбище установлена памятная мраморная доска с надписью: “С 8 сентября 1941 года по 22 января 1944 года на город было сброшено 107 158 авиабомб, выпущено 148 478 снарядов, убито 16 744 человек, ранено 33 782, умерло от голода 641 803 человек”. От Вечного огня к главной стеле мемориала ведет аллея протяженностью 480 метров. Нет никакого сакрального и тайного смысла в этой цифре 480. Просто справа и слева от аллеи — братские могилы, череда холмиков, уходящих вглубь. И надо пройти полкилометра, чтобы миновать братские захоронения умерших в блокаду ленинградцев и погибших бойцов Ленинградского фронта. Полкилометра ям с телами. Вдумайтесь в эту цифру. Полкилометра.

На гранитной стене, расположенной позади монумента “Родина-Мать”, высечены строки Ольги Берггольц:

*Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имён благородных мы здесь перечислить не сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.*

Таков итог самой продолжительной битвы в истории Великой Отечественной войны — битвы за Ленинград!

Ночь на 22 июня 1941 года была в Ленинграде теплой, тихой и светлой, как и положено белым ночам. Тишину нарушали лишь весёлые компании вчерашних школьников, гулявшие вдоль Невы после выпускного вечера. Девушки в белых платьях и юноши гуляют, взявшись за руки, смеются, целуются украдкой, ещё не зная, что фашистские войска перешли советскую границу, что уже идут бои в районе Бреста, немецкие самолёты уже бомбят Киев, Севастополь, Каунас, Житомир. Вечером на стадионе им. В. И. Ленина должен состояться футбольный матч между ленинградской “Красной звездой” и московским “Динамо”. К 8 утра далеко за Балтийским заводом, за Академией худо-

жеств, Кунсткамерой и дальше, над ломкими силуэтами крыш Петроградской стороны повисли чёрные точки – аэростаты заграждения.

Ночью на подступах к Ленинграду произошли первые воздушные бои. В 3 часа 20 минут лётчики Шавров и Бойко вступили в бой со звеном ME-110. В 4 часа двадцать вражеских самолётов предприняли попытку минирования фарватера в Финском заливе. Около 5 утра немецкие воздушные разведчики появились под Кронштадтом и Выборгом, но были встречены огнём зениток.

В третьем часу ночи 2-й секретарь Ленинградского горкома партии Александрович Кузнецов, замещавший Жданова, находившегося в отпуске, и бывший на тот момент первым должностным лицом в городе, вызывает к себе в Смольный первых секретарей райкомов. Он доводит до их сведения телеграмму, полученную в штабе Ленинградского военного округа за подписью наркома обороны СССР. В ней говорится о возможном нападении врага 22 или 23 июня. А в пятом часу А. А. Кузнецова из его кабинета, где шло совещание, пригласили к аппарату прямой связи с Москвой. Вскоре он вернулся и коротко объявил: война!

Но основная масса жителей Ленинграда узнала о начале войны только в 12 часов 15 минут из знаменитой речи Молотова. Когда слушаешь запись этого обращения сейчас, невольно режут слух дефекты дикции и нарушения орфоэпических норм языка председателем Совнаркома, эти “граждане и граждане”, “договор”, смягчение звонких согласных. Но нам сложно представить, что творилось в его душе, когда в 12:05 он вышел из кабинета И. В. Сталина с текстом выступления и направился на Центральный телеграф, откуда осуществлялась прямая трансляция обращения. Люди замерли на площадях и улицах, везде, где застал их этот исторический момент. Замерли и слушали. Лица спокойные, напряжённые. Именно тогда, в речи Молотова впервые прозвучало словосочетание “Отечественная война”. Ещё никто представить себе не может, что начался кошмар длиною в долгих четыре года; что впереди – немыслимые жертвы и разрушения, подвиги и беспримерный героизм советских людей. И гекатомбы смертей.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР в Ленинграде введено военное положение. Это означает, что отныне все функции государственной власти в деле обороны переданы Военному совету Ленинградского военного округа.

В 3 часа дня закрываются сберкассы – закончилась наличность. Люди стремятся снять свои сбережения. В продуктовые магазины выстроились очереди. И вместе с этим на заводах и предприятиях начались стихийные митинги, а очереди добровольцев у ворот военкомата были не короче очередей в магазины. Как это всегда бывает в минуты опасности, обнажается нутро человека, его оголённая суть, и это не спрятать, не изменить. Ты можешь маскироваться, как хамелеон, и быть своим в доску парнем, или не быть им, угрюмо отталкивая окружающих, но в минуту опасности твоё нутряное вырвется наружу, и вся твоя суть станет видна, как на ладони: затариться продуктами или бежать в военкомат? Это, на самом деле, очень простой и внятный выбор. Но как же меняет он всю твою жизнь!

В первую же военную ночь появляются военные патрули, вооружённые винтовками, и дежурные с противогазами через плечо у подъездов домов. Следят, чтобы не осталось ни одного освещённого окна. Светомаскировка. В первую же ночь звучат сирены, извещающая об угрозе воздушного нападения. Тревога оказывается ложной. Но вряд ли кто мог спокойно заснуть в эту первую военную ночь. Жизнь круто разделилась на две половины, и это было уже не изменить, не переиначить.

По решению Ставки Главного командования с 24 июня 1941 года Ленинградский военный округ преобразован в Северный фронт. Он просуществует два месяца, потом войска разделяет на Ленинградский и Карельский фронты. Ещё никто не думает об окружении. Ещё в помине нет Волховского фронта. Нет “Невского пятачка” и героической обороны крепости Орешек. Война уже идёт, но для большинства ленинградцев пока ещё остаётся умозрительной категорией.

Вот как вспоминает те дни Николай Никулин, курсант школы радиоспециалистов: *“Война тем временем где-то шла. Первое представление о ней мы получили, когда на территорию школы прибыла с фронта для пополнения и приведения в порядок разбитая дивизия. Всех удивило, что фронтовики*

жадно едят в огромных количествах перловую кашу, оставшуюся в столовой. Курсанты радиошколы были недавно из дома, ещё изнежены и разборчивы в еде... Солдаты с фронта были тихие, замкнутые. Старались общаться только друг с другом, словно их связывала общая тайна. В один прекрасный день дивизию выстроили на плацу перед казармой, а нам приказали построиться рядом. Мы шутили, болтали, гадали, что будет. Скомандовали “смирно” и привели двоих, без ремней. Потом капитан стал читать бумагу: эти двое за дезертирство были приговорены к смертной казни. И тут же, сразу, мы ещё не успели ничего понять, автоматчики застрелили обоих. Просто, без церемоний... Фигурки подергались и застыли. Врач констатировал смерть... Именно тогда в нашем сознании произошёл сдвиг: впервые нам стало понятно, что война — дело нешуточное и что она нас тоже коснётся”.

Но были и другие примеры.

27 июня 1941 года принимается решение о создании народного ополчения. 30-го начинается запись добровольцев на предприятиях. Кировский и Московский заводы, Металлический, “Арсенал”, “Прогресс”, “Красный выборжец”, станкостроительный им. Я. М. Свердлова, “Экономайзер”... В первый же день записалось 10 890 бойцов. К концу пятого дня эта цифра выросла до 77 413.

На “Красный выборжец” пришла жена рабочего Рыбина и сказала: “Я проводила мужа в армию и теперь хочу трудиться в его цехе”. В этот же день Анну Устиновну Рыбину зачислили на работу.

280 студентов и преподавателей Института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта решили стать партизанами. Вскоре отряды лесгафтовцев уйдут в псковские леса...

Начинаются работы по созданию оборонительных рубежей и укреплений. Сотни тысяч граждан города и области берут в руки заступы, кирки и лопаты, роют окопы, противотанковые рвы, завалы, сооружают доты и дзоты. Приостанавливается строительство Верхнесвирской ГЭС, консервируется только начатое строительство Ленинградского метро.

Младшие лейтенанты Степан Здоровцев, Михаил Жуков и Пётр Харитонов на своих “ястребках” впервые применяют в небе над Ленинградом воздушный таран, сбив тяжёлые бомбардировщики Ю-88. За это они удостоиваются звания Героя Советского Союза.

Ленинградцы привыкают к равномерному стуку метронома. В перерывах между передачами он звучит размеренно, напоминая о постоянной опасности воздушного нападения, а во время тревоги ритм его становится утешительным. Ещё никто не знает, что этот неторопливый стук, напоминающий шаги в гулких пустых залах Эрмитажа, совсем скоро станет единственной надеждой, когда лежишь в холодной квартире, закутавшись в ворох одеял, умирая от голода, не имея сил выйти на улицу. Этот звук станет единственным доказательством, что город ещё не пал, что он жив и сражается, а значит, и ты сам жив, пока слышишь эту неторопливую поступь города.

Меняется и облик Ленинграда. Уже не увидишь блеска золота на куполе Исаакиевского собора, на шпилях Петропавловской крепости и Инженерного замка, они покрашены нейтральной краской зелёного цвета. На Адмиралтейскую иглу решено натянуть сшитый из мешковины чехол. Крупнейшие предприятия, многие мосты, водопроводные и электрические станции тщательно замаскированы. Район Смольного, если посмотреть на него сверху, превращён в лесопарковую зону. Ещё на дальних подступах к зданию стянуты гигантские маскировочные сети с тёмно-зелёными лоскутами, изображающими деревья.

Ещё одна примета тех дней. На Невском и Литейном проспектах, на других улицах прямо на тротуарах были расставлены столы с книгами, ещё пахнущими свежей типографской краской. Такой литературный всплеск объяснялся просто: из-за перегрузки железных дорог было невозможно вывозить в большую страну полиграфическую продукцию, печатавшуюся в ленинградских типографиях. Поэтому решили сбывать книги на местном рынке. Импровизированный книжный базар на Невском проспекте раскинулся прямо перед “елисеевским” магазином. Серые мешки с песком наглухо закрывали зеркальные витрины, а рядом — яркие краски на обложках.

А немцы продолжают наступать. Вот что пишет начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер 8 июля 1941 года в своём дневнике: *“Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву*

и Ленинград с землёй, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще”.

Кировский завод начинает производить танки КВ. Начинается эвакуация многих предприятий и учреждений города.

Идут ожесточённые бои на Западной Двине. Это ворота на Псков и Новгород, а за ними – Ленинград.

В ДК им. М. Горького располагается штаб 1-й добровольческой дивизии. Под казармы используют здания школ. В парках устанавливают зенитные орудия. Огромными рыбами висят над городом аэростаты. В начале июля 1941 года в пульмановских вагонах эвакуируют основную часть экспонатов Эрмитажа и Русского музея. Ленинград всё больше становится похож на город прифронтовой полосы.

8 июля пал Псков. Отступление действующих частей, бегство жителей, обозы, нескончаемый поток спасающихся от войны людей. К тому времени после тяжёлых боев был оставлен Остров, и две немецкие танковые дивизии стремительно продвигались вперёд: одна – на Псков, другая – на Порхов. Прибывающие со стороны Ленинграда эшелоны с 235-й стрелковой дивизией с ходу вступали в бой, но в условиях паники и неразберихи, недостаточно чёткого управления войсками имели место случаи самовольного оставления позиций. Дороги были забиты отступающими, поэтому подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия был крайне затруднён.

Вот как вспоминает эти дни начальник Инженерного управления Ленинградского фронта генерал-лейтенант Б. В. Бычевский: *“Семьи, оставшиеся без крова, горящие дома, плачущие на руках у матерей дети, страдающие от жары и жажды. Тут и там вперемешку с беженцами бредут разрозненные группы бойцов. Нескончаем поток машин, всевозможных тележек. И над всем этим пёстрым водоворотом стоит угнетающий гул, в воздухе висит едкая пыль... Над шоссе только что пронёсся на бреющем полёте “мессершмитт”. Пулемётная очередь скосила двух девочек и трёх женщин”*.

Утром 8 июля противнику удалось оттеснить наши ослабленные подразделения на северный берег реки Черехи в район Кресты и на южную окраину Пскова. Командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. М. Гловацкий обратился с просьбой к командиру 41-го корпуса разрешить отход дивизии за реку Великую. Сам по себе отход при хорошей организации ещё не означал катастрофы, однако преждевременный взрыв псковского моста через реку Великую привёл к беспорядочному отступлению на подручных средствах частей 118-й, 111-й стрелковых дивизий и 25-го укрепрайона, оставшихся на западном берегу реки, а также к большим потерям в людях и боевой технике и явился главной причиной оставления Пскова и последующего отхода войск 41-го стрелкового корпуса по расходящимся направлениям на Гдов и Лугу.

До сих пор сложно установить, что же именно тогда происходило под Псковом. Память об этом хранит Великая – древняя русская река, но она никому не откроет своих тайн.

За оставление Пскова командир 41-го стрелкового корпуса генерал-майор И. С. Кособуцкий и командир 118-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. М. Гловацкий предстали перед судом Военного трибунала. Генерал-майор Н. М. Гловацкий был приговорён к расстрелу (расстрелян 3 августа 1941 года), генерал-майор И. С. Кособуцкий – к 10 годам заключения (в октябре 1942 года был освобождён и принял участие в сражениях Великой Отечественной войны, с 1944 года – генерал-лейтенант). Начальник инженерной службы 41-го стрелкового корпуса военинженер II ранга Головлёв также был расстрелян в июле 1941 года согласно приказу по Северо-Западному фронту.

Дорога на Ленинград была практически открыта. На пути врага остался только Лужский рубеж.

В это время школьники Ленинграда по всему городу собирают пустые бутылки. Нет, никто не ищет лёгкого заработка. И голода пока нет. Это ленинградские предприятия получили задания ежедневно поставлять в войска 9 тысяч бутылок с горючей смесью для поджога танков противника. С 10 июля началось массовое изготовление этих стеклянных гранат на предприятиях города и в мастерских высших учебных заведений: Педагогическом институте им. А. И. Герцена, Текстильном, Ленинградском институтах, Институте связи.

В саду возле Холодильного института и в Апраксином дворе проходит обучение 3-й дивизии народного ополчения. Вчерашние рабочие, студенты, инженеры выполняют приёмы строевой подготовки, учатся колоть штыком чучела из мешковины. Всё это похоже на плохо поставленный спектакль, но жителям не до смеха. 12 июля на ипподроме, где совсем недавно проходили скачки, дивизии будет вручено Красное знамя, вскоре она примет участие в боях на Олонецком направлении. 2-й полк дивизии будет отправлен на Лужский рубеж. А на месте ипподрома после войны построят Театр юного зрителя.

Человек, впервые взявший в руки оружие две недели назад, ещё не готов убивать. Он в глубине души не верит, что винтовка, оттягивающая плечо, будет стрелять. И так же будут стрелять в него. Вот стоят эти люди на ипподроме, переминаются. Греет солнце. Скрипит песок под ногами. Многие из них скоро погибнут, защищая свой город, свою страну. Но сейчас, вот в этот самый день 12 июля 1941 года, они всё ещё живы, в каждом скрывается непостижимый мир — целая непознанная вселенная.

В этот же день 12 июля в Театре оперы и балета имени С. М. Кирова идёт “Иван Сусанин”, в Театре имени А. С. Пушкина — “Дон-Кихот”, в Театре имени Ленинского комсомола — “Фельдмаршал Кутузов”, в Музкомедии — “Последний бал”, в Театре комедии — “Тот, кого искали”.

12 июля 1941 года начинаются бои за Лужский рубеж.

Так же, как в мирное время, сберкассы выплачивают выигрыши. Только за один этот день по шестому тиражу Государственного займа третьей пятилетки сберкассы Ленинграда выплатили 6200 выигрышей на общую сумму свыше 800 тысяч рублей.

13 июля 60 тысяч ленинградцев прибывают под Лугу строить оборонительный рубеж. Теперь они трудятся вместе с войсками, создают танковые ловушки, завалы. Армейские саперы минируют главную полосу обороны и предполье. А в Ленинграде в это же время на стадионе Института имени Лесгафта собираются несколько тысяч людей. Спортом, однако, никто не увлечён. Работники МПВО демонстрируют приёмы тушения зажигательных бомб.

18 июля погибают дети Ленинграда.

Вечером 17 июля 1941 года на первый путь станции Лычково прибыл один из эвакуационных поездов. Во время пути составы с эвакуирующимися пополнялись всё новыми и новыми детьми из ближайших к дороге населённых пунктов, из-за чего данный состав к моменту прибытия на одну из предыдущих остановок, станцию Старая Русса, насчитывал уже 12 вагонов-теплушек, в которых находилось около 2000 детей и сопровождающих их педагогов и медицинских работников. На станции Лычково поезд ожидал подхода очередной группы детей из Демянска, которые прибыли после полудня 18 июля. Примерно в то же время на второй путь прибыл санитарный поезд, из которого стали выходить легкораненые красноармейцы и санитарки, чтобы пополнить запасы продовольствия на привокзальном рынке. И в этот момент появляется немецкий бомбардировщик.

Вот как вспоминает последствия налёта очевидец, а впоследствии писатель Валентин Динабургский: *“Фрагменты детских тел висели на телеграфных проводах, на ветвях деревьев, на кустарниках. Стаи ворон, чуя поживу, с гвалтом кружили над местом трагедии. Солдаты собирали изуродованные тела, быстро начавшие разлагаться под влиянием жары. От смрада тошнило и кружилась голова.*

Через пару дней на Лычково нахлынули матери несчастных жертв. Просто-волосые, растрёпанные, они металась между путей, искорёженных взрывами бомб. Они незряче бродили по лесу, не обращая внимания на минные поля, и подрывались на них... Неудивительно, что некоторые тронулись разумом. Меня одна женщина, улыбаясь, спрашивала: не встречал ли я её Вовочку? Она только сейчас вела его в детсадик и оставила вот здесь... Зрелище страшное: истерики, вопли, обезумевшие глаза, растерянность, безысходность...”

Из вагонов выбегают дети в белых панамках, плачут от ужаса, пытаются спрятаться в поле, не понимая, что белые панамки прекрасно видны с высоты на зелёном фоне.

Отбомбившись, лётчик делает второй круг. Он видит, что перед ним маленькие дети. Он всё прекрасно видит. И продолжает методично расстреливать их из пулемёта. Ориентир — белые панамки.

Этот немецкий лётчик... Я пытаюсь представить, какой он, как выглядит, о чём думает, злой ли он человек? Или он обычный светловолосый парень,

улыбчивый, белозубый, с красивыми и правильными чертами лица, любящий свою мать, пишущий нежные письма жене о том, как уничтожил в течение минуты... не детей, нет, недочеловеческих личинок. Как он рассказывает об этом случае в полку, и его друзья, его боевые товарищи – Фрицы, Гансы, Густавы – весело смеются. Я не знаю, погиб ли этот лётчик во время войны или, наоборот, прожил долгую счастливую жизнь, растил детей, нянчил внуков. Но я точно знаю, что советский солдат – самый милосердный солдат в мире. Потому что после Лычково у него появилось полное моральное право уничтожать немцев как нацию. Но советский солдат не стал этого делать.

Ирина Алексеевна Зимнева помнит хронику тех событий лишь по рассказам старших товарищей. Жизнь ей, трёхлетней крохе, спасла кукла – памятный подарок мамы, вручённый на перроне перед самым отправлением рокового эшелона. Торчащая из груды детских тел игрушечная рука привлекла внимание тринадцатилетнего лычковского мальчишки Алёши Осокина. Он потянулся за ней, услышал детский плач и понял – здесь лежит живой ребёнок. Семья Алёши приняла девочку, как родную, но очень скоро судьба привела Ирину обратно в Ленинград, прямиком в кольцо блокады.

В 1984 году уже замужняя женщина Ирина Алексеевна вернулась в эти земли – вместе с мужем они купили в соседнем посёлке дачу, решили обустроить хозяйство; перво-наперво – построить баньку, для чего и пригласили местного плотника. По завершении работы супруги разговорились с мастером. И вдруг он начинает описывать события того дня: разбомблённый фашистами поезд, кукла, маленькая девочка...

От Кингисеппа до Луги, от Балтики до озера Ильмень протянулась линия обороны. Немецкая группа армий “Север” впервые с начала войны завязла в районе Луги, не в силах прорвать оборону советских войск. Сводки боёв второй половины июля похожи на книгу славы: что ни день, то подвиг и чудеса самоотверженности.

Вот балтийский лётчик старший лейтенант Н. И. Митин. Идёт на таран и сбивает немецкий самолёт, корректировавший огонь артиллерии по Ленинграду. Самолёт Митина загорается и падает, сам он успевает выпрыгнуть с парашютом над территорией, уже занятой противником. Все считают его погибшим, но через три дня Митин переходит линию фронта и возвращается в полк.

Вот заместитель политрука Арнольд Мери. В районе станции Дно немецкие войска прорвались в тыл 22-го стрелкового корпуса. Бои развернулись возле штаба. В бой вступили штабные связисты. Когда положение казалось безнадежным и закончились боеприпасы, Мери под огнём противника притащил ящик патронов. Раненный в бою, он всё равно продолжал сражаться до тех пор, пока враг не отступил. Арнольду Мери было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот ещё один лётчик, Гусейн Алиев. Сражаясь над Гостилицами, он сбил два из четырёх напавших на него “мессершмиттов”. Посадив машину, Алиев сам выйти из неё уже не смог. Через 20 минут он скончался. На его теле оказалось более тридцати ран.

А вот неизвестный солдат. Два кубаря. Лейтенант. В районе Сольцов его взвод залёг под огнём немецкого пулемёта. Немец долбит яростно. Головы не поднять. Жара. Липкий пот пропитал гимнастерку. Пить хочется. Жить хочется. Лицо в траве, душисто пахнет осокой. Жучок ползёт по травинке. А подняться надо. Зачем? Зачем подниматься, когда так хочется жить? На этот вопрос не может быть внятного, не вызывающего сомнений ответа. Позади Ленинград, Родина, да. Но ведь жить хочется... Как же страшно вставать... Жена, дочь. Смотрят откуда-то ему в глаза. Откуда они смотрят? Отчего так обжигает их взгляд? Эх, надо вставать... Поднимается лейтенант, успевает зарвать во всю грудь: “За мной, мужики!” Делает шаг и ловит пулю на вздохе. Но взвод уже поднялся, уже бежит вперёд. Десять метров до врага, пять, три... Врукопашную, штыком в брюхо, сапёрной лопаткой под кадык. Бой яростный и короткий. Всё. Сольцы отбили. 8-я танковая дивизия немцев отрезана от основных сил. Лейтенант лежит на поле. Взгляд его стеклянен и светел. Жучок переползает с травинки на лицо.

19 июля враг прекращает наступление на Ленинград. В приказе Гитлера об этом говорилось: “Продвижение в направлении Ленинграда возобновить лишь после того, как 18-я армия войдёт в соприкосновение с 4-й танковой группой, а её восточный фланг будет обеспечен силами 16-й армии”. Неизвестный лейтенант и тысячи таких, как он, подарили Ленинграду ещё один месяц.

22 июля – ровно месяц с начала войны. Ленинградский горком партии даёт указание секретарям райкомов в трёхдневный срок подобрать для каждого домохозяйства политорганизатора. В его обязанность входит массово-политическая работа среди населения, повышение бдительности и укрепление противоздушной защиты дома. Одним словом, решено бороться за превращение каждого дома в крепость. На крышах и чердаках вводятся круглосуточные дежурства для тушения зажигательных бомб.

27 июля в дирекцию Эрмитажа приходит следующее распоряжение: “Предлагаем вам мобилизовать из числа трудоспособных на оборонные работы 75 человек. Всех мобилизованных обеспечить лопатами, кирками, ломачами, пилами, топорами. Каждый мобилизованный должен иметь запас продуктов питания на 5 дней, а также кружку, ложку, котелок, 1 пару белья, тёплую одежду и деньги. Предупредить всех мобилизованных о нахождении на работах не менее двух недель”. Приказ выполнен.

И ещё 10 815 ленинградцев ушли из города 27 июля. Ушли, чтобы занять уже оборудованные позиции. Это были бойцы только что сформированной 1-й гвардейской дивизии народного ополчения. Это уже пятая по счёту дивизия народного ополчения.

В этот же день солдат 324-го немецкого пехотного полка Фриц Курт пишет в своём дневнике: “Сегодня мы шли в атаку. Русские подпустили нас поближе, а потом открыли такой огонь, что из нашего отделения унесли ноги только я да Ганс. Когда всё это кончится?”

Кончилось всё очень скоро: на следующий день автор дневника был убит.

Идут жестокие бои в районе Сабска. 36-я моторизованная дивизия немцев захватила плацдарм на правом берегу Луги. Не хватает вооружения, боеприпасов, людей. Линия обороны на этом рубеже напоминает тонкую нить. В Ленинграде мастерские Института киноинженеров переделывают учебные винтовки и пулемёты в боевые. В этом коротком предложении весь ужас нависшей катастрофы.

Профессор Горного института А. Н. Кузнецов разрабатывает рецептуру взрывчатой смеси, которую можно производить в Ленинграде из имеющихся в городе реагентов. Новое взрывчатое вещество, названное сигналом, оказалось вполне пригодным для снаряжения ручных гранат, противотанковых мин и осколочных авиабомб. Выпускать его начинают предприятия, также не имеющие никакого отношения к военной промышленности, – суперфосфатный завод, завод “Автоген”, кирпичный завод № 1, Алюминиево-магниевого и Горный институты.

Все окна в городе заклеены бумажными лентами, но это не спасает от бомбёжек. Распоряжением от 31 июля штаб МПВО города предложил по сигналу воздушной тревоги держать окна открытыми. Это помогает сохранить стекла до наступления холодов.

Июль уходит. В течение этого месяца город дал фронту около 250 танков и бронемашин, 200 орудий для дотов, 185 – для танков, 300 полковых миномётов, много пушек, винтовок, снайперских прицелов. Предприятия местной промышленности отправили на фронт в этом месяце 710 тысяч противопехотных мин.

Заводы, фабрики, предприятия, лаборатории и мастерские полностью работают на оборону. Артели “Примус” и “Металлоигрушка” изготавливают ручные гранаты. Механический цех табачной фабрики имени М. С. Урицкого делает снаряды. В котлах, в которых совсем недавно варилась начинка для конфет, теперь плавится взрывчатка. Мины делают... дрозжевой завод и завод духовых инструментов. Завод медицинских инструментов делает для партизан финские ножи. Макетная мастерская “Ленфильма” изготавливает партизанские “мины-сюрпризы”. А вузах города начинаются приёмные экзамены.

3 августа тяжёлые бои идут на карельском направлении в районе посёлка Хийтола. Высоту обороняет 6-я рота 14-го мотострелкового полка НКВД. Это к вопросу о бытующем мифе, что чекисты якобы служили только в заградотрядах, в атаку не ходили и расстреливали штрафников пачками. В этот день в 6-ю роту прибывает пропагандист полка старший политрук Николай Руденко. Но в роте не до бесед, не до политинформации. Идёт бой. Убивают пулемётчика, и Руденко ложится за пулемёт. К исходу дня он остаётся единственным, кто ещё в состоянии удерживать высоту. Остальные бойцы тяжело ранены или убиты. После эвакуации раненых к нему присоединяется санитаринструктор Анатолий Кокорин. Финны сражаются яростно. Ещё год назад это была их

земля, и они намерены её вернуть, дойти до старой границы у реки Сестры. Руденко приказывает Кокорину держаться в стороне и всё время менять позиции, чтобы у врага создалось впечатление, будто высоту обороняет большое количество солдат. Сгущаются сумерки. Бой не затихает ни на минуту. Во время одной из атак вражеским солдатам удаётся окружить Кокорина. Они хотят захватить его в плен. Тогда санинструктор достает гранату и с криком: “Чекисты в плен не сдаются!” – взрывает себя и окруживших его финских солдат. За этот подвиг ему присвоят звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Руденко в этом бою получил три тяжёлых ранения и потерял сознание. Ночью того же дня Руденко пришёл в себя и похоронил Кокорина, насколько мог это сделать, будучи израненным. В настоящее время могила Кокорина неизвестна.

А в Ленинграде вечером 3 августа нет свободных мест в Театре драмы им. А. С. Пушкина (ныне – Александрыйский театр). В программе – спектакль “Дворянское гнездо” с участием народной артистки СССР В. А. Мичуриной-Самойловой. Людно и в саду Госнардома (Александровский парк). На всеобщее обозрение выставлен фашистский самолёт, пытавшийся прорваться к Ленинграду, но сбитый нашими зенитчиками. Его собрали из кусков и показали людям. Дико и омерзительно смотрелись чёрные кресты в Ленинграде.

В ночь на 8 августа дальние бомбардировщики 1-го минно-торпедного полка во главе с полковником Е. Н. Преображенским совершают налёт на военные объекты Берлина. Это был наш первый удар по фашистскому логову. Гитлеровцы не допускали и мысли, чтобы над Берлином были советские самолёты. Утром немецкое радио сообщило, что минувшей ночью английская авиация совершила налёт на Берлин и что при этом было сбито шесть самолётов противника. Но это была ложь. В этот же день британское командование официально объявило, что в ночь на 8 августа ни один английский самолёт не появлялся над Берлином. И все советские самолёты, отбомбившись, благополучно вернулись домой.

Днём начинается массированное немецкое наступление по флангам Лужского рубежа обороны: со стороны Кингисеппа и на новгородско-чудовском направлении. Бои идут за каждую пядь земли. В прямом смысле этого слова. Слева противник прорвался к реке Оредеж, а справа – на трассу Кингисепп – Ленинград. Лужской группировке войск грозит окружение.

Тяжёлые бои идут на карельском фронте. В районе Сортавалы прижатой к берегу Ладожского озера оказывается 168-я стрелковая дивизия. С большими потерями ей удаётся вырваться из окружения. Буквально через месяц бойцы этой дивизии будут защищать подступы к Ленинграду со стороны Тосно и Колпино по линии реки Ижоры, задерживая наступление фашистов с юга, не давая врагу прорваться к Пулковским высотам. А начальник оперативного управления штаба 168-й стрелковой дивизии майор (а впоследствии – генерал-лейтенант) Семён Николаевич Борщёв напишет детальные воспоминания “От Невы до Эльбы”, ставшие бестселлером мемуарной военной литературы.

К 13 августа немцы прорывают Лужский оборонительный рубеж с двух сторон. Советские войска предпринимают контрудар во фланг наступающей группировке врага в районе Старой Руссы. Контрудар под Старой Руссой до сих пор недостаточно изучен историками. Бои в этом направлении продолжались до 25 августа и задержали наступление группы армий “Север” на Ленинград. Готовящийся к обороне город выиграл ещё несколько недель.

К 13 августа трудящиеся Ленинграда внесли в фонд обороны страны 2 миллиона 418 тысяч рублей наличными, 2 килограмма 275 граммов золота, более 80 килограммов серебра и много других ценностей на общую сумму 13 миллионов рублей. А в районе Старой Руссы – Дно идут жестокие бои. Впервые под Ленинградом используются реактивные установки залпового огня БМ-13, больше известные как “катюша”.

16 августа противник обошел Кингисепп с восточного направления и захватил город. Командующий войсками Северного фронта Маркиан Михайлович Попов приказывает командующему 8-й армией генерал-лейтенанту П. С. Пшенникову выбить немцев из Кингисеппа. 8-я армия в это время отходила с боями из Эстонии.

20 августа 11-я стрелковая дивизия 8-й армии штурмует город с запада и освобождает его, но всего лишь на один день. Ровно через сутки под напором наступающих немецких войск город вновь оставлен. Пшенников привлекает

к боям за город 191-ю стрелковую дивизию, занимавшую до этого оборону между дотами укрепрайона. Это позволяет немцам блокировать доты и дзоты.

Вечером 22 августа командир 152-го батальона А. М. Королёв доносит в штаб укрепрайона, что гарнизоны трёх дотов ведут бой в полном окружении. Сообщает также, что видит, как вражеские сапёры закладывают взрывчатку под доты № 7 и 9. Это было его последнее донесение. Из этой мясорубки удаётся прорваться из окружения только одному человеку – 23 августа санитары подбирают тяжело раненого и обожжённого сержанта Ивана.

Дот № 17, где размещался командный пункт 263-го батальона, отбивает пятнадцать атак и выдерживает сотни прямых попаданий артиллерии противника. Он продолжает сопротивляться даже после того, как все наши полевые войска переправляются через реку Лугу и взрывают за собой мост. Гарнизон дота обречён.

Контрудар в районе Старой Руссы развития не получил. Главная сила советских войск – 34-я армия под командованием генерала Качанова – была к середине августа рассечена надвое и частично отброшена к реке Локоть, частично попала в плен или была уничтожена. Фон Лееб, командующий группой армий “Север”, оценивал обстановку как чрезвычайно серьёзную. Он был вынужден перебраться с новгородского направления дивизию СС “Мёртвая голова”, затем 3-ю моторизованную дивизию, управление 56-го моторизованного корпуса. Более того, Гитлер приказал приостановить наступление на Москву и дополнительно передал фон Леебу из группы армий “Центр” части 3-го танкового корпуса. Командующий немецким танковым корпусом Густав Гот впоследствии писал в своих мемуарах: *“Таким образом, в то время как ОКХ ещё предавалось надежде в конце августа нанести решающий удар по Москве, Гитлер снова под влиянием одной неудачи группы армий “Север”, имевшей местный характер, 15 августа принял решение: “Группе армий „Центр“ дальнейшее наступление на Москву прекратить. Из состава 3-й танковой группы немедленно передать группе армий „Север“ один танковый корпус (одну танковую и две моторизованные дивизии), так как наступление там грозит захлебнуться”. Что же послужило причиной так неблагоприятно оценивать обстановку в группе армий “Север”?*

Один из двух корпусов 16-й армии, продвигавшихся южнее озера Ильмень на восток, а именно 10-й армейский корпус, был атакован значительно превосходящими силами русских (восемью дивизиями 34-й армии) и оттеснён на север к озеру. В ответ командование группы армий “Север”, стремясь облегчить весьма тяжёлое положение 10-го армейского корпуса, решило выделить для нанесения контрудара одну дивизию СС и одну моторизованную дивизию, которые до этого принимали участие в боевых действиях под Лугой и в районе озера Ильмень... Сейчас же, группа армий “Центр” была ослаблена на половину танковой группы, и это в момент, когда оставалось сделать последний шаг к достижению цели операции, то есть к овладению Москвой”.

Возможно, именно этого танкового корпуса немцам не хватило в начале декабря под Москвой. Итоги контрудара под Старой Руссой тяжёлые, трудные. Советские войска потерпели поражение, окончательно определившее окружение Лужской группировки войск. 23 августа 1941 года был снят со своей должности командующий Северо-Западным фронтом генерал-майор П. П. Собенников и приговорён к 5 годам заключения (впоследствии заменённого понижением в должности). 11 сентября 1941 года в деревне Заборовье по решению уполномоченных ГКО СССР армейского комиссара 1-го ранга Л. З. Мехлиса и генерала армии К. А. Мерецкова “во внесудебном порядке за дезорганизацию в управлении артиллерией армии и личную трусость” был расстрелян перед строем личного состава штаба 34-й армии начальник артиллерии 34-й армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров. На следующий день Мехлис написал приказ № 057: *“За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боёв армии генерал-майора артиллерии Гончарова, на основании Приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии”.* Приказ был составлен уже после расстрела. Вот как описывает расстрел Ю. В. Рубцов в книге “Alter ego Сталина. Страницы политической биографии Л. З. Мехлиса” со ссылкой на очевидца этого события, полковника в отставке В. П. Савельева: *“По приказу Мехлиса работники*

штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошёл вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: “Где пушки?” Гончаров неопределённо махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. “Где, я вас спрашиваю?” – вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: “В соответствии с приказом наркома обороны СССР № 270...” Для исполнения “приговора” он вызвал правофлангового – рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат...”

Такая же судьба постигла командующего 34-й армией генерала К. М. Качанова. Военный трибунал Северо-Западного фронта признал его виновным в неисполнении полученного им 8 сентября 1941 года приказа Военного совета фронта о нанесении соединениями армии удара во фланг и тыл наступающему противнику, уничтожении его и выходе на новый рубеж. В приговоре отмечалось, что “отход произведён в беспорядке, управление войсками было утрачено, в результате чего врагу был открыт фронт и дана возможность занять часть нашей территории”. Трибуналом были отмечены вполне разумные доводы, приведённые К. М. Качановым в свою защиту, и 27 сентября был вынесен смертный приговор. Качанова расстреляли 29 сентября 1941 года. Уже после войны, после смерти Сталина, в 1956 году группа офицеров оперативного управления Генштаба по заявлению вдовы генерала Качанова и прокурорскому запросу провела анализ обстановки и выявила, что обвинение Качанова в неисполнении приказа и оставлении поля боя было необоснованным. Посмертно реабилитирован. Гончаров признан жертвой репрессий и реабилитирован в 2002 году.

Под Старой Руссой немцы впервые захватили образец РСЗО “катюша”.

Тем не менее, контрудар 34-й армии сыграл важнейшую роль в начальной фазе сражения за Ленинград. Этим ударом были оттянуты от Лужского рубежа подвижные соединения танковых групп вермахта. Были лишены эшелона развития успеха в лице моторизованных дивизий как группа “Луга”, так и группа “Шимск”, нацеленные на Лужский рубеж. В условиях крайне жёстких сроков, в рамках которых было возможно использование подвижных соединений в группе армий “Север” до их рокировки в сентябре 1941 года на московское направление, даже минимальные задержки давали переход из количества в качество. С этой точки зрения роль контрудара под Старой Руссой в сражении за Ленинград трудно переоценить.

27 августа 1941 года в Ленинград прибывает последний поезд. По железной дороге подвоз продовольствия и всего остального, необходимого городу, прекращается.

В этот же день начинается отход Балтийского флота из Таллина в Кронштадт, названный в историографии “Таллинским переходом”. История этого перехода является одной из трагичных, но и героических страниц обороны Ленинграда. Итоги его показывают как недалёковидность командующего Северным фронтом Клим Ворошилова, так и героизм балтийских моряков, командиров судов, самоотверженность экипажей минных тральщиков.

5 августа была перерезана железная дорога Таллин–Ленинград, а 7 августа немецкие войска вышли к заливу в районе Кунда, отрезав советские войска в районе Таллина от основных сил советского Северного фронта. С 5 августа началась Таллинская оборона. Ещё в июле командованию указывали необходимость отвода Балтийского флота из Таллина, но фактически приказ на отход был получен, когда немцы вплотную подошли к городу, и вражеская артиллерия могла бить по кораблям прямой наводкой.

Последние дни обороны Таллина документирует “Первая сводка о переходе КБФ из Таллинна в Кронштадт”, являющаяся агентурным донесением, направленным в 3-й отдел КБФ 31 августа 1941 года.

В этом уникальном документе, уже переведённом в открытые архивы, говорится, что 22 августа 1941 года был перехвачен подписанный 17 августа приказ Гитлера, требовавший уничтожения всех кораблей советского Балтийского флота на минно-артиллерийской позиции в районе средней части Финского залива. Эта задача возлагалась на береговые батареи, торпедные катера, подводные лодки и авиацию.

По сути дела, агентурная разведка НКВД предупредила командование флота о более чем серьёзной угрозе. Но несмотря на это, принять меры к ликвидации угрозы флот не смог, не успевал.

Из вахтенного журнала крейсера “Киров”, флагмана КБФ:

“27.08.1941, рейд порта Таллин

В 9 часов 50 минут сброшено 24 фугасные бомбы весом от 100 до 500 килограммов. Уклонение маневрированием.

В 16 часов 30 минут сброшено 42 фугасные бомбы весом от 100 до 500 килограммов.

В 17 часов 56 минут сброшено 38 фугасных бомб весом до 250 килограммов.

В 18 часов 12 минут сброшено 22 фугасные бомбы весом от 100 до 250 килограммов. . . ”

То есть уже погрузка на корабли проходила под плотным вражеским огнём. И такие записи встречаются в вахтенном журнале крейсера 14 раз за день!

Из докладного письма старшего лейтенанта Котова Особому отделу КБФ: “Твёрдой организующей руки в обороне главной базы не было. Мощные огневые средства, морская и зенитная артиллерия не были полностью использованы, а зачастую последние бездействовали вследствие отсутствия связи и взаимодействия между различными родами войск и особенно командованием армейских и артиллерийских частей. <... > Отсутствие связи и взаимодействия подчас приводило к обстрелу своих войск. Разведка работала скверно”.

При погрузке не удалось избежать хаоса, забывали матчасть и даже отдельные соединения бойцов, защищавших подступы к Таллину. В 17:00 28 августа флот выходит в акваторию места сбора конвоев и направляется в сторону Кронштадта. На момент начала перехода из Таллина вышли 225 кораблей и судов (в том числе 151 военный корабль, 54 вспомогательных судна, 20 транспортов).

Сколько всего человек было эвакуировано? На этот вопрос точного ответа так и не получено, и, увы, никакой архив не может сегодня дать этот ответ. Подсчитать можно только военных и с некоторым приближением – членов их семей. По подсчётам Р. А. Зубкова, на кораблях находилось 28 573 военных, из которых 8 670 человек были бойцами и командирами Десятого стрелкового корпуса, а 19 903 – моряками: экипажами боевых кораблей и бойцами береговой обороны, а также служащими штабов и флотских учреждений.

Можно ли было избежать хаоса? Наверное, да, если бы приказ на переход был получен хотя бы на два дня раньше.

Беженцы из числа гражданского населения не подсчитывались при погрузке на корабли, поименные списки составлять было некому и некогда.

Акватория Финского залива была уже заминирована. Флот шёл прямо на мины, имея минимальное количество тральщиков.

Практически сразу после выхода из Таллина начались подрывы морских мин в тралах. По кораблям и транспортам несколько раз открывала огонь береговая артиллерия противника (безрезультатно). До наступления темноты авиация противника произвела несколько атак и потопила четыре судна, несколько были повреждены. В районе острова Мохни в 18 часов 30 минут атакованный в первом конвое ледокол “Кришьянис Вальдемарс” при уклонении от бомб вышел из протраленной полосы и в результате подрыва на mine затонул. У мыса Юминда атакован и повреждён штабной корабль флота “Вирония”. Около 22 часов он подрвался на mine и затонул вместе со спасательным судном “Сатурн”. Очевидец гибели транспорта – заместитель начальника Особого отдела 10-го стрелкового корпуса лейтенант госбезопасности Доронин – писал: “Во время потопления на “Виронии” были слышны многочисленные револьверные выстрелы”. Судя по всему, люди кончали жизнь самоубийством, не желая живыми уходить в морскую пучину.

Повреждён авиацией, подрвался на mine и затонул транспорт “Алев”. Из 1280 человек, в том числе 800 раненых, спасено 6 человек.

С наступлением темноты отряд главных сил входит в плотное минное заграждение, выставленное немцами и финнами. Погибают на минах два тральщика. Три из пяти тральщиков отряда теряют тралы в результате затравливания минных защитников.

Весь день 28 августа стояла пасмурная погода, что препятствовало действиям вражеской авиации. Если бы конвой мог двигаться со скоростью хотя бы 15 узлов, то он смог бы за это время, как минимум, дойти до Гогланда. Но скорость конвоя определяется по самому тихоходному судну. Это были баржи, шедшие не больше 8 узлов.

К моменту постановки на якоря в ночь с 28 на 29 августа флот потерял 26 кораблей и судов потопленными (5 эсминцев, 3 транспорта, 1 ледокол, 2 буксира, 2 тральщика, 2 подводные лодки, 1 канонерская лодка, 2 сторожевых корабля, госпитальное судно, спасательное судно, штабной корабль, 3 катера, шаланда), 5 – повреждёнными (3 эсминца, лидер, транспорт), 2 – захваченными врагом, пропала без вести 1 наливная баржа.

28 августа в Ленинграде служащая фабрики “Скорород” Шахова отдаёт в фонд обороны кулон с бриллиантами. Ленинградец Домбровский отдаёт золотую брошь с тридцатью пятью бриллиантами. Сейчас уже сложно установить, но, скорее всего, это фамильные драгоценности дворян “из бывших”.

29 августа над морем солнечная погода, и начинается самое страшное: массированный авиационный налёт на корабли Балтийского флота. До немецких аэродромов всего сто километров, поэтому налёт не прекращается ни на минуту. Отбывшие самолёты возвращаются на базу, получают комплект бомб и вновь вылетают к Финскому заливу. Противопоставить посменному налёту советским конвоям было почти нечего. Зениток у транспортов мало. А уклонение маневром было неосуществимо из-за тихоходности большинства судов. Вода, пропитанная соляжкой и машинным маслом, горела вокруг кораблей. Эсминцы, баржи, катера, тральщики... Корабли взрывались и мгновенно шли на дно. В конце августа температура воды в Финском заливе едва превышает 14 градусов. Тёплые, живые люди тонули, и нигде не было спасения.

Изматывает сердце и нервы ужас неминуемой атаки – не с воздуха, так из-под воды! Психологическое напряжение людей, лишённых возможности нанести врагу ответный удар, иначе, чем запредельным, не назовёшь. Боеспособными – и то условно из-за перегруженности эвакуантами – можно было считать только боевые корабли. Транспортный состав был лишь добычей смерти.

Стоит ли удивляться, что в этих условиях случилось даже что-то вроде мятежа. На спасательном судне “Нептун” некоторые красноармейцы из числа эвакуантов заперли капитана в каюте, выбрали некий “комитет представителей” и требовали немедленно высадить их на оккупированный врагом берег.

– Братцы-товарищи, но там же немцы!!! – колотил капитан кулаками в железную переборку.

– Ну и что? Мы – с оружием. В худшем случае, станем партизанами... А то тут с тобой ещё потонешь ко всем чертям ни за грош, не сделав по фашистским мордам ни одного выстрела!..

К счастью, полковой комиссар, накануне подобранный из воды, освободил арестованного капитана, попутно объяснив ретивым морякам, что бывает за самовольное изменение курса корабля.

Корабли главных сил и отряда прикрытия стали прибывать в Кронштадт с 17–20 часов 29 августа. До конца дня 29 августа в Кронштадт прибыли 24 вымпела, на остров Гогланд – 16. На следующий день и позже в Кронштадт продолжали прибывать отрядами и поодиночке уцелевшие корабли и суда из Таллина – числом 107 вымпелов.

Отсутствие достаточной поддержки со стороны советской береговой авиации, недостаток тральщиков, малое количество зенитных корабельных орудий и, самое главное, поздно отданный приказ на переход предопределили катастрофу. Из 225 кораблей до Кронштадта дошли 163. Из них 132 военных корабля, 29 вспомогательных судов, 2 транспорта, а также неустановленное число малотоннажных гражданских судов и плавсредств, не подчинённых Военному совету флота. Во время перехода погибли 62 корабля и судна (19 боевых кораблей и катеров, 25 вспомогательных судов, 18 транспортов).

Точный до имени-фамилии список жертв Таллинского перехода, видимо, никогда не будет составлен, поскольку никакого учёта эвакуируемых, тем более поименных списков никто не вёл. На мемориальной доске в память погибших участников Таллинского перехода указано 10 903 погибших... Но чёткого подтверждения столь точной цифре в архивах нет.

И тем не менее, Балтийский флот был сохранён как боеспособная единица. Артиллерия кораблей окажет неоценимую помощь обороняющемуся городу во время блокады.

1 сентября школы Ленинграда не открыли свои двери для детей. Город усиленно готовился к обороне. Только на строительстве красносельского

сектора работало 75 тысяч человек. Идут работы в зданиях города, в спешном порядке делают амбразуры, улицы перекрывают колючей проволокой, надолбами, насыпями с песком. А враг подошёл к станции Мга, с ходу овладел ею и в один день прервал железнодорожную связь с Большой землёй.

2 сентября в Ленинграде произведено первое снижение норм выдачи хлеба населению. Рабочие и инженерно-технические работники будут получать теперь по 600 граммов хлеба вместо 800, установленных 18 июля в связи с введением в стране продовольственных карточек. На 200 граммов снижена норма выдачи хлеба служащим: вместо 600 граммов — 400. Иждивенцам и детям до 12 лет, получавшим по 400 граммов хлеба в день, теперь будет выдаваться по 300.

События сентябрьских дней 1941 года, нашедшие отражение в сводках, директивах, дневниках и воспоминаниях жителей, солдат, советских и немецких офицеров, выстраиваются через призму цифр. Сформировано столько-то добровольческих батальонов, уничтожено столько-то танков и самолётов противника, взято в плен, пройдено, учтено, выписано, выверено, расстреляно, потрачено... А за каждой цифрой стоит живой человек. А за каждым донесением — страх, боль, надежда. Город находится в огненном кольце, которое вот-вот замкнётся окончательно. Город готовится к уличным боям. Создан штаб внутренней обороны города. Командный пункт фронта окончательно перемещается в Смольный.

3 сентября немцы выходят на расстояние дальноточной артиллерии. В городе начинают взрываться снаряды. Гибнут дети. Дмитрий Шостакович дописывает первую часть 7-й «Ленинградской» симфонии.

Чтобы растянуть ничтожные запасы муки, решением Ленгорисполкома от 4 сентября предложено примешивать к ней 12 процентов солодовой, соевой и овсяной муки, 2,5 процента размолотых жмыхов и 1,5 процента отрубей.

В сентябре стало понятно, что город может быть захвачен противником. Что в Летнем саду могут идти бои, что Московский проспект может превратиться в кровотокающую артерию, сквозь которую немецкие танки станут прорываться в город. Бои идут уже в пригороде, линия Пушкин–Ям-Ижора–Колпино превращается в слоёный пирог. Например, на одном участке немцы прорываются силами батальона и уходят вперёд, впереди наши войска, потом немцы, потом опять наши. В ряде подразделений отсутствует не то что взаимодействие — нет элементарной связи. Поэтому, к примеру, 402-й полк 168-й стрелковой дивизии думает, что у него фланг прикрыт, а там уже полдня хозяйничают немцы, и полк воюет в полуокружении. И такая картина повсеместно, на всём участке фронта.

В городе первые взрывы. Первые жертвы.

6 сентября вражеские бомбардировщики впервые преодолевают полосу советской противовоздушной обороны и бомбят Ленинград. Обстреливает город и немецкая артиллерия, подошедшая на расстояние прямого выстрела. Вот документальное свидетельство того, что натворил только один вражеский снаряд в этот день. Документ этот, написанный медицинскими работниками 4-го батальона МПВО, приводился потом на Нюрнбергском процессе: «6 сентября 1941 года снаряд разорвался на улице. На панели с распостёртыми руками лежит убитая женщина. Рядом валяется корзина с продуктами. Деревянный забор скошен и обгагрён кровью. На нём налипли куски размозжённого человеческого тела, петли кишок, окровавленные осколки костей, куски мозга. На панели — разорванный пополам труп беременной женщины: виден труп почти доношенного младенца. Во дворе 5 трупиков девочек в возрасте 5–7 лет. Они лежат полукругом, в том же порядке, как стояли тут до момента смерти, играя в мяч».

На северно-восточном направлении корпуса 16-й немецкой армии в двухдневных изнурительных боях выбивают из-под Мги дивизию НКВД под командованием полковника С. И. Донскова. Появляется угроза форсирования немцами Невы, но немцы продолжают двигаться вдоль левого берега. Основная цель — захват Шлиссельбурга. 8 сентября Шлиссельбург пал.

Именно эту дату принято считать началом полной блокады Ленинграда. 8 сентября 1941 года. В городе находится 2 миллиона 544 тысячи жителей. Из них 630 тысяч не доживут до освобождения города. Но 8 сентября они этого ещё не знают. Эта цифра официально была озвучена на Нюрнбергском процессе. Некоторые исследователи говорят о 1,5 миллиона жертв. Только 3% погибнут от бомбежек, все остальные умрут от голода.

8 сентября воистину является чёрным днём не только на фактическом театре военных действий, когда захлопывается узкое бутылочное горлышко в районе Шлиссельбурга от правого берега реки к левому. 8 сентября – предвестник страшного голода на уровне понятийном, смысловом. В этот день массивной бомбардировке подвергаются знаменитые Бадаевские склады. Огонь полыхает здесь около пяти часов. Гибнет в огне 3 тысячи тонн муки и 2500 тонн сахара. Большая часть расплавленного сахара будет затем переработана на патоку, использована для приготовления кондитерских изделий. По оценкам историков, запасов продовольствия на складах хватило бы на 2–3 недели, и определяющей роли запасы продовольствия на Бадаевских складах не играли. Но даже три недели – это тысячи жизней в ледяном январе 1942 года. Тысячи оставшихся в живых. 5 часов горели склады, горячие сахарные ручейки стекали в канавы, люди обступили место пожара и наблюдали, как горят их жизни и текут по улицам их души сладкими ручейками...

Относительно планов Гитлера о судьбе города... Нет никаких сомнений, что фюрер собирался стереть город с лица земли, но директив за его личной подписью на этот счёт нет. Знаменитая “директива Гитлера № 1601 от 22 сентября 1941 г.” на самом деле таковой не является. Это реальный документ, он был приведён в качестве доказательства на Нюрнбергском процессе, и нет оснований сомневаться в его подлинности. Но называется он иначе: Директива начальника штаба ВМФ L-a 1601 от 22 сентября 1941 г. “Будущее города Петербурга” (Weisung Nr. Ia 1601/41 vom 22. September 1941 “Die Zukunft der Stadt Petersburg”).

Вот текст этой директивы полностью: “Будущее города Петербурга

1. Чтобы иметь ясность о мероприятиях военно-морского флота в случае захвата или сдачи Петербурга, начальником штаба военно-морских сил был поднят вопрос перед Верховным главнокомандованием вооружённых сил о дальнейших военных мерах против этого города.

Настоящим доводятся до сведения результаты.

2. Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России дальнейшее существование этого крупнейшего населённого пункта не представляет никакого интереса. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в существовании этого города непосредственно у её новых границ.

3. Прежние требования военно-морского флота о сохранении судостроительных, портовых и прочих сооружений, важных для военно-морского флота, известны Верховному главнокомандованию вооружённых сил, однако удовлетворение их не представляется возможным ввиду общей линии, принятой в отношении Петербурга.

4. Предполагается окружить город тесным кольцом и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сровнять его с землёй.

Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты, так как проблемы, связанные с пребыванием в городе населения и его продовольственным снабжением, не могут и не должны нами решаться. В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения.

5. Главное командование военно-морских сил в ближайшее время разработает и издаст директиву о связанных с предстоящим уничтожением Петербурга изменениях в уже проводившихся или подготовленных организационных мероприятиях и мероприятиях по личному составу.

Если командование группы армий имеет по этому поводу какие-либо предложения, их следует как можно скорее направить в штаб военно-морских сил”.

Документ подписан начальником штаба руководства морской войной адмиралом Куртом Фрике.

В ходе Нюрнбергского процесса обвиняемый – адмирал Редер – был допрошен относительно этого документа.

Вот показания адмирала Редера: “Я просил Гитлера, когда я услышал, что он намерен в ходе войны обстреливать Ленинград, что он должен сохранить порт и доки, потому что они будут полезны для нас, так как мы хотим переместить наши базы дальше на восток по причине британских воздушных атак в Прибалтике. Незадолго до даты, о которой Вы упомянули, адмирал

Фрике был в штаб-квартире фюрера – я не знаю по какой причине – и там говорил с фюрером в моё отсутствие. Фюрер объяснил ему, что планируют обстреливать Ленинград, особенно с самолётов, и он использовал эти весьма преувеличенные слова, которые затем были написаны в документе. ВМФ не имел абсолютно ничего общего с обстрелом Ленинграда. Мы не получали приказов об этом. Мы были заинтересованы только в одной вещи, что следует сохранить верфи и портовые сооружения.

Фюрер проинформировал Фрике, что, к сожалению, он был не в состоянии сделать это, потому что попадания, особенно если с самолёта, не могут быть направлены так точно. Всё, что мы могли бы сделать, – это сообщить генерал-адмиралу Карльсу, что Ленинград в случае захвата не может использоваться в качестве базы, и генерал-адмиралу Карльсу придётся остановить приготовления, которые он уже начал: выделение немецких рабочих и, вероятно, техника, которая была предназначена для использования в Ленинграде позже. Карльс должен был знать об этом, и так называемый Департамент интендантства ВМФ должен был знать об этом, и именно поэтому адмирал Фрике написал эту бумагу. К сожалению, он включил в этот документ выражения, используемые Гитлером, которые никак не связаны с делом, поскольку мы были обеспокоены, потому что ничего не делается с обстрелом. Тем самым он не берёт на себя в любом случае ответственность в том смысле, что он одобрил его. Он считал только, что он должен был включить формулировку Гитлера в документ. Военно-морской флот не имел ничего общего с этим вопросом. Не было бы необходимо издавать его, и, к сожалению, и очень неуклюже, выражение, используемое Гитлером, было введено в этот документ” (НТ. Том 14. С. 221–224).

Редеру можно не доверять, но его слова подтверждаются выписками из журнала боевых действий группы армий “Север”, в которых первые данные о решении блокировать город встречаются 28 августа 1941 года. Далее день ото дня данные сбивчиво и неуверенно подтверждаются с небольшими вариациями и деталями. Вариации, понятное дело, вносят защитники Ленинграда. Поэтому достоверно сказать, когда именно Гитлер принял решение заморить Ленинград голодом, неизвестно. Риску предположить, что решение об отмене штурма Ленинграда было принято в последний момент, Гитлер и сам не знал, что ему делать. Основной целью была Москва, и войска ему нужны были на центральном направлении. Блокировав Ленинград, можно было перебросить часть сил (особенно танковые корпуса) на Москву. С другой стороны, имеющихся у фон Лееба армий было явно недостаточно для штурма. Каждый сентябрьский день стоил немцам огромных усилий. Продвижение давалось всё труднее. Защитники города дрались насмерть. В конце концов, 25 сентября фон Лееб напишет в ОКХ: “Группа армий Север с оставшимися у неё силами более не в состоянии в полной мере продолжать наступление на Ленинград. Тем самым отпадает и систематический артиллерийский обстрел города. Чтобы вынудить город к сдаче, остаются только бомбардировка и измор”.

Поэтому разговоры о том, что город был открыт для врага и Гитлер-де сам не захотел его брать (а именно так представляет ситуацию писатель-фронтвик Даниил Гранин в своём романе “Мой лейтенант”), полностью не соответствует действительности. Советские войска остановили врага на подступах к городу. Ценой огромных потерь и проявлений массового героизма. Остановили. Сами. Без всяких директив Гитлера. Через несколько месяцев фон Лееб будет отстранён от должности командующего группой армий “Север”.

8 сентября начинается блокада. Впереди смена командующего Ленинградским фронтом. 14 сентября в критические для города дни командование примет Г. К. Жуков. Судьба города будет решаться в этот короткий промежуток: с 14-го по 21 сентября. В городе заминируют мосты, здания, будут разработаны план-схемы ведения боёв в городской черте. О сдаче не помышляет никто. Город готов биться за каждый дом, за каждый канал, за каждый кирпич и камень. Но это всё впереди.

Как показывают сводки боевых действий в районе Пулковских высот, в районе Стрельны и Петергофа, со стороны Колпино, на Дудергофских высотах – враг всеми силами рвался в город. Если бы ему это удалось – не было бы никакой блокады, все решения и фантазии Гитлера были только на словах в общении со своими генералами. Пора назвать вещи своими именами: фон Лееб просто не смог сломить сопротивление ленинградцев.

Впереди героическая оборона крепости Орешек и трагическая гибель Петергофского десанта, попытки прорыва блокады в 1942 году и Дорога Жизни, спасшая сотни тысяч ленинградцев, окружение 2-й ударной армии Власова и подвиг советских бойцов в страшной мясорубке Невского пятачка. И, конечно же, голод, страшный голод первой блокадной зимы.

Иногда ночью мне снится сон. Снятся незнакомые мне люди, которых я никогда не видел, не знал, но чье присутствие, чья твердая поступь будоражит слух, вспарывает пласты глубинной памяти. Из глубины столетий на меня смотрят мои предки. Ни о чем не спрашивают, не говорят – просто смотрят. Отдавшие жизнь за Родину, ушедшие с небесным воинством защищать Россию на небесах, присматривать за мной, далёким и бестолковым потомком. Кости их давно сгнили в земле, легенды и были не сохранили их рабоче-крестьянских имён. Грубые, словно выточенные из камня, мягкие, как глина, мощные, как платяные шкафы, и худые, жилистые – не люди, а промасленные канаты... Добрые, злые, гулящие, разухабистые, крикливые, спокойные... Разные. Настоящие. Погибшие в бесчисленных боях за Отечество. И если я чувствую их боль, слышу их голоса из своего сегодняшнего настоящего, то это значит, что через двести лет кто-то так же будет чувствовать меня. Кровь моя не сгинет бесследно. Это и есть чувство родной земли, каким его может формулировать для себя русский человек. Кровь и плоть наших предков сделали эту землю живой, жирной и родящей. И всё, что мы можем сделать для своих потомков, – сохранить её в том виде, в котором получили от своих дедов и прадедов, а если понадобится – удобрить её словом, делом и собственной плотью. Ибо плоть тленна, а душа человеческая вечна. Мёртвые сраму не имут.

Чаще других мне снится вихрастый семнадцатилетний парень, задира и хулиган ленинградских окраин. Его зовут Алимпий Афанасьев, старший брат моей бабушки.

В ноябре 1941 года он будет ползать по ночам на совхозные поля в районе Пулковских высот. Поля эти расположены на нейтральной территории, заминированы, обстреливаются немцами и нашими. Пулю можно поймать с любой стороны. На этих полях когда-то росла капуста. В ноябре 1941 года капуста сгнила под ненастной осенней хлябью, но остались кочерыжки. Их-то и собирал этот парень, набивая тугой холщовый мешок. Моя прабабушка сварит щи из этих кочерыжек и победит смерть ещё на несколько дней.

Тогда же, в ноябре этот парень будет собирать землю на месте сгоревших Бадаевских складов. Вся семья будет эту землю перебирать, отделяя уголь от крупинки сахара. Смерть где-то рядом, но пока этот чубатый белокурый парень улыбается ей нахальным голодным оскалом – ей нечего делать в моей семье.

Ещё помогла профессия моего прадеда. Он был столяр-краснодеревщик. В наших комнатах в коммунальной квартире хранились внушительные запасы столярного клея. Раньше клей делали на муке, поэтому его можно было варить и есть. Вместе с гнилыми кочерыжками. Так мои предки выжили в первую блокадную зиму. Весной бабушку эвакуируют на Большую землю, но Алимпий к этому моменту будет убит. В январе 1942 года его призовут в армию. Он почти сразу же погибнет на Невском пятачке. Погибнет для того, чтобы жили его сестры и мать, его страна, чтобы много десятилетий спустя мог появиться на свет я, который напишет эту книгу.

г. Санкт-Петербург

ДАЙ ВЭЙНА

СНЕГ ВЫПАЛ

Старик не заказал блюдо, а заказал снег...

В такой же вечер лет пятьдесят назад,
В день их знакомства первого,
Они читали меню наугад,
И ждали заказа, наверное.

Он заказал не сакэ, но снег —
Такой обжигающе юный.
Он был уверен, что молод навек.
О старости он не думал.

Надеялись оба ещё вчера,
Что нет их моложе в мире,
Азартная жизненная игра
Влюблённых в подлунном тире.

Но неожиданный старый снег
Сделал серебряным золото.
Вошёл ослепительно-новый век
И увидел — они не молоды.

И что остаётся? Считая дни,
Скучать в ресторанном гуле...
Ведь невозвратную юность они
Себе белоснежной вернули.

*Перевод с китайского
Карины Сейдаметовой*

ДАЙ ВЭЙНА современная китайская поэтесса и писательница. Является редактором журнала “Гуаньянь” (“Световой год”).

ЯН СЮЛИ

БЕЛАЯ СОЛЬ

Соль может идти, босая, в соломенной шляпе,
Идти по морщинам людей, вываривавших её когда-то,
По складкам лба отца, который занят работой,
По прохладной любви и близоруким глазам...
Когда море было далеко, а почва беднела,
Время зарождалось из соли.
Она стремилась из сосудов наружу и зажигала огни.
Я еду домой на машине вдоль моря.
Соль зажигает огни от древних времён и до этого мига.
Тот, кто вываривал море, получал не только соль, но и звёзды.
На древних соляных прудах распустились цветы персика,
распустилась красная соль.
Горько-солёные воспоминания стали сладким запахом цветов.
Люди, продающие солёный чай и корзинки,
Будто несут на своих плечах колыбельные счастья.
Когда море было далеко, а земля — длинной и высокой,
Соль могла трудиться, как мелкий весенний дождь, орошающий всё.
Она выходит из статуй родины,
Это соль героев, соль мудрости,
Предки моря, витающие в воздухе диалекты,
Молодость, как горячая кровь,
Зажигает в сердцах людей яркие огни башен.

Перевод с китайского Дарьи Топоровой

ЯН СЮЛИ — член Союза китайских писателей, член правления Союза писателей Шанхая, заместитель главного редактора журнала “Поэты Шанхая”. Автор нескольких книг. Лауреат многих литературных премий.

ТЭН СЯОЛАНЬ

ДЕВУШКА, ТАНЦУЮЩАЯ ПОД ЗВЁЗДНЫМ НЕБОМ

РАССКАЗ

Перед тем как пойти домой, я заскочила в пекарню “85°C” за хлебом. В очереди в кассу передо мной стояла пожилая женщина с седыми волосами. Она пришла не за хлебом, а за чаем с молоком и ростками пшеницы. Официантка протянула ей стакан с чаем.

— Будьте любезны, ещё два пакетика сахара, — сказала она звонким голосом на стандартном шанхайском диалекте.

Официантка опешила:

— Так стакан запечатали, вы же не сможете положить сахар.

Женщина ответила размеренным тоном:

— Ничего, я смогу добавить. В прошлый раз мне другая милая девушка тоже дала сахар. Благодарю.

Официантка передала сахар. Женщина с чаем и с сахаром направилась к столику у окошка и там расположилась. Она осторожно открыла защитную пленку на стакане, положила сахар, размешала трубочкой и сделала глоток. Затем принялась за чтение газеты.

Как раз, когда я с хлебом направилась к выходу, газета упала прямо мне под ноги. Я подняла и вернула ей.

— Спасибо, — с лёгкой улыбкой сказала женщина.

Я тоже улыбнулась. Женщине на вид было больше семидесяти, но сохранилась она очень хорошо: на лице ни морщинки, кожа белоснежная.

Тэн СЯОЛАНЬ автор пяти книг, лауреат премии Лу Синя за повесть “Прекрасные дни”. По её произведениям сняты фильмы “Детская сказка” и “Сапфировый перстень”.

Из-под клетчатого пальто выглядывал молочно-белый воротник свитера. Я заметила, что на безымянном пальце сверкало кольцо с бриллиантом.

Несколько дней спустя я снова повстречала эту пожилую женщину в пекарне “85°С”. Она по-прежнему с чашкой молочного чая сидела за столиком у окошка и читала газету. Лучи солнца после полудня падали на стол, их тёплый свет напоминал свежесваренный молочный чай. Очередь за хлебом была длинная, и я решила присесть.

Пожилая женщина подняла голову, и наши взгляды встретились.

— Сестрица, это снова ты.

— Здравствуйте.

Мы перекинулись парой фраз, внезапно она спросила:

— Недавно вышла замуж?

Я удивилась:

— Откуда вы знаете?

— От твоего тела исходит особый аромат, такой бывает только у новобрачных, его не скроешь.

Я покраснела. Не каждый день встретишь пожилого человека, который говорит в подобном тоне.

— Я вышла замуж в начале месяца.

— А, так значит у вас ещё медовый месяц?

Я улыбнулась.

Фамилия женщины была Чжугэ, а имя — Юй. Разумеется, я не спрашивала её имя — она сама представилась. Моя новая знакомая была человеком очень общительным. Она неожиданно пригласила меня в гости.

— Сестрица, мне кажется, мы с тобой хорошо сошлись.

Мы ведь были едва знакомы, парой слов только обмолвились. Я вежливо отказалась.

— У меня дела, давайте в следующий раз.

Было видно, что она расстроилась:

— Ну, в следующий раз — так в следующий раз.

Дома я принялась за изучение поваренной книги, дым шёл коромыслом, и ужин наконец-то был готов. Муж, придя после работы, как обычно нахваливал:

— Никогда не ел ничего вкуснее.

Это типичные слова влюблённых людей во время медового месяца. Кусочки мяса в густом остром соусе, которые по рецепту должны были быть мелкими кубиками, я нарезала крупно. Воды не хватало, некоторые кусочки остались полусырыми. Ещё я приготовила жареного караса с луком-пореем, но не почистила его, а бросила в масло прямо в чешуе.

— Непонятная стряпня, — заявила я.

— Ну и пусть, зато это стряпня в медовый месяц.

Я вдруг вспомнила слова тетушки Чжугэ и рассказала о встрече с ней.

— Пожилая женщина в одиночестве пьёт чай? Эх, всё ясно, — проворчал муж.

Я возразила ему:

— Разве женщины в возрасте не могут пить чай одни? Когда я состарюсь, не исключено, что тоже так буду делать.

— Не будет такого. Если соберёшься пить чай, то я составлю тебе компанию. Будем стариком и старушкой, которые пьют чай вместе.

Я подумала, что муж тетушки Чжугэ, скорее всего, умер. Действительно странно, что женщина в таком возрасте совсем одна идёт попить чаю. Возможно, у неё нет детей и внуков, потому что пожилым женщинам с внуками обычно не до этого.

Так совпало, что спустя пару дней я снова наткнулась на тетушку Чжугэ в супермаркете. Она выбирала бифштекс. Завидев меня, она тут же обратилась за советом:

— Лучше австралийский или японский бифштекс?

Я пробежалась глазами по ценам: японский был чуть дороже, предложила купить австралийский — на вид всё одно. Тётушка Чжугэ взяла бифштекс и прихватила бутылочку вина.

— Сестрица, приходи вечером на ужин, — сделала она снова предложение. — Я здесь неподалёку живу.

Я согласилась. Муж уехал в командировку, а я осталась дома одна, ужин был очень кстати. Напрягать людей, конечно, нехорошо, но судя по воодушевлению этой пожилой женщины, приглашала она от чистого сердца. К тому же, рост у меня метр шестьдесят девять, её рост и до метра шестидесяти не доходил, ещё и пожилой человек, так что поводов беспокоиться о безопасности не было.

— Хорошо, матушка*.

Слово “матушка” само слетело у меня с языка. Не знаю, как она отнеслась к этому обращению. Для женщины, которая ест бифштекс и запивает его вином, возможно, более приемлемо обращение “госпожа” или “мисс”.

Когда мы подошли к кассе, я обратила внимание, что расплатилась она кредиткой. Изящным почерком расписалась на квитанции и положила мясо с вином в бумажный экопакет.

— Пошли, сестрица.

Она неожиданно решила взять меня за руку. Я машинально её отдернула, и она провела рукой по воздуху. Мне стало страшно неловко, поэтому я сама взяла её под руку. Когда мы отправились, меня позабавила эта ситуация. Всё-таки впервые с совершенно незнакомым человеком так близко сошлись. Я почувствовала аромат её духов и лёгкий свежий запах стирального порошка.

Мы быстро добрались до дома. Жилой массив находился неподалёку от моего дома и состоял всего из пары зданий, с хорошим озеленением и обустройством. Её дом выходил фасадом на улицу. Квартира располагалась на самом верхнем этаже. Три спальни и две столовых. Она показала мне свою квартиру. Отделка была старой, но насыщенных цветов. Некоторые вещи были сделаны из красного дерева; антиквариат, расставленный на полках, имел особое обаяние старины, будь то письменные принадлежности или нефрит, инкрустированный золотом. Но одна вещица выделялась среди прочих — деревянная статуэтка изящной, танцующей в длинной юбке девушки. Фон тоже был вырезан из дерева и представлял собой ночное небо, усеянное яркими звёздами. Очень реалистично.

В доме на крыше находилась площадка, на которой соорудили светлую беседку, где росло множество растений. Точно маленький садик.

Она ушла готовить на кухню, а мне сказала расслабаться. Я уселась на диван и огляделась. Нигде не висело семейных фотографий. На балконе сушилось лишь несколько женских вещей. Не было и следа присутствия детей. Я окончательно убедилась, что она живёт здесь одна.

Прожарка бифштекса дошла до подходящей степени. Чилийское красное вино “Каберне Совиньон” 2004 года было очень ароматным и оставляло потёки на бокале.

— Сестрица, сколько тебе лет? — поинтересовалась тётюшка.

— Двадцать девять.

— Получается, ты вышла замуж довольно поздно, — задумчиво произнесла она.

Я улыбнулась. Нужно было как-то ответить на приглашение. Австралийский бифштекс — еда не дешёвая, да ещё и красное вино. В конце концов, мы совсем недавно познакомились с этой женщиной. Я не могла пригласить её к себе, но и есть задаром никуда не годилось.

— Матушка, — обратилась я, — есть ли у вас время в эти выходные? Хотите пойти посидеть в “Старбакс”?

Она с радостью согласилась.

Перед моим уходом она предложила подняться на крышу посидеть на площадке. Ночной ветер был прохладным, я накинула на плечи пальто и уселась в плетёное кресло. Подняв голову, я увидела усеянное звёздами небо. Каждая сверкала, словно самоцвет, и казалось, что стбит только протянуть

---

* Почтительное обращение к старшей по годам женщине.

руку, чтобы сорвать их с неба. Я впервые в городе любовалась таким очаровательным звёздным небом. Доносился свежий запах цветов. Атмосфера была чудесная.

— Вы часто сидите здесь вот так и любуетесь звёздным небом? — спросила я.

Похоже, что она погрузилась в свои мысли и, не моргая, смотрела наверх, не услышав моего вопроса. Спустя какое-то время, она вдруг спросила:

— Ты видишь, звёзды танцуют?

Я замерла.

— Ну, взгляни, звёзды двигаются — они танцуют, — вполне серьёзно заявила она.

Слышать подобные слова от пожилой женщины, действительно, непривычно. Она вдруг посмотрела на меня и снова спросила:

— Они танцуют, ты видишь?

Мне только и оставалось, что кивнуть.

Возвращаясь домой, я взглянула на небо. Звёзды были точно такие же, как и на площадке на крыше. Они танцуют? Я скорчила презрительную гримасу и прибавила шаг.

Субботу и воскресенье я провела на работе и совсем забыла о встрече в “Старбаксе”. Вспомнила я о ней только утром в понедельник. Меня как холодной водой окатили, я выскочила из тёплой постели:

— Ой!

Муж сказал, что я делаю из мухи слона.

— Всё равно ты её едва знаешь, ну, забыла и забыла.

После работы я специально отправилась в пекарню “85°С” и обошла её всю. Но тётюшку Чжугэ не обнаружила. Я почувствовала отчаяние. Было страшно стыдно. В конце концов, я нарушила уговор с пожилым человеком. Она, наверное, решила, что я просто легкомысленная девушка, как и большинство молодёжи, которая может запросто разбрасываться обещаниями.

В расстроенных чувствах я рухнула на стул. В этот момент кто-то из-за спины позвал меня:

— Сестрица!

Я повернула голову. Тётюшка Чжугэ с лучезарной улыбкой помахала мне рукой. Я тут же воспрянула духом и помахала ей в ответ:

— Матушка, здравствуйте!

Я объяснила ей, почему не пришла на встречу. Тётюшка Чжугэ махнула рукой:

— Пустяки, работа важнее. Да и чего хорошего в “Старбаксе”? Американские кофейни никуда не годятся, мне нравится “Манабэ кофе”. В японских поприятнее.

Я сразу предложила пойти в “Манабэ кофе”. Но она возразила:

— Мы всё время встречаемся здесь, зачем идти ещё куда-то? Тайваньский молочный чай тоже неплох.

Я ответила улыбкой, взяла с прилавка два чая с молоком и ростками пшеницы и прихватила два пакетика сахара. Мы нашли место у окна и сели.

В этот раз мы познакомились поближе. Тётюшка Чжугэ рассказала о своей семье. Как и следовало ожидать, её муж умер лет двадцать назад. Детей не было.

— Мой муж был архитектором, в этом городе много зданий, построенных по его проектам. Мы познакомились в средней школе, после окончания университета поженились. Был у нас ребёнок, но до пяти лет чуть-чуть не дожил.

Она говорила очень спокойным тоном, даже когда речь зашла о смерти ребёнка, не дала волю чувствам, будто говорила не о себе самой, а о постороннем человеке. Настало время и мне представиться, я вкратце рассказала: окончила факультет журналистики, работала в редакции, с мужем мы были сокурсниками в университете, после восьми лет романтических отношений в прошлом году купили квартиру, обустроились и поженились.

— Собираетесь заводить детей? — поинтересовалась она.

— Посмотрим.

Мы проболтали больше получаса, я встала, чтобы попрощаться. Тётушка спросила:

— Так скоро уходишь? Ну, ладно, до следующего раза.

Первой моей реакцией на эти слова было: “Какого следующего раза?” Но я не проронила ни слова, а только посмеялась. Я не из тех, кто любит заводить разговоры с незнакомцами, в этот раз и так сделала исключение. Нам не следовало больше видеться. Каждый идёт своей дорогой, я это знаю не понаслышке. Как две прямых линии, которые однажды пересеклись, не должны потом пересечься снова.

Ежедневное приготовление ужина в течение двух месяцев привело меня в ярость.

— Нахваливать бесполезно, с меня хватит, — налетела я на мужа. — Такую гадость ты превозносишь до небес, это всё объясняет — ты лжец. Каждый день приходишь на все готовое. Считаешь, что это нормально? Если бы я не вышла из себя, ты бы так всю жизнь заставлял меня готовить?

Муж не ожидал такого поворота. Будь на моём месте другая, всё началось бы с ворчания как промежуточного этапа. Но это не для меня. Я не люблю бродить вокруг да около. Как говорят, вчера была почитительная супруга, а сегодня — ревнивая жена. Срок моего терпения истёк ровно после двух месяцев, ни больше ни меньше. Как японский товар, к которому в течение гарантийного срока не придерёшься, а по истечению — разваливается на части.

Он хотел подмазаться ко мне:

— Дорогая... — произнёс он и хотел было взять меня за плечи.

Но я увернулась:

— Завтра ужин готовишь ты, о'кей?

Он согласился.

— Вот и славно, — сказала я, взяла столовые приборы и ушла мыть их на кухню.

— Тот, кто готовит, тот и моет посуду, начатое дело доводи до конца. С завтрашнего дня — с понедельника по пятницу — мы по очереди готовим, за исключением непредвиденных обстоятельств. Следовать этому неукоснительно. В выходные, если не поедем к родителям, готовить буду я. Если у тебя нет претензий, то будь добр, распишись на том листке, — протараторила я, указывая на лист А4, лежащий на столе.

Муж недоверчиво поплёлся к столу:

— Жаль, что ты не работаешь генсекретарём в Госсовете — умеешь серьёзно подходить к делу, — сказал он, расписываясь на листе.

Но держать обстановку накалённой слишком долго я не могу, вскоре выражение моего лица смягчилось:

— Иди пока посмотреть телевизор, а я порежу тебе яблоко.

Муж предложил посмотреть фильм. На следующий день надо было идти на работу, поэтому я отказалась. Я помыла посуду и легла спать. Муж был очень ласковый. В тот вечер он проявлял особую заботу обо мне, но с неким оттенком заискивания. Я не поддавалась. Мужчина в стрессовой ситуации морально устойчивей, чем женщина. Окно не занавесили плотно, от нескольких мерцающих звёзд просачивался свет. Я вспомнила тётушку Чжугэ, как мы с ней любовались звёздами с площадки на крыше, а не через узенькую щёлку, как сейчас. Небо казалось так близко, будто, кроме человека, между землёй и космосом ничего нет, звёзды прямо над головой. Если бы так было на самом деле, то тётушка Чжугэ действительно увидела бы, что звёзды танцуют. Одинокий человек без мужа и детей. Её сердце, словно светлая беседа, сделано из стекла: хрупкая, изысканная тётушка.

Муж по телефону сообщил, что собирается пойти в пекарню “85°С” поест ароматные пельмени с чесноком. Он хотел было после работы зайти на рынок, но у него совсем не было времени, поэтому просил меня сходить вместо него.

В пекарне “85°С” взгляд тут же упал на тетюшку Чжугэ, сидящую у окна. Воспользовавшись суматохой, я затесалась в толпу, чтобы исчезнуть из её

поля зрения. Официант не торопился упаковывать продукты и принимать оплату. Очередь не убавлялась. Кто-то начал нервничать. Все вокруг суетились.

Тётушка Чжугэ читала газету с идеально ровной спиной, её тело находилось под прямым углом к столу. В шанхайском диалекте есть фраза, обозначающая “человек с благородными манерами”. Действительно, она была пожилой женщиной, которая очень следила за осанкой и поведением. Я заплатила и направилась к выходу. Одна пожилая женщина в серой одежде очень стремительно залетела в кафе и натолкнулась на меня. Я ахнула от неожиданности, но она не остановилась, а напрямик направилась к тётушке Чжугэ.

После этого последовала картина, напоминающая кадр из фильма.

Она взяла со стола молочный чай и вылила на голову тётушке Чжугэ.

— Ах, ты, старая дрянь! — заскрежетав зубами, выругалась она.

Всё произошло так внезапно, что люди вокруг замерли от удивления.

Жёлто-коричневая жидкость стекала с головы тётушки Чжугэ. Капля за каплей. Она ещё не пришла в себя и в замешательстве смотрела на стоящего перед ней человека. Виновница беспорядка явно не получила полного удовлетворения и отвесила пощечину:

— Старая соблазнительница!

Вид у прикрывающей мокрое лицо тётушки Чжугэ оставлял желать лучшего, но в голосе она сохраняла спокойствие:

— Вы кто?

— Ни мужа, ни детей, так тебе и надо, старая чертовка, — всё бранилась пожилая женщина.

В это время в пекарню зашёл старик и, не проронив ни слова, взял под руку старуху и направился в сторону выхода.

— Грешил я в прошлой жизни, вот и досталась мне ты вместо этой тётушки, — ворчал старик и тащил за собой старушку. Она хотела высвободиться, но муж крепко держал её за предплечье и, смущённый, вёл её на улицу. Понурился, он обратился к тётушке Чжугэ:

— Простите, неловко вышло...

Пожилая пара быстро покинула пекарню. Осталась тётушка Чжугэ. Люди вокруг в большинстве своём поняли всю суть этой комедии. Необычным казался лишь преклонный возраст героини. Словно сцена ревности, когда жена нападает на любовницу, разыгранная пожилыми людьми.

Тётушка Чжугэ достала бумажные салфетки и вытерла лицо. Одежда тоже немного намочилась. Она вытиралась размеренными, изящными движениями, сохраняя достойный вид. Затем достала из сумочки расчёску и пригладила выбившиеся волосы. На пальце поблёскивало кольцо с бриллиантом.

Через несколько минут она встала, поправила одежду и направилась к выходу.

Толпа свидетелей этой сцены проводила её взглядом. После чего всё быстро вернулось на прежний лад. Каждый занялся своим делом. Этот эпизод хоть и выделялся из обычной картины повседневной жизни, но всё же был слишком незначительным. Вскоре все о нём забыли.

Солнце клонилось к западу, и сгущались сумерки. Я следовала позади тётушки Чжугэ. Она шла очень медленно, будто обдумывая что-то. Дойдя до дерева, она остановилась и облокотилась на ствол. Я держала дистанцию и следила за ней.

Не знаю — почему, но глядя на неё со спины, я испытывала невыносимую жалость. Мало кто в состоянии стерпеть подобную обиду, тем более в таком возрасте. Испытывая чувство вины, будто гонимая невидимой силой, я шагнула вперёд.

— Матушка, здравствуйте! — я приложила все силы, чтобы голос мой казался как можно более непринуждённым. — Как хорошо, что я вас встретила.

Я пыталась найти слова, чтобы поднять ей настроение, но краем глаза увидела на своём пакете надпись “85 °C” и замялась. Мне стало неловко. Тётушка Чжугэ обо всём догадалась и с улыбкой сказала:

— Та женщина младше меня лет на семь-восемь, а так и не скажешь.

До меня не сразу дошло, что тётушка Чжугэ имела в виду внешний вид той пожилой женщины, которая, очевидно, не так тщательно ухаживала за собой. Если её заботит только это, то она и впрямь странный человек.

— Да уж, — подхватила я, — на первый взгляд, она вас минимум лет на пять старше.

Тётушка Чжугэ рассказала мне, что тот старичок — её партнёр по танцам. Каждый день вечером на площади перед супермаркетом “Карфур” они танцуют балльные танцы.

— Мы просто тренируемся, много пожилых людей вместе танцуют — это же здорово. Не понимаю, что нашло на эту женщину, столько глупостей наговорила.

Она спокойно рассуждала и, похоже, совершенно не держала зла, что ещё больше меня поразило.

— Старушка просто завидует, — поддержала я.

Она вздохнула и пожаловалась:

— У Лао Ма отличное чувство ритма, столько вместе танцевали, уже понимали друг друга без слов, так жаль.

Оказалось, что они записались на соревнования по танцам среди пожилых людей.

— Но ничего не выйдет, — она снова тяжело вздохнула.

Я стала её успокаивать:

— В этом году не получится попасть на соревнования — в следующем попадёте. Сейчас побыстрее найдите партнёра, потренируйтесь, времени ещё вагон.

Мы шли и болтали. Она спросила:

— Умеешь танцевать?

Я покачала головой.

— У танцующих женщин есть одно преимущество: они сохраняют стройную фигуру и могут стать ещё краше.

— И как же стать красивее?

— Рука мужчины должна вот так лежать на твоём плече, — она положила руку мне на плечо и продолжала говорить, будто декламируя стихи, — тело должно быть лёгким, подвижным и слегка расслабленным, в каждом движении должно чувствоваться женское обаяние, изящество, возвышенность, как будто ты хочешь показать себя его взору с наилучшей стороны...

Улыбка не сходила с моего лица, я не воспринимала всё это всерьёз. Я сочувствовала той подряхлевшей старушке — а что ей оставалось? Возможно, я даже была на её стороне, потому что в свои неполные тридцать лет мне тоже было не по себе перед такой женщиной. Тётушка, должно быть, всего на несколько лет младше моей бабушки, которая, наверное, кроме плеч дедушки, никаких других мужских плеч не касалась. Да ещё и эта скандальная старушка, размахивающая руками, грубая и невоспитанная, с огромными мешками под глазами. Всё-таки женщина женщине рознь.

— Женщина-обольстительница, — заключил мой муж. — Если бы её супруг был жив, хлебнул бы он горя.

— Разве мужчинам не нравятся такие женщины? — шутя, спросила я.

Он промолчал.

Неделю спустя я снова задала этот вопрос. В этот раз я была вполне серьёзна, хотя и обратила вопрос в шутку. В компании организовали банкет, по пути в туалет из-за угла я увидела мужа, сидящего рядом с какой-то красоткой, со стороны их отношения выглядели довольно близкими. Я вернулась на своё место и позвонила мужу. На вопрос, где он сейчас находится, он ответил, что работает.

— Мужчинам нравятся обольстительные женщины? — лёжа на кровати, задала я ему вопрос, без каких-либо намёков, как добродетельная супруга.

Он промолчал.

Всю ночь я глаз не сомкнула. Утром, не позавтракав, я тут же ушла на работу. У меня разболелась голова. Днём стало невыносимо, поэтому я

отпросилась у начальника. Дома я повязала голову и легла спать, до вечера я забылась беспробудным сном. В пять с лишним часов взяла телефон и увидела сообщение от мужа: “На ужин хорошо бы тушёное мясо в соевом соусе, пожалуйста”.

Я усмехнулась. Спустилась и в ближайшем кафе заказала комплексный обед. Ела его нарочно очень медленно, люди вокруг сменялись, а я всё сидела. Две краснощекие официантки неотрывно смотрели на меня, будто опасаясь, что я сбегу, не заплатив. Телефон разрывался от сообщений и звонков, но я этого не замечала.

Ночью в одиннадцать часов я шла по тихой улице. Пешеходов было мало, лишь изредка проедет велосипедист. Свет от фонарей мигал, отбрасывая то далёкие, то близкие тени, будто подпрыгивая на скакалке. Вдруг я почувствовала себя ужасно глупо. Я бродила, как блуждающая душа, покинувшая тело, которая не может вымолвить ни слова. Сама же создаю себе неприятности. Стало страшно досадно.

Люди в особенной ситуации способны на непредсказуемые поступки. Как будто в пьяном забытии, совершенно себя не контролируя, я прислушивалась только к подсознанию. Оно всё-таки подсказывало мне разумные мысли: идти домой к родителям не стоит, чтобы не заставлять их волноваться. Родители мужа тоже не помогут — обстановка только накалится ещё сильнее. У всех друзей свои семьи, заботы — выставлю себя на посмешище.

Спустя несколько минут я подошла к дому тётушки Чжугэ, позвонила в дверь. В микрофоне раздался голос:

— Кто там?

— Это я, матушка.

Когда я вышла из лифта, тётушка Чжугэ встретила меня. Было видно, что она очень рада. В эту отвратительную ночь видеть, что кто-то мне так рад, было настоящим утешением. В носу у меня засвербело, слёзы, когда сдерживать их уже было невозможно, хлынули из глаз. Я закрыла лицо руками.

Тётушка Чжугэ завела меня в квартиру. Заварила чашку чая пуэр.

— Так холодно сегодня, — она взяла чашку и подала мне, — держи.

Я напрямую рассказала ей о всей ситуации с мужем. Столь поздний визит требовал каких-то разъяснений. Тётушка Чжугэ встала и предложила мне сладости:

— Угощайся.

— Матушка, так неловко...

— Что здесь такого? Ты пришла ко мне, а я так счастлива почему-то, — она улыбнулась.

Тёплая чашка согревала руки, даже на сердце будто стало теплее. Лёгкий аромат пуэра распространился вокруг, обволакивая лицо. Тётушка Чжугэ взглянула на меня и спросила:

— Тебе он нравится?

Я задумалась и с нежным чувством кивнула.

Она снова села и внезапно посоветовала мне возвратиться домой.

— Я тебя ни в коем случае не прогоняю, сестрица, но ты вернись домой и сделай вид, что ничего не было. Женщины не то, что мужчины, они крепко держатся за своё, но иногда ослабляют хватку. Слёзы могут быть только в глубине души, а на лице должна сиять улыбка, лучезарная улыбка. Только так получишь удержать своё мёртвой хваткой и улыбаться до последнего. Подумай об этом.

Я задумалась над её словами. Вроде всё так просто, но в сказанном определённо заключён глубокий смысл.

Я сидела озадаченная. Тётушка Чжугэ поинтересовалась, хочу ли я поучиться танцевать. Я оторопела, но в итоге согласилась.

— Тогда ты сейчас возвращайся домой, а в пятницу вечером приходи сюда, буду тебя учить.

Дома муж лежал на диване и смотрел телевизор. Спросил, где я была, почему на звонки не отвечала. Я сообщила, что перевела телефон в беззвучный режим и не слышала звонка, вечером встретила с человеком, с которым

вместе учились, пошли поужинать. Он стал интересоваться, что за человек, мужчина или женщина. Я нарочно ответила, что мужчина. Он промолчал. Я вспомнила слова тётушки Чжугэ: женщины крепко держатся за своё, но иногда ослабляют хватку. Я сделала три глубоких вдоха и подавила вырывающийся поток слов и обиду. Пошла принять душ, взглянула в зеркало на складки на животе и едва заметные, только если приглядеться, морщинки в уголках глаз.

Перед сном я сделала пятьдесят раз подъёмы корпуса, чтобы покачать пресс. На лицо наложила маску с коллагеном за сто с лишним юаней за штуку. Долго её не использовала, и срок годности вот-вот бы истёк. Муж долго молча смотрел на меня, а потом выдал:

— Сразу видно, что одиозная — женщина, вон как засуетилась...

В выходные я пошла танцевать с тётушкой Чжугэ. Она учила меня танцевать румбу, сказала, что из-за сидячей работы у меня проблемы с шейным и поясничным отделами позвоночника, поэтому этот танец лучше всего подходит, чтобы их размять. После нескольких самых простых движений она отметила, что у меня хорошее чувство ритма и схватываю я на лету. Она хотела, чтобы я расслабила тело и душевно успокоилась.

— Ни о чём не думай, отпусти все мысли во время танца. Настройся на то, что ты самая красивая, никто с тобой не сравнится.

Её голос действовал на меня гипнотически, и через мгновение я и впрямь перестала о чём-либо думать. В ушах звучала только музыка, ноги двигались в такт, а душу наполняла вера в себя. Тётушка Чжугэ была отличным учителем, терпеливым, она не щадила своих сил. По правде говоря, я понимала, что ничего из себя не представляю, ну, какое чувство ритма? В университете я несколько раз пыталась участвовать в конкурсах по танцам, но всё безуспешно. Моё тело, как бревно, совсем не пластичное. Муж часто говорил, что мне не хватает женственности: всегда говоришь всё, что думаешь, не умеешь наряжаться, даже в постели всё так предсказуемо, будто старый монах рассказывает молодому сказку: только открыл книгу, а уже знаешь конец, который сто лет не меняется, так не интересно.

Тётушка Чжугэ быстро нашла себе нового партнёра, им стал шестидесятилетний дедушка из Нинбо. По вечерам они с ним кружились в танце на площади. Музыка раздавалась на всю округу. Я впервые увидела, как в этом месте много пожилых людей вместе танцуют. И хотя не каждое движение выходило удачно, у некоторых людей талии были слишком широкие, руки непластичные, в такт попадали далеко не все. Но когда я глядела на них, у меня не возникало сомнений, что эти люди ушли в танец с головой. Как и говорила тётушка Чжугэ, каждый человек ощущал себя самым красивым, и не важно, был ли то мужчина или женщина, высокий он был или низкий, полный или худой, богатый или бедный, — на танцевальной площадке он проживал новую яркую жизнь. Я много раз проходила мимо этой площади, но никогда не останавливалась, чтобы понаблюдать за ними. Это поистине притягательное место.

Мы допили бутылку чилийского “Каберне Совиньон”, и я снова пришла на крышу дома тётушки Чжугэ, чтобы расположиться в плетёном кресле и насладиться видом звёздного неба над головой.

Такая красота отнюдь не вызывает чувства страха и трепета. Красивые вещи не всегда отталкивающе-холодны. Родное, милое сердцу звёздное небо. Звёзды, словно озорные мальчишки, то и дело подмигивали мне. Оказывается, небо движется, будто лоскут струящегося чёрного шёлка, на котором можно разглядеть мельчайшие узоры.

Тётушка Чжугэ захотела потанцевать со мной. Она и я, пожилая женщина и молодая, настукивая друг другу ритм, станцевали подряд несколько танцев. Мои ноги постоянно наступали на её туфли. “Простите”, — говорила я снова и снова, а улыбка на моём лице становилась всё лучезарней. В такой вечер всё, что скопилось на душе, готово было выйти наружу. Я не испытывала ничего подобного раньше.

— Посмотри, звёзды танцуют, — сказала тётушка Чжугэ.

Я запрокинула голову и глянула на небо: действительно, звёзды двигались. И не просто двигались, а подчинялись определённому ритму: назад-вперёд, назад-вперёд, ещё раз вперёд, поворот — и, правда, танцевали. Я прищурилась, сложила руки козырьком, чтобы разглядеть получше.

— Ты же на звёзды смотришь, а не на солнце, — посмеялась надо мной тётушка Чжугэ.

В тот вечер я осталась ночевать у тётушки Чжугэ. Мужу я сообщила, что поехала в Ханчжоу прогуляться с бывшими одногруппниками. В голосе мужа при телефонном разговоре чувствовалось недоверие, я ограничилась лишь простым “пока” и равнодушно повесила трубку.

Тётушка Чжугэ дала мне посмотреть старые фотографии. На фото была она с мужем. Было фото и её сына в возрасте примерно трёх лет. Её муж от природы обладал безупречной внешностью с правильными чертами лица — с первого взгляда можно было разглядеть в нём интеллектуала. Сын у неё был с пухленькими щечками, как у Хао Шаовэня из “Улунъюань”*, очень хорошенький.

— Скучаете по ним? — спросила я ни с того ни с сего. Алкоголь затуманил моё сознание.

Тётушка Чжугэ ничего не ответила. Спустя какое-то время она заговорила:

— Как же давно это было...

— Почему вы ещё одного ребёнка не родили?

Она улыбнулась:

— Если и родить ещё одного, предыдущего ведь всё равно не вернёшь.

Мне казалось, что она не права, но сразу придумать доводы, чтобы возразить ей, я не смогла. Постепенно меня начал одолевать сон, я повернулась на бок и тут же погрузилась в мир сновидений. В тот вечер мне снилось, что я танцую без передышки и нахожусь в каком-то неведомом месте, где всё вокруг имеет неясные очертания, различить которые почти невозможно. Мало-помалу в мой сон начал проникать свет — над головой всё небо было усеяно звёздами. Я танцевала под звёздным небом.

— Сестрица, — во сне со мной кто-то разговаривал, голос принадлежал тётушке Чжугэ, мягкий и нежный, — ты танцуешь прекрасно, очень красиво!

Улыбка не сходила с моего лица. Я увлечённо и безостановочно кружилась в танце. На следующий день тётушка Чжугэ подарила мне на прощанье ту деревянную танцующую девушку.

— Она называется “Девушка, танцующая под звёздным небом”, я купила её несколько лет назад в Гонконге. Дарю её тебе. Сестрица, мне всё кажется, что мы с тобой нашли общий язык.

Меня послали в командировку на полгода в Гуанчжоу. Когда я вернулась, тётушка Чжугэ будто куда-то переехала. Я пошла к ней домой и позвонила в дверь, но никто не ответил. В пекарне “85°C” она не появлялась. Спросила официантку, та тоже давно её не видела.

Я поначалу расстроилась, но вскоре о ней позабыла. Она была просто гостем на этой земле. Ни родных, ни близких, даже если бы после неё остался какой-то след, то он бы всё равно с течением времени исчез.

Вскоре я забеременела и через девять месяцев родила дочку. Она переняла лучшие качества мои и мужа и была очень хорошенькой. После декретного отпуска мне удалось вернуться на прежнее место работы. У мужа работа продвигалась, он стал начальником отдела кредитования. Должность невысокая, но в его возрасте сложно достижимая.

Когда дочке исполнился год, мы переехали в новую квартиру, первый взнос заплатили после продажи квартиры и взяли в кредит ещё пятьсот тысяч. Платить ежемесячный взнос было сложно, но мы справлялись. Мы радовались, что купили квартиру до скачка цен, это было всё равно, что найти

---

* Фильм 1994 года о трёх учениках из старого буддийского храма Улунъюань, которые вступают в состязание на смекалку и смелость с демоном небес (буд.). Одну из главных ролей сыграл тайваньский четырёхлетний актёр Хао Шаовэнь.

на дороге пачку денег. Дизайном занимался мой знакомый, он применил всю свою фантазию, особенно в использовании света, да и в целом стиль квартиры получился интересным. Родственники с обеих сторон приходили в гости, и все оставались довольны. Для людей в нашем возрасте купить квартиру в Шанхае на собственные средства — это уже повод для зависти.

Когда дочке было три года, умерла моя бабушка, которая жила в пригороде. Хоронили на кладбище в Цзядине*. В день похорон все члены семьи разошлись, а я с дочкой на руках подошла к могиле и три раза поклонилась. Бабушка меня вырастила, в детстве я любила сидеть у неё на руках и ощупывать её двойной подбородок. У неё было полное лицо и добрая улыбка. Её изображение стояло рядом с фото дедушки, который давно умер. Имя бабушки сначала написали красным цветом, а потом снова вывели чёрным.

Муж с интересом смотрел на соседние надгробия, где были написаны странные имена, типа “Асань”*** или “Саньмао”****, и он подозвал меня взглянуть. Мама притянула меня за одежду и сказала: и когда он уже перестанет вести себя, как ребёнок? Я улыбнулась.

Вдруг три иероглифа в первом ряду надгробий бросились мне в глаза: Чжугэ Юй. Я оторопела, шагнула вперед и увидела фотографию тётушки. Её похоронили вместе с мужем и сыном. Семья из трёх человек. Фамилия её мужа Су, на фото изображён человек пятидесяти с лишним лет. По сравнению с тётушкой на фото он выглядел значительно моложе.

Рядом с изображениями были даты жизни — она умерла два года назад.

Перед могилой стояла молодая женщина со свежими цветами в руках. Она чем-то походила на тётушку Чжугэ. Я немного поколебалась, затем поприветствовала её и представилась соседкой тётушки Чжугэ. Она недоверчиво посмотрела на меня. Я упомянула, что тётушка любила пить молочный чай, и сказала про статуэтку девушки, танцующей под звёздным небом. Тогда она мне поверила. Оказалось, что она племянница тётушки Чжугэ.

Я спросила, что случилось с тётушкой. Она ответила, что тётушка страдала от рака желудка шесть лет, и болезнь взяла верх.

Эта новость сразу поразила меня, немного позже я начала понимающе кивать. Получается, в дни нашего знакомства, она уже испытывала страдания. Глядя на эту женщину, разве можно было сказать, что она мучается от болезни. Такой открытый человек. Она была похожа на настоящую фею, когда танцевала. Она всегда говорила, что нас с ней свела судьба: “Мы с тобой сошлись”. Какая же милая тётушка в эту минуту спит под землёй вечным сном!

Неподалёку муж с дочкой на руках посмеивался надо мной. Он согласился пойти с ней в “Макдоналдс”, и она от волнения раскраснелась. Я хотела было привлечь его внимание, но мгновение спустя подумала, что дома сейчас свои проблемы, и пошла за ними.

Я снова обернулась и взглянула на надгробие, меня охватило щемящее чувство: если бы не тётушка Чжугэ, если бы не муж, который был рядом со мной, не было бы дочки. Тётушка права: действительно, надо ослабить хватку, чтобы зацепить ещё больше и держать ещё крепче. Поначалу больно, невыносимо тяжело, но постепенно всё сходит на нет, будто ничего и не было. Муж как-то мне признался, что была у них когда-то клиентка, которая проявляла к нему симпатию, “такая обворожительная, что аж противно”. Я не выясняла, та ли это девушка, что повстречалась мне на банкете. Прошло столько времени, и разбираться уже не хотелось. Я видела, что муж со мной окровавлен, и мне стало гораздо легче.

Каждую неделю один раз я ходила на йогу, два раза в месяц делала косметические процедуры. За последние два года я стала выглядеть значительно моложе. Складки на животе ушли, фигура выглядела, как у молодой девушки, лицо посвежело. В солнечную погоду после полудня я могла в одиночестве прогуляться и выпить чашечку кофе. В “Старбакс”, “Манабэ кофе” или же в пекарню “85°C”.

* Цзядин — промышленный район в г. Шанхай.

** Диалектное “индус”.

*** Прозвище “Короткая стрижка”.

Иногда я танцевала. Ночью под звёздным небом я одна кружилась на площадке. В такие моменты я говорила себе: всё в мире не важно, лишь ты одна достойна внимания.

На обратной стороне надгробия внизу я увидела выгравированные мелкие иероглифы: “Горячо любя этого мужчину и этого ребёнка, ради них, я выбрала жизнь в мире земном. Выбрала жизнь ещё более свободную и прекрасную”.

Я села в машину, дочка лежала на руках у мужа, а он оперся на моё плечо — оба спали.

Я прислонилась к стеклу машины. Мягкие солнечные лучи усыпляли. Мгновение, и я тоже заснула. Мне приснился сон, в котором порхала в танце девушка под звёздным небом, лицо в тусклом свете было не разглядеть, только мелькала изящная фигура, кружилась длинная юбка. Её чудесным по красоте движениям была чужда брэнность этого мира. Круг за кругом она приземлялась на носочки...

*Перевод с китайского
Марии Ефремовой*

ЛИНЬ СЮЙЕ

СУЭЦКИЙ КАНАЛ

Клинок — им был Египет разделён,
Востоку — часть, и Западу — другая,
От Африки отрезанный Синай —
У Азии.

За тот клинок
Без отдыха и сна идёт борьба.
Без отдыха и сна из-за борьбы
Рекою льётся кровь.

Мне кажется,
Канал Суэцкий,
Должно быть, — это просто нить, которой
Защита прорезь на лице Земли.

А если так, то пять материков не делят больше Землю,
Моря не разделяют впредь сердца,
И корабли, идущие по рекам, —
Всего лишь только времени стежки.

Перевод с китайского Александры Храмцовой

ЛИНЬ СЮЙЕ, представитель поколения 60-х, доктор ветеринарных наук, менеджер на предприятии. Проживает в Гуанчжоу. Автор поэтического сборника "Журавля выпускаю с горы Гушань".

ЛИНЬ ФУНА

НАЧАЛО ОСЕНИ

Началась эта осень с течения времени вспять,
С дрожи волн на реке, с нарастания трепета в сердце,
С птичьих посвистов, словно звучащих внутри.

След луны над рекой между светом и тьмою мятётся,
Я же губы сжимаю, боясь, что, лишь стоит раскрыть,
Как, залившись стыдливым румянцем, луна упадёт
От смущенья, что вдруг подсмотрела сердечную тайну.

На изломе сезона
Листья тонут в неизъяснимом немом трепетании,
Меня за руку осень ведёт в необъятную зрелость.

Круг за кругом, глубоких годичных колец красота
Разбегается рябью. Здесь я в осень уйду с головой,
В листопад поздних дней окунусь. Чутко буду внимать
Старомодным обычаям, шороху жизни кипящей.

Перевод с китайского Александры Храмовой

Линь Фуна — поэт, критик, автор многих стихотворных сборников, а также теоретических работ и прозаических произведений. В среде критиков её называют одной из лучших поэтесс “поколения 70-х”. Её произведения вошли в сборники избранных сочинений как в Китае, так и за рубежом, а также были включены в программу государственных вступительных экзаменов в вузы и в телевизионную передачу “Поэты и прозаики и их лучшие произведения”. Лауреат Первой международной премии в области новаторской литературы в номинации “Литературная критика”, литературной премии провинции Гуандун в номинации “Поэзия” и обладатель множества других наград. Член комитета по поэтическому творчеству Союза писателей провинции Гуандун.

ФУ ЮЭХУЭЙ

ЗООПАРК

РАССКАЗ

Райончик, где снимал квартиру Гу Линчжоу, находился прямо рядом с зоопарком. “Я сосед льву и тигру”, — часто говорил он, представляясь. Произнося эти слова, он напускал на лицо шутовское и немного безнадёжное выражение, а потом, в тот миг, когда его собеседник замирал в недоумении, раздражался смехом и с довольным видом пояснял:

— Я живу рядом с зоопарком.

Тут уже смеялись оба. Казалось, что собеседники, смеясь, становились чуть менее чужими. По прошествии времени уже все друзья знали, что Гу Линчжоу живёт рядом с зоопарком, по соседству с львом и тигром. Из-за этого коллеги иногда подтрунивали над ним. Взять, к примеру, рабочие моменты. Когда мнения сторон не сходились, сослуживец мог сказать:

— Ах! Да куда же мне с тобой не согласиться! Лев и тигр мне не соседи.

И тогда Гу Линчжоу не противился и, смеясь, отвечал:

— Хватит, хватит! Ладно уж, сделаем по-твоему.

Как будто из-за того, что у него такие непростые соседи, нужно проявлять капельку снисходительности.

Лишь один раз такое его представление не достигло желаемого результата.

В тот день Гу Линчжоу, сменив раз ветку метро, наконец-то достиг условленного места, опоздав однако же на целых полчаса. Он огляделся и в очереди у киоска заметил женщину, одетую в фиолетово-красную полосатую рубашку с длинным рукавом, длинную чёрную юбку и туфли на высоком каблуке.

Фу ЮЭХУЭЙ родился в 1984 году в горной деревушке в юго-западной провинции Юньнань, окончил престижный Фуданьский университет. Автор семи сборников рассказов и повестей, редактор журнала “Шанхайская литература”.

Гу с первого взгляда понял, что это она. Мужчина направился к ней, тяжело дыша, и сказал:

— Ай... извини, не ожидал, что так задержусь в метро.

Женщина стояла спиной к нему, быстро перебирая носки на прилавке, на её лице читалось лёгкое нетерпение. Спустя мгновение она повернула голову и искоса глянула на Гу.

— Ты, верно, и есть Гу Линчжоу?

Гу Линчжоу немного испугался. Эта женщина была красивее, чем он себе представлял, да ещё и с какой-то яростью во взгляде, прошедшемся по его лицу, словно маленький холодный нож. Смахнув с лица пот тыльной стороной ладони, он слабо улыбнулся:

— Виноват, это наша первая встреча, а я уже опоздал... Ты, должно быть, Юй Ли?

В эту минуту Гу Линчжоу подумал, что они и вправду совсем чужие люди.

Девушка слегка хмыкнула в ответ, искоса взглянула на него и вновь принялась перебирать носки. Некоторые цвета были слишком резкие: ярко-красный, ярко-зелёный, ярко-фиолетовый... Словно взрыв разноцветных масляных красок. Глядя на них, Гу Линчжоу подумал: кто же такое купит? А Юй Ли меж тем уже выбрала три пары и спрашивала торговца о цене:

— Десять юаней две пары.

Юй Ли закатила глаза:

— Три за десять. Или я ухожу.

И с этими словами положила выбранные носки обратно на прилавок. Торговец остолбенел на миг и согласился:

— Бери три пары.

Юй Ли тут же вернулась, расплываясь в улыбке торговцу. Лавочник, заворачивал покупку в пластиковый пакет и бормотал:

— Если каждый день у меня будут такие покупатели, как ты, я по миру пойду.

Юй Ли очаровательно улыбнулась:

— Если каждый день у вас не будет отбоя от клиентов, не будет ли вам тайной радости?

Юй Ли положила носки в небольшую бордовую сумочку, которую держала в руках, прошла несколько шагов вдоль обочины и поднялась на мост. Гу Линчжоу поднимался вслед за ней. Чёрная юбка качалась перед его глазами, словно огромный чёрный цветок энкиантуса*, и он ощущал, что точно так же покачивается его сердце.

Где-то на середине моста дрожащее сердце успокоилось. Юй Ли обернулась, поколебалась, и в её взгляде замерцал огонёк, подобный пламени свечи на ветру.

— Эй... Ты так ничего и не скажешь? Куда мы идём?

— Я думал, ты знаешь, куда идти.

— Если бы я знала, разве я стала бы спрашивать у тебя? — спросила Юй Ли и, опустив глаза, пробормотала:

— И как ты только так свидания назначаешь?

Гу Линчжоу стало неловко, и он раздосадовано выпалил:

— Я и вправду не знаю, куда идти.

— М-да...

Юй Ли вздохнула. Висевшая на её руке сумочка качалась и ударялась о бедро.

Небо потихоньку стемнело, зажглись огни. Сначала — уличные фонари, потом — рекламные щиты и вывески, окна и двери; неон, обрамляющий стены, очертил силуэты высоток. Темноту, похожую на густую липкую патоку, понемногу разбавлял разливающийся свет, и, наконец, осталось только немного дыхания темноты, клубившейся где-то в поле зрения. Они смотрели на этот свет, а этот свет смотрел им в лица.

Гу Линчжоу искал подходящие для разговора темы.

---

* Кустарник с колокольчатыми цветами.

— Мы с львом и тигром — соседи, — Гу Линчжоу решил прибегнуть к своей идеально выверенной тактике.

Юй Ли разговора не поддержала и по-прежнему шла, задумчиво глядя в огонь, ярко озарившие её лицо. На белых щеках девушки была пара неярких веснушек, похожих на слёзы.

— На самом деле, я живу рядом с зоопарком, — Гу Линчжоу сказал это сам себе.

Его речь звучала весьма скучно. В душу закралось сомнение: если бы он не пришёл, мог бы спокойной сидеть дома. И сразу же в мыслях он перенёсся в свою маленькую квартирку.

— Пойдём к тебе домой!

Юй Ли вдруг повернулась, в её глазах поблёскивал свет фонарей. Гу Линчжоу снова испугался, как будто раскрылась какая-то его тайна. Он невольно покраснел.

Когда они вошли в метро, Гу Линчжоу обернулся и схватил Юй Ли за руку.

И только в этот момент он догадался, что с момента их встречи он хотел взять её за руку. Эта мысль в его голове качалась, словно цветочные фонарики. Она повернула голову, вскользя окинула его взглядом, уголки её рта дрогнули, и она доверила ему свою руку. В метро уже кончился час пик, и пара быстро нашла два свободных места. Усевшись, Гу Линчжоу воспользовался моментом и приобнял её за талию. Её рубашка была коротковата, оголилась узкая полоска белой кожи. Гу Линчжоу положил руку повыше для удобства, перебирая пальцами. Юй Ли повернулась к нему и сказала:

— Люди смотрят.

Он тихонько усмехнулся и ответил:

— Ну, и пусть смотрят.

Больше никто не говорил ни слова.

Они были знакомы уже больше года, однако в этот момент почувствовали себя так, будто и не были знакомы. Они были земляками, Гу Линчжоу работал в издательстве художественным редактором, Юй Ли была учителем рисования в пригородной начальной школе, время от времени подрабатывала художественным редактором. Они несколько раз болтали, начинали с родных мест, потом постепенно узнали, что в отношении графического дизайнера у них есть немало общих идей, поэтому вместе сделали несколько обложек для книг. В душе он вздохнул, что всё же появился хотя бы один человек, способный так понимать его; и у неё к нему было подобное чувство. У них было несколько общих приятелей. Удивительно, что до сих пор они связывались только по телефону или в сети, но ещё ни разу не встречались. Месяц назад их общая подруга вышла замуж, они списались в сети, сетуя то ли вправду, то ли наигранно. Он вдруг спросил:

— Неужели ты ещё не нашла подходящего человека, чтобы выйти замуж?

Она тоже задала ему вопрос:

— Неужели ты ещё не нашёл подходящего человека, чтобы жениться?

Почти синхронно они оба ответили, что ещё не нашли достойной кандидатуры. Он заволновался и тут же сказал:

— Давай тогда ты станешь моей девушкой.

Он даже немного испугался. Она ответила, что всё в порядке. Ему снова стало не по себе: оказывается, всё так просто! Он подумал, что это не может быть правдой. Она тоже так подумала и через пару дней переспросила, не шутит ли он. Он сказал, что, конечно, нет. Они оба расслабились. Они начали каждый день переписываться в сети, даже пару раз созванивались, что изменило положение в сравнении с прошлым. Спустя некоторое время они заговорили о сексе. Юй Ли, говоря об этом, была решительна, заставляя всегда Гу Линчжоу врасплох. Долгое время они думали друг о друге, оба говорили, что не знают, что делать. Но когда они увиделись, этот вопрос оказался на повестке дня.

Гу Линчжоу старался выглядеть спокойным, но в мыслях постоянно всплывала кровать, она давила на него, как огромное облако, и заставляла его беспомощно вздыхать. Он задумался: может ли она узнать, о чём думает он?

Могут ли у неё быть такие же мысли? К сожалению, он не мог напрямую спросить её. Тогда он отвернулся и посмотрел в окно. Неизвестно, когда пошёл дождь. Капли одна за одной бежали по стеклу, оставляя за собой широкие следы. Совсем скоро дождь усилился, у людей было ощущение, будто вагон оказался под водой. Вслушиваясь в звуки дождя, Гу Линчжоу думал, что это и вправду похоже на конец света. 2012, только и всего? Юй Ли же в это время прильнула головой к его плечу.

Они зашли перекусить в “Макдональдс” рядом со станцией метро, снова ненадолго присели. Дождь всё не прекращался. Гу Линчжоу спросил:

— Пойдём?

— Пойдём, не могу больше ждать.

Иногда у входа в “Макдональдс” появлялись люди, которые время от времени торговали зонтами, но сегодня будто все стоворились. Они бросили взгляд на пёстрые зонты, которые валялись на земле, и протянули руки под дождь. На асфальтовой дороге, как в ладонях, собиралась вода, разливаясь тонким слоем брызг, по обеим сторонам дороги раскачивались фонари, будто бы на воде зыбился свиной жир. Горячая влага густо хлынула в лицо. Они побежали вприпрыжку, но сразу же промочили обувь. Гу Линчжоу заметил, что чёрная юбка Юй Ли похожа на завядший энкиантус. Разрез обнажил небольшую часть белокожей голени. Юй Ли будто бы не заметила этого, она без остановки вскрикивала, смеялась, так резко, что это казалось напускным.

— Бесполезно, всё равно все промокли, — Гу Линчжоу вошёл в комнату, бормоча себе под нос, и подсознательно начал стяхивать с рук воду.

— Раздевайся, постираем и повесим сушиться, до завтра всё высохнет.

Юй Ли посмотрела на дверь, а потом встала, закрыв собой большую часть окна. Шторы цвета дерева слегка покачивались от ветра, слышался шум дождя. Все окна были открыты. Как только голоса стихли, Гу Линчжоу крепко обнял Юй Ли. Она не сопротивлялась, два промокших человека, обнявшись, легли на низкую кровать. Гу Линчжоу не стал терять времени, но Юй Ли, оттолкнув его, присела.

— Я сама. Выключи свет.

Гу Линчжоу выключил свет. Он всё ещё мог видеть большой энкиантус, распустившийся на спинке стула. Спустя мгновение, когда они, обнявшись, сидели у окна, Гу Линчжоу вдруг заметил, что цветок совсем распустился, лепестки опали.

Всё ещё шёл дождь, в комнате было душно. Юй Ли отдернула штору и вытянула шею за окно. За окном была крошечная тьма, пара ламп была будто бы инкрустирована в косточки плодов на торте, разливаясь светом. Гу Линчжоу обнял Юй Ли сзади, пристально рассматривая её точёный профиль, и стал поглаживать правой рукой её грудь.

— А мы... не слишком торопимся? — Гу Линчжоу натянуто улыбнулся.

— Нельзя сдерживаться всю ночь. Или кое-кто тут праведник?

Гу Линчжоу тихо усмехнулся и обнял её ещё крепче.

— Фу... Что за вонь?

— Это из зоопарка... — Гу Линчжоу встал, чтобы прикрыть окно. — Иногда... бывает...

— А, ты говорил... зоопарк.

— Ага, днём можно увидеть много животных.

— А сейчас что можно увидеть?

— Многие животные в загонах, но сейчас ещё можно увидеть слона.

Он указал пальцем:

— Вон там, увидела?

— Вижу только темноту.

— Да, только темнота.

Он увидел, как расплываются в улыбке уголки её губ.

В большинстве случаев Юй Ли каждую пятницу после работы приезжала к Гу Линчжоу. Когда была занята, могла приехать раз в две недели. Однажды они за три недели увиделись только раз, и, как только встретились, девушка сразу стала жаловаться, как ей надоели эти ученики. Было мало

того, чем они могли бы заняться. В большинстве случаев они направлялись прямоиком в кровать, потом вместе шли в душ, далее Юй Ли прибиралась и устраивала стирку, и, наконец, они усаживались на кровать, и она одновременно с работой наблюдала за зоопарком через окно. Гу Линчжоу снимал комнату в трёхкомнатной квартире, в двух других жили одинокие молодые люди. Нельзя сказать, что он был с ними знаком, он только видел их разок.

— А если они нас услышат? А вдруг дверь пропускает звук, да и кровать скрипит... как-то неудобно.

Каждый раз, когда Юй Ли присаживалась на кровать, ей было не по себе.

— Да не услышат... Обезьяны в зоопарке всяко громче кричат, кто ж тут что услышит?

— Ты сам и есть обезьяна! Костлявая, тощая обезьяна!

Юй Ли махнула кисточкой с румянами по его лицу, словно дав пощечину Гу Линчжоу. Иногда они вели себя, будто маленькие несмышлёныши из средней школы, когда они объясняются в любви.

— Тогда сама слона ищи, — безразлично бросил ей в ответ Гу Линчжоу.

— Нет! — Юй Ли вдруг крепко обняла его за шею, её губы нежно коснулись его уха. — Я люблю обезьян.

Гу Линчжоу обернулся и заключил её в объятия.

— А если услышат? — Юй Ли бросила взгляд на дверь.

В течение долгого времени они не переставали получать удовольствие. Она очень удивлённым тоном сказала, что раньше с ней такого не было.

— Раньше я никогда не думала, что это может иметь какой-то смысл.

На её лице рдел румянец, но вид у неё был довольный. Каждый раз, когда она так говорила, Гу Линчжоу становилось немного неловко. Он, конечно, знал, что у неё были другие мужчины, да и у него до неё тоже были увлечения. Они ничего не скрывали друг от друга. Но когда он слушал её, ему казалось, что им всё ещё что-то мешает. Иногда он чувствовал себя очень странно. Иногда он даже хотел, чтобы она рассказала ему о прошлом, но как только она заговаривала об этом, ему сразу же становилось не по себе, и в душе становилось пусто.

— Ты такой потрясающий! — Юй Ли взглянула в глаза Гу Линчжоу.

— Правда? — Гу Линчжоу не знал, что следует отвечать в таких случаях.

— Правда. — Юй Ли придвинулась ближе и томным голосом сказала: — И как же ты можешь быть настолько классным?

Гу Линчжоу молча лежал, уставившись в потолок, и тут вдруг решил попросить Юй Ли рассказать, чем он лучше её *бывших*. Он всё больше и больше расстраивался, на душе было тоскливо.

— Эй! — тихо воскликнула Юй Ли. — Ты чего молчишь?

Гу Линчжоу всё ещё не говорил ни слова. Молчание, будто нежный сатин, окутывало их. Полежав ещё немного, Гу Линчжоу пальцем ноги нащупал в одеяле свои трусы, неторопливо оделся, зашуршал шторами — свет вдруг залил комнату, будто в тёмной пещере вдруг зажгли карманный фонарик.

— Бесишь! — Юй Ли, обнимая одеяло, быстро спряталась в темноте.

Гу Линчжоу поднял голову и стал смотреть на зоопарк неподалёку. Стояла хорошая погода, солнечный свет был настолько ярким, что стало больно глазам. Несколько слонов безмятежно передвигали свои большие неповоротливые туши, порой взваливая на спины длинные хоботы, походившие на резиновые трубы.

— Давай прогуляемся по зоопарку.

Гу Линчжоу даже головы не повернул, говоря это. Они были вместе уже то ли три, то ли четыре месяца, он уже много раз хотел привести её сюда, но всё никак не удавалось.

— Ладно, — Юй Ли тоже присела. — Каждый день смотрим, неужели ты не насмотрелся? Как будто ты там не был.

— А разве ты не ходила?

— Тоже ходила.

Юй Ли засмеялась и стала одеваться, повернувшись спиной к Гу Линчжоу.

— Я лет сто в зоопарке не была. Дай-ка подумать... Последний раз я там была в средней школе, мама повела меня в качестве поощрения. Помнишь тот зоопарк в центре города? Помню там огромную змеиную кожу, я подумала, они обманывают людей, показывая неживую змею, а это была шкура.

Конечно же, он помнил. Когда он учился в 6 классе, для их школы организовали поход в тот зоопарк, для него это было первый раз — до сих пор, правда, единственный. Ему больше всего понравилась та огромная змеиная кожа. Он долго разглядывал её через клетку. Он подумал, что, если подышать на неё, она оживёт. Когда они вернулись из зоопарка, в сочинении о том, кем он хочет стать, когда вырастет, он написал, что хочет стать зоологом. Это слово он услышал от сотрудников зоопарка. Наверное, потому к этой мечте он относился с трепетом, что сочинение учитель литературы прочитал вслух перед всем классом. Из-за этого к нему тогда прилипло прозвище “Зоолог”. Несколько лет он настойчиво мечтал об этом. Когда он вырос, он по-прежнему больше всего любил смотреть документальные фильмы о животных.

Гу Линчжоу рассказал об этом Юй Ли, пока она причёсывалась и одевалась. Стоя боком к зеркалу, она надевала сверкающие серьги и немного лениво сказала:

— В детстве все такие.

Он ничего не ответил ей.

— Разве для прогулки в зоопарке нужна сумочка?

Он посмотрел на бордовую сумочку, висящую у неё на руке.

— А разве в зоопарк нельзя брать сумочки? — кокетливо засмеялась она.

У Гу Линчжоу был годовой билет, он хотел сделать такой же для Юй Ли, она возразила:

— Повтори-ка, кто каждый день ходит в зоопарк? Мы ещё и живём совсем рядом, выгляни да посмотри.

Недалеко от входа располагалась бетонная стена, окружавшая цветочный садик с каменными горками. Этот садик располагался за невысокой оградой, немного в низине, к тому же ограда была поодаль, поэтому обезьяны не могли выбраться за неё. Обезьяны кричали, широко открывая пасти, пытались выпрыгнуть за ограду, подражали стоящим за оградой посетителям, скакали, иногда бросали в них пустые бутылки от минеральной воды. Зеваки же, смеясь, расходились, а потом снова возвращались. На стену забирались дети, чтобы поглядеть на обезьян. Они, как и обезьяны, показывали неисчерпаемый запас энергии и сил. Гу Линчжоу и Юй Ли обступила толпа воодушевлённых детей, которые направлялись в садик с горками.

— Пойдём? — Юй Ли потянула за руку Гу Линчжоу. Гу Линчжоу хотел предложить посмотреть ещё немного, но когда понял, что у Юй Ли не было особого желания, он ответил:

— Пойдём.

Ему был слишком хорошо знаком этот зоопарк, он будто показывал ей задний двор своего дома. По пути они увидели зебру, такина, жирафа, красного исполинского кенгуру, земляного волка, леопарда... Когда двое посетителей остановились перед клеткой, в которой кормили тигров, Гу Линчжоу указал Юй Ли на одного белоснежного тигра. Белый тигр был из лесных массивов Индии, очень редкой породы, совсем малочисленной; тигр был настоящим сокровищем этого зоопарка. Юй Ли прикрыла нос и немного наклонила голову, иногда издавая пару нечленораздельных звуков в ответ. Гу Линчжоу посмотрел на багровую сумочку, висящую на её плече, и внезапно потерял интерес к общению.

— Вот ты какая, я на тебя как не гляну, тебе не хочется гулять в зоопарке.

— А как выглядит тот, кто хочет гулять в зоопарке?

— Не так, как ты... Ты — по магазинам гулять любитель!

— Бесишь! — Юй Ли надула губы. — Ты должен был ещё сказать, что меня лучше задуть.

Рядом с клетками хищников смрад усилился, как в амбаре, заваленном мочевиной для удобрений. Дойдя до клетки с гималайским медведем, Гу Линчжоу снова заинтересовался.

Медведь стоял, плотно прижав морду к прутьям клетки, когтями драл вертикальные поручни, потом просунул морду между прутьями. На вид он был очень свирепым, он изо всех сил вытягивал язык, чтобы полизать леденец, который лежал за барьером.

Металлические прутья стояли на низкой стенке из цемента, леденец упал на самую верхушку этой стенки, медведь мог дотянуться до него языком и полизать, но не мог затащить внутрь клетки. Медведь остановился, протянул лапу, насколько смог, не дотянулся, снова опустил голову, вытянул язык и продолжал лизать. Гу Линчжоу понаблюдал, не выдержал и тоже вытянул язык, как медведь, но вдруг заметил на себе удивлённый взгляд Юй Ли. Он тотчас же убрал язык. Несмотря на это, Юй Ли всё-таки рассмеялась.

— Тоже конфетку хочешь? — хихикнув, спросила она.

— А, нет, — он немного покраснел, а глубоко в его душе поселилась растерянность.

— Что ты тогда лижешь?

— Ничего, — разочарование внутри него возросло.

— Хитрый какой!

Юй Ли искоса взглянула на него исподлобья, а в её глазах читалось коварство. Он не понял её, а только глядел по сторонам.

— Чего ищешь?

— Палку, помочь медведю.

— Какой мужественный! — Юй Ли вскрикнула от страха. — Смотри, чтобы он не тронул тебя.

Палку не нашли, поэтому Гу Линчжоу хотел подхватить конфету и бросить её прямо в клетку. Но он не сделал этого. Юй Ли потянула его за руку, и увела прочь. Уйдя далеко, он обернулся и увидел медведя, который по-прежнему, царапая перила, облизывал конфету.

Это была действительно меланхоличная картина. Его постоянно одолевала тоска, почти заставляя врасплох. Иногда он очень хотел обсудить это чувство с Юй Ли, но только подумав об этом диалоге, сразу же отметал эту мысль. Он совсем не знал, как дальше продолжать принимать решения, он то ли шёл сам, а то ли его тянула за собой Юй Ли. Они пошли в птичий павильон, посмотрели на японского журавля, горного гуся и чёрного лебедя и незаметно снова вернулись к хищным зверям. Они встали перед клеткой, где сидели семь или восемь львов.

Юй Ли, увидев их, сразу отвернулась и хотела уйти, таща Гу Линчжоу за собой.

— Что за вонь? — сказала она, прикрыв нос и нахмутив брови.

— Всё нормально, — утешал её Гу Линчжоу, — в зоопарк ходит много народу, и обязательно есть такие же, как ты.

— Как люди могут терпеть такую вонь! — Юй Ли снова надула губы.

— Ишь, какая ты неженка! Пообвыкнешься, сразу полегчает, — настаивал Гу Линчжоу.

Больше он не обращал внимания на Юй Ли, сосредоточившись на наблюдении за клеткой со львами.

Большинство львов лежали в углу, и только один замурзанный самец лениво бродил по клетке. Дойдя до стаи, снова на полпути обернулся и пошёл к металлическим прутьям, походил вперёд-назад, будто бы предаваясь глубоким размышлениям. За перилами стояло несколько недовольных юношей и девушек, стучавших по металлическим прутьям бутылками с водой. Они громко хохотали, будто бы хотели, чтобы другие львы тоже встали. Гу Линчжоу пристально смотрел на них, но они не обращали внимания. Теперь лев снова пошёл к ограде и хохочущим за ней людям, покачивая головой. Внезапно его хвост стал двигаться, и хлынула дурно пахнущая светло-желтая моча, люди за оградой пытались увернуться, но их лица забрызгало. Смех вдруг прекратился. Голос Юй Ли послышался среди тех, кто закричал. На её одежду тоже попали брызги. Гу Линчжоу наоборот, разразился смехом.

— Что ты смеешься? — раздражённо сказала Юй Ли.

— Я смеюсь над всеми этими людьми.

Гу Линчжоу не обращал внимания на её настроение, продолжая смеяться.

— Этот лев достаточно умён, раз он смог попасть во столько людей!

— Нет. Ты что, смеёшься надо мной? — продолжала она всё так же холодно.

— Ты хотела куда-то пойти... — Гу Линчжоу понял, что настроение у неё изменилось, но было уже поздно. — Ты стала слишком чувствительная!

— Чем я тебе сегодня не угодила? — Юй Ли протирала одежду гигиенической салфеткой, поглядывая на него. — Не успели мы выйти из дома, как тебе не понравилась моя сумочка; пришли в зоопарк, ты сказал, что я не хочу гулять здесь; я не выношу все эти запахи животных испражнений — я сразу неженка. Ты очень далеко зашёл, что дальше-то?

Чем больше она говорила, тем сильнее распалась. Гу Линчжоу забеспокоился, несколько раз хотел перебить её, но всё никак не получалось. Дождавшись, пока она закончит, он тихим голосом сказал:

— Это не то, что ты подумала.

— А как мне думать? — Юй Ли скользнула по его лицу холодным, словно лезвие ножа, взглядом.

Гу Линчжоу сразу же вспомнил момент их первой встречи и подумал, что они ведь попросту чужие люди. Он долго молчал, размышляя, как объяснить, но не сказал ни слова, безразлично махнув рукой.

— Пусть будет так, как ты подумала, — сказал он, будто бы не удовлетворившись, и снова озлобленно бросил: — Что хочешь, то и думай!

Юй Ли не появлялась уже три недели. Гу Линчжоу снова вёл холостяцкую жизнь. В эти выходные проспал до четырёх часов дня, будто бы в отместку, встал только тогда, когда проголодался. Заварил лапшу быстрого приготовления, а доев, сел смотреть документальные фильмы американского “Нэшнл Географик”. Когда-то это было его высшим наслаждением, а когда они были с Юй Ли, он перестал это делать. “Да пошло оно всё!” — подумал он и посмотрел три подборки кряду. Последним он смотрел “Слоновый род”. Когда фигура слона медленно отошла от камеры, рассказчик сказал: “Жизнь слона полна торжественности, ласкового поведения и неиссякаемого времени”. Гу Линчжоу, бесконечно вздыхая, смаковал эту фразу, поднял голову, а за окном уже стемнело. Сумерки мягким колпаком накрыли зоопарк, туристы разбрелись, и всё понемногу стихло. Через окно хорошо были видны владения слонов. Он чётко разглядел двенадцать животных, их массивные тела были покрыты красноватой пылью, они высились над безжизненной землёй, будто бы молчаливые стены из красного кирпича. Тут Гу Линчжоу подумал, что в тот день они так и не дошли до слонов. Сначала он думал, что её обязательно нужно сводить к слонам, потому что от вольера хорошо видно их маленькое окошко.

Он взял телефон и набрал одну фразу: “Может, приедешь в эти выходные?” Потом подумал, удалил слово “может” и отправил сообщение. Он вдруг подумал, что она ему не ответит, что она исчезла. В это время ему стало казаться, что она будто бы и не приезжала никогда. Юй Ли ответила: “Хорошо. Была очень занята всё это время”. Он аккуратно проглотил эту фразу и понял: она больше не злится. Он ответил: “Прости за тот раз, потом...” Он не знал, стоило ли писать о том, что он хотел повести её посмотреть слонов. Он поколебался, стёр “потом” и отправил сообщение. Спустя какое-то время она коротко ответила: “Всё в порядке. Увидимся на следующей неделе”.

Гу Линчжоу пришёл к станции метро встретить её. Вопреки его ожиданиям, Юй Ли будто бы напрочь забыла всё, что произошло до этого. На её лице красовалась грациозная улыбка.

— Дорогой, — она тихо позвала и легко чмокнула его, не обращая внимания на окружающих.

Ни она, ни он больше не упоминали того раза. Когда они пришли в квартиру, она положила сумочку, отдернула шторы, закрыла окно и снова задернула шторы. Она обернулась, Гу Линчжоу смотрел на неё.

— Ты чего на меня смотришь? — расплываясь в улыбке, спросила Юй Ли.

— Ничего, — Гу Линчжоу помедлил, уголки его губ тоже поплыли наверх.

— Дорогой, ты не скучал по мне? — девушка взглянула на кровать, а потом на него. Её взгляд был игривый и мягкий.

— Скучал, как можно не скучать, — сухо сказал он.

Когда они обнимались, он по-прежнему делал это неохотно. В его голове постоянно вертелась фраза “Жизнь слона полна торжественности, ласкового поведения и неиссякаемого времени”. Эта фраза нервировала его.

Потом Юй Ли мягко сказала:

— Остановись, ладно?

Он выдохнул, будто бы сбросив тяжёлый груз с плеч.

— Не знаю, что со мной, устала, наверное, никаких чувств нет, — тихо пробормотала Юй Ли.

Гу Линчжоу обнял её, его душа наполнилась невыразимым чувством сожаления.

В целом они вернулись к прежней жизни. Гу Линчжоу заметил лишь одно отличие: Юй Ли стала постоянно закрывать окно. Она и раньше просила закрыть окно, но делала это, не настаивая:

— Дорогой, ты не против, если мы прикроем окно?

Сейчас же всё было не так. Как только она видела открытое окно, сразу же торопился закрыть его. Если были задернуты занавески, а она чувствовала неприятный запах, она настороженно подходила к окну и проверяла, открыто оно или нет. Гу Линчжоу тоже не любил эту вонь, но любил открывать окно. Комната и так была маленькая, а с закрытым окном становилась ещё меньше. Пробыв в комнате слишком долго, он начинал задыхаться, как рыба, запертая в герметичном аквариуме. Он ничего не мог поделать с этим, а мог только бродить, как тот лев в клетке, — назад и вперёд.

В этот день они просидели в комнате с обеда, вместе разрабатывали две обложки. Они понимали друг друга без слов: о чём думал один, о том же думал другой, а идеи, которые предлагал другой, всегда поддерживались. Гу Линчжоу любил работать вместе с Юй Ли. Работая вместе, они всегда могли сблизиться ещё сильнее, он был увлечён этим чувством мысленного единения. Когда она говорила о своих идеях, он, склонив голову, смотрел на её профиль. Лучи осеннего солнца проникали сквозь оконное стекло, освещая её лицо, тень от ресниц, словно ряска на воде, раскачивалась на щеках, нос, губы и подбородок были охвачены светом, белая кожа была похожа на тончайший фарфор. Девушка совсем не замечала, что он так пристально смотрит на неё, и по-прежнему, уставившись в картинку на мониторе, высказывала свои соображения наивно и сосредоточенно. Мужчина беззвучно засмеялся, в его глазах тоже дрогнула улыбка. Внезапно он подумал, что, если одной линией обрисовать её профиль, вышла бы отличная обложка. Он, сдерживая возбуждение, придвинулся к ней и шепнул, что сходит в туалет, а как вернётся, расскажет ей одну интересную вещь. Она обернулась, с улыбкой посмотрела на него и сказала:

— У кого-то секретики!

Приближаясь к двери, Гу Линчжоу непроизвольно открыл окно. Когда он сделал все свои дела, вымыл руки, вернулся в комнату и увидел, как Юй Ли безразлично смотрит в экран. Он увидел, что окно, которое он только что открыл, было снова заперто.

Открытие-закрытие окна было большой затяжной войной. Постоянно было так, что, как только она закрывала окно, он пользовался моментом, пока она отвлеклась, и открывал его, но как только он терял бдительность, створки снова запирались. В глубине души они были соперниками. Если после того, как окно открывалось, оно долгое время не закрывалось, Гу Линчжоу не мог скрыть радости от достижения успеха. А если же она сразу запирала его, он был подавлен. Очень часто шторы были задернуты, поэтому в вопросе о том, открыто окно или закрыто, они полагались только на обоняние. Он уже давно привык к запаху зоопарка, но теперь он снова стал замечать его. Он считал, что нюх его стал, как у собаки. Когда его чутье усилилось, она совсем не ощущала себя в невыгодном положении. Их жизнь всё больше и больше становилась похожей на жизнь животных: нужно было быть бдительным и в то же время недоверчивым. Они соблюдали

одно негласное правило: не трогать окно в присутствии другого. Их борьба превратилась в войну в потёмках. На первый взгляд, они соблюдали все нормы приличия, но на самом деле никто не уступал. Война быстро перетекла из дня в ночь. Когда они лежали в кровати, их тихое соперничество продолжалось: кто первый уснёт, тот теряет право владения окном. Чтобы дезориентировать противника, им обоим пришлось овладеть великим мастерством притворства. Гу Линчжоу стал фальшиво храпеть, но она знала, что он никогда не храпел во сне. Чтобы не вызвать у неё подозрений, он делал вид, что у него заложен нос. После пары-тройки его шумных вздохов, Юй Ли начинала бормотать что-то под нос, он старался увеличить звук. Его рот и её уши были близко друг к другу, он верил, что в тишине ночи этот звук звучал, будто раскат грома. А она лишь только причмокивала губами.

Когда Юй Ли крепко засыпала, Гу Линчжоу потихоньку отделялся от её объятий и вставал, чтобы распахнуть окно. Чтобы удостовериться в том, что он не издаст лишних звуков, мужчина открывал окно очень аккуратно, подтолкнув чуть-чуть, он оборачивался и проверял, не разбудил ли её. В свете луны лицо её было покорным и спокойным. И только спустя три-четыре минуты он, наконец, открывал окно. Воздух в ночи был влажный, свежий, в нём не было никаких запахов. Он пристально смотрел на зоопарк в свете луны, на большие тени слонов. Ночью, когда люди безмятежно спали, их по-прежнему хорошо было видно. В такое спокойное время он смог по-настоящему прочувствовать смысл той фразы: “Жизнь слона полна торжественности, ласкового поведения и неиссякаемого времени”.

Когда он просыпался утром, окно снова было наглухо заперто.

Он был будто бы в смятении: неужели ночью я не открыл окно? Но нет, он отчётливо помнил свои осторожные движения. Могло быть только одно: либо Юй Ли тоже притворялась спящей, либо она проснулась посреди ночи. Он стал тайком наблюдать за ней, но не нашёл никаких слабых мест, она была ни в чём не повинна. Всё ещё притворяясь, он в душе ухмыльнулся. Но он не отступил. Кроме того что упорно старался не заснуть первым, он решил пить больше воды перед сном. Это была гарантия того, что ночью он встанет в туалет и сможет проверить окно. Он раз за разом сомневался: перед сном открыл окно, ночью проверил, неужели, что-то произошло ночью? Если нет, то что сделала Юй Ли? Непостижимо. Попросту страшно! Она насквозь видела его осторожность, а он не мог её разгадать. Глядя ей в глаза, он всё больше и больше недоумевал. Он постоянно в растерянности смотрел на неё, в ней было слишком много непонятого. Она была такой знакомой, но в то же время такой неизвестной. Даже занимаясь любовью, он не мог отделаться от этого чувства сомнения. Глядя на её закрытые глаза, он думал, что она — загадка, которую невозможно разгадать. Возможно, это всё было слишком тривиально, но процесс этот затянулся. Его лоб весь покрылся потом, комната стала похожа на пароварку. Он вдруг наклонился, протянул руку, нащупал штору и открыл окно. Гу Линчжоу задрожал и упал на кровать. Юй Ли встала спиной к окну и посмотрела на него.

— Гу Линчжоу, что, в конце концов, ты думаешь?

— В смысле? Ничего не думаю.

Он немного озадачился.

— Ты дурак, что ли?

Гу Линчжоу пристально посмотрел на неё, не зная, как ответить на этот вопрос.

— Что тебя во мне не устраивает? Это всё из-за того, что я тогда разозлилась в зоопарке? Ты разве не знаешь, что я не выношу запах мочи? Но я ведь держалась, проболталась с тобой полдня! Я к тебе раз в две недели прихожу, и то ты не можешь приспособиться ко мне. Закрытое окно? Раз ты любишь этот запах, дождись, пока я уеду, и нюхай на здоровье! Даже если я буду приезжать раз в неделю, у тебя будет пять дней, чтобы вдоволь нанюхаться. Ты даже двух дней продержаться не можешь. Вечно только о себе и думаешь.

Гу Линчжоу завернулся в одеяло, глубоко вздохнул. Смягчив тон, он сказал:

— Вот подумай, мы с тобой так долго, я разве чего-то требовал от тебя? Не говоря уже о квартире, я даже ни разу не просил тебя что-то купить мне из вещей. Об остальном я уже и не говорю. Лишь бы у нас было хоть что-то общее, да и ладно. А ты? Я от тебя ничего не требую. Чего ты-то хочешь от меня? Даже с этим окном мне не можешь уступить.

Юй Ли всхлинула, по щекам покатились слёзы. Гу Линчжоу покраснел, откуда ни возьмись проступил пот.

— Не так, — промямлил он, — на самом деле я хотел сказать тебе, что в этом запахе нет ничего такого, а ночью тем более, никакого запаха нет вообще.

Юй Ли в недоумении посмотрела на него, несколько раз приоткрыла рот и только потом ответила:

— Дело не в том, что я говорю, ты тоже не без изъянов. Ты говорил, что я для тебя самый близкий человек, я думаю, что ты для меня тоже самый близкий. Я никогда не обсуждала ни с кем работу, но сейчас мне всё труднее понять тебя. Неужели ты до сих пор хочешь стать зоологом? И чтобы я вслед за тобой тоже им стала? Нельзя принуждать людей к тому, что любишь ты. Не нужно искать причины. Постоянно открывая окно, ты что, хочешь сделать мне плохо или расстроить меня? Всё просто: ты хочешь изводить меня! Ты знаешь, что я уже несколько ночей не спала? Может, если продолжить закрывать окно, ты очнёшься, привыкнешь ко мне, полюбишь меня? А может, я ошибаюсь.

Слёзы в глазах Юй Ли искрились ненавистью, они, как факел, обжигали Гу Линчжоу. Непонятно, как в её миниатюрном тельце могла быть скрыта такая мощь.

— Нет... не так, — произнёс, заикаясь, мужчина. Слова Юй Ли заставили его засомневаться в себе. — Зачем я открывал это окно? Ты для меня загадка, ты нравишься мне, но я не могу разгадать тебя. А сейчас я слишком устал, не хочу угадывать.

Непрерывный поток слёз потушил пламя злости в глазах девушки.

Когда Юй Ли не было рядом, Гу Линчжоу по-прежнему придерживался выработанной привычки: перед сном он пил воду, чтобы проснуться ночью, а когда ложился в кровать, ещё долго лежал с закрытыми глазами, потом проверял окно, а когда вставал в туалет, проверял его снова. Только проверка его была другой — теперь он проверял, закрыто ли окно. С тех пор, как она ушла, он всегда спал с закрытым окном: он решил проверить, сможет ли он измениться ради неё.

Гу Линчжоу почувствовал, что его жизнь превратилась в лабиринт. Он чётко видел, куда идёт, и думал о своём пути. Он по ошибке попал в этот город после выпускных экзаменов в школе. После окончания университета он пришёл в издательство, тогда же заселился в эту квартиру. Когда близилось окончание университета, он всё время переживал, что не сможет приспособиться к жизни в большом мире; жизнь, работа — всё его беспокоило. Тем не менее, время неизбежно заставляло его столкнуться со всем этим. Жильё, где он обосновался, он нашёл по знакомству. Когда хозяин квартиры рассказывал ему о ней, то сказал, что он каждый день сможет бесплатно наблюдать за зоопарком. Он до сих пор помнит, какое утешение принесла ему эта фраза. Тогда он вспомнил свои детские впечатления от зоопарка, вспомнил свою кличку “Зоолог” и мечту стать им.

Оглядываясь на свою жизнь длиной почти в тридцать лет, Гу Линчжоу с удивлением заметил, что он практически не мечтал. Взрослея, он не был чем-то примечателен, не оставлял людям глубокого впечатления о себе. Другими словами, он во всех аспектах жизни был человеком обычным. Стать художественным редактором в издательстве тоже не было его мечтой. Это была первая работа, которая ему подвернулась. Он привык к ней, работа ему нравилась, и время от времени он даже думал, что всегда любил это. Он почти не думал о том, чтобы сменить род деятельности. Это было бы рискованно: у него бы обязательно снова появилось то ощущение постоянного страха, как это было в университете. Подытоживая, стать зоологом было его единственной мечтой. Получается, что сейчас его мечта почти исполнилась?

Так, выходит? Оказалось, что снова нет. Он стоял у плотно закрытого окна и подсознательно различал большие силуэты слонов в сумерках. Он мало планировал что-то, мало придерживался чего-то и так же мало размышлял о чём-то. Его жизнь катилась по дорожке, и даже не нужно было прикладывать усилий. Экзамены, работа, жильё — всё было не то. И даже от союза с Юй Ли у него были такие же ощущения. Он подумал, что, если бы не интернет, он бы не набрался смелости заговорить с ней. У него была девушка в университете, но и с ней он познакомился в интернете. У них не было тем, на которые они могли бы пообщаться. Но, несмотря на это, он не хотел бросать её до тех пор, пока ей не понадобится уехать из города после окончания университета. Он не собирался ехать с ней, потому что у него не хватило бы храбрости снова поселиться в новом городе.

Сейчас он хотел что-то изменить. Он часто вспоминал жизнь с Юй Ли. Он думал о ней, чтобы утешиться, но на душе становилось ещё более пусто. Иногда он мог вспомнить какие-то мелочи: например, ощущение, как её холодные, словно водоросли, волосы скользили по его груди. Опомнившись, он увидел, что за окном уже совсем стемнело, а по верхушкам деревьев плавают жёлто-оранжевый свет заходящего солнца. Мужчина почувствовал, что его бесцельная жизнь вдруг обрела какой-то смысл. Он написал Юй Ли сообщение, объясняя, что сделал так только потому, что хотел разрушить её предубеждения. Он совсем не хотел навязывать ей свою мечту, к тому же жилище рядом с зоопарком тоже не было пределом его мечтаний. Он всего лишь хотел отвести её в зоопарк, чтобы показать ей слонов, ведь оттуда видно их комнату. Гу Линчжоу знал, что эта причина звучала не совсем обоснованной, но он не знал, как кроме этого можно объяснить свои поступки. Он думал, что понимает её. Он раз за разом спрашивал её, когда она придет, а она раз за разом отвечала, что слишком занята. Спустя какое-то время он снова возвращался к этому разговору. Как-то раз она сказала, что живёт в общежитии для преподавателей, поэтому ей неудобно приглашать его к себе. Сейчас он хотел поехать разыскать её, чтобы посмотреть, как ей живётся без него. Прошёл месяц, он снова отправил ей сообщение с вопросом, когда она придет. Спустя долгое время она ему ответила: “Давай расстанемся”.

Это сообщение привело Гу Линчжоу в замешательство на две недели. Он думал, что все вопросы между ними давно решены. Он эгоистично ждал, когда она закончит все свои дела и придет. На самом деле, может, она вообще и не была так занята. Может, она всё это время думала, стоит ли расставаться с ним, и, наконец, решила. Определённо, так. Он не понимал, как это случилось, и снова будто бы очнулся. Он успокоился. Похоже, он ждал такого исхода. Когда результат стал ясен, он, наоборот, легко его принял.

Он решил ей позвонить, но она не взяла трубку. Позвонил ещё раз — снова нет ответа. Он решил подождать, спокойно глядел на зоопарк за окном и ощутил душевное спокойствие. Он набрал её номер ещё раз, и тут она ответила.

— Почему? — заговорил первым он, задав ей столь ненужный вопрос.

— Мы хоть и ладили, но всё равно не подходили друг другу, ты разве не заметил этого? — её ответ был таким же лишним.

Сделав паузу, она произнесла:

— Если бы ты только мог измениться, например, уехать от своего зоопарка.

Он молчал. Удивлённо молчал.

— Не хочешь? Неужели тебе проще расстаться со мной, чем уехать от кучки зверей и птиц?

Он услышал нотки злобы в её голосе. Она его возненавидела. Откуда взялась эта ненависть?

— Раз уж на то пошло, мне тоже нечего сказать. Сделаем так. Спустя время я заеду забрать свои вещи. Не пойми меня неправильно, я от них не отказываюсь, хоть они не такие уж ценные. Я просто не хочу, чтобы твоя новая девушка увидела их.

Слова Юй Ли звучали с насмешкой.

Гу Линчжоу долго держал в руках телефон. Он не мог понять, как всё

так быстро изменилось. Что только что произошло? Почему он не ответил ей? Он уже месяц с лишним не открывал окно, переехать — тоже не сложная задача. Но именно в ту минуту он ничего не сказал. А если всё переиграть? Юй Ли бы спросила: “Ты можешь уехать от своего зоопарка?” Что бы он сказал? Он понял, что всё равно не смог бы сказать ни слова. В конце концов, он не смог перебороть это и проскользил по той дороге, на которой не нужно было прикладывать усилий. Он раздвинул шторы, внутри у него появилось желание открыть окно, но когда эта сила достигла руки, всё желание пропало. Его переполняла мысль о том, что не нужно открывать его. Он понял, что уже привык жить с закрытым окном. Это было несколько иронично. Он бросил взгляд на тёмный зоопарк.

Прошла ещё неделя. Приехала Юй Ли. Стоял ясный день. Гу Линчжоу думал, как ведут себя два человека, которые снова встретились? На самом деле, ничего особенного не произошло. Юй Ли, как только вошла, сразу же сняла верхнюю одежду, прикрывшись рукой, сказала:

— На улице ещё холодновато.

Уже было начало весны, но казалось, что погода и не собиралась становиться теплее.

Гу Линчжоу рассмеялся:

— Ну, тогда не торопись бы раздеваться!

Юй Ли всё же сняла красный плащ и положила его на кровать. Она была одета в ярко-жёлтый свитер. В душе Гу Линчжоу пронеслась волна тепла.

— У тебя тут воздух спёртый, — Юй Ли бросила взгляд на Гу Линчжоу, нахмутив брови.

— Я уже больше месяца не открывал окно... может быть.

Он покраснел, повернулся, хотел было открыть окно, но не стал. Он почувствовал себя неловко, не зная, как лучше поступить.

Юй Ли тоже будто бы было неловко. Понятно, что она не хотела, чтобы сложилась такая ситуация. Она медленно расслабила брови и тихо произнесла:

— Я тогда собираться буду, ты занимайся своими делами, не обращай на меня внимания.

Взгляд Гу Линчжоу, как мягкая паутинка, прилип к ней. Он смотрел, как она собирает тапочки, бельё, зеркало, плюшевого медведя, косметику, как в прежние времена заправила кровать, убрала всё со стула, поправила коврик. Он, чтобы не мешать ей, то и дело перемещался с места на место, как старая ненужная мебель, которую не знают, куда поставить. Она заметила, что он смотрит на неё, подняла голову и взглянула на него. В её глазах что-то сверкнуло. Она снова опустила голову.

— Занимайся своими делами, не обращай на меня внимания. Я не мешаю тебе? — вежливо спросила она.

Девушка непрерывно ходила по комнате, её белое лицо вдруг стало розовым, она то и дело протирала лоб тыльной стороной руки. Потом она просто закатала рукава свитера. Однако комната была маленькой, за час в ней не осталось того, что можно было бы собирать. Остался только крепкий запах.

— Может, откроешь ненадолго окно? — она нерешительно взглянула на него.

— Ты... сможешь привыкнуть? — спросил он, выпытывая.

— Более-менее, — улыбнулась она, — уж лучше проветрить, чем задохнуться.

Он тоже засмеялся. Это окно не открывали больше месяца, окно немного рассохлось, и он только двумя руками смог отпереть его. Она не смогла вынести запаха, ворвавшегося в комнату.

— Это запах зоопарка?

Он озадачился.

Они встали напротив окна. Он заметил, как она сделала несколько глубоких вдохов, вдыхая воздух с запахом зоопарка.

— Ну, я пошла, — тихо произнесла она.

Он почувствовал, как вдруг дрогнуло его сердце. Он сжал руку в кулак,

расслабил и сжал снова. Она всё ещё стояла рядом с ним и не уходила. Гу Линчжоу набрался смелости и положил руку ей на плечо. Он, словно машина, повернул её к себе и положил руку на её тёплую щеку. Девушка в растерянности смотрела на него. Он также смотрел на неё. В её взгляде заискрилось что-то такое знакомое. Тут она мягко, но решительно оттолкнула его.

— Не надо, — прошептала она, отвернулась и попыталась отделаться от его объятий.

Он сразу же опомнился и невольно подумал, что они просто чужие люди. Это чувство было, как проклятие, оно снова охватило его.

— Ничего не надо говорить, я пошла, — она стала надевать плащ.

— Давай я свожу тебя и покажу слонов? — вдруг произнёс он и даже немного испугался, — оттуда видно нашу комнату. Пойдём вечером, запаха не будет.

Она посмотрела на него и в изумлении приоткрыла рот.

— Мне нечего тебе сказать, — она решительно схватила сумку. — Если так хочешь, сходишь туда со своей будущей девушкой.

Она была тверда в своём решении, взяла пакет и ушла. Он прильнул к другому окну и смотрел, как она покинула здание, она вышла со двора и даже ни разу не обернулась. Не прошло и пяти минут, как её красный, словно пламя, плащ потух за углом. Он, остолбенев, глядел туда. То пламя будто бы ещё горело в его глазах. Он зажмурился, огонь всё ещё пылал. Когда он снова открыл глаза, только тогда понял, что она исчезла. Он вдруг стремительно побежал вниз в надежде успеть догнать её. Он подумал, что он должен, как и прежде, проводить её до метро. Он выбежал со двора, добежал до входа в зоопарк и глазами проследил весь путь до станции метро. Светило ослепительное весеннее солнце, асфальтовая дорога извивалась, как бурлящая река. Он согнулся, его будто бы укачало. Тяжело дыша, он присел на бордюр у входа в зоопарк и не знал, что делать дальше.

Неизвестно, сколько он там просидел, но в сумерках на дороге осталась лишь его тень. Там было много людей, возвращавшихся с работы. Он неуклюже встал, не понимая, надо ли ему тоже возвращаться домой. Он обернулся и увидел ворота зоопарка. Он должен был закрываться, из ворот потоком выходили люди, ещё несколько минут — и войти будет больше нельзя. Он без колебаний двинулся к воротам.

Он пошёл извилистой дорожкой и направился прямо к вольеру со слонами. Он слишком хорошо знал этот зоопарк. Непонятно — почему, но шёл он очень долго и, наконец, понял, что заблудился. Он снова вернулся к каменному садику с обезьянами. Обезьяны озорно улыбались и хохотали. Но он в недоумении не обращал внимания на них. Спустя какое-то время Гу Линчжоу наконец-то понял, где он ошибся, и осторожно продолжил путь к слонам. Чем больше темнело, тем гуще нависали тени деревьев. Казалось, что он шёл бесконечно долго. Когда он всё-таки увидел слонов, он потерял контроль над собой. Он почувствовал, как пелена слёз закрыла глаза. В лучах заходящего солнца он увидел жующих сено слонов. Теперь он увидел, что они уже не были такими величественными и ласковыми, в их кирпично-красных телах будто бы были скрыты такие же огромные мучения.

Не попасться на глаза охранникам оказалось легче, чем казалось. В лабиринтах зданий и ночных препятствиях он всё-таки разглядел своё окно, но это оказалось нелегко. Он уселся, опершись спиной на ограду слоновьего вольера, и смотрел на тёмное окно. Он всё ещё не был уверен, его ли оно. Слоны были так недалеко в темноте, спали ли они? Слоны спят совсем недолго, каких-то несколько минут. Если бы они видели сны, они могли бы увидеть свою родину? Подумав об этом, он захотел вернуться. Тут не было ничего особенного, кроме того, ночи ранней весной всё ещё холодные. Выходя из дома, он не взял куртку. Съезжившись, он бросил ещё один взгляд на фигуры слонов в темноте и почувствовал себя раненым зверем. Он захотел вернуться к себе домой. По пути он думал, что в душе он такой слабый, такой нелюдимый и такой спокойный. Дойдя до ворот, он понял, что ворота уже закрыты.

перевод Арины Токаревой

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

КРИПТОВАЛЮТА: СВЕТ И ТЕНИ

Сейчас тема криптовалют по популярности соперничает с батлами рэп-еров. Многие воспринимают криптовалютную лихорадку как что-то модное, преходящее. Многие гуру-экономисты тут же вспоминают Нидерланды XVII века, когда луковицы тюльпанов продавались по цене домов. Российскому населению, с изумлением наблюдающему за биткойном, на ум приходят МММ с С. Мавроди и другие пирамиды 90-х.

Однако о биткойне и блокчейне не стоит судить поверхностно. Они появились в нашей жизни не случайно. Пришли надолго. Прежде всего, детективная завязка. Биткойн появился в 2008 году. Это год глобального финансово-экономического кризиса. Его создал человек или группа людей, которые до сих пор не известны. Долгое время, вплоть до 2013 года про биткойн и криптовалюты слышали только шифропанки, хакеры и компьютерные фанаты. Да и то не все. Между тем, биткойн – это плод не просто огромной работы, а соединения идей, высказанных задолго до создания первой криптовалюты.

Чтобы понять важность этих идей и сложность их упаковки в один продукт, разберёмся, что такое биткойн и другие криптовалюты. Некоторые считают, что это компьютерный код. Другие полагают, что это своего рода мания, предмет спекуляции. Третьи что-то рассказывают про шифры. Четвёртые – про протоколы. В итоге, основная часть публики, не погружённая глубоко в программирование и хайтек, вообще не понимает, что происходит в глобальном масштабе у них на глазах. С испугом и растерянностью люди во всём мире наблюдают, как буквально за два года из ничего вырос огромный рынок. Сейчас он оценивается примерно в 120 млрд долларов.

По сути, биткойн и другие мощные криптовалюты – это огромный распределённый компьютер. Он состоит из связанных сетью и оснащённых специальными программами компьютеров всех, кто участвует в транзакциях. Теперь посмотрим, что нужно распределённому компьютеру для работы. Прежде всего, сами компьютеры, провайдеры, которые обеспечивают связь, и желание людей за компьютерами поддерживать сеть и что-то в ней делать. Выделим главные составляющие криптовалюты.

Первое. Как это ни парадоксально, криптовалютная революция – это не революция, а контрреволюция. Общедоступный интернет появился в мире на рубеже 80–90-х годов, а активно стал развиваться в начале 90-х годов. Интернет – это иерархическая структура. Он держится на корневых серверах, скрепляющих всю всемирную паутину. Это и есть сеть интернет. Однако задолго до интернета появились одноранговые сети. Это сети, где все участники обладали равными правами и передавали друг другу сигналы с компьютера на компьютер. Криптовалюты используют именно одноранговые, или, как

их ещё называют, P2P сети (равный к равному). В сети — как в жизни: если есть иерархия, то есть начальник или хозяин. Такие сети работают быстрее, тогда их участники полностью зависят от хозяев интернета.

Второе. Интернет в значительной степени стал тем, что он есть, благодаря протоколу передачи данных http. Обязательная составляющая любой криптовалюты — блокчейн — это и есть другой протокол. Он предназначен не для передачи гипертекстов (кликабельных текстов и др. информации), а для передачи транзакций (перевода денег, передачи прав собственности и т. п.). Блокчейн — это своеобразный интернет денег.

Третье. При любом взаимодействии есть ключевая проблема. Это проблема доверия. Вообще вся нынешняя экономика в значительной мере родилась в рамках решения проблемы доверия. Внутри семьи, особенно традиционной, такой проблемы нет. А даже между хорошо знакомыми людьми она возникает. Нынешняя денежная система, бухгалтерский учёт, да и юридические нормы решают в значительной степени проблему доверия. Решают путём писанных норм и наказаний за их нарушение. Биткойн с первых дней своего существования решал ключевую задачу — обеспечить взаимодействие кого угодно в условиях неполного доверия. Был написан программный код протокола — блокчейн, — который обеспечивает автоматическое выполнение транзакций (любых сделок, переводов) лишь тогда и если стороны выполняют предусмотренные программами условия. Они могут быть какие угодно.

Четвёртое. Бухгалтерский учёт. Бухгалтерия пронизывает всю нашу жизнь. Без неё мы никуда. Уже почти 500 лет мы пользуемся двойной бухгалтерией и сводим дебет с кредитом, убытки с доходами. При этом существуют огромные армии бухгалтеров и юристов. Они следят за тем, чтобы бухгалтерия велась правильно. Несмотря на это, ежегодно мир сотрясают скандалы, когда крупнейшим компаниям удаётся годами вести поддельную бухгалтерию. Ещё в конце 80-х годов прошлого века была создана трёхсторонняя бухгалтерия. К дебету и кредиту была добавлена третья запись — транзакция. По сути, сеть криптовалют — это не только огромный распределённый компьютер, но и огромная база данных, в том числе бухгалтерия. В ней запомнены все транзакции. Деньги просто не могут исчезнуть бесследно. Они всегда приходят с одного адреса на другой. Эту транзакцию невозможно забыть, стереть или подправить. Она общедоступна для всей сети.

Пятое. Для того, чтобы гигантский распределённый компьютер работал, у его участников должен быть интерес. Кто-то должен расходовать электроэнергию, использовать свои компьютеры для поддержания работы сети, осуществления шифрования для того, чтобы никто не мог подделать ни одну транзакцию. Вот в этом-то пункте к протоколу и всему остальному добавляется криптовалюта.

Как предположили авторы данной статьи в нашей книге “Кибервойны XXI века. О чём умолчал Сноуден”, группа очень непростых и неслучайных разработчиков и людей из элит связала создание и поддержание сети с интересом. Чтобы была сеть, недостаточно провайдера. Надо, чтобы работали компьютеры и использовались их мощности. Тогда создатель (-ли) блокчейна и придумали биткойн. Они предусмотрели дополнительно к протоколу программу, по сути, код, которому придаётся определённая ценность. Как только появляется ценность (неважно, в чём она выражена), и люди соглашаются, что это — именно ценность, они начинают тратить свои ресурсы (в данном случае — использовать свой компьютер) на то или иное дело. Теперь просто понять, что такое майнинг. Это работа определённой программы на компьютере, которая поддерживает существование и развитие сети блокчейн. И ничего больше. Если говорить грубо, то биткойн — это внутренняя валюта сети блокчейн биткойна, виртуальная цифровая валюта, предмет интереса и вождения майнеров. Сейчас появились другие протоколы блокчейна, привязанные к иным цифровым монетам, — Ethereum, Ripple и др.

Почему речь сначала пошла о внутренней валюте? Почему биткойн связывается с преступниками? Нельзя ли разделить блокчейн и анонимность? Здесь заключена ещё одна тайна биткойна. С первых дней существования интернета значительная часть наиболее продвинутых айтишников боролась против диктата государств и их контроля над сетью. При этом чем дальше, тем больше в борьбу были вовлечены лучшие мозги. Хакеры, одним словом. Поэтому естественно, что при разработке биткойна был сделан упор на шифрование

и анонимность. Если почитать первые обсуждения биткойна на форумах 2010–2012 годов, можно увидеть, что на тему криптовалют общались в основном хакеры, шифропанки, компьютерные анархисты и т. д. Не зря биткойн появился после восхода звезды Джулиана Ассанжа, а фантастический первый взлёт его капитализации произошёл после откровений Э. Сноудена и всемирной мании приватности.

Строго говоря, блокчейн может существовать и уже существует как шифрованный, невзламываемый, неанонимный протокол.

Более того, неанонимный блокчейн — это мечта любого правоохранителя. В мире неанонимного блокчейна не только все знают, какие транзакции происходят, но и кто кому переводит, и даже — при определённых условиях — кто, сколько и какой криптовалюты или фиатных денег (долларов, евро, франков и т. п.) имеет в кошельках.

Суть важнейшей задачи, которую решил условный Накамото*, в следующем. Для каждой сети главное — её поддержание и рост. Придумав внутреннюю валюту блокчейна — биткойн, — он заинтересовал продвинутых разработчиков, хакеров, шифропанков использовать ресурсы собственных компьютеров для поддержания сети. Для этого надо было только скачать приложение и превратить свой компьютер в элемент всемирного распределённого компьютера. При этом вначале вознаграждение было получить в разы легче, чем сейчас. В будущем будет совсем сложно.

Хитрость Накамото в том, что на программном уровне он заранее программно установил, сколько всего может быть сгенерировано биткойнов за всю историю. Кстати, именно по этой причине классический биткойн стал лишь первой ступенью ракеты, а не космическим кораблём полностью. Один биткойн никогда не сможет покрыть потребности мировой экономики.

Когда разработчики разобрались в новом программном чуде, они стали на протоколе биткойна — блокчейне — придумывать свои варианты валют. Их появилось в 2012–2014 годах немерено. Большая часть из них не выжила, поскольку ничего интересного в себе не содержала. Однако события, связанные с выпуском криптовалюты “на коленке”, сарафанное радио, вирусный маркетинг сделали своё дело. Информация о чём-то новом, непонятном, с какой-то внутренней ценностью стала доступной не только узким кругам продвинутых ай-тишников, но и преступникам, отмывателям денег, биржевым спекулянтам.

В 2014 году случился первый экспоненциальный подъём курса биткойна. Меньше чем за год он поднялся с 200 до 1200 долларов и превысил цену унции золота. Затем пошёл вниз. Из внутренней валюты биткойн-блокчейна он превратился в криптовалюту — инвестиционный актив, который может купить или продать любой желающий. Прежде всего, не для того, чтобы биткойном за что-то расплачиваться, хотя это было и остаётся важной функцией, а главное, чтобы им спекулировать — покупать и продавать. В итоге биткойн де факто стал деньгами. Правда, в мире почти никто не признаёт криптовалюты за деньги. В первую очередь, не признают центральные банки. Банки и правительства называют биткойн и другие криптовалюты инвестиционным активом или особым классом товаров, но, по сути, появились именно деньги. Деньги — это не просто средство обмена. Вот что пишет о деньгах в книге “eMoney. Неофициальная биография денег” банкир и публицист Феликс Мартин: “Можно сказать, что в центре новой теории денег лежит идея кредита. Деньги — не средство обмена, а социальная конструкция, состоящая из трёх фундаментальных элементов. Первый из них — абстрактные единицы ценности, в которых измеряются деньги. Второй — система счетов, благодаря которым можно вести учёт долгов и кредитов физических лиц или учреждений и осуществлять торговлю между ними. Третий — возможность передачи кредитором полученного обязательства третьей стороне для погашения другого долга”.

Деньгам не обязательно быть золотом или серебром. Уже в XVIII веке они сбросили вещественную форму и стали бумажными. Затем валюты превратились в программный код, передаваемый сигналами, ничем не отличающимися (за исключением юридической нормы) от биткойна. Различие в том, что эмиссии, то есть выпуск денег, могут делать только центральные банки государств или групп государств (ЕС). Больше никаких отличий сегодня нет. Более

* Сатоши Накамото — псевдоним человека или группы лиц, разработавших протокол криптовалюты биткойн.

того, биткойн, объём которого ограничен, хотя бы этим отличается от эмиссии долларов, евро и т. п.

О блокчейн-технологиях

Напомним, что блокчейн-технологии базируются на децентрализованных или P2P сетях с открытым исходным кодом, которые используют криптографические средства проверки транзакций и обеспечения работы сети, не полагаясь на стороннюю компанию. Криптоактивы функционируют как форма цифровых средств, позволяющих осуществлять прямые платежи и иные транзакции силами самих участников сети между собой. Они предоставляют вычислительные мощности своих компьютеров и получают за это вознаграждение в виде так называемых токенов.

В настоящее время технология блокчейн наиболее широко используется в инвестиционной сфере. Блокчейн-технология имеет также громадные перспективы за пределами инвестиционно-финансовой сферы для хранения распределённых ресурсов различного рода, проведения референдумов и голосований, повышения надёжности логистических сетей и т. п. В 2018 году по оценкам исследовательской группы Всемирного экономического форума в Давосе наиболее быстро развиваются не привычные – открытые – блокчейн-сети, типа эфириума, биткойна и т. п., а закрытые корпоративные и государственные блокчейн-сети, базирующиеся на своих уникальных протоколах. Эти сети не проводят ICO, их токены невозможно купить на криптообменных биржах, их платёжные средства не котируются в криптообменниках.

По состоянию на начало июля 2018 года общая капитализация криптовалютного рынка составила примерно 280 млрд долларов, что на порядок больше, чем в мае 2017 года. На рынке крипторесурсов продолжает доминировать биткойн, на долю которого приходится примерно две пятых от общей капитализации рынка криптовалют. При этом его доля снижается. В начале 2017 года на биткойн приходилось почти четыре пятых.

Любая инновация, а тем более высокая технология используется как в законных, так и в криминальных целях. Мало кто знает, что, например, автомобиль в США впервые был использован сначала преступниками, чтобы гарантированно оторваться от погони, а уж затем поступил в распоряжение правоохранителей. Блокчейн-технологии как технологический пакет, включающий математические, программные, юридические, финансово-экономические и социальные инновации, также используются, с одной стороны, бизнесом, государствами, гражданским обществом, а с другой – преступниками и террористами.

О противоречивых оценках криптовалюты и блокчейна свидетельствует следующий любопытный факт. В мае 2018 года одной группой экспертов Европарламента был подготовлен весьма тревожный доклад об использовании преступниками и террористами криптовалюты и технологии блокчейн. А уже в июле 2018 года другой экспертной группой для того же Европарламента выпущен доклад, в котором содержится вывод о том, что криптовалюту следует признать полноценным финансовым инструментом, а технология блокчейн делает криптовалютные транзакции относительно безопасными, прозрачными и быстрыми.

Если криптовалюты и блокчейн – это “наше всё” в “чудном новом цифровом мире”, то почему тогда всё чаще такие организации, как Интерпол, Европол, FATF (международная группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег) бьют тревогу по поводу криминальных явлений вокруг криптовалюты и блокчейна? А Управление по наркотикам и преступности ООН вопрос об использовании преступниками криптовалюты и технологии блокчейн поставило в число первоочередных на рассмотрение очередного – 14-го Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, который состоится в 2020 году в Киото (Япония)? И почему 3 июля 2018 года пять стран – Австралия, Канада, Нидерланды, Великобритания и США объявили о создании Международного альянса J5 по борьбе с серьёзными международными преступлениями, отмыванием денег и киберпреступностью посредством использования криптовалют?

Первое, на что следует обратить внимание: основной оборот криптоактивов сегодня связан не с их использованием в качестве платёжных средств

либо ключей доступа к приложениям и сервисам, а в спекулятивных целях. Великие инвесторы, например, Уоррен Баффет и Джон Богл, чётко различают на финансовых рынках инвесторов и спекулянтов. Инвесторы вкладывают деньги на долгосрочную перспективу, стремятся так или иначе способствовать улучшению управления компанией, чьи акции они приобрели, повышению её экономических показателей. Спекулянтов же интересует только прибыль, полученная за счёт разницы цен покупки и продажи, раньше на интервале дней и часов, а с появлением торговых роботов – минут и секунд.

По сути, ещё не реализовав свою заявленную функцию, токены становятся предметом спекуляции. Более того, есть основания полагать, что значительная часть токенов вплоть до своей естественной кончины так и останется предметом операций купли-продажи между криптовалютными спекулянтами и никогда не перейдёт в функциональную фазу. Токены так и не станут реально используемыми платёжными средствами, ключами, обеспечивающими доступ к действительно работающим и нужным приложениям или электронной формой подтверждения права собственности на любой актив, признанной регуляторами.

Согласно отчёту ФБР, опубликованному в апреле 2018 года, примерно 85% токенов, в настоящее время обращающихся на криптовалютных биржах, не подкреплены какими-либо инфраструктурными решениями, пытаются реализовать заведомо ненужные потребителю проекты либо не обладают достаточным уровнем квалификации команд разработчиков. Причиной такого положения ФБР называет беспрепятственное проведение первичных предложений монет (ICO).

ICO представляют собой способ сбора средств, альтернативный венчурному капиталу. По мнению ФБР, подавляющее число инициаторов ICO уже в момент его проведения знают о нереализуемости проекта. Сотрудники ФБР, а также представители налоговых органов ряда англоговорящих государств провели анализ использования средств, полученных от ICO руководителями команд блокчейн-проектов. Выяснилось, что значительная часть средств инвесторов тратится либо на личные цели – покупку машин, домов и даже самолётов, – либо на рекламные цели, поддерживающие интерес инвесторов и широкой публики к данному токену.

Криптоактивы используются не только в мошеннических целях, но и как способ оплаты, предназначенный для криминальных онлайн и офлайн рынков. Начиная с 2014 года ЮСТА Европола пытается оценить направления и масштабы использования киберпреступниками криптовалют как платёжных средств. Согласно докладу ЮСТА 2017 года, уже сегодня анонимные криптовалюты стали главным инструментом оплаты в сфере электронного вымогательства с использованием кибервирусов. Хакеры требуют биткойны в качестве оплаты при вымогательстве. По данным Европола, только в 2016 году полицейскими органами государств ЕС было зафиксировано более 50 крупномасштабных вымогательств со стороны киберпреступников. Средний размер требуемого ими выкупа составлял примерно 2 млн долларов. В 2016 году почти 16% монет были связаны с вредоносными программами, такими как Locky. В 2017 году это были WannaCry и NotPetya.

Американская компания по кибербезопасности Chainalysis обнаружила, что в первой половине 2017 года на американских криптовалютных биржах было безвозвратно украдено 75 млн долларов. Криптообменные платформы, хотя и называют себя биржами, действуют не только вне правового поля, но и в условиях отсутствия программно-аппаратного аудита их инфраструктуры. Поэтому ежегодно несколько крупных криптовалютных бирж объявляют о своей кончине, забирая десятки миллионов долларов своих пользователей, либо сообщая о крупномасштабных кражах из кошельков, открытых пользователями биржи. В отчёте компании CipherTrace, которая выявляет финансовые преступления на основе анализа криптовалютных транзакций, за первое полугодие 2018 года с криптобирж было украдено криптовалюты в три раза больше, чем за весь 2017 год.

Ещё одной прибыльной формой киберпреступности является криптоджекинг. Преступники скрытно устанавливают на компьютере, гаджете жертвы собственное программное обеспечение и используют сторонние компьютеры, как свои собственные. Главным образом, жертвами оказываются не столько

частные лица, сколько компании и корпорации. Согласно индексу глобальной оценки угроз Агентства Reuters, как минимум 55% компаний Великобритании стали жертвами криптоджекинга. Их компьютерные мощности были задействованы киберпреступниками для проведения криминальных операций. Если несколько упростить реальную ситуацию, то можно сказать, что в то время как проекты *falecoin* и *golem* только реализуются, киберпреступники уже создали свой вариант аналогичных блокчейн-технологий и активно используют их в преступных целях. Британский Национальный Центр кибербезопасности и Национальное Агентство по борьбе с преступностью указали, что в 2018–2020 годах криптоджекинг станет одной из главных форм высокоорганизованной преступности. Первоначально криптоджекинг возник как форма использования сторонних вычислительных ресурсов для проведения майнинга. Затем майнинг был расширен на другие сферы, в том числе создание распределённых бот-сетей или компьютерных распределённых мощностей для проведения DDoS атак и других кибернападений.

Криптовалюты также являются предпочтительно формой оплаты в *dark web* и конкретно в сети *Tor*. Согласно данным Интерпола, в 2010–2016 годах в сети *Tor* было реализовано оружия, наркотиков, контрафактных изделий, поддельных паспортов, педофильского контента на сумму более 2 млрд долларов исключительно в криптовалютах. На ранней стадии исключительным платёжным сервисом был биткойн. Начиная с 2014 года, стала расти доля других анонимных платёжных средств, в первую очередь, *Monero* и *Dash*. Практически полностью в криптовалютах существует наиболее быстроразвивающийся криминальный рынок – сервис “преступление как услуга”. Этот рынок работает подобно *Amazon* или *eBay*, что позволяет клиентам отслеживать репутацию преступных провайдеров услуг.

Имеются также данные, свидетельствующие, что криптовалюты всё чаще используются в схемах отмыывания денег организованными преступными группами. По данным Европола, через криптовалюты ежегодно отмывается 3–4 млрд евро или 3–4% незаконных доходов, отмываемых ежегодно через ЕС и Великобританию. Общая сумма отмываемых средств составляет в настоящее время примерно 100 млрд долларов ежегодно, а доля использования криптовалют растёт по экспоненте. В прессе сообщалось, что колумбийские и мексиканские наркокартели широко используют анонимные криптовалюты, прежде всего, *Monero* и *Dash* для отмыывания доходов, полученных в Европе от поставок из Колумбии, и США – из Мексики.

На состоявшихся в феврале-марте 2018 года встречах руководства FATF с руководством Интерпола и Европола была подтверждена полная и безусловная поддержка FATF со стороны Европола и Интерпола в работе по анализу и прогнозированию криптоэкономики и криптофинансов. Руководители Европола и Интерпола заверили, что приложат все усилия, чтобы правоохранительные органы всех стран, входящих в эти организации, в качестве приоритетной рабочей задачи занимались анализом использования криптоэкономики и других финансовых инноваций и пресечением их использованием мошенниками, преступниками, террористами и другими деструктивными субъектами, разрушающими глобальную финансовую и экономическую систему.

Оценка рисков использования террористами и киберкриминалом криптовалют

За исключением операции ФБР по ликвидации онлайн рынка “Шёлковый путь” в сети *Tor* и ещё нескольких незначительных случаев, у правоохранительных органов в мире имеется лишь небольшое количество подтверждённых примеров использования криптовалют для отмыывания денег и финансирования терроризма. В этой связи у экспертов, изучающих новые формы преступности, часто возникает вопрос, почему киберпреступники и террористы, активно использующие достижения высоких технологий, применительно к криптовалютам ведут себя робко и мало используют эту технологическую возможность?

В недавнем исследовании взаимосвязи криптовалют и терроризма, проведенном для Европарламента (май 2018 года), называются террористические акторы, которые должны были бы активно использовать криптовалюты, но не делают этого:

– одиночные акторы, которые не имеют официальных связей с центральными преступными или террористическими группировками, но действуют в соответствии с их призывами. Многие одиночные акторы, особенно в Европе и Северной Америке, обладают высоким уровнем компетенций в области информационных технологий и активно используют их для кибернападений;

– небольшие группы и состоящие из них сети, которые связаны с преступными ядрами и центрами террористических группировок лишь посредством онлайн связей;

– организация командования и управления без единого центра. Например, Аль-Каида – группа, контролирующая определённые территории, через такие группировки, как Боко Харам, Аль-Шааб и т. п.

Все они сосредотачивают свою активность в финансовой сфере на следующих операциях:

– сбор средств различными путями, включая криминальный краудфандинг, сбор пожертвований или изъятие средств легальных бизнесов на добровольной либо принудительной основе;

– перемещение средств в основном путём перевода финансовых ресурсов через международную банковскую структуру или официальные и неофициальные системы перевода наличных средств;

– хранение средств. Например, путём создания резервов наличных денег или размещения безналичных финансовых ресурсов в наиболее защищённых офшорных зонах типа Лихтенштейна, Арубы и Сингапура.

Согласно данным Европола, из 76 случаев террористических и преступных операций, связанных с использованием оружия в 2015–2017 годах, в 72 фигурировало использование наличных денег, а в оставшихся 4 – перевод на безналичные фиатные счета. Ни в одном из случаев не были использованы криптовалюты.

В Соединённых Штатах на сегодняшний день установлен только один случай использования криптовалют для поддержки терроризма. В июне 2015 года молодой человек из Вирджинии Али Шукри Амин был осуждён в США за предоставление материальной поддержки ИГИЛ. Получив информацию из Твиттера о закрытом портале в Тог, он перевёл несколько биткойнов на указанный на портале счёт ИГИЛ.

Что касается финансирования текущих операций крупных террористических групп, например, таких, как Аль-Каида и ИГИЛ, а также организованных преступных группировок, в 2017 – начале 2018 года не было установлено ни одного случая использования для этой цели криптовалют. Причина этого вполне очевидна. С одной стороны, подобного рода группировки, как правило, получают деньги от взимания своего рода незаконного налога с бизнесов на контролируемых территориях или возглавляемых людьми, симпатизирующими этим организациям. Всё это происходит в наличных деньгах. С другой стороны, эти сети давно установили связи с легальными банковскими институтами, через которые и проводят текущие операции. Более того, эксперты полагают, что финансовые институты знают о преступном происхождении средств и, тем не менее, открывают счета таким акторам.

По мнению экспертов Европарламента, главная причина незначительного использования террористами и организованной преступностью криптовалют заключена в нескольких обстоятельствах.

Во-первых, террористы и преступники с подозрением относятся к криптовалютам, поскольку считают биткойн созданием американского разведывательного сообщества, в состав которого входит ФБР. Они подозревают, что одной из целей создания криптовалют является перемещение преступных и террористических транзакций в эту сферу с установлением, в конечном счёте, отправителей и получателей денежных средств.

Во-вторых, террористические сети возглавляются людьми, чей средний возраст попадает в основном в промежуток от 35 до 50 лет. Эти люди не понимают сути криптовалют и, соответственно, испытывают к ним недоверие, а потому отрицательно реагируют на предложения более молодых членов террористических и преступных организаций использовать криптовалюты.

Наконец, в-третьих, ОПГ и террористы видят особо пристальный интерес международных и национальных финансовых организаций и правоохранительных структур к сфере криптовалют. Соответственно, они не хотят оказывать в поле зрения их интересов.

В то же время эксперты Европарламента полагают, что буквально в ближайшие год-два положение изменится. Террористические сети и международные преступные группировки имеют распределённый характер и действуют не только в разных странах, но и на разных континентах. Одним из главных направлений блокчейн-технологий является резкое удешевление при сохранении высокого уровня надёжности межгосударственных финансовых транзакций. Для террористических и преступных организаций так же, как и для законного бизнеса, является весьма ощутимой разница между 5–7% и 1,5–2%, которые берут за перевод соответственно банки и традиционные процессинговые компании, – с одной стороны, и платёжные системы, базирующиеся на Ripple и Stellar, – с другой. В первую очередь, использование террористами и организованной преступностью криптовалют будет происходить по линии платёжных систем, базирующихся на блокчейне.

Кроме того, из-за слабой подготовленности правоохранительных органов к работе в сфере криптовалют международная общественность, возможно, не знает о том, что организованная преступность и террористы уже активно вовлечены в сферу криптовалют, но не как пользователи технологии блокчейна, а как хозяева групп, которые в 2016–2018 годах провели ICO. Согласно оценке Банка международных расчётов, примерно 90% ICO несут либо мошеннический, либо дилетантский характер. При этом, только в 2017 году за счёт ICO было извлечено 8 млрд долларов. Поскольку ICO никак не регулируются, то команды, проводившие ICO, не несут никакой ответственности перед лицами, вложившими деньги.

Всего в 2017–2018 годах была сделана попытка реализовать почти 960 проектов ICO. 194 проекта не справились и закрылись либо на стадии предпродажи токенов, либо сразу после проведения неудачного ICO. 282 проекта перестали обновлять свои сайты, публиковать новости в блогах, не отвечают на контакты. Таким образом, половина проектов ICO приказала долго жить. По нашим данным, включающим и первый квартал текущего года, сумма прямых потерь инвесторов составила 140–150 млн долларов. Кроме указанных проектов, по нашим данным, ещё 131 проект имеют незначительное число подписчиков в социальных сетях и коммуникаторах, общаются с сообществами от случая к случаю и не обновляют блоги. С чрезвычайно высокой степенью вероятности можно говорить, что эти проекты так же уверенно движутся по пути к катастрофе. Таким образом, почти две трети, а точнее – около 63% блокчейн-проектов, осуществивших ICO, либо уже мертвы, либо отправятся в ближайшее время на цифровое кладбище.

Политические экстремисты гораздо чаще, чем террористы, используют высокие технологии. По данным ФБР, на конец 2016 года ультраправые американские экстремисты активно использовали биткойны и анонимные криптовалюты для сбора средств. В последнем докладе Европола о ситуации с терроризмом, выпущенном в 2017 году, отмечается, что правые политические нерелигиозные экстремисты собирают пожертвования на закрытых сайтах в биткойнах и Dash.

По мнению экспертов Европарламента, наиболее вероятным направлением использования террористическими акторами блокчейн-решений будут уже во второй половине 2018 года основанные на блокчейне платёжные сервисы. Террористов и организованных преступников, помимо дешёвизны, к подобного рода сервисам влечёт отсутствие регулятора. Не только банковские и карточные платёжные сервисы предусматривают контроль со стороны центральных банков либо министерств финансов, но и такие платёжные электронные сервисы, как PayPal. Блокчейн платёжные сервисы реализуются в протоколах P2P и не позволяют правоохранительным органам или органам банковского контроля отслеживать, а тем более блокировать подобного рода транзакции.

Наибольшую опасность в этом плане представляют беженцы из районов Ближнего и Среднего Востока – от Сирии до Афганистана.

Согласно исследованиям Корнельского и Бристольского университетов, эмигрантам с Ближнего Востока в среднем необходимо два-три года для полной адаптации в местах нового проживания, обретения навыков использования в полном масштабе даров информационно-коммуникационных технологий. Поскольку поток мигрантов в Европу начался в 2011 году, а массовые масштабы принял с 2014-м, то в 2018 году можно ожидать, что значительная часть платежей легальных и нелегальных мигрантов из Европы в страны

Ближнего Востока будет так или иначе контролироваться террористическими сетями и албанскими и другими ОПГ с господствующим мусульманским вероисповеданием в странах ЕС.

Что касается высокотехнологичного бизнеса, то здесь ситуация иная. Например, ФБР стало известно, что мексиканский наркокартель Зетас, основное ядро которого составляют бывшие военные и полицейские, в настоящее время контролирует сеть из нескольких десятков банкоматов, где можно обменять биткойны и другие криптовалюты на мексиканские песо. Известно, что колумбийские наркоторговцы в 2017 году зондировали вопрос о приобретении базирующейся в Польше криптовалютной биржи. Благодаря усилиям польской полиции и Европола, эта попытка была пресечена.

Гораздо большую озабоченность вызывает феномен блокчейн-преступности. Сегодня с полным основанием можно говорить о том, что наряду с киберпреступностью появилась блокчейн-преступность. Блокчейн-преступность, строго говоря, не является частью киберпреступности. Объясняется это тем, что блокчейн – это не только программное решение, относящееся к киберсреде, но и одновременно финансовая, организационная, бухгалтерская и даже правовая инновация. Кроме того, в отличие от киберрешений, блокчейн фантастически привлекателен для поколения 20–30-летних как способ быстрого делания денег.

Для того чтобы дать представление о масштабах и темпах роста блокчейн-преступности, приведём некоторые цифры. По данным Британской банковской ассоциации, за 2012–2017 годы инвесторы из-за краж платёжных кошельков или взломов криптобирж потеряли средства, приближающиеся к 2,5 млрд долларов. В том же исследовании Британской банковской ассоциации указывается, что в 2015–2017 годах объём преступлений, связанных с блокчейн-проектами, рос темпами 370% в год. Приведённые данные показывают, что, по крайней мере, сегодня и на ближайшую перспективу главная проблема – это не использование террористами блокчейн-технологий, а использование блокчейн-технологий высокотехнологичными преступниками. Криптоэкономика, подобно любому экономическому сектору, создала возможность для появления внутренней преступности, которая действует в самом секторе, глубоко зная его писанные и неписанные традиции и разбираясь в хитросплетениях инноваций на порядок лучше правоохранителей.

В значительной степени сегодня для преступников и террористов возможность воспользоваться преимуществами децентрализации зависит от готовности блокчейн-предприятий, прежде всего, криптообменных бирж, принять на себя требования, предъявляемые к финансовым институтам в той или иной юрисдикции. Наибольший оборот криптообменов осуществляется на биржах США, Гонконга и Японии. Практически все эти биржи приняли на себя обязательства реализовывать правило “знай своего клиента” и предоставляют по требованию правоохранительным органам данные о транзакциях.

В то же время вызывают опасение планы создания криптообменных бирж в регионах, где не соблюдается международное законодательство и плохо реализуются меры по борьбе с оффшорами. В первую очередь, это относится к Центральной Америке и некоторым Латиноамериканским странам. Приведённые выше случаи, а также статистические данные свидетельствуют о небольших пока масштабах и спорадическом использовании криптовалют террористами, политическими экстремистами и низкотехнологичными организованными преступниками.

В настоящее время основные риски развития преступности лежат не во вне, а внутри блокчейн-экономики. Сама по себе блокчейн-экономика достаточно криминализована. Террористические акторы, стремящиеся работать в онлайн средах, требующих комбинации анонимности и децентрализации, пока предпочитают пользоваться допотопной Хавалой и другими подобными схемами, а не технически сложными, требующими квалификации блокчейн-решениями. Однако это положение неизбежно в ближайшее время изменится.

Что делать?

В июне 2015 года FATF опубликовал подробные рекомендации по борьбе с отмыванием денег и рисками, связанными с использованием криптовалют. К настоящему времени эти рекомендации, особенно в части криптовалют,

по мнению многих экспертов уже несколько устарели. Поэтому FATF в этом году готовится выпустить новые стандарты противодействия легализации преступных доходов и финансирования терроризма с помощью криптовалютных операций.

В разных странах наблюдается разноречивость в регулировании. Едва ли не самая противоречивая политика в отношении блокчейна и криптовалют реализуется в России. С одной стороны, российские правоохранительные органы и Министерство финансов требовали принятия законодательства, предусматривающего полный запрет частных блокчейн-сетей и проектов, а также установления табу на использование биткойна как «суррогата денег». В период с 2014-го по 2017 годы Центральный банк РФ постоянно предупреждал физических и юридических лиц о проблемах, с которыми они могут столкнуться не только со стороны блокчейн-мошенников, но и правоохранительных органов из-за анонимного характера криптовалют и высокой вероятности невольного вовлечения в незаконную деятельность, прежде всего, связанную с отмыванием денег. Руководители финансовых и правоохранительных органов в период с 2014-го по первую половину 2017 года выступали за введение уголовного наказания за использование анонимных криптовалют, а также за участие в ICO за пределами России без выплаты налогов.

С другой стороны, президент России В. Путин стал единственным лидером стран G20, который имел встречу с Виталиком Бутериным и представителями фонда «Эфириум». После встречи позиция ЦБ, Минфина и правоохранительных органов заметно изменилась. Она состоит в том, что токены рассматриваются не как денежные суррогаты, а как инвестиционные активы или инвестиционные товары, которые могут приобретаться, храниться, покупаться и продаваться российскими гражданами.

В настоящее время в Госдуме рассматривается три законопроекта – о цифровых финансовых активах (криптовалютах), о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ (краудфандинг). Первый законопроект даёт определение цифровых финансовых активов, относя к ним криптовалюту и токен, и законодательно закрепляет новый вид договора, заключаемого в электронной форме, – смарт-контракт, исполнение обязательств по которому осуществляется с использованием цифровых финансовых технологий. Второй законопроект регулирует отношения по привлечению инвестиций юрлицами или индивидуальными предпринимателями посредством инвестплатформ и определяет правовые основы деятельности операторов таких платформ. Третий – вводит в гражданское законодательство понятие «цифровое право» и «цифровые деньги» (в обиходе – криптовалюта). Согласно законопроектам, российским гражданам будет разрешено участвовать в криптоэкономике, а российским предпринимателям дадут возможность заниматься блокчейн-проектами в России и за рубежом. В целом нынешнее отношение России к криптовалютам можно считать инновационным и лояльным, даже более лояльным, чем в США.

По состоянию на первое полугодие 2018 года ЕС имеет наиболее развитое и непротиворечивое законодательство по блокчейн-экономике. Главная направленность этого законодательства – блокировка возможностей для высокотехнологичных преступников развернуть в Европе блокчейн-преступность или использовать криптовалюты в операциях киберпреступников или террористов.

ЕС и Европол поддерживают, и более того – считают необходимым создание в ближайшее время общеевропейских и национальных частно-государственных партнёрств содействия блокчейн-экономике. Одной из главных функций этих партнёрств должно стать очищение отрасли от криминала, связей с терроризмом и недопущение превращения криптоэкономики в базу блокчейн-преступности. Имеется в виду, что такой подход позволит сочетать имеющиеся у правоохранительных органов информационные, исследовательские и силовые возможности с программно-аппаратной базой и финансовыми ресурсами, которыми располагает блокчейн-отрасль.

Также Европол и ряд комиссий ЕС полагают необходимым ввести в официальный оборот тщательно отредактированный термин «блокчейн-криминал», выделив его из киберпреступности. Блокчейн-криминал имеет собственные отличительные черты, сферу деятельности – блокчейн-экономике – и специфические формы реализации – мошеннические ICO, манипуляции рынками токенов, кражу клиентских средств и т. п.

По мнению Европола, определение, а тем более борьба с блокчейн-преступностью не должны быть делом исключительно правоохранительных и судебных органов и структур ЕС. К этой работе изначально должны быть привлечены как равные партнёры представители блокчейн-бизнеса, университеты и исследовательские центры, анализирующие криптоэкономику и подготавливающие новые решения в области одноранговых транзакций, криптографии, юридических решений, связанных со смарт-контрактами и т. п.

Анализ практики развития криптоотрасли предполагает, что законодатели и правоохранители должны перестать видеть в криптоиндустрии неизбежное зло, с которым надо бороться всеми возможными методами, непрерывно ужесточая законодательство и практику правоприменения. Сегодня, а тем более завтра главной задачей становится вычленение внутри криптоиндустрии технологий, сегментов и практик, которые использует уже сформировавшаяся блокчейн-преступность и в которых заинтересована киберпреступность, традиционные ОПГ, коррумпированное чиновничество, отмывающее деньги, и террористы всех мастей. Отрасль уже накопила эмпирические данные, позволяющие правоохранительным и законодательным органам вести целевую адресную работу по сокращению, а в идеале – по пресечению блокчейн-технологий и организационных решений, порождающих криптопреступность, и необходимых для террористов и организованной преступности.

Криптоотрасль развивается на основе комплекса сложных технологий, которые должны регулироваться принципиально новыми правоохранительными нормами и процедурами.

К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день незаконные субъекты, прежде всего, криптопреступники адаптируются, и более того, в каком-то смысле развивают блокчейн-технологии существенно быстрее, чем правоохранительные и законодательные органы вникают и понимают эти технологии, а соответственно – принимают решения.

Поэтому сегодня крайне важно, в том числе и для России, чтобы государство обеспечило эффективную работу по повышению уровня компетенций сотрудников правоохранительных органов в области блокчейн-экономики.

Необходимо разработать учебные программы и практические базовые технические курсы для всех правоохранителей, занятых борьбой с блокчейн-преступностью. Следует поддержать предложения Европола сформировать в полиции государств Европы специализированные группы или межведомственные команды по борьбе с блокчейн-преступностью, укомплектовав их специалистами, обладающими профессиональными знаниями блокчейн-технологий.

Целесообразно на международном и национальном уровне создать постоянно пополняемые базы данных, касающиеся всех аспектов блокчейн-криминала как в плане используемых технологий, так и в контексте субъектов преступности, включая ОПГ и отдельных криптопреступников.

Наряду с учётной и информационно-аналитической компонентами повышения уровня готовности правоохранителей противодействию блокчейн-преступлениям и использованию криптоотрасли террористами, большое значение имеет разведывательная работа. Благодаря специфике блокчейн-отрасли, у правоохранителей есть все необходимые предпосылки для качественного улучшения разведывательной работы и повышения уровня осведомлённости.

В блокчейн-отрасли, как ни в одной другой сфере высоких технологий, популярны локальные и глобальные, закрытые и открытые встречи, симпозиумы, конференции, хакатоны по различным аспектам криптоиндустрии и блокчейн-экономики. Кроме того, существует множество медиа и распределённых социальных площадок для обмена мнениями по вопросам криптоэкономики и блокчейн-инвестирования. До настоящего времени правоохранительные органы явно недостаточно используют возможность работы в открытой среде. Без изменения положения создать обширную, постоянно пополняемую и детальную базу данных по блокчейн-криминалу и сращиванию блокчейн-индустрии в лице отдельных её представителей и команд с ОПГ и криминалом не представляется возможным. Поэтому наряду со сквозным обучением, созданием информационным банков, оперативно-розыскная деятельность должна стать третьим основным направлением работы в ближайшее время.

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

ОЖИДАНИЕ ПЕРЕМЕН*

Прежде чем высказать свои соображения о состоянии нынешней социально-экономической модели России, в первую очередь следует проанализировать положение либерализма в мире в последние четверть века. Рассматривать эти проблемы в отрыве друг от друга, полагаю, было бы неправильным.

Как известно, команда Е. Гайдара под руководством Б. Ельцина взяла на вооружение экономическую модель “чикагской” школы и ее вдохновителя М. Фридмана, а также в качестве ее основ – положения “Вашингтонского консенсуса”. Принятие теории монетаристской политики и доктрины “Вашингтонского консенсуса”, как известно, произошло сразу же после распада Советского Союза.

Естественно, возникает вопрос: а остался ли мир тем же, каким он был четверть века назад, в то трагические для нас время? Может быть, мир до сих пор свято верит в навязанные постулаты “Вашингтонского консенсуса”? Или он изменился и уже совсем не тот, что был?

Неолиберализм и “Вашингтонский консенсус” в современном мире

В этой части главы мной использован материал статьи известного ученого и общественного деятеля Г. Джейкобса, опубликованной в журнале “Мир перемен”.

Распад Советского Союза, серьезные изменения в политической системе Восточной Европы для западного демократизма не означал победы, он только убрал противовес гуманистической привлекательности социализма. Находясь в эйфории от этих исторических событий, о которых они мечтали десятки лет, европейские страны пошли по пути, который в конечном итоге привел к угрозе стабильности и устойчивости западного общества.

Все это привело к глобализации, финансиализации, глобальным слияниям, международным налоговым гаваням, максимизации акционерной стоимости, захвату государства олигархами и плутократией, – а это, в свою очередь – к увеличению экономического неравенства, росту поляризации и дестабилизации общества и превращению политических процессов в хаос. Равновесие политических, экономических и правовых принципов было нарушено.

Подобная политика западных обществ выразилась в борьбе за эгоистические корыстные интересы не самого передового меньшинства, пытающегося

* Журнал продолжает публикацию глав из книги видного политического и хозяйственного деятеля Н. И. Рыжкова “Тернистый путь России”. Начало в №7 за 2018 год.

навязать свои идеи подавляющему большинству. Корпоративная власть и власть денег превращают представительные правительства в плутократических псевдореформаторов. Идеалы человечества игнорируются и существуют только в риторике. Достижения цивилизации стали хрупкими и шаткими. В результате появилось довольно большое количество популистов и автократов, выросла организованная преступность, которая проникает в аппарат правительства для удовлетворения своих экономических интересов.

Окончание “холодной” войны, распад СССР, уход с политической арены Восточной Европы и Центральной Азии, воссоединение Германии должны были привести мир к свободе и процветанию.

Многие западные лидеры были убеждены, что эти события являются окончательным торжеством идеологии, выразителями которой были Р. Рейган и М. Тэтчер в 1980-х годах. Изменения в восточноевропейских странах они расценивали как триумф западной экономической и политической системы, считая, что это окончательная победа либеральной демократии, мудрость рынка и “Вашингтонского консенсуса”. Они считали, что освободив стихию необузданного капитализма, денационализируя предприятия государственного сектора и проведя демонтаж системы социальной защиты людей, они за последние десятилетия повысили уровень жизни в Западной Европе до небывалых высот.

Широко распространилась “пьяная” эйфория идеологов тех событий. Довольно старый бренд капитализма, дискредитированный после Великой депрессии, вернулся в моду и приобрел силы. Многие бывшие коммунистические политики и лидеры, ученые сменили свою позицию и перешли на другую сторону, приняв новую ортодоксальность и бросились руководить распроданной государственной собственностью, что впоследствии было названо “величайшим ограблением в истории”.

Мало кто осознал, что конец политического противостояния между Востоком и Западом будет благодатной почвой для новой и более коварной угрозы западной демократии. Самопровозглашенные победители в идеологической битве упивались своими успехами. За десятилетия мировой рынок превратился в обширную зону для нерегулируемого капитализма, в новый Дикий Запад для захвата земли и спекуляций, для “глобальных азартных игр в казино”. Произошло быстрое перемещение корпоративных штаб-квартир в офшорные налоговые гавани, с тем чтобы избежать расчета за свои гигантские доходы с обществом, которое и обеспечивало их создание. Была разработана сложная система с целью уклонения от преследования налоговых органов. За 5 лет теневой банкинг увеличился с 1,3 трлн долларов в 2011 году до 31 трлн долларов. Корпорации начали направлять свои рекордные прибыли в слияния и поглощения, в выкуп акций, в офшорные налоговые гавани и в спекулятивные операции. В то же время капитальные вложения в НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы), в новые производственные мощности и новые рабочие места сократились за 2000–2010 годы на 21%.

Бум в ценах на недвижимость и сырьевые товары побудил бывшего председателя Федеральной резервной системы (ФРС) США А. Гринспена и его преемника Б. Бернанке отрицать, что в экономике страны формируется финансовый пузырь. Для них было полной неожиданностью, когда начался глобальный финансовый кризис 2008 года. Беспрецедентное количество денег было выброшено на мировые рынки для того, чтобы спасти финансовую отрасль от последствий ее же собственных действий — а в то же время миллионы американцев лишились своих домов и рабочих мест. Кризис, как известно, быстро распространился, рост безработных в Европе можно было сравнить только с периодом “ревущих двадцатых”.

До тех пор, пока коммунизм существовал как жизнеспособный соперник, капитализм был вынужден идти на компромисс между индивидуальной выгодой и социальным равенством. После разрушения СССР и Варшавского договора вместо укрепления либеральной демократии необузданная экономическая мощь стала самой большой угрозой для политической системы. Во всем мире власть денег и коммерческие интересы проникли повсюду и все больше контролируют сферу управления. По мнению специалистов, рост неолиберализма в последние десятилетия после окончания “холодной” войны — это захват политической, финансовой и корпоративной власти с помощью коррупции, который представляет собой угрозу будущему демократии.

И в заключение. Неолиберальная интеллектуальная структура оправдывает скрытые формы возвращения к закону джунглей, уроки же истории четко говорят о том, что наиболее широкое и справедливое распределение политической власти, социальных прав еще не осуществлено, и самая справедливая, жизнеспособная, процветающая и творческая система управления пока не создана.

Советское общество и социалистический строй ушли в небытие. Гибель СССР сильно повлияла на дальнейшее развитие капитализма практически во всех государствах мира. Уже 30 лет они не испытывают конкуренции, и все эти годы пытаются скинуть с себя обязательства по социальному обеспечению своих граждан, отказаться от уступок, на которые они ранее шли из страха перед серьезным и мощным конкурентом – Советским Союзом с его социальными достижениями.

Почти 30 лет не растут доходы людей в капиталистических странах. Например, у 99% населения США за эти годы доходы увеличились лишь на четверть, у сверхбогачей же, составляющих всего 1%, – более чем на 60%. Аналогичное положение в Европе. Здесь уже давно зарплаты сильно отстают от роста производительности труда. Наступление на трудящихся происходит по всем фронтам: сокращаются социальные гарантии, законодательство меняется в пользу работодателей, повсеместно уничтожаются профсоюзные организации и т. д.

Вот что происходит в мире при господстве одной лишь системы, к тому же основанной на модели неолиберальной экономики. Имея такие результаты – а о том, что это неизбежно произойдет при сломе конкурентной социально-экономической модели Советского Союза, говорилось и предупреждалось в те далекие годы, – можно ли и дальше продолжать и у нас в России эту обанкротившуюся политику? Не о благополучии 1% людей следует думать, а о жизни всего народа страны. Ведь в Конституции записано, что наша страна является социальным, а никак не компрадорским государством!

Итоги “Вашингтонского консенсуса” в России

Итак, мы познакомились с положением, создавшимся в экономиках западных “демократических” стран в последние 30 лет после разрушения Советского Союза и социалистического сообщества стран Восточной Европы. Если внимательно вникнуть в протекающие у них процессы, то можно сделать твердый вывод, что нечто подобное, может быть, со своей спецификой, произошло и у нас в России.

Что бросается в глаза – так это то обстоятельство, что такие совпадения произошли в странах с совершенно разными общественно-политическими системами: в странах с устоявшимися демократическими основами Запада и на постсоветском пространстве, где в течение десятков лет была иная общественно-политическая основа. Логический анализ позволяет сделать вывод, что происходящие в последние 30 лет экономические катаклизмы не считаются с существующими политическими системами. Неолиберализм, сам по себе ущербный, несет в реальную жизнь все то, о чем было высказано выше. Только такую оценку можно дать этой экономической модели.

Особенностью нашей страны в эти годы было то, что если на Западе неолиберализм попадал на почву действующих экономических моделей и постепенно их реформировал, то у нас после развала СССР была полностью разрушена существовавшая экономическая модель. В этом и заключается наша трагедия. “Отцы” чистого рыночного хозяйствования, уничтожив ненавистную им социалистическую экономическую модель, даже и не задумывались о том, чтобы создать новую. Да и западным учителям это было не только ни к чему, а даже вредно и опасно. Им нужна никем не управляемая, слабая страна с ее богатствами.

Вот так мы оказались не в поиске пропорционального соотношения “паруса” и “руля”, о которых говорил наш соотечественник В. В. Леонтьев, – а и вовсе без “руля и ветрил”. Это был двойной удар по экономике России.

И если сытый Запад лишь несколько потерял свой лоск, то мы откатились по многим жизненным позициям далеко назад. Я с большой горечью цитирую данные, опубликованные в 2017 году и демонстрирующие наши своеобразные “рекорды” по отсталости.

По уровню экономического развития мы скатились и прочно заняли 10-е место. Многие же другие страны за эти годы развивались весьма динамично и заняли передовые позиции в мире – например, Китай, Индия и т. д.

Мы занимаем первое место по снижению производства. Согласно статистическим данным Росстата, в промышленности страны уничтожено практически все, что немного сложнее производства зерна, хлеба, энергоресурсов (“трубная отрасль”), первичной металлургии и отверточной сборки продукции иностранных компаний.

Если за точку отсчета взять 1990 год и сравнить с 2016-м (последняя доступная статистика), то с производством у нас выглядит так:

- тракторы на колесном ходу – падение производства в 15 раз;
- кормоуборочные комбайны – в 20 раз;
- комбайны зерноуборочные – в 11 раз;
- экскаваторы – в 17 раз;
- бульдозеры самоходные – в 29 раз;
- тракторы гусеничные – в 270 раз.

Тяжелое же машиностроение, строительная и сельскохозяйственная техника и связанное с ними производство комплектующих уничтожено едва ли не полностью.

Станкостроение и оборудование для промышленного производства переживают не меньший кризис:

- станки металлорежущие – производство сократилось в 17 раз;
- станки деревообрабатывающие – тут всего лишь падение в 5 раз, что по современным меркам считается чуть ли не победой;
- машины кузнечно-прессовые – сокращение в 9 раз;
- станки ткацкие – в 2 670 раз;
- турбины паровые в пересчете на кВт – в 11 раз;
- турбины газовые в пересчете на кВт – в 2 раза.

В транспортном машиностроении дела немногим лучше. В первую очередь за счет отверточной сборки продукции иностранных компаний, если говорить о самом емком сегменте в денежном эквиваленте – производстве легковых автомобилей. Если брать только российские компании (АвтоВАЗ в первую очередь), то снижение производства с уровня 1990 года – примерно в 2,5–3 раза. Остальное – отверточное производство.

- По грузовикам сокращение в 6 раз;
- троллейбусы – в 11 раз;
- вагоны пассажирские (главный заказчик РЖД и Мосметро) – падение примерно в 2 раза;
- в целом неплохо смотрятся магистральные электровагоны – примерно на уровне 1990 года.

Если сравнивать нынешнее производство с прошлым, советским, то по добыче угля Россия скатилась до уровня 1957 года, по производству грузовых автомобилей – 1937 года, комбайнов – 1933 года, тракторов – 1932 года, вагонов – 1910 года, обуви – 1900 года.

Нельзя не отметить такие социальные “язвы”, как 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 3 млн уличных и привокзальных проституток, примерно 1,5 млн русских женщин “работают” на панелях Европы и Азии, 5 млн наркоманов, более 6 млн болеют СПИДом и т. д.

Российская Федерация “держит” первое место в мире:

- по числу детей, брошенных родителями;
- по числу взяток при поступлении в вузы;
- по числу разводов и рожденных вне брака детей;
- по числу педофилов;
- по смертности от самоубийств среди подростков 15–19 лет;
- по количеству самоубийств среди пожилых людей;
- по употреблению наркотиков – афганского героина. Около 100 тысяч россиян гибнет ежегодно от наркотической передозировки.

Это только некоторые данные о нашем “первенстве” в социально-экономической сфере.

Не менее впечатляют позиции, по которым мы занимаем второе место в мире:

- по уровню бюрократии;

– по распространению поддельных лекарств. 93% медикаментов, реализуемых через общедоступные аптеки, фальсифицированы и не соответствуют срокам годности. В России ежегодно реализуется на 300 млн евро фальсифицированных медикаментов.

По некоторым показателям нашей социально-экономической жизни мы занимаем в мире места, не достойные великой державы, государства, имеющего огромный потенциал. Итак, мы занимаем:

- 57-е место по качеству жизни;
- 62-е место по уровню технологического развития (между Коста-Рикой и Пакистаном);
- 97-е место по доходам на душу населения;
- 126-е место из 156 в рейтинге “честности чиновников”;
- 127-е место в мире по показателям здоровья населения;
- 134-е место в мире по продолжительности жизни;
- распространенность коррупции в России за 2006–2015 годы достигла африканского уровня;
- за последние десятилетия на 40% сократилось население на Дальнем Востоке и на 60% – на Крайнем Севере. В Сибири за годы после развала СССР исчезло 12 тыс. деревень и 290 городов.

В то же время у нас 1,5 млн чиновников – вдвое больше, чем в СССР. На взятки и подкуп должностных лиц ежегодно затрачивается около 33,5 млрд долларов.

Эти страшные цифры говорят о том большом неблагополучии, которое может привести к гибели нашей великой нации. Они звучат как приговор тем, кто четверть века назад взял на вооружение экономическую модель, направленную не на развитие, а на превращение нашей великой державы в заурядную третьеразрядную развивающуюся страну, выполняющую функции кладовой полезных ископаемых для жизни сытого Запада. Приведенные выше данные говорят о том, что за эти годы они сильно преуспели в этом, а мы, к сожалению, потеряли еще больше.

С великой горечью я описываю наши “достижения” за четвертьвековой период жизни нашего государства. Полагаю, что в подобном моральном состоянии находятся и те миллионы людей, которые жили и трудились в Советском Союзе, отдавая все свои силы и знания для развития своей Родины. Они, наверное, верили, что создают великую державу. Сейчас они – или все мы – задаемся вопросом: во имя чего мы преодолевали все трудности и невзгоды? Для того, чтобы Россия занимала в мире такие “почетные” места?

Невозможно на этом фоне объяснить людям, почему они живут с такими трудностями во всех отношениях, а в то же время в стране парад долларовых миллионеров и миллиардеров. Как им все это объяснить?

Для того, чтобы не быть голословным, я позволю себе привести некоторые данные мировой статистики об этой прослойке нашего общества. По итогам 2017 года у нас в стране более чем на четверть выросло число российских долларовых мультимиллионеров. Их теперь насчитывается 38 120 человек. По темпам прироста миллионеров Россия обошла Южную Корею (+23%) и Тайвань (+26%).

Согласно исследованиям, российские мультимиллионеры суммарно владеют 1,2 триллиона долларов. Это соответствует 73,5% ВВП России.

Ультрабогатых россиян с капиталом более 50 миллионов долларов в 2017 году было 2 620 человек, или 2% от общего количества в мире.

По итогам 2017 года у нас в стране насчитывалось более 220 человек с состоянием более полумиллиарда долларов, за год их количество выросло на 22%. По числу супербогачей Россия входит в первую десятку стран мира.

По опубликованным данным, почти 60% ультрабогачей России имеют второй паспорт или второе гражданство, а 45% из них ищут возможность постоянного проживания в другой стране.

Вот такая иллюстрация общего социально-экономического состояния нашей страны и положения отечественных толстосумов. Можно ли делать какие-либо оптимистичные выводы о дальнейшей жизни России при действующей экономической модели? Неужели небывалое расслоение общества – более 20 миллионов наших граждан, живущих за чертой бедности, с одной стороны, и несколько тысяч богачей с их образом жизни, бросающих вызов всему

обществу, с другой, – не требует от руководства страны настойчиво вести поиск требуемых перемен?

Для того чтобы лечить больных, сначала нужно установить диагноз. Все само собой не решится. Нужны конкретные действия – такова реальная обстановка и в этом наша ответственность перед нацией. И пусть приведенные выше тяжелейшие данные звучат как тревожный сигнал, призыв к действию в нашей стране.

Итак, можно с уверенностью говорить о полной исчерпаемости политико-экономической модели, взятой на вооружение четверть века тому назад. Она уже в ранние 1990-е годы проявила себя несостоятельной, не способной достичь поставленных целей – если не считать целями разгром собственной экономики и открытие страны как в экономическом, так и в политическом плане. Эксперимент принес такие плоды в виде тягот и невзгод для людей, которых мы не знали даже в годы Великой Отечественной войны.

Особенностью создавшейся в последние годы ситуации для российской элиты, сложившейся в рамках “Вашингтонского консенсуса”, является поток санкций, наложенный США на наши корпорации. Дело в том, что отечественные, если их можно так назвать, корпорации сделаны по образу и подобию западных транснациональных корпораций. Они превращены в открытые акционерные общества, чьи акции оборачиваются на контролируемых Западом фондовых и валютных биржах. Это главный риск для наших крупных компаний. И если ситуация нарастания ущерба выйдет за определенные рамки, то явно встанет вопрос об их национализации. Национализация же в нынешнем положении госбюджета будет весьма большой проблемой.

Развитие госпредприятий в условиях экономической автаркии было лишь при советской модели экономики. Тогда были не страшны никакие санкции, потому что внутренняя финансовая политика контролировалась не биржевыми спекулянтами, а государством. Капитальные вложения шли по линии государства и осуществлялись на плановой основе. Кредиты шли лишь на поддержание оборотных средств и стоили 1,5–2%.

Советский Союз был неуживчив для санкций, и это являлось его большим преимуществом. Сейчас же в России все понимают, насколько ошибочным было решение о полной открытости нашей политической и экономической системы для Запада, когда верхушке и многим отечественным недоброжелателям хотелось поскорее попасть в Европу. Российская элита пошла даже на отрыв от своего государства с тем, чтобы попасть во власть (акционерные общества) государств противника.

Состояние экономической войны с Западом стало шокирующим откровением для тех, кто “жизнь положил” для отказа от советского наследия и его уничтожения. Теперь-то им уже ясно, что основные положения той, советской системы были бы надежным защитным механизмом для них в нынешней ситуации. И все больше становится очевидным, что потребуются специальные решения по коренному изменению существующей экономической модели.

Однако осуществление серьезных изменений в нынешней экономической системе будет весьма сложным по политическим и психологическим мотивам. Россия слишком долго компрометировала эти принципы и слишком основательно вошла в мировой экономический порядок, где роль Госплана выполняет МВФ. Перестраиваться будет необходимо, но сложно, так как инерция колоссально велика.

Таким образом, в России необходим демонтаж западной системы, выразителем которой является “Вашингтонский консенсус”. Путин лишь подготавливал грядущие перемены. И чем дальше будет усиливаться давление на Россию, тем быстрее она вынуждена будет перейти к опоре на собственные силы. Вполне понятно, что элита в России решиться на это не способна, но наступает время, когда нация приходит к разрешению проблем путем долгих страданий и невзгод. В такие периоды элиты вырабатывают стратегию, спасающую народ от вымирания. Если же им это не удастся, они исчезают, и никто не вспоминает о них, кроме историков.

Сейчас инстинкт самосохранения российской элиты будет главным качеством, требующимся от нее в сложившейся ситуации. Недостатком современной системы государственно-монополистического капитализма является чрезмерная персонификация конфликта интересов. Конфликтуют крупные собственники и сросшиеся с ними чиновники, ставшие весьма состоятельными

собственниками. Такое срастание означает коррупцию и ослабление рычагов государственного влияния на бизнес и аппарат. Государство становится заложником интересов крупных корпораций, а также возглавляющих эти корпорации олигархов.

Отказ от четвертьвекового наследия представляется совершенно неизбежным следствием нынешнего глобального конфликта России с Западом. Мы должны трезво смотреть на это и понимать – страна оказалась перед лицом смертельной угрозы.

Необходимость перемен

Социально-экономический уровень развития нашей страны в последние четверть века явился, как уже было сказано, результатом взятия на вооружение неолиберальной школы и основных положений “Вашингтонского консенсуса”. Но даже это не освобождает руководство новой России от разработки новой системы социально-экономического управления.

Однако какого-либо продуманного проекта практически не было. В это время новый механизм управления складывался стихийно и слишком медленно. Правительство вынуждено было реагировать лишь на вновь возникающие текущие вызовы без постановки реальных стратегических целей и без движения к их достижению. Поистине, экономика “без руля и ветрил”!

В то же время нельзя сказать, чтобы совсем не было рекомендаций, куда и как идти российской экономике. Это были широко разрекламированные, но и быстро забываемые стратегии развития страны на каждые десять лет (до 2010 года, 2020, 2030... года и т. д.). Авторами их были практически одни и те же люди, да и основа их тоже была одинаковая, как заезженная колея: “меньше денег, больше рынка” и “больше денег, меньше контроля”. Все эти провалившиеся стратегии демонстрируют, с одной стороны, управленческую некомпетентность, а с другой, – устойчивую выживаемость авторов этих “шедевров”.

Вхождение в 1990-е годы в рынок и демократию привело к деградации высокотехнологичного производства, образования и здравоохранения, невиданному росту преступности, принесло такие рыночные “новинки”, как фальсификация продукции, мошенничество в услугах, запредельное расслоение населения по качеству жизни, бедность большинства и сверхбогатство немногих и т. п. Приватизация, монетизация и либеральные законы дополнили этот список и тоже стали основным источником негатива жизни.

Что же все-таки входило в государственное управление? Основные инструменты государственного управления – это разного рода (экономические, социальные, отраслевые и т. п.) и разного статуса (федеральные, региональные, отраслевые и т. д.) программы – были направлены на решение некоторых конкретных задач, к ним добавлялись десятки отдельных проблем: борьба с засухой, природными пожарами, последствиями мирового кризиса и т. п. Подобные программы, но более основательные, принимались и в советское время: химизация народного хозяйства, мелиорация и т. д. Но они становились в дальнейшем неотъемлемой частью народнохозяйственных планов – годовых и пятилетних. Эти же живут скоротечной жизнью и умирают сами по себе. Да и могли ли они жить, если сроки их действия были совершенно различны: 2015, 2020, 2025, 2030 годы и т. д.?

Все это напоминает пародию на государственное управление. И ко всем этим “программам” в полной мере можно применить выражение “бабушкино лоскутное одеяло”.

В нынешней экономике процесс реализации государственных программ зависит только от их реального финансирования. Следовательно, министерство финансов РФ становится главным регулятором экономического развития, но при этом еще существует и министерство экономического развития. Роль этого министерства как правопреемника Госплана СССР низведена сейчас до уровня, близкого к нулю.

Программный способ управления экономикой показал свои существенные недостатки. Как уже было сказано, программы имеют разные горизонты реализации, пересекаются по объектам воздействия, конкурируют между собой за финансирование, обрастают паразитирующим слоем лоббистов и коррупционеров, имеют разных заказчиков, плохо согласованы между собой,

не имеют общей задачи развития народного хозяйства страны. Отсюда – крайне низкая эффективность социально-экономического управления страной в целом, отсюда – “ручное управление” и управление по указам.

Анализируя централизованное планирование в недалеком прошлом, следует отметить как его положительные стороны в социально-экономической жизни страны, так и теневые.

Положительным является тот факт, что у государства всегда существовала определенная цель, и оно могло достичь в своем развитии намеченных рубежей. Отрицательной стороной была постановка задачи, иногда заведомо не осуществимой, что являлось результатом огромного влияния административно-партийной системы управления страной. Высокие показатели хозяйственной деятельности – это залог партийного руководства получить положительную оценку их работы, что, в свою очередь, влияло на оценку деятельности партийных функционеров со всеми вытекающими отсюда последствиями – награды, продвижение по карьерной лестнице и т. п.

Возникает вопрос: что необходимо предпринять в стране после провальных четвертьвековых результатов? Вернуться ли к советской модели государственного регулирования или продолжать линию неолиберализма по Вашингтонским лекалам?

В сложившейся ситуации становится на крайние позиции этих двух экономических моделей было бы нецелесообразно. Нужно найти симбиоз обещанных либералами привлекательных черт рынка с преимуществами государственного планирования. Успешный опыт такого соединения в разных формах и разных обстоятельствах можно видеть в практике экономического управления многих стран: во Франции в середине прошлого века, в Японии, Индии, Вьетнаме и других, в настоящее время – в Китае.

Во всех случаях государственное вмешательство в форме селективного регулирования и индикативного планирования способствовало выводу рыночной экономики из сложного положения на траекторию здорового роста, и во многих странах такое управление прижилось и работает уже десятки лет.

В России сложились уникальные обстоятельства. У нас еще остался навык к деятельности при плановой системе, да и с рыночной стихией мы довольно основательно ознакомились. Это нас отличает от других стран, идущих по пути конвергенции.

Нынешнее состояние российской экономики характеризуется падением темпов развития и возникшими в связи с этим проблемами в социально-экономической жизни общества, а также переходом мировой экономики к новому, шестому технологическому укладу. Без существенного изменения экономической модели страна и дальше будет терять необходимые темпы развития со всеми вытекающими социально-экономическими последствиями. Принимаемые сейчас локальные, точечные решения не смогут коренным образом изменить положение в отечественной экономике. Нужны глубокий анализ ее состояния и новые подходы к ее развитию.

В последнее время вопрос о выработке стратегического экономического курса активизировался. Группа известных экономистов во главе с академиком РАН С. Ю. Глазьевым настаивает на принципиальном изменении существующей модели, которая исчерпала себя и не может обеспечить развитие экономики для решения государственных и социальных задач. Они предлагают перейти к стимулированию за счет роста инвестиций не в сырьевые и финансовые гиганты, а в конкурентную экономику миллионов предпринимателей.

В их предложениях подчеркивается, что в странах, нацеленных на развитие, уровень инвестиций составляет 30% ВВП и выше, тогда как в современной России он не превышает 18%. Этим мы сами перекрываем возможности долгосрочного экономического роста. Особую тревогу у специалистов вызвало решение Президента России о том, что разработку новой экономической стратегии возглавит бывший министр финансов, а с недавнего времени председатель Счетной палаты А. Кудрин. В нашей стране знают этого человека не с лучшей стороны. Происходящее в последнее время в экономике является результатом его политики, которую он последовательно проводил в течение длительного времени. Несколько лет назад он описал ее в статье “Новая модель роста для российской экономики”. Ключевая идея стратегии Кудрина – дальнейшее насаждение монетарных стимулов с полным устранением какого-либо государственного вмешательства. Он предлагает демонтаж выстроенного

в России “госкапитализма” и продолжения, “углубления” и “совершенствования” гайдаровской политики, которая привела нас к нынешнему состоянию в экономике.

В конце 2016 года в Совете Федерации была создана специальная Временная комиссия по выработке предложений по усовершенствованию существующей экономической модели страны. Глубокое обсуждение этой проблемы с ведущими учеными и специалистами показало: дальнейшее социально-экономическое развитие возможно только в тесном сочетании совершенствования рыночных отношений с необходимым государственным регулированием, о чем говорилось выше. В этом случае будет достигнуто органическое сочетание конкурентной борьбы рынка и необходимого влияния государства.

Трудно представить себе, что переход на шестой технологический уклад и проведение необходимой структурной перестройки экономики произойдут стихийно, сами по себе, — особенно при заинтересованности Запада в сохранении у нас существующего положения. Государство должно управлять необходимыми процессами — в этом и заключается смысл его существования. Разрабатывая конструктивные предложения по реформированию экономики, следует опираться как на положительный, так и отрицательный опыт советской системы и четвертьвекового периода рыночных отношений в современной России.

Прежде всего, следует создать четкий механизм реализации стратегических целей страны. Для этого необходимо решить вопрос стратегического планирования как основного фактора социально-экономического развития государства. В настоящее время разрабатывается и принимается государственный бюджет на один год и перспективный — на три года. Государственного плана развития экономики не существует. Имеющиеся программы по отдельным проблемам, как уже было сказано, не увязаны между собой. Отрицание планирования носит субъективный характер и связано с неприятием советской системы и ее экономического инструмента — Госплана СССР, которое упорно культивируется в последние более чем два десятилетия.

С учетом сложившегося положения и задач, стоящих перед страной, вместо разработки трехлетнего плана государственного бюджета необходимо ввести в практику разработку пятилетних и годовых планов развития всей экономики. Они должны включать два раздела: развития экономики и финансового обеспечения. Их должны разрабатывать и представлять в Правительстве, Государственной Думе и Совете Федерации соответственно министр экономического развития и министр финансов РФ.

Для динамичного развития экономики потребуется более четкая работа по формированию министерством экономического развития материальных балансов. Именно они должны определять истинную картину возможностей страны. Потребность в материальных и иных ресурсах должна отражаться в них достаточно четко: это необходимо для общей ориентации рынка и реализации конкретных заданий — строительства крупных предприятий, гидростанций, новых специальных объектов и т. д. Предлагаемая система не исключает разработку перспектив социально-экономического развития на десять лет вперед. Эта перспектива наметит цели, которые будут стоять перед страной в этот временной период, и даст возможность более четко формировать пятилетние планы.

Особо следует осветить еще два вопроса. В первую очередь речь идет о разработке и реализации национальных программ, в виде которых будут оформляться некоторые важнейшие, но сложные проблемы. К примеру, назрел вопрос о решении проблемы обеспечения населения отечественными лекарственными препаратами. Сейчас примерно 80% лекарств, как известно, закупается за рубежом; в советское же время 80–90% лекарств производилось в стране. Необходима разработка специальных программ с тщательным госконтролем и необходимым финансированием — иначе лекарства в скором времени перейдут в разряд недоступных для рядового человека товаров. Вторая проблема — взаимозависимость федеральных и региональных планов экономического развития. Общегосударственные задачи должны быть составной частью региональных планов.

Рассмотрение пятилетних и годовых планов, как уже говорилось, должно осуществляться по схеме: Правительство РФ — Государственная Дума — Совет Федерации — Президент РФ.

В федеративном государстве регионы занимают особое место. Здесь сходятся политические и экономические проблемы страны. От их деятельности зависит состояние здоровья государства в целом. Между тем за прошедшие десятилетия непрерывно менялись условия политической и экономической деятельности регионов, причем зачастую эти изменения носили субъективный характер; учитывалось, в первую очередь, экономическое и политическое состояние Центра. Эти решения в основном ущемляли интересы регионов. В частности, в 2015 году Счетная палата установила, что за десять лет дополнительных доходов, не компенсированных одной только Белгородской области федеральным бюджетом, составили 109 млрд рублей – два годовых бюджета области!

За прошедшее время так и не были сформированы стабильные правила социально-экономической жизни регионов. Различия в их экономическом потенциале не оправдывают положение, при котором только 10–12 регионов являются самодостаточными и донорами, а остальные получают дотации из Центра. При всей трудности решения этой проблемы оно должно быть найдено. Одним из главных шагов в этом направлении должно быть введение в жизнь плановых начал. Нельзя пускать этот важнейший вопрос жизни национальных регионов на самотек, оставляя при этом не заселенными огромные просторы Сибири и Дальнего Востока.

Сложившееся положение не назовешь безвыходным. В губернаторском корпусе есть отличные экономисты с огромным положительным опытом руководства конкретными регионами. Руководству страны надо внимательно изучить их опыт, выбрать рациональное зерно, подходящее для всех регионов, и принять взвешенное решение. При этом необходимо изучить опыт советской системы. У нее тоже были трудности, но были и реальные результаты в том, что касается решения не менее острых региональных проблем.

Мир вошел в шестой технологический уклад. В отличие от России, успешно развивающиеся страны целенаправленно наращивают кредитование своих экономик в целях форсированного перехода к этому технологическому укладу. И не случайно производства, использующие нанотехнологии, наноматериалы и т. д., имеют темпы роста 30–70% в год; отрасли, связанные с генной инженерией, наносистемной техникой, клеточными технологиями, светодиодами прирастают на 35% в год; телекоммуникация, образование, химико-металлургический комплекс, ракетно-космический комплекс, растениеводство и здравоохранение – до 10% в год.

Так, в США доля производительных сил, приходящаяся на шестой технологический уклад, сегодня уже превышает 5%, на пятый – не менее 60%, четвертый как уходящий – всего 20%. Мы же в основном вращаемся в четвертом. Поэтому, если за ближайшие годы мы не сумеем найти своего места в этой научно-технической гонке, Россия навсегда потеряет статус одного из лидеров научно-технического прогресса и будет собирать крохи с “мирового стола”.

Тем более что за четверть века после разрушения Советского Союза произошли большие изменения и для отечественной науки – к сожалению, не в лучшую сторону. Гордость нашей научной мысли – Российская академия наук, созданная триста лет тому назад Петром I, – к счастью, продолжает жить; но на сегодня еще не ясно, выдержит ли она неожиданную и скоропалительную реформу.

С учетом ликвидации отраслевого управления экономикой практически уничтожены, кроме ВПК, отраслевые научные учреждения. При этом поворот в сторону университетской науки происходит медленно: на Западе для этого потребовались сотни лет. Подорвана заводская наука – а ведь на крупнейших заводах типа “Уралмашзавод” были созданы и эффективно работали свои научно-исследовательские и проектные институты. Однако даже это не дает основания считать ситуацию безысходной. Научный потенциал еще сохранился, его надо оживить, придать ему новое дыхание. Если на карту поставлено существование нашей страны, необходимо принимать неординарные меры.

Прежде всего, следовало бы создать **Государственный комитет по научно-технической политике**, по образу советского ГКНТ. В сферу его деятельности можно было бы включить:

- планирование фундаментальных и перспективных прикладных исследований;
- управление агентством по науке, согласование ведомственных научных исследований;

- координацию прикладных научных исследований, стимулирование инновационной активности;
- развитие массового научно-технического творчества, самоорганизацию и популяризацию инженерной деятельности;
- развитие инфраструктуры инновационной деятельности и научных исследований.

Следовало бы поставить во главе такого комитета известного ученого с хорошими организаторскими способностями и предоставить ему ранг заместителя председателя Правительства, как это было в советское время.

К сожалению, наши предложения остались невостребованными. В новой структуре правительства, утвержденной в мае 2018 года, министерство образования и науки разделили на два: министерство просвещения и министерство науки и высшего образования. На первый взгляд, науке отдали должное. Но это только на первый взгляд. Единственное, что можно рассмотреть как положительное в этом решении, – увод из академической науки ФАНО, которое буквально душило нашу высшую науку своим бюрократизмом.

В мировой практике, в том числе и в Советском Союзе, для разработки научно-технических достижений и их широкого распространения создавались специальные научно-технические объединения. Разработанные в них достижения науки широко распространялись по стране. В Китае эту функцию выполняют специальные закрытые зоны. Наши политики в последние десятилетия повторили опыт китайцев, но, правда, только в коррупции. Так были похоронены несколько попыток создания генераторов научно-технического прогресса страны.

Уже сейчас ясно, что создание дорогостоящего “Сколково” этой проблемы не решит. В науке огромную роль играют научные школы, которые из поколения в поколение накапливают и передают по наследству научный потенциал. Между тем в случае “Сколково” не прослеживается даже приблизительной постановки этой задачи. Было бы целесообразно реанимировать те советские наукограды, в которых еще сохранились научные кадры. Это основа для создания новой материальной базы для науки и промышленности. Да и закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) следовало бы перестать “общищать”, а дать им возможность развивать и науку, для чего они были созданы, и производство, основанное на достижениях научно-технического прогресса. Надо тщательно разобраться с наследием великого научно-технического прошлого страны и использовать его в максимальной степени.

Что же мы имеем в своем арсенале по реализации необходимых для нашей страны изменений экономической модели? Казалось бы, основа есть. В июне 2014 года Госдумой был принят закон “О стратегическом планировании в Российской Федерации”. Этот закон ждали многие годы и, естественно, возлагали на него большие надежды. Прошло четыре года. Через два года после его принятия были внесены существенные изменения и определен новый срок разработки стратегии социально-экономического развития страны – до 1 января 2018 года, а разработки иных документов стратегического планирования и приведения их в соответствие с Федеральным законом – до 1 января 2019 года.

Разговоров и обсуждений на эту тему вполне достаточно, и даже существует несколько вариантов названия необходимого органа стратегического планирования – Росплан, Госплан РФ и т. д. Однако, судя по структуре правительства 2018 года, надеяться на существенный сдвиг в этом вопросе крайне проблематично.

Создавшееся в стране положение требует комплексной модернизации экономики на основе новых принципов хозяйствования, о которых говорилось выше, а также новейших технологий. Такая модернизация по силам только государству, действующему от имени и в интересах всего общества. Без форсированного решения указанных задач сохранение до 2024 года стабильности с учетом внешних и внутренних напряжений представляется весьма сложным.

Сейчас, когда пишутся эти строки, опубликована структура нового правительства 2018 года. В ранге первого заместителя Председателя Правительства России с сохранением поста Министра финансов РФ стал прежний глава этого министерства. Расценивать это можно как признак того, что руководство страны желает сохранить стабильную и предсказуемую монетаристскую политику.

Ключевые министры финансово-экономического блока правительства сохранили свои портфели. Традиционно отсутствие значимых изменений в составе правительства означает преемственность курса и, естественно, напрашивается вывод, что он на ближайшие годы останется прежним. Однако, по мнению ряда экспертов, ставка на текущий экономический курс не снимает необходимости проведения реформ. Они нужны для дальнейшей жизни государства, так как правительство приходят и уходят – а народ и страна остаются навсегда!

Говоря о необходимости проведения реформирования социально-экономической сферы страны, следует иметь в виду, что в России произошли большие изменения. Речь идет об отношении населения к действиям правительства по решению проблем их социальной жизни. У людей все больше и больше формируется мнение, что они должны выживать, надеясь только на себя. Они теряют веру в правительство, не доверяют обещаниям по поводу реформ и не надеются на помощь государства. Создается впечатление, что власть и народ существуют в параллельных реальностях.

Исследования специалистов показывают, что, несмотря на трудную жизнь, которая больше похожа на выживание, многие соотечественники не считают ситуацию безвыходной. Они ищут выход самостоятельно, не рассчитывая на государство. Здесь действует принцип: “Спасение утопающих – дело рук самих утопающих!”

Такое положение весьма тревожно в отношении нашей Родины. К счастью, в сознании людей еще сохраняется идея: “Мы – представители сильной, великой державы!” Но с учетом реальной ситуации в социально-экономической жизни народа уже сейчас 33% опрошенных говорят на это “нет”, а 50% считают, что Россия – “великая держава” только по таким критериям, как наличие сильной армии и способность отстаивать свою территориальную целостность. Другие критерии, по их мнению, в стране отсутствуют: это процветающее население, наличие технологий в развитии экономики и т. д.

Как ни прискорбно, но людям, как они заявляют, не понятны мотивы поведения власти и они считают, что внутренняя политика государства находится в тупике. Надежда людей на государство практически утеряна.

Некоторые специалисты при этом утверждают, что это большое достижение, что люди учатся полагаться только на себя, исчезает потребность в хозяине, который мог бы улучшить их жизнь. По данным Левада-Центра, большинство россиян – от 60 до 80% – рассчитывают в основном только на собственные возможности и силы и лишь меньшинство – от 10 до 30% – надеются на социальную защиту и поддержку со стороны общества, государства.

В то же время, оценивая как положительный факт, что люди более активно стали действовать и самостоятельно решать свои социально-экономические вопросы, нельзя не высказать при этом и определенную тревогу. Проведенная 7 июня 2018 года “Прямая линия с Президентом России” показала общие проблемы: цены на топливо, продукты питания, авиабилеты, коммунальные услуги растут, больницы и школы закрываются, обещанные государством льготы не предоставляются и т. д. Кому решать эту проблему? Каждому индивидуально?

Государство и его руководство не могут уходить от их решения. Это их святая обязанность. И только органичное сочетание действий государства и личная инициатива его граждан могут принести успех. Нельзя бросаться в крайности. Мы, к сожалению, в этом деле уже преуспели.

И, тем не менее, мы все живем в ожидании перемен. И меня не покидает мысль и не оставляет надежда, что необходимые изменения грянут. Не об этом ли говорил Владимир Владимирович Путин на инаугурации в Кремле 7 мая 2018 года?

“Объединив усилия всех, кто радеет за страну, за ее будущее, мы обязательно достигнем наших целей, добьемся прорывов в науке и технологиях, вместе реализуем масштабные планы обновления городов и сел, развития всех наших регионов. Будем активно проводить современную социальную политику, настроенную на нужды каждого человека, каждой российской семьи, повышать качество образования и здравоохранения. Особое внимание уделим поддержке традиционных семейных ценностей, материнства и детства, чтобы в России рождалось как можно больше желанных, здоровых, умных, талантливых малышей. Это им, нашим детям, предстоит строить нашу страну дальше, добиваться ещё больших успехов, чем их родители, уважать и продолжать историю нашего Отечества”.

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

“РУСЬ ОРДЫНСКАЯ”*

В последнее время нередко можно слышать утверждения, в том числе от приличных на первый взгляд историков, что никакого татарского ига на Руси-де не было. Или что было, но либо не иго, либо не татарское и т. д., и т. п. Дошло до того, что даже из единого учебника истории тема татарского ига вроде бы должна исчезнуть, дабы не травмировать нежные души некоторых россиян, чьи предки причастны к этой величайшей трагедии Средневековья. Им-де тяжело жить с комплексом исторической вины, а это-де не способствует установлению общегражданского единения.

Авторы такого политкорректного бреда пытаются утверждать, что наши современные татары в Татарстане на самом деле никакие не татары, а вовсе даже волжские булгары, противостоявшие некогда татаро-монгольским полчищам Субудэй-Багатура (интересно, куда же в этом случае делись все потомки золотоордынцев и тех казанских татар, что творили набеги на Русь, на Москву?). Эти бредотворцы пытаются даже самих татар убедить в том, что они не татары, а волжские булгары, и вовсе не мусульмане, а тенгрианцы, и что согласно данным ДНК-генеалогии, казанские татары на 60% родственны русским, а значит, русский с татаринцом (булгаринцом тож) – братья навек, и да здравствует нерушимые мир и дружба между ними.

Спору нет, мир и дружба – дело хорошее, кто же против. Вопрос только в том, на каком основании, истинном или ложном, они зиждутся. От этого зависит, насколько они будут прочны, нерушимы.

Из соображений политики одни люди нередко лгут другим, эффективно достигая этим своих целей. Но никаких целей не достигнет тот, кто лжёт самому себе.

Вот для того, чтобы не множить ложь, я предлагаю читателям краткий очерк, что происходило между русскими и татарами, начиная с 1230-х годов, и вплоть до того времени, когда великий князь и царь Иван Третий отказался платить дань Орде и разорвал ханский ярлык. Хотя и после того ордынцы

---

* Выражением “Русь Ордынская” я считаю необходимым и возможным заменить выражение “Владимирская Русь” в той части её истории, которая началась и окончилась вместе с татарским игом, поскольку ни о каком суверенитете Владимирского княжества в условиях ига и прогрессирующей раздробленности говорить не приходится. Кроме того, историкам вряд ли удастся провести определённую временную границу, за которой гегемония среди русских городов переходит от Владимира к Москве, в то время как полный и окончательный переход суверенитета от Орды к Москве датируется 1480 годом вполне определённо и однозначно. Соответственно, именно с этого момента Ордынская Русь (1237–1480) уходит в прошлое, а будущее открывается перед уже Московской Русью вплоть до Петербургского периода нашей истории.

творили сокрушительные набеги – взять хоть сожжение Москвы ханом Девлет-Гиреем в 1571 году, а крымские татары последний свой набег сотворили всего за несколько лет до взятия нами Крыма, в 1769 году. Но эти поражения и убытки несравнимы с тем, что творилось в течение четверти тысячелетия, о которых мы вспоминаем как о татарском иге.

Итоги татарского ига для русского народа

Вначале поговорим о том, какими культурными, духовными потерями и убытками обошлось нам столь долгое и жестокое владычество инородцев – людей, глубоко чуждых нам не только расово-антропологически, но и по своей культуре, религии и языку, по цивилизационной принадлежности.

Прежде всего, отметим, что базовый слой русской культуры – культура собственно Киевщины, вотчины полян, самого большого, сильного и цивилизованного из летописных племён – оказался снесён под корень. Ликвидировано оказалось само это главное русское племя, племя-лидер в своём, как сказал бы Гумилёв, “вмещающем ландшафте” или, в терминологии биологов, экологической нише, ареале расселения. Бóльшая часть полян в результате падения Киева в 1240 году была просто уничтожена физически. Как повествует русская летопись: “Взяша Киев татары, и святую Софию разграбили, и монастыри все, и взяли иконы и кресты и узорочье Церковное, а людей, от мала до велика, всех убили мечом”. Хорошо известно также независимое свидетельство папского легата Джованни Плано Карпини, направленного святым престолом в ставку великого хана Гуюка с дипломатической миссией. Путь лежал через ставку Батая Сарай, а до него приходилось ехать через бывшие земли Киевского княжества, где, по словам этого свидетеля, “бóльшая часть людей Руссии была перебита Татарами или отведена в плен”. И далее Карпини отмечает о татарах: “Они пошли против Руссии и произвели великое избиеание в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведён почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжёлом рабстве. Подвигаясь отсюда, они сражениями опустошили всю Руссию”. К началу XIV века киевлян оставалось всего не более нескольких сот человек.

Если вспомнить, что прежний Киев насчитывал от 50 до 80 тысяч жителей, то станет понятен масштаб потерь. Судя по изысканиям современных антропологов и генетиков, полян на киевщине после Батая практически не осталось. Из тех, что уцелели, часть бежала на край света (то есть к берегам Белого и Баренцева моря, на Мезень и Печору, к Каргополю, на Новгородчину, на Кольский полуостров и в район Вятки, где пролежала тогда северо-восточная граница русского расселения), а часть укрылась на острове Хортица за днепровскими порогами, положив начало этногенезу запорожского (впоследствии кубанского) казачества. Именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что на территории бывшего Киевского княжества не сохранилось и не было записано фольклористами ни одной древнерусской песни или былины (они записаны, напротив, именно на Русском Севере от потомков тех переселенцев), не осталось ни одной каменной постройки домонгольского периода (кое-что сохранилось лишь в перестроенном в стиле “украинского барокко” виде). Так что претензии современных украинцев на наследство Владимира Святого совершенно беспочвенны: этот относительно новый народ никакого отношения к реальной Киевской Руси и её достижениям не имеет: украинский этногенез начался не ранее XIV века и только после татарского разорения, в результате обширной и интенсивной метисации покинувших леса древлян, а также выходцев с Карпат, чигов, чигиринов, берендеев, бродников, обитателей днепровских и донских плавней, беглого элемента и проч.

Между тем, именно с полянами и Киевом связаны и наиболее важные исторические вехи первых столетий русской государственности, и наиболее важные культурные достижения (в том числе письменная литература), и цивилизационная, в том числе религиозная ориентация на Византию, – иными словами, все основы древнерусской национальной идентичности. А с учётом

того факта, что сам Киев и другие города Западной Руси оказались – в связи с общерусским разгромом от татаро-монгол – беззащитны перед лицом польской и, особенно, литовской экспансии, они попали в орбиту западной цивилизации, выпав из процесса становления собственно русской локальной культуры и русской культурной идентичности.

Таким образом, вполне правомерно в связи с татаро-монгольским нашествием и последующим игом ставить принципиальный вопрос не только о геноциде, но и об этноциде древнерусского народа, каким мы знаем его к середине XIII века. Попав под иго, этот народ обладал одной национальной идентичностью, одним национально-культурным обликом, а сбросив иго спустя четверть тысячелетия, оказался совсем с другим лицом. Это во многом был уже другой народ.

Попробуем детализировать этот важный вывод.

Человеческие потери, жертвы

Кровавый и разрушительный поход Батые на Русь был не первым и не последним опытом татаро-монгольской агрессии на наши земли. Всего в общей сложности историки насчитывают за 1237–1472 годы не менее 55 только крупных походов монголо-татар на русские княжества, сопровождавшихся сокрушительными погромами русских городов, массовыми убийствами и уводом в полон русских людей, не считая малых набегов татарских феодалов, каждый из которых, конечно же, также оборачивался для русских материальным уроном и людскими потерями. Татарские набеги продолжались и после того, как само по себе иго было сброшено Иваном Третьим, только теперь пальму первенства у Орды перехватили вначале казанские, а затем крымские татары, в особенности после установления над последними турецкого сюзеренитета. Последний крымско-татарский набег состоялся в 1769 году, всего за два года до падения Крыма; тогда в полон было уведено 20 тысяч русских людей.

Из наиболее страшных, разорительных татарских походов на Русь следует назвать кампанию 1237–1241 годов под руководством Батые. Тогда от разгрома и опустошения из всех древнерусских княжеств уцелели только Смоленское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и большая часть территории Новгородской феодальной республики. Всё остальное было сокрушено. А южное Переяславское, Киевское и Черниговское княжества фактически перестали существовать.

А затем последовали так называемая “Неврюева рать” 1252 года, когда “татарове же рассунушася по земли... и люди бецисла поведоша до конь и скота, и много зла створиша”; разгром юго-восточной окраины Руси и разорение Курска в 1275 году: “татарове велико зло и велику пакость и досаду створиша христианом, по волостем, по селам дворы грабише, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, и облупившие нагого пустят”; 1281 год, когда большая рать Ковдыгая и Алчидая разрушила Муром и Переяславль, разорила окрестности Суздаля, Ростова, Владимира, Юрьева-Польского, Твери, Торжка; 1285 год, когда “князь Елторай Ординский, Темирев сын, приходи ратию на Рязань, и воева Рязань, Муром, мордву, и много зла створиша”; страшный, памятный 1293 год: “в лето 6801 Дюден приходил на Русь и плени градов 14 и пожье”, в том числе Муром, Москву, Коломну, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переяславль, Можайск, Волок, Дмитров, Угличе-Полле. “Того же лета царевич татарский Тахтамир приеде из Орды на Тверь, и многу тяжесть учини людем”. По пути через владимирские земли этот отряд “овех посече, а овех в полон поведе”. Тогда от Мурома до Твери татары “положиша всю землю пусту”; 1322 год – разорение Ярославля; 1327 год – разорение Твери и городов Тверского княжества; 1382 год, когда хан Тохтамыш сжёг Москву, погубив многие десятки тысяч москвичей; 1408 год – татары под предводительством Едигея разоряют Серпухов, окрестности Москвы, Переяславль, Ростов, Юрьев, Дмитров, Нижний Новгород, галицко-козломские и белозерские земли; и мн. др¹.

Даже если вспомнить только первый приход Батые, следует отметить, что в одной лишь Московской земле погибло 2/3 всех селений, в лесистой долине Оки – 9/10, ну, а в степных и лесостепных районах, где татарский коннице было легче разворачиваться, истребление русского народа было ещё страшнее. Кое-что о судьбе, например, Киевщины сказано ранее.

Что собой представлял обычный набег татар на русские города и деревни? Даже в гораздо более поздние времена, когда ига как такового уже давно-давно не было, набеги татар всё ещё носили страшный – смертоносный и разорительный – характер. Так, в 1680 году была составлена ведомость о разорении Белгородского края от крымских татар, она рисует вполне типовое событие: “Всего взято и побито и позжено в приход воинских людей Крымскаго хана с ордами в Белгороде и в иных городах... русских людей и черкас и жен и детей и всяких чинов людей три тысячи двести пятьдесят восемь человек... И всего недорослей мужска и женска полу восемьсот сорок человек... Да у них-же взято двадцать четыре тысячи сто девяносто три скотин, 4828 ульев с пчёлами, да у них сожжено 4 церкви да 688 дворов, 4 мельницы, 8 хуторей”².

Нужно помнить также, как справедливо замечает А. В. Тюрин, что “если монголы сжигали поле или увозили хлеб, это означало для деревни голодную смерть, и прятки в лесной чаще несли высокую смертность для слабых... Каждый набег, помимо увода пленников, сопровождался уничтожением тех, кого нельзя увести в плен, – в первую очередь, младенцев и стариков”. Что говорить, если даже для русских князей в ряде случаев поездки в Орду кончались смертью (черниговский князь Михаил Всеволодович, великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, князь из подмосковного Дмитрова... В XVI веке на протяжении 20 лет в Орде казнили трёх тверских князей, до этого убили рязанского князя и т. д., всего около десятка.).

Татаро-монголы вообще отличались исключительной беспощадностью – и не только на Руси, но и везде, где являлись как завоеватели. Ряд народов (например, тангуты) были ими вообще истреблены, сведены под корень. Русские как народ уцелели, но...

Что касается непосредственно тех недоброй памяти столетий, что связаны с игом, тут, как полагает историк С. А. Ершов, суммарные людские потери русских от врагов-иноземцев с 1237 по 1500 годы составляют свыше 6,5 млн человек³. Из них абсолютное и относительное большинство относится к периоду, заканчивающемуся взятием Москвы в 1382 году Тохтамышем (включительно). Понятно, что в эту цифру включены и потери от столкновения с западными соседями – немцами, шведами, поляками, литовцами. Но львиная доля приходится, конечно же, на татаро-монголов⁴.

Что означает эта цифра – 6,5 млн человек в масштабах Древней Руси? На момент прихода татар население Владимира и Рязани составляло, по разным оценкам археологов, от 15 до 25 тысяч человек, Новгорода – порядка 30 тысяч. Население всего вообще Владимиро-Суздальского княжества оценивается историками максимум в 800 тысяч человек. А в целом все древнерусские земли в период нашествия Батыя насчитывали порядка 5–7 миллионов обитателей. Так что ущерб следует считать громадным. Прикинем также к названной цифре потерь количество русских детей, которые могли бы родиться от всех убитых и уведённых в полон, но так и не родились в своём исконном ареале обитания, на Руси...

Необходимо понимать, что высокая плотность населения – важнейший экономический фактор, толкающий страны на путь интенсивного развития вместо экстенсивного. На Руси всё произошло строго наоборот: экстенсивное развитие вместо интенсивного стало для нас роковым обстоятельством, до сих пор обуславливающим экономическое отставание России от так называемых “развитых стран”. Корни этого явления следует также видеть в обстоятельствах татарского нашествия и ига.

Следует подчеркнуть, что разные летописные племена, ещё сохранявшие свою отдельность, свои особенности, пострадали от нашествия по-разному. В меньшей степени пострадали словене, дреговичи и кривичи, в наибольшей – поляне, северяне, вятичи, уличи, радимичи. На них пришёлся основной удар татаро-монголов, они понесли самые страшные и невосполнимые потери. Особо следует иметь в виду, что убивали в бою (и после боя), а также уводили в полон наиболее сильных, здоровых, красивых человеческих особей, в результате чего русский генофонд терпел непоправимый ущерб, а русский народ в целом испытывал биологическое захудание.

Святое Писание недаром утверждает: “Кровь есть душа”. Человеческие утраты таких масштабов предлагают задуматься о том, что на смену одному народу, русскому по названию, пришёл под тем же именем физически другой

народ. Последствия чего сегодня, например, болезненно и даже трагически сказались на Юго-Западе Руси, именуемом ныне Украиной. Ну, а если говорить о тех далёких временах, то приходится ставить вопрос об изменении биологической основы, а с ним — о перемене национального менталитета, а с ним — собственной этнической идентичности.

Попутно необходимо заметить, что сами по себе татаро-монголы не оставили следа в русском генофонде. Этот факт сегодня признан и не оспаривается этнологами. Татары не жили на Руси, они не держали в наших княжествах постоянного войска, расселяя только баскаков для сбора налогов, в сопровождении небольших отрядов — и то обычно вне черты русских городов и крупных сёл, в так называемых “татарских слободках”. Расово-этническое смешение на русской земле было минимальным, поэтому монголоидный компонент вообще никак в нас не отразился. Это установлено как антропологами, так и генетиками, которые согласно утверждают: “Базовый, главный вывод, который следует из проведённого изучения русского генофонда, — это практически полное отсутствие в нём монголоидного вклада”⁵.

Но эти важнейшие для истории русского этноса наблюдения о соотношении европеоидных и монголоидных компонентов следует здесь, однако, воспринимать à propos. Они не могут отменить того факта, что в средние века в течение столетий татарами был проведён геноцид русских, объективно изменивший их физическую природу.

Утрата городов, изменение их облика

Весь образ жизни Гардарики-Руси резко изменился в связи с нашествием. “Страна городов” потеряла значительную часть своей столь важной самобытности и привлекательности, своего цивилизационного преимущества.

Первый же удар татаро-монголов — вторжение Батыя — обернулся разорением множества русских городов. Для некоторых из них главная беда была не в разорении, а в полном исчезновении (например, древний Курск, прославленный в “Слове о полку Игореве”, в результате набегов совершенно запустел в XV веке и был повторно основан лишь в 1568 году). Четырнадцать городов, уничтоженных татарами в XIII веке, исчезли навсегда. Пятнадцать городов из перспективных торговых и ремесленных центров превратились в небольшие сёла. На грани исчезновения бывали такие многократно разрушенные и разорённые города, как Владимир, Рязань, Муром, Суздаль, Переяславль-Залесский. На Дону от многих былых городов к концу XIV века остались лишь городища — остатки поселений. Неоднократно сжигалась и вырезалась Москва — в 1238-м, 1293-м, 1382-м, 1571 годах, не считая похода Едигея в 1408 году, который саму Москву хоть и не взял, но опустошил окрестности. Подобным опустошительным, разорительным образом были ещё в 1237–1239 годах лишены былого значения 49 русских городов, среди них столичный Владимир, Старая Рязань, Суздаль, Переяславль-Залесский, Волок-Ламский, Кашин, Тверь, Ржев, Дорогобуж, Вязьма, Стародуб-на-Клязьме, Боголюбов, Торжок, Коломна, Муром, Нижний Новгород. На восстановление этого значения уйдут столетия, огромные силы и средства русского народа.

Особенно важно отметить, что упадок русского градостроительства, причинённый нашествием, принял глубокий и затяжной характер. Обложив русских тяжкой данью и регулярно уводя в полон в Орду русских ремесленников, татары затормозили экономическое развитие Руси в целом, а названную сферу, требующую слаженного труда больших специализированных коллективов, — в особенности. Доктор исторических наук В. А. Кучкин отмечает, что “в первые 50 лет ордынского владычества на Руси не было построено ни одного города”⁶. А американский исследователь Д. Миллер в 1989 году опубликовал статистически обработанный материал о каменном строительстве в русских городах с 1138 по 1462 год. Выяснилось, что домонгольский уровень удалось восстановить только 100 лет спустя после Батыева нашествия⁷. Скольких трудов и жертв это стоило. . .

Между тем, для деревянной Руси, чьим постоянным несчастьем, роком и бичом были пожары, каменное строительство имело важнейшее принципиальное значение. Но городская Русь оставалась деревянной вплоть до XVIII века (а местами и до нашего времени), терпя от этого колоссальные убытки и культурные потери. Приостановка и деградация каменного строительства

сказались, разумеется, и в области русской архитектуры как искусства. “Благодарить” и за это мы должны татар.

Тем временем архитектура и градостроительство Западной Европы ушли далеко вперед, и уже в XV веке никто там не стал бы нарекать Русь “Гардарикой” – Страной городов, отличая её тем самым от европейских стран. Наше конкурентное цивилизационное преимущество в результате ига оказалось утрачено навсегда.

Материальные потери – денежные, ценностные

Если правду говорят, что деньги – кровь экономики, то правда и то, что экономика Древней Руси была чудовищно обескровлена татарами из-за выплаты регулярной дани, которую д. и. н. Кучкин характеризует как “тяжёлый податный пресс, наложенный завоевателями на покорённое население русских княжеств”⁸.

Сами по себе походы татар на Русь в 1237–1240 годах уже носили, конечно же, разбойничий, грабительский характер, но начиная с 1245 года грабёж под видом дани стал регулярным и систематическим. Именно в указанном году в Новгородской летописи появляется запись о новой монгольской инициативе: “И сочтоша в число, и начаша на них дань имати”.

Взимание регулярной дани поначалу производилось лишь в тех русских землях, где поблизости зимовали батыевы войска, прочие же земли от выплат уклонялись. Но это удавалось недолго. В 1252 году на Русь прибыл отряд татар, подчинённых чиновнику высокого ранга (“битекчи”, с тюркского – “писарь”) Берке, привезшему приказ о всеобщей переписи населения и имущества. Чем татары и занялись прилежно на всей покорённой территории. Учёт данников и сбор дани производились по десятичной системе: десяток крестьянских хозяйств под контролем десятника, составленная из таких десятков сотня – под контролем сотника, далее тысяча и тьма (десять тысяч), соответственно, контролировались тысячником и темником. Десятники и сотники назначались из местных жителей; тысячники и темники были из монгольских чиновников-баскаков. Баскаки жили, охраняемые специальными отрядами, в отдельных поселениях вне черты подлежащего их контролю города или села (главный среди них, “великий баскак”, имел ставку в Муроме). Вот так осуществлялась постоянная власть хана над русским народом, существовавшая параллельно княжеской власти и стоявшая над ней.

Всей Русью ведали к концу XIII века 43 налоговых тьмы – 16 в Западной Руси и 27 – в Восточной (15 тем во Владимирском княжестве, по пять тем в Новгородской земле и Тверском княжестве и две тьмы – в Рязанском). Таким образом, никто из русских не мог остаться вне монгольской “дренажной системы”, систематически выкачивающей из него “экономическую кровь”. Первоначально прямой налог, ясак, составлял десятую часть “со всего” и выплачивался селянами натурой – шкурами зверей от медведя и бобра до соболя. Вскоре десятина была монетизирована и выплачивалась деньгами (серебром). В отдельных случаях она могла взиматься урожаем или иными товарами. Как пишет в книге “Путешествие в восточные страны” монах Гийом де Рубрук, ездивший к монголам по указанию Людовика IX в 1253–1255 годах: “Когда русские не могут дать больше золота или серебра – татары уведят их и их малюток, как стада, чтобы караулить их животных”.

Казалось бы, “десятина” – десятая часть прибытка – это не так уж много, вполне “по-божески”. На самом деле десятиной дело не ограничивалось. Всего известно 14 видов “ордынских тягостей”. Из них на первом месте был так называемый “выход”, или “царева дань”, “ордынская дань” (та самая десятина для монгольского хана); таможенная пошлина (“мыт”, “тамга”) – её платили горожане золотом⁹; содержание конно-почтовых станций, извозные повинности (“ям”, “подводы”); содержание многочисленных разнообразных ханских послов с их свитами (“корм”); “туска” – подношения в дар приехавшим правителям или посланникам; различные “дары” и “почестья” хану, его родственникам и приближенным и др. Периодически собирались большие внеочередные платежи на военные и другие нужды – “запросы”; а также штрафы за неповиновение, бунты и т. п. Существовал также чрезвычайный военный налог – “кулуш”, которым иногда заменяли поставку в Орду рекрутов.

При этом, разумеется, обязанность поставлять воинов в монголо-татарские войска и принимать участие в их военных походах против Венгрии, Польши, народов Северного Кавказа, Византии и т. д. — “налог кровью” — оставалась одной из самых обременительных тягот.

Единственная категория населения, освобождённая монголо-татарами от любых поборов и налогов, это были священники, вообще Церковь, в обязанность которой за это была вменена публичная молитва за монгольского вождя и вообще за власть захватчиков.

Основная уплата дани осуществлялась серебром, что для Руси, не имевшей собственных серебряных рудников, было непросто. В каком количестве платили?

Исходя из сведений конца XIII века, историки подсчитали, что в год Владимиро-Суздальская Русь платила Орде примерно полторы тонны серебра. В середине XIV века каждая тьма на северо-востоке Руси платила в среднем по 400 рублей “ордынского выхода” (рубель при монголах состоял из 216 копеек). В период княжения Дмитрия Донского дань с Великого княжества Владимирского составляла уже 5000 рублей серебром. Нижегородско-Суздальское княжество в тот же период платило 1500 рублей, Московское княжество — 1280 рублей. В целом это примерно те же полторы тонны чистого серебра. Неизвестны размеры дани, выплачивавшейся с Рязанского, Тверского, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Юрьевского, Суздальского, Смоленского княжеств и Новгородской республики.

Историки считают, что общая сумма ордынской дани с русских земель составляла не менее 15000 рублей в год. Что эта сумма означала для русского крестьянства, главного налогоплательщика, составлявшего основное население? К примеру, в Пскове в конце XV века на 1 рубль можно было купить примерно от 47 до 243 пудов зерна, смотря по урожайности года¹⁰. Значит, каждая русская деревня должна была отдать Орде примерно по 2 тонны зерна.

Само собой понятно, что многочисленные разнообразные выплаты в адрес завоевателей не отменяли обычные выплаты в адрес собственных, русских князей, продолжавших собирать свои налоги в уделах. Таким образом, суровое обнищание населения, обложенного более нежели двойной повинностью, было предопределено на долгие два с половиной века.

Избиение и увод в полон лучшей части мужского населения внесли свою специфику в русскую жизнь не только в плане захудания генофонда, о чём уже было сказано, но и вообще в плане обустройства быта и хозяйства, ведь это дело, как и пахота, всегда лежало преимущественно на мужских плечах.

Для пришедшего в заметный упадок, обезлюженного сельского хозяйства Руси всё это было нелегко. Ведь ему был нанесён завоевателями огромный ущерб. Земли Западной Руси запустели и почти вовсе вышли из оборота, во многом то же случилось и с центральными районами Северо-Восточной Руси. Исчезновение и упадок десятков городов, бегство уцелевшего сельского населения в глухие лесные чащобы Русского Севера, Верхнего Поволжья, Заволжья — всё это означало консервацию примитивного натурального хозяйства как господствующего типа экономических отношений. Как отмечал ещё академик Б. А. Рыбаков: “Русь была отброшена назад на несколько столетий, и в те века, когда цеховая промышленность Запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыея”¹¹.

Чрезвычайно показательным, что чеканка монеты в северо-восточных княжествах возобновилась только в 80-х годах XIV века, то есть спустя 150 лет после нашествия Батыея. Это свидетельствует не только о фактическом “вымывании” серебра из русского оборота, но и вообще о захирении товарно-денежных отношений на Руси. Русская земля, русский народ оказались лишены возможности развиваться, были резко отброшены назад с былых экономических позиций, утратили конкурентоспособность по сравнению со странами Европы.

Духовные потери — церковное, монастырское, княжеское и т. д. имущество, сокровища сёл и городов

Татарское разорение далеко отбросило Русь не только в экономическом, но и в культурном отношении. Разорение и полное разрушение городов, сожжение и прекращение строительства церквей, служивших средоточиями

артефактов и книг, увод в полон и убиение ремесленников и художников, обрыв художественных традиций, вывоз серебра и золота, служивших важнейшим материалом для ювелиров и вообще мастеров прикладных искусств, резкое сокращение покупательной способности русских людей, а с ней — и рынка художественных изделий, которые стало некому и не из чего творить, и некому и нечем оплачивать... Татары осуществляли тотальный грабёж русского населения без каких-либо правил, творя десятки набегов, больших и малых.

Всё это, не говоря уж об общем нравственном и эмоциональном фоне русской жизни и быта под татарским игом, буквально убивавшем русское искусство и культуру, не исключая и письменную. Отчаяние и пессимизм, упадок духовных сил владели живущими. Рухнула общая грамотность, перестали стабильно вестись летописи. Навсегда или очень надолго (на 150–200 лет!) исчезают сложные ремесла, которыми славилась домонгольская Русь: резьба по камню и кости, производство стеклянных украшений, перегорчатой эмали, черни, зерни, скани, полихромной поливной керамики и др.

Непоправимо пострадала архитектура — мы никогда уже не сможем себе представить, как выглядела наша страна до прихода монголов. И, конечно, сегодня во многом утрачены представления о русской школе живописи, поскольку от всего огромного количества домонгольских икон сохранилось едва каких-то пять десятков. А ведь архитектура и живопись — суть главные столпы искусства, его несущие конструкции, вокруг которых всегда выстраивается едва ли не вся иерархия ремёсел и искусств.

Всё это происходило именно в те века, когда в Европе восходило Высокое Средневековье, создавались шедевры готического искусства, творили Джотто, прерафаэлиты, Филиппо Липпи, Боттичелли, Ван Эйки, подготавливалось Возрождение. Возникали новые технологии и эстетики, развивался капитализм и накапливались материальные богатства, закреплялись традиции ремесленных цехов и свободных искусств и т. д., и т. п.

Конечно, пожары в деревянной Руси и до татар, и после ига наносили страшный ущерб русской культуре. Но никакого сравнения нет и даже быть не может с тем систематическим и планомерным вытаптыванием русского культурного поля, которым мы обязаны татарам. Это хорошо видно на примере русской книжности.

Книги

Крупнейший знаток вопроса Б. В. Сапунов утверждает: «Книжные богатства Древней Руси составляли 130–140 тысяч томов... С точки зрения автора, это оптимальная, а далеко не максимальная величина книжного фонда Руси X — середины XIII в.»¹².

Сапунов с печалью констатировал трагическую судьбу ранних русских книг; он считал и повторял неоднократно, что от былых книжных сокровищ домонгольской Руси до нас дошли лишь доли одного процента¹³.

Гибель 99 процентов книжных фондов любой эпохи и любого народа не назовёшь иначе, как культурно-информационной катастрофой.

Что случилось? Отчего произошла эта ужасная катастрофа? В чём причина этой трагической гибели?

Сапунов называет целый ряд таких причин. Среди которых на первом месте — пожары, от которых непрерывно страдала Древняя Русь. Пожары были как стихийными, так и умышленными, во время вражеских нашествий и междоусобных княжеских войн. Русские города захватывались и горели как до, так и после татарского ига. По подсчётам Н. Я. Аристова, с 1055 по 1238 год по Руси прокатилось 80 областных войн, некоторые из которых тянулись по 12–17 лет¹⁴. Тот же Киев как минимум дважды был захвачен и разгромлен половцами, в 1096 и в 1203 годах. Плачевная сохранность фонда русских манускриптов имела многие причины, выделить среди которых главную, на первый взгляд, невозможно. Ведь почти все они действовали на всем пространстве Руси — и пожары, и междоусобицы, и нашествия иноплеменных — печенегов, половцев, литовцев, поляков, немцев, шведов и т. д.

Но это только на первый взгляд. При более вдумчивом анализе главная причина становится всё же очевидной: это татаро-монгольское нашествие

и последовавшее за ним иго. Два обстоятельства свидетельствуют об этом неопровержимо.

1. Во-первых, обстоятельства места. Где лучше всего и больше всего сохранились домонгольские русские рукописи? Только в двух регионах на всём необъятном пространстве Киевской Руси: в Новгороде и в Галицко-Волынской (Червонной) Руси. То есть именно там, куда татары либо вообще не достигли, либо не принесли тотального разорения. Сапунов уточняет: “Новгородское наследие составляет никак не менее 1/2 всех сохранившихся книг, вернее даже, что их ещё более”¹⁵.

А где меньше всего, хуже всего сохранилось рукописное наследие? Сапунов: “Книжные сокровища почти всех городов центральной и северо-восточной Руси погибли при монгольском нашествии”¹⁶. . . К сожалению, дошедшие до наших дней подлинные списки памятников киевской письменности весьма малочисленны (а поскольку изначально и до самого своего падения в 1240 году самым главным центром русского книгоделания был именно Киев, то по этим жалким остаткам, неизвестно как, где и каким чудом сохранившимся, можно вообразить себе, насколько чудовищный урон был нанесён именно его наследию, едва ли не полностью уничтоженному. — **А. С.**)”¹⁷. . . Другие области Древней Руси не оставили заметного числа письменных памятников домонгольского времени”¹⁸.

2. Во-вторых, следует обратить внимание на некоторые обстоятельства времени.

Открыв “Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.” (М., 1984), мы узнаем, что на государственном хранении в нашей стране находится 494 таких рукописи. Если учесть все древнейшие славянские книги зарубежных собраний, то в совокупности с российскими их будет около тысячи. О чём это говорит? О том, что вне исторической территории русского народа сохранилось столько же книг, сколько и внутри, что естественно, ибо по месту производства их должно было бы быть намного больше. То есть, как можно догадаться, внутри нашей страны русские книги яростно уничтожались, а снаружи — нет, хотя условия сохранности книжности вообще мало отличались.

Ещё информация: от XII–XIII веков сохранилось примерно столько же книг, что и от XIV века (314 ед.).

Но вот перед нами следующая цифра, заставляющая серьёзно задуматься. Судя по “Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР” (М., 1986), на государственном хранении находится 3422 книги этого периода.

Нетрудно видеть, что в течение каких-то ста лет без особых видимых причин количество сохранившихся книг выросло на порядок: с 314 до 3422! Что стоит за этими цифрами, за этим количественным скачком?

На мой взгляд, это последствия победы русских на Куликовом поле и последующего свержения татарского ига.

Дело в том, что только в XV веке перестали систематически уничтожаться татарами книжные сокровища в ареале исконного русского проживания и книгоделания¹⁹. Перестали уничтожаться в столь чудовищно массовом количестве и сами русские читатели. Иначе объяснить, почему от XV века при всех прочих равных условиях сохранилось рукописей на порядок больше, чем от XIV, невозможно.

О том, как это бывало, малое представление даёт Лаврентьевская летопись, которая под 1237 годом сообщает, что из разорённого Владимира-на-Клязьме воины Батя в качестве трофеев вывезли книги. Зачем они понадобились монголам — неизвестно. Вряд ли для чтения. Но из культурного оборота наших предков они были вырваны навсегда. И так было с 1230-х годов примерно до середины XV века повсеместно, кроме северных и крайних юго-западных территорий Киевской Руси.

Впоследствии татарские экспедиции, в том числе карательные, ещё не раз наносили нам существенный урон. К примеру, повесть “О московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русской” в таких словах повествует о разорении Москвы 26 августа 1382 года: “И книг множество снесено со всего града и с сёл, в соборных церквях множество наметано, охранения ради спроважено, то всё безвестно створиша”²⁰. То же повторилось при нашествии Девлет-Гирея в 1571 году и т. п. Характерно, что русские люди, чтобы

защитить любимые книги от врага, сносили их под защиту церковных стен, но это не могло спасти драгоценные рукописи, и они горели, подождённые татарами, вместе с церковными стенами.

Для всякого, кто понимает значение создания, накопления, интерпретации и передачи информации, вряд ли нужно что-то комментировать.

Утрата положения в мире. Догоняющий путь развития

Итак, поиск “точки бифуркации”, исторической развилки, пройдя которую, Русь вступила на путь развития, вечно догоняющего Европу, ведёт нас именно туда, в роковые 1230–1240-е годы.

Сказанное позволяет полностью поддержать вывод, сделанный Сапуновым: “Ни с чем не сравнимые потери понесла русская культура в страшные годы нашествия орд Батыя. Монголы не только нанесли нашей цивилизации непоправимый урон, они на столетия затормозили поступательное движение русского народа”²¹.

Подчеркну: четверть тысячелетия длившаяся безжалостная и хищническая власть завоевателей – не единственная, но главная причина нашего цивилизационного отставания. Сегодня делаются попытки, глядя в прошлое сквозь мутные очки толерантности и политкорректности, выдавать эту власть чуть ли не за обоюдно полезный симбиоз поработителя и порабощённого²². Но в подобных спекуляциях нет ни грана правды.

Власть татар изменила территориальную конфигурацию Древней Руси, её место в окружающем мире, её геополитическое значение, всё содержание её внешней политики, экономических и культурных связей. Древняя Русь (под этим выражением подразумевается теперь преимущественно Северо-Восточная Русь, поскольку Юго-Западная частично исчезла, а оставшаяся часть оказалась на периферии, отрезанная инородцами от русского православного материка), а точнее – древнерусский народ ордынского периода обрёл статус народа-изгоя. Не по своей воле.

Правду сказать, не одни татары тому виной. Утратив после смерти князя Святослава Хороброго характер цельной и централизованной самодержавной страны и упав в пропасть удельных распрей, феодальных усобиц, Киевская Русь сделалась “киевской” лишь номинально. Естественно, “русская федерация” (этот нелепый термин сегодня поднят на щит некоторыми историками) немедленно прекратила попытки территориального расширения, свойственные ей от Рюрика до Святослава, и стала, напротив, сокращаться в размерах, теряя геополитическую инициативу. Чем не преминули воспользоваться как степняки-кочевники, так и ближайшие соседи с Запада – поляки, литовцы, а там и шведы, и немцы.

Уже к XII веку усилиями печенегов, а затем половцев русские поселения на части земель, прилегающих к Дону, Донцу и нижнему Днепру с притоками, заметно сокращаются. Соответственно, под сомнение ставится значение Руси как территории межцивилизационного транзита – знаменитого “пути из варяг в греки”. Балтийско-черноморский и балтийско-каспийский пути, бывшие с дорюриковых времён экономической основой жизни славянских летописных племён, становятся проблемными, в значительной мере прерываются. Мечты Святослава о переносе столицы из Киева на Дунай, о новых землях в Степи, в Поволжье, Подунавье, нижнем Приднепровье за счёт разгрома хазар, болгар и византийцев-ромеев – всё это остаётся в прошлом. Причём конец этим мечтам, что симптоматично, кладут именно кочевники печенеги, взявшие под свой контроль днепровские пороги и превратившие череп знаменитого воителя в пиршественную чашу. А там и половцы подросли, выдавливая славян из Придонья. Не случайно и поляки уже сразу после смерти Владимира Святого дерзают вторгаться на южные территории русских князей, захватывают Киев. Вообще в результате княжеских усобиц Киев начинает терять своё значение, особенно после жестокого погрома, учинённого коалицией князей-рюриковичей под водительством Андрея Боголюбского в 1169 году. Не случайно ещё задолго до татарского нашествия русские люди потянулись с Киевщины, вообще с южных и юго-западных степных и лесостепных земель на скудные, безопасные лесистые земли Северо-Восточной Руси, на Владимирщину.

Но! Монголо-татарское владычество резко изменило всю карту Древней Руси. Не говорю уж о том, что древний великий город Киев впал в совершенное

ничтожество, но произошло практически полное запустение огромного ареала бывших русских оседлых поселений Юга, на месте которых возникло Дикое Поле (повторно оно было заселено русскими людьми уже только в XVI–XVIII веках). Лишившись своих южных земель, “Русь Ордынская” оказалась вся в зоне рискованного земледелия, суровых климатических условий и относительно дорогого производства.

При этом вообще изменилось понятие “Русской земли”, воспетой автором “Слова о полку Игореве”. Когда-то оно относилось ко всей территории Киевской Руси. Теперь же фактически в отрыве от всего древнерусского этноса оказалась Галицко-Волынская Русь, подпавшая под влияние Рима (князь Даниил принял королевскую корону из рук Папы) и на века превратившаяся для нашего народа в “отрезанный ломоть”. Связи южных и юго-западных княжеств с северо-восточными оказались разорваны. Поэтому, когда полоцкие, киевские, турово-пинские, волынские, галицкие, поднепровские и другие исконно русские земли немедленно, уже с середины XIII века стали подвергаться не только татарским набегам, но и планомерной экспансии со стороны западных соседей — литовцев, поляков, венгров и немцев, на помощь им уже не могла прийти владими́ро-суздальская Русь, ослабленная усобицами и татарами. “Матерь русских городов” Киев оказался под властью Литвы; Можайск становится пограничным городом, за которым простираются уже литовские владения; в XIV веке Москву дважды осаждали войска князя Ольгерда и т. д. Это тоже следствие татарского ига.

Кроме того, внутри собственно центральной древнерусской земли, оставшейся под контролем или патронатом Рюриковичей, произошли очень большие изменения.

Во-первых, татары, верные главному принципу всех завоевателей “разделяй и властвуй”, всячески стимулировали процесс дробления, измельчания уделов, число которых к приходу татар уже насчитывало 50, а к XIV веку возросло аж до 250 — в пять раз! Несмотря на то, что уже с 1304 года великие князья владимирские официально именовались “великими князьями всея Руси”, на деле их домен ограничивался территорией волости Владимира-на-Клязьме, к которой в XIV веке добавилось Переяславль-Залесское княжество.

Во-вторых, политическое значение былых уделов существенно, а порой радикально изменилось: одни стали его терять (Ростов, Суздаль, Владимир и др.), другие — обретать, усиливать (Тверь, Москва, Нижний Новгород и др.). Татарские владыки, раздавая ярлыки, тасовали колоду русских княжеств, постоянно переопределяя не только их границы, но и их соподчинённость, иерархию. Политические игры при дворе ханов стали определять очень многое в судьбе княжеств, диктуя князьям внешнюю и внутреннюю политику. Утрата суверенитета князьями была почти абсолютной, а попытки его хоть отчасти восстановить кончались карательными походами Орды, завершавшимися, как правило, жестокими избиениями и полонением жителей, подвластных неосторожному князю.

Понятно, что никакой единой и даже сколько-нибудь внятной внешней политики Русь Ордынская, раздробленная на сотни уделов, вести не могла, договороспособностью не обладала и субъектом международного права не являлась. Это, между прочим, ещё одно подтверждение несостоятельности выражения “Владимирская Русь”. По сути, единственным “международным партнёром” для русских князей стала сама Орда, в суровой школе которой и возрастала русская дипломатия. Со временем обретенные в этой школе черты станут для неё определяющими: “строжайшая секретность, жёсткий контроль за кадрами, безжалостная расправа не только с явными отступниками, но и с лицами, позволявшими себе хоть на йоту отклониться от инструкций” (В. В. Похлёбкин).

Одним из признаков утраты суверенитета было также обязательство князей являться в Орду и поставка рекрутов или участие в военных инициативах ханов по их первому требованию — “налог кровью”. К примеру, в 1282 году Ногай и Тула-Буга велели галицко-волынским князьям пойти с ними на венгров, а в следующем году — на Польшу. Всего в 1270–1290-х годах татарами было организовано 14 походов, в которых пришлось принять участие и подневольным русским воинам.

При этом помощи от татар, в случае агрессии западных народов, ждать не приходилось, отбивались как могли своими силами²³.

Мне кажется, сказанного достаточно, чтобы не поддаваться на мнимо полторекорктные теории, внушающие нам, что никакого татарского ига не было.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Каргалов В. В.: 1) Освободительная борьба Руси против монголо-татарского ига // "Вопросы истории". 1969. № 2–4; 2) Феодальная Русь и кочевники. М., 1967; 3) Конец ордынского ига. М. 1980; Кучкин В. А. Русь под игом. "Панорама", 1991; Тюрин А. В. Война и мир Ивана Грозного. М., 2009.
- ² Цит. по кн.: Тюрин А. В. Война и мир Ивана Грозного. М., 2009.
- ³ Ершов С. А. Великая Русь. Народонаселение и войны I–XX вв. М., Феникс-Плюс, 1997.
- ⁴ Историк В. В. Мавродин подсчитал, что "за XIII, XIV и первую половину XV в. русские выдержали больше 160 войн с внешними врагами, из которых 45 – с татарами, 41 – с литовцами, 30 – с немецкими рыцарями, а все остальные – со шведами, поляками, венграми и др." (Мавродин В. В. Образование русского национального государства. М.-Л., 1941. С. 127). Нужно понимать, что из этого перечня только войны с татарами носили катастрофический характер русского разгрома и были для нас особенно кровопролитны и абсолютно убыточны во всех отношениях.
- ⁵ Е. В. Балановская, О. П. Балановский. Русский генофонд на Русской равнине. М., ООО "Луч", 2007. 416 с., илл. С. 298.
- ⁶ Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 23.
- ⁷ Miller D. Monumental Building as an Indicator of Economic Trends in Northern Rus' in the Late Kievan and Mongol Periods, 1138–1462 // The American Historical Review. Vol. 94. № 2. 1989. P. 368, 384.
- ⁸ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 23.
- ⁹ Наиболее богатые купцы платили тамгу индивидуально, остальные объединились, чтобы выплачивать её сообща.
- ¹⁰ Павлов П. Н. К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Учёные записки Красноярского государственного педагогического института. Красноярск, 1958. Т. 13, вып. 2. С. 110–111.
- ¹¹ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 525–533; 780–781.
- ¹² Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. Л., Наука, 1978. С. 76–82.
- ¹³ Там же. С. 14, 29, 221.
- ¹⁴ Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб, 1866. С. 251.
- ¹⁵ Там же. С. 129.
- ¹⁶ Там же. С. 129.
- ¹⁷ Там же. С. 122.
- ¹⁸ Там же. С. 129.
- ¹⁹ Конечно, такие постоянно действующие в деревянной Руси факторы, как пожары или простое небрежение, продолжали уничтожать книгохранилища, но ведь эти факторы действовали как до, так и после татар (вспомнить хотя бы пожар Москвы 1812 года, погубивший единственный подлинный список "Слова о полку Игореве"). Никакими постоянно действующими факторами разрыв в книжном богатстве между XIV и XV веками не объяснить: здесь произошло нечто экстраординарное, а именно – свержение татарского ига, прекращение регулярных набегов.
- ²⁰ ПСРЛ, т. VIII, под 1382 г. См. также: Т. II. С. 85–89; Т. III. С. 29, 133, 232; Т. V. С. 16; Т. VI. С. 99–102.
- ²¹ Сапунов Б. В. Указ. соч. С. 17.
- ²² Подобные идеи можно встретить у историка Л. Н. Гумилёва, филолога В. В. Кожинова, писателя Б. В. Васильева и др.
- ²³ Известен случай, когда по просьбе Льва Галицкого войска Менгу-Тимура зимой 1274–1275 годов отправились карать Литву, но поход в глубь Литвы так и не состоялся, всё ограничилось взятием одного Новгорода.

ВЛАДИМИР КРУПИН

ВОЙТИ В БЕЗСМЕРТИЕ*

Мысли о вечном и о земном

Ночной подъём на гору пророка Моисея. Шёл, пел со всеми: “Господи, услыши молитву мою”. “Богородице Дево”, “Царю Небесный”... Подъём нескончаем. Выдохлись, растянулись. Остался один. “Господи, услыши молитву мою и вопль мой к Тебе да приидет”.

Начались ступени. Господи, их здесь четыре тысячи. Спаси, помоги и помилуй! Несу хоругви. Древяно металлическое, но лёгкое – алюминий. Но и оно тяжелеет. Какие тысячи, мне бы вот на эти три подняться и постоять. Слава Богу. Теперь ещё на три. “Пресвятая Троице, помилуй нас (ступень), Господи, очисти грехи наши (ещё ступень), Владыко, прости беззакония наши (ещё ступень), Святыи, посети и исцели немощи наши имени Твоего ради” (две ступени). Постою под звёздами, под тёмным небом. Ветер вначале освежает и радует, вскоре остужает и холодит. Надо шагать. Шелковая, шитая ткань хоругви ласково касается лица. “Господи, услыши молитву мою!” Ничего, иду, иду, согрелся. Мокрый весь опять. Ощущается высота. Сердце колотится. “Отче наш” читаю, дыхание выравнивается. Ступени, ступени.

Дошёл. Без молитвы бы не дошёл.

Так со мной было четырежды. И не верится. Но было. На вершине сильно продувало. Но начинался рассвет, малиновая полоска на востоке расширялась, краснела, розовела, облака растворялись, “звезды меркли и гасли” и ошутимо теплело.

Общее ликование всех и любовь всех ко всем была явной.

* * *

Играли в “Домик”. Детство. И прятки, и ляпки, и догонялки, всякие игры были. До игры чертили на земле круги – домики. И вот – тебя догоняют, уже вот-вот осалят, а ты прыгаешь в свой кружок и кричишь; “А я в домике!” И это “я в домике” защищало от напасти. Да, домик, как мечта о своём будущем домике, как об основе жизни. Идём с дочкой с занятий. Она вся измученная, еле тащится. Приходим домой, она прыгает. “Катечка, ты же хотела сразу спать” – “А дома прибавляются домашние силы”.

И лошадь к дому быстрее бежит. И дома родные стены помогают.

Стыдно перед детьми и внуками: им не видать такого детства, какое было у меня. Счастливейшее! Как? А крапиву ели, лебеду? А лапти? И что? Но двери не закрывали в домах, замков не помню. Какая любовь друг к другу, какие счастливые труды в поле, огороде, на сенокосе. Какие родники! Из реки пили воду в любом месте. А какая школа! Кружки, школьный театр, соревнования.

* В тексте сохраняется орфография автора (ред.).

Какая любовь к Отечеству! “Наша родина – самая светлая, наша родина – самая сильная”. Это ведь та большевистская Россия, которую я, подчас, и ругаю, а вот потеряли – и грустно. Или это грусть по детству?

* * *

Тысячелетие Крещения Руси Святейший Патриарх Алексий II назвал **Вторым Крещением**. Первое освободило от мрака язычества и многобожия, второе от засилья атеистической идеологии. Вновь открыты храмы, духовные учебные заведения, печатается много богослужебной и православной литературы... живи и радуйся, человек!

Но что мы за люди: всё нам неладно: опять начинается болтовня, называемая дискуссиями, плодящая раздоры. Плодятся неоязычники, неообновленцы, одолевают протестанты, старообрядцы никак не согласны с троеперстием, католики держатся за филиокве... нет “единого стада”. Хотя “единый Пастырь” есть – это Иисус Христос. И кем бы ты ни был, какое бы учение не исповедовал, должен знать: судить будет Христос.

Зачем Он приходил на Землю? Чтобы сказать нам Своей Крестной смертью – смерти нет. Нет смерти, не бойтесь! Не бойтесь жить, не бойтесь оканчивать земную жизнь. **Ибо есть для вас жизнь вечная.**

И вот это – отрицание смерти не умом, душой и духом, почувствовал Великий князь Киевский Владимир Красно Солнышко и принял Крещение.

А давайте представим, что мы тогда не приняли Крещения, где б мы сейчас были? А нигде. Нас бы попросту не было. Нас бы наши враги пережевали бы и выплюнули бы за борт истории. Да и сами мы, не объединённые верой, передрались.

Почему Запад злобствует на нас, суетится с санкциями и провокациями? Да потому что он **обезбожен**. Как? Они же христиане, скажут мне. Какие христиане? Они живут без Христа и без Креста. В первые века христианства иудеи увидели, что христиан нельзя ни убедить отказаться от Христа, ни добиться отречения от Него пытками, казнями. Тогда они пошли по иезуитскому пути – изъяли из Священного Писания его Христологическое толкование. Исказили сердце Ветхого Завета – Псалтирь, убрали из неё главное – предсказания о приходе в мир Спасителя мира, убрали православно звучащие книги Братьев Маккавеев, Книгу пророка Исаии (евангелиста Ветхого Завета, как его называют), Данииловы Седмины, то есть всё, говорящее о Христе.

И перевод Писания с древнееврейского на греческий, а с греческого на латынь был назван Вульгатой (то есть вульгарным, упрощённым переводом). Мы же, православные, живём, по Септуагинте (греческому переводу) – чистому изложению Писания. Это ли не счастье?

Какие-то мелкие (очень малочисленные) стычки языческих жрецов с православными миссионерами при переходе Руси в Православие потом были раздуты до невероятных преувеличений, например, такое: “Владимир крестил Крестом, Добрыня мечом”. А речь-то всего лишь шла о сокрушении идолов в Киеве и Новгороде, а не о каких-то массовых казнях, которых не было в Древней Руси. И даже военные походы древних русичей в соседские пределы не были захватническими войнами, это была **не колонизация, а христианизация**. Или (применительно к Кавказу, уже в позднейшее время) – освобождение тамошних народов, присягнувших на верность “Белому царю”.

А как было пережить отрицание Сотворения мира и человека Богом? Преподавалось (и доселе во многих школах) происхождение человека и Земли от чего угодно: теория “большого взрыва” (что собственно взорвалось горе-физики сказать не могут), всякие инфузории-туфельки, постепенно превращающиеся в обезьян, а те в человека (можно ли придумать больший бред?), стыдливые стихшая шумиха о коллайдерах, затеянная тоже с целью отрицания Бога... эта несусветная чушь (слово происходит от **чужь** – чужое) владела (и владеет) многими умами.

Но слава Тебе, Господи, мы – Твоё творение. **Никакой эволюции нет**. Как Ты сотворил первых людей Адама и Еву, такие мы и сейчас, и не в какой новый вид не эволюционировали. И жена моя Евина наследница, и я – потомок Адама.

Крещение, освобождающее нас от первородного греха, было спасительным даром Творца Своему творению. А уж какие грехи в своей земной жизни

кто навлечёт на себя, так это его обязанность от них освободиться пока жив. Чем? — Покаянием, исповедью. Постом.

Без Бога мы не победили бы в Великой Отечественной войне. Почти вся Европа шла против нас. А что мы были к началу войны после революций, кровавой гражданской войны, коллективизации, безбожных пятилеток?.. Церкви разрушены, осквернены, священники расстреляны или сидят в тюрьмах, богослужебные книги сожжены. Казалось бы, не поднять головы. Но мы победили. Как?

А так. Не за идеологию Маркса–Энгельса воевали, а за извечно святые русские слова: **Отечество, Родина, Держава, Россия**. За святыни, за могилы великих предков. За храмы православные. Пусть разрушен храм, но он же был возведён на народные деньги (любая государственная казна — это тоже народное достояние), мастерами из народа и, главное, освящён! То есть над алтарём разрушенным незримо, но явно в духовном мире, встал Ангел-хранитель. И ждал, и вдохновлял на битву, и надеялся, и знал, что вернут православные храмы из мерзости запустения. И опять в согласии с небесами засияют купола с крестами. Так и свершилось.

Было ли где и когда такое единодушие сердец, такое безстрашие? Нет, только у православных. Не фанатизм, а именно **вера во Христа**. И мы получили её навсегда в Святом Крещении. Которое празднуем и помним.

* * *

События истории не могут происходить в разных вариантах, они всегда единственны. Но вот бывает, что они, по какой-либо причине, искажаются. Но рано или поздно правда о событии торжествует.

Вот одна из самых значительных в истории Великой Отечественной войны неправда. Кто водрузил Знамя Победы над рейхстагом? Привыкли считать: это бойцы Егоров и Кантария. Нет, не они. То есть и они тоже. Но гораздо позднее **первого знаменосца Победы Григория Булатова**.

Он вятский уроженец из города Слободского. Его отец погиб в первые дни войны. И Гриша сразу помчался в райвоенкомат. “Хочу отомстить фашистам за отца!” По молодости не брали. Семнадцать лет. Но он был настойчив. Послали от военкомата на курсы шоферов. Потом зачислили в войска охраны военных складов и сопровождение эшелонов с военными грузами и, наконец, в 1943 году Булатов с эшелонном лошадей прибыл на фронт, на самый кровопролитный Северо-Западный, в Великие Луки. Где и принял боевое крещение. Напомним, что именно там свершил свой исключительный по самоотверженности подвиг рядовой Александр Матросов.

После шестидневных боёв от роты, в составе которой воевал Булатов, осталось 12 человек. Гриша был замечен как исключительно смелый, ловкий и сообразительный боец, и был взят в роту разведки. Воевал так успешно и храбро, и ратным трудом заслужил солдатский Орден Славы (который носился на георгиевской ленточке и был, фактически, аналогом ордена Святого Георгия) и две медали “За отвагу”. Его очень любили сослуживцы. Всегда весёлый, сноровистый, быстрый на решения, отважный до безрассудства. Именно ему, в будущей Берлинской операции, друзья единодушно доверили нести Знамя.

Командиром разведчиков был москвич Семён Сорокин, лейтенант. Отличный токарь высшего, шестого разряда, он имел бронь, вдобавок и работал на оборонном предприятии, но так же, как Булатов, рвался в действующую армию. Забегая вперёд, скажем, что москвичи из района Щукино, где он жил, свято хранят его память. Так же, как и в Московском авиационном институте (МАИ), в котором он выполнял сложнейшие токарные работы и до и после войны.

Память об этих разведчиках не может быть занесена пылью забвения. Но всё дело в том, что их подвиг никак не вписывался в привычные схемы того времени, когда в нашей стране всем и вся руководила партийная бюрократия, а разведчики самостоятельно решили пойти на вершину рейхстага, не получив одобрения начальства.

Надо сказать, что в музее Вооружённых сил хранится действительно **подлинное Знамя Победы**. Именно оно было сшито руками разведчиков

Семёна Сорокина из алой материи. А на память они отрезали от неё полоску и разделили на восемь кусочков. И потом легко доказали подлинность Знамени. Это превосходно знал маршал Жуков.

В приснопамятный день 30 апреля 1945 года разведчики ворвались в рейхстаг. Свинцовая смертоносная метель бушевала непрерывно снаружи и внутри здания. И только Господь сохранил их живыми. Другого объяснения нет.

Выскочили на чердак, оттуда вылезли в окно и побежали по крыше рейхстага. От грохота выстрелов не слышно было, как гремело под ногами кровельное железо. Григорий увидел высшую точку на крыше – скульптурную группу и кинулся к ней. На ходу разматывал красную ткань знамени. Пули бились в железо и бетон. Со свистом летели осколки.

“Вятские – парни хватские”, – подбадривал себя Григорий, уже почти оглохший от взрывов бомб, разрывов снарядов, пулемётных очередей. Страх был, но его подавила охватившая сердце отвага и уверенность, вспыхнувшая в сердце, что вознесётся над Берлином Красное Знамя Победы, так напоминаясь красные плащи древнерусских князей – корзно, собиравшие, стягивающие к себе своим зовущим цветом русских воинов во время битв.

Присел за трубой, привязал к древку полотнище. Оно сразу радостно заплескалось в берлинском, пропахшем кровью и порохом воздухе. А когда развернулось, тут уж Григорий совсем ничего не опасаясь – дело сделано – открыто выпрямился, раскинул руки наподобие креста и крикнул вниз, на площадь перед рейхстагом: “Всем видно? Знамя всем видно?”

И его увидели! И бойцы, и маршал Жуков увидел. В стереотрубу. Именно он сам вскоре распорядился отправить великую святыню на вечное хранение в Москву. Именно он при встрече сказал Григорию о том, что его представляют к званию Героя Советского Союза.

В наградном листе рядового Григория Петровича Булатова написано: “29.04.1945 года полк вёл ожесточённые бои на подступах к рейхстагу, вышел на реку Шпрее. Тов. Булатов был из тех, кому было приказано на подручных средствах форсировать р. Шпрее, пробиться к зданию Рейхстага и водрузить над ним Знамя Победы. Беря с боя каждый метр площади, в 14 часов 30.04.1945 г. ворвались в здание Рейхстага. С ходу захватили выход одного из подвалов, заперев там до 300 немецких солдат гарнизона Рейхстага. Пробившись на верхний этаж тов. Булатов в группе разведчиков в 14 час. 25 мин. водрузил над Рейхстагом Красное Знамя. Достоин присвоения звания “Герой Советского Союза”.

Маршал Жуков ехал в Москву и взял с собой знаменосцев из разведроты: лейтенанта Семёна Сорокина, рядовых Григория Булатова и Виктора Правоторова на приём в Кремль по личному приглашению генералиссимуса Сталина.

А там... а там “вождь всех времён и народов” налил Григорию фужер коньяку и сказал: “От тебя требуется ещё один подвиг: двадцать лет молчать о том, что ты установил Знамя над Рейхстагом. Такова сейчас международная обстановка”. Вот так. То есть по мнению вождя для международной обстановки было лучше, что знамя вознесут **грузин и русский**, а не один русский. Тогда, видимо, возникла в голове Сталина формула ответа на вопрос, кто он по национальности. “Я русский грузинского происхождения”. Ещё к разведчикам присоединили потом лейтенанта казаха Кошкарбаева. Так ложно понятый интернационализм возобладавал над Правдой.

У Мелитона Кантария не было таких боевых наград, как у Булатова, но было свойство, которым Булатов не обладал, Кантария был грузин. И они с Егоровым несли Знамя и укрепляли его у ног германской скульптуры **через девять часов после Булатова**. В ночь на первое мая. Не под пулями несли. Смело шагали по крыше поверженной фашистской цитадели. Одетые в штатное воинское обмундирование, они, конечно, не были похожи на бойцов-разведчиков в телогрейках.

Нашей пропаганде была нужна победная установка Знамени над рейхстагом. Такую и отсняли. Такие кадры всегда видели мы и справедливо полнились наши сердца гордостью за нашу армию.

Пора давно поклониться могиле первого знаменосца Победы Григория Булатова. К чести его Вятских земляков, на его родине, это свершено. Установлен ему памятник, отчеканена памятная медаль, снят хороший фильм “Солдат и маршал” Марины Дохматской и Бориса Свистунова. Но повсеместной,

широкой, общероссийской правдивой известности о нём пока нет. И общемировая известность нужна. Не стометровку бежал, шёл фактически на верную смерть.

А что же Булатов? — А далее всё в его жизни после подвига и уже до самой его кончины было горько и тяжело. Из Кремля его повезли на дачу. Он потом говорил, что это была дача Берии. Такой тогда у Григория был невероятный день: встреча с маршалом Жуковым, с вождём, Кремль, ожидание Звезды Героя и тут же неожиданная просьба молчать двадцать лет, — всё смешалось в его голове. А коридорная девица в белом кружевном фартучке была так любезна, прямо сама льнула к солдатику, говорила, как счастлива ухаживать за ним. Да он её и не коснулся, рук не протянул. Он и парнем-то был нецелованным, стеснялся девушек.

А эта девица повалилась вдруг на пол, задрала юбку, оголилась и завизжала: “На помощь!”. Через секунду стояли у дверей, ворвались офицеры, избili Григория, скрутили, утащили в “чёрный воронок”, а девица под их диктовку написала “показания”, как рядовой Булатов хотел её изнасиловать. . .

И дали герою войны 15 лет за “попытку изнасилования”.

К штурму рейхстага было подготовлено девять знамённых групп. У каждой Знамя, у каждой задание — установить его на крыше. На одну группу не надеялись — убьют, другие дойдут. Расчёт суровый, но это война.

А тут незапланированная разведка из армии Шатилова. Разведчики, которым позволено действовать самостоятельно. Они и загорелись. Они выдвигали такие виды, бывали в таких переплётах, а уж что говорить об общем любимце Грише Булатове. Самый молодой! И на всех снимках он стоит на первом плане, совсем парнишка, полный радости. И снимки обошли многие центральные газеты. А делали снимки фотокоры из “Правды”, и “Красной Звезды”, и “Комсомольской правды”. Ясно, что не так просто ставили на первое место Григория.

Но потом уже снимков этих не появлялось нигде вплоть до 70-х годов.

А как же двадцать сталинских лет? Да никак. О них Григорий помнил. И о нём маршал Жуков и генерал Шатилов помнили. К ним из заключения писал Булатов. Его, по их ходатайству, освободили в 47-м. Он ещё два года шоферил в Группе Советских войск в Германии, потом вернулся в Слободской. Жил и молчал. А маршал Жуков впал в немилость.

Давайте представим жизнь Григория. Он держал слово, данное вождю. Работал водителем, мотористом на речном катере, слесарем на фанерном комбинате “Красный якорь”. Но когда прошло 20 лет, сказал друзьям. Высмеяли. Да и какие уже там были друзья — собутыльники. И попробуйте не выпить, когда тебя считают лгуном, самозванцем. Какой ты герой, когда во всех учебниках значатся другие знаменосцы. Да ещё надо сказать, что, несомненно, Григория вели незримые цепкие руки спецслужб.

За два дня до его ухода с земли в Слободском появились двое крепких мужчин в штатском. В день кончины Григория Петровича (ещё никто не знал о трагедии — свидетельство дочери и зятя) они заявили к нему домой, изъяли его записи, письма к нему маршала Жукова и генерала Шатилова. Эти письма были, в частности, жена вспоминала строчки Жукова: “Гриша, ты топтал сапогами рейхстаг, растопчи ими проклятую бутылку”. Зять вспоминал, что Григорий Петрович оставил много записей о войне и конце войны.

Бог мне простит, я уверен, что смерть Григория Булатов не была самоубийством. Он мешал легенде о Знамени Победы. Сейчас это всё исследовано досконально. Свидетель снятия тела из петли указывает на высокую трубу под потолком. Как невысокий ростом человек мог привязать за неё верёвку? . . И как без какой-либо подставки влез в петлю. Прямо с пола? Нет, его, скорее всего, повесили. Повесили и закрыли дело. Ни следствия, никаких выводов.

Это очень напоминает гибель Сергея Есенина. Тоже труба под потолком, тоже непонятно как привязанная к ней верёвка.

Свидетель и участник подвига однополчанин Виктор Правоторов, призванный из Макеевки, который помогал Григорию нести Знамя, оставил на рейхстаге гордую надпись (есть фотография): “Мы из Донбасса! Знай наших!” И его судьба трагична. Он не ждал 20 лет и рассказал о штурме. И вскоре погиб, якобы от того, что взялся руками за оголённые провода под напряжением. И это фронтовой разведчик. Кто поверит?

Вот хроника водружения Знамени: первая – бегут разведчики Семёна Сорокина. Следующий кадр: Булатов укрепляет древко. Рядом Сорокин, за ним Правоторов. Вторая съёмка, отредактированная: разведчики бегут, но кадр уже со спины. Прикручивает знамя уже не Булатов в пилотке, а воин в шлеме танкиста.

И в воспоминаниях маршала Жукова время установки знамени: **29 апреля в 14:25 по московскому времени**. Да, ещё шли бои, но уже Знамя Победы, вдохновляя, реяло над поврежденным исчадием ада.

Совсем не поздно нам, живым, требовать подробного исследования жизни и кончины героя войны Григория Петровича Булатова. Каково ему было жить с кличкой “Гришка-рейхстаг”. С обиды и боли он даже эти слова вытатуировал на своём теле. Осуждаете? А вы примерьте его судьбу на себя.

Нельзя, чтобы ложь, даже красивая, продолжала жить в истории. Думаю, это и грузинам и казахам не надо. Фактически был затравлен, доведён до самоубийства или, скорее всего, убит **национальный герой русского народа вятский парень Григорий Булатов**. И от этого очень тяжело...

* * *

С годами я всё больше вижу похожесть свою на мамин характер. Особенно в чувстве жалости ко всем. Мама всех жалела: кошку с котятками, цветы, нас никого пальцем не тронула, нищим отдавала последний кусок, ночами шила или вязала. За потери не ругала. Только вздохнёт: “Не радуйся – нашёл, не тужи – потерял”. А вот мне говорила: “Какой-то ты больно жалостливый, тяжело тебе будет”. То есть она знала, что жалостливым жить трудно. А мама её, моя бабушка Александра Андреевна, уж она ли не была сплошной добротой. Меня звала ласково – Ова, и сердилась на дедушку, что он поручает мне, по её мнению, какую-то тяжёлую работу. Но мы сами напрашивались на работу, а не бегали от неё. Да и дедушка жалел меня, я же видел, как он ставил меня на землю копать, а, например, гвозди прямить.

Дивно, как передаётся наследственность. Невестка показывала нам фильм из жизни наших внуков от самого рождения. И мы вспоминали, когда привезли внуку сестричку из роддома, и она заплакала, то внук наш двухлетний, заплакал с нею навзрыд. И тут – идут кадры: внучечка, месяца в три, лежит, ворочается в красивых пелёнках, и что-то ей, видно, неудобно показалось, личико её жалобно сморщилось, мы засмеялись: так это смотрелось трогательно, а внучка наша заплакала и убежала от экрана, и долго не возвращалась. Ей стало жалко себя, ту, маленькую крохотулю.

Что говорить, а мой сын, их отец? – Всё всем отдавал. Обидно даже – привезёшь ему фотоаппарат, а уже и нет его через неделю. Также велосипед. И не то, чтобы не дорожил вещами, просто отдавал. Раз привёз ему солдатиков из Германии. Дорогие, красивые солдатик. Немецкие, нация такая, воинственная. Он играл этими солдатиками во дворе, а мальчишки постарше к нему пристроились, ему и лестно. Ура, трах-бах! Его обедать зовут, а мальчишки говорят: “Солдаты погибли, надо их захоронить и сделать салют над могилой”. Присыпали песком немецких солдатиков. Придумали минуту молчания. “А ты иди, пообедай, а потом они оживут, опять будем играть”. Солдатики-то ожили, да и отбыли в неизвестном направлении.

А раз мы с сыном, в день Богоявления ехали в метро. И там ехал старичок с бидончиком. С такими раньше ходили за молоком, а у него в нём была Крещенская вода. И как-то неловко он зацепил свой бидончик, тот упал, вода выплеснулась. Наш сынок подскочил, поднял его и сказал: “Дедушка, там ещё осталось”.

Жили мы с ним в дальнем посёлке, у него с собой были машинки. И одна была, подаренная ему, очень красивенькая. А к нам всё захаживал Коля, всегда весёлый, и всё приставал к сыну, чтоб он ему машинку подарил. И ведь выцыганил. Отдал сын машинку. Как раз в тот день мы уезжали. Шли на автобус. Сын молчал-молчал и вдруг зарыдал: стало жалко машинку. “Но ты же сам отдал”. – “Я не знал, что будет так жалко”. И вот – я уже жизнь прожил, и всё себя ругаю, что не вернулся тогда, не дал Коле на бутылку и не вернул машинку. Но мы шли на автобус, а они там ходят редко...

В детстве мама повезла меня к своей маме, моей бабушке. Было мне полтора-два года, я только начинал ходить и говорить. Попросили лошадь в лесхозе, там работал отец, запрягли её в лёгкий тарантас и двинулись. Начало лета. Я спокойно сидел в тарантасе. И вдруг увидел на обочине груды красной глины. И, как рассказывала мама:

— Ты весь задёргался, стал рваться к этой глине. Тебя ссадили на землю, ты на своих ножонках побежал, падаешь, встаёшь, и стал ручонками хватать её и тащить в рот. Я испугалась вначале, но потом вспомнила, что и сама, когда была в положении, тоже хотела поемсть глины. Да и другие женщины так, когда ребёнок ждёт. Даже печуру отламывали от печки, так сухую глину называли — печура, крошили и прямо ели. Значит, чего-то не хватало в организме. Именно для ребёнка. Для костей, или ещё чего.

— Да, — поддержал я, — земля еси и в землю отыдеши. И Адам перво-родный из земли, из красной глины, так и переводится его имя, и все мы прах земной. Из земли пришли, в неё и вернёмся.

Вспомнил сегодня этот рассказ мамы, когда на ежедневное Чтение Священного писания выпала Книга Бытия, глава четвёртая: “И сказал Господь: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле”.

Здесь о земле говорится, как об одушевлённом существе. Она “отверзает уста свои”, она “не станет более давать силы своей”, она живая, она мыслящая, чувствующая добро и зло. Она содержит в себе все элементы для сотворения человека.

Клятва на крови была, конечно, одной из самых крепких. Но клятва землёй ничуть не меньше. Хотя сказано человеку “не клясться ни землёй, ни небом”, роль земли в продолжении жизни человека была определяющей. Отношение к земле было на уровне святости. Из детства помню, когда кого-то в чём-то обвиняли, а он оправдывался, то ему говорили: “Ешь землю”. И если ел, верили в его невиновность.

А земля родины, которую зашивали в ладанку уходящим на фронт, это свято. А земелька с могил родных, которую брали с собой, когда находили где-то ещё одну родственную могилу и везли на неё эту землю, как поклон, как благословение родины.

Очень помню, когда уезжал из нашего села мой друг Вовка Агафонцев, его отца куда-то перевели, и уже погрузили вещи на машину, и я вдруг, даже неожиданно для себя, в каком-то порыве, побежал к своему дому, наскрёб с завалинки пригоршню желтого песка, завернул в газетку и принёс Вовке. И он, очень помню, был рад и положил пакетик в нагрудный карман. Велики ли мы были, лет по одиннадцать — двенадцать, а понимание величия родной земли уже навсегда поселилось в нас.

И, как ни революционен был поэт, а написал же о русском воине, покидавшем Россию: “Трижды город перекрестивши, трижды землю поцеловавши”. И сам я видел, как евреи (это 1998 год), выходя из аэропорта Бен-Гурион, кидались на колени и целовали землю.

И разве кто-то усомнится в чистоте этого порыва? Разве и мы не увозим землю Святой Земли в своих сумках, разве не верим в её животворную силу?

А наше троекратное, во славу Святой Троицы, бросание трёх горстей земли в могилу на крышку гроба, разве не выражение надежды на защиту землею души уходящего с земли?

И разве земля не слышит нас? Слышит, конечно. И любит нас. Она же год за годом, созидаёт для нас все условия для нашей жизни. И в добавление к выращенным злакам, фруктам, овощам, лечебным травам, являет из себя цветы, эти остатки рая на земле.

Этот земной рай вернётся, если мы тоже будем любить землю и беречь её.

НОВОЕ-НОВОЕ-НОВОЕ! Непрерывное склонение и спряжение этого слова и видится в печати, и слышится в эфире. Вся пишущая и радио и телеговорящая братия только и делает, что ищет новое и славит его, и продвигает,

и внедряет. Справедливое замечание “новое – это хорошо забытое старое” никого не вразумляет. Всё, в той или иной форме, было. Формы, естественно меняются, содержание повторяется.

А если подвергаешь сомнению необходимость нового, ты, конечно, ретроград, враг прогресса. Но есть ли прогресс вообще?

За другие области не скажу, но, что-то понимая в литературе, скажу: **в литературе прогресса нет и ожидать его бесполезно.** Занимаясь древнерусской литературой, скажу уверенно: она была лаконичнее, чётче, говорила дельно и по существу. Не выдрючивалась, в амбивалентности не играла. Мы на неё смотрим не сверху вниз, как на давно прошедшее, а снизу вверх, как на почти недостижимое.

И предшественники муками поиска слова не хвалились, не гордились. Какая мука поиска, что за словом бегать? Если его нет в тебе, куда ты за ним побежишь? В словари? ну-ну. Мелочь пузатая такие писатели. Мелочь от малой значительности для жизни их текстов, а пузатая от самомнения.

Так резко говорю не в обиду тем, кто любит прежде Россию, о тех речь, кто, начиная с 60-х ворвался в литературу, как шпана на рынок, озабоченная только своей прибылью. Шпана в литературе, в отличие от шпаны базарной, ищет ещё и известности. Базарной-то шпане надо во-время смыться, а литературной мечтается застрять в литературе надолго, если не навсегда.

И это при том что все нормальные люди знают (должны, обязаны знать), что не только вся исписанная, испечатанная бумага, всё дерево, спиленное и ещё растущее, всё железо, всё-всё сгорит. Куда больше – небо совьётся в свиток, как сказано в Апокалипсисе. И где там, в этом всесветном огне будут твои публикации? И кому будут нужны, кого спасут, какую истину откроют?

Сейчас бы надо говорить, и усиленно, о краткости жизни, о спасении души. Сам я очень грешный, но, что знаю наверняка, то и пишу.

* * *

Вернули имя городу Халтурин. Теперь, как и был раньше, город Орлов. Встреча в обществе ветеранов. Застолье. Старушки: “Всё бы пели, всё бы пели, всё бы веселились. Наше времечко прошло: морщинками покрылись”.

Одна из них: “Ещё так можно: Наши старые гуляночки во сне приснились”. Третья: – А вот начало этой не подскажете? Про хорошего мужа. “Табачку не куривал, от меня не гуливал”.

“Ёлочка, не осыпайся, чисту воду не мути. Дорогой, не задавайся, тебе лучше не найти. Афанасьево село, да чем оно украшено? Ёлками-цветуньями, да девками-певуньями (плясуньями)”.

Ситникову спели: – Одуванчик ты мой, одуванчик, облетели твои семена. Спели и про меня. Полностью не помню, но это как забыть: “А седая борода не годится никуда”.

В Орлове мученически погиб протоиерей Михаил Тихоницкий. Ходили на кладбище. Снега, как в детстве, белые, глубокие. На могиле цветы.

Демонстрация. Музыка. Цветы. На трибуне областное начальство. Один другому: “Вот они идут, на нас смотрят и думают: “Всё это одно ворьё стоит”. Другой: “А раз так думают, придётся воровать. Нельзя же, чтоб народ ошибался”. И точно, один из демонстрантов смотрит на трибуну, видит начальство и говорит своему другу: “Это всё воры”. А тот отвечает: “А поставь нас – и мы такими же будем”.

Когда организм заболевает, паразиты оживают, крепнут и губят организм окончательно. А заболевает он вначале от паразитов обязательно внутренних. С помощью, конечно, внешних, но всё с себя начинается.

* * *

Так я и не научился от отца так же ловко, как он, владеть счётами, этим тогдашним универсальным народным арифмометром, который потом сменили калькуляторы и кнопки бездумной техники.

Эти счёты, костяшки, по десять штук, на металлических стерженьках, могли в руках отца всё: делить, умножать, складывать, отнимать, прибавлять,

возводить в степень. Эх, и славно эти костяшки щёлкали и никогда не ввали. Например, самое простое: складываем 54 и 47. Вначале справа налево десятки, пять и четыре — щёлк-щёлк — девяносто. Теперь единицы 4 и 7. Из них получается ещё одна десятка. Сотня. “Единица на ум пошла, — замечал отец, — сто один”. Сто один. Можно не проверять.

Скорость отца изумляла. В конце вычислений он весело встряхивал счётами, сгоняя костяшки вправо, на исходные позиции. Они сохранились, эти счёты. Иногда беру в руки и трясу. Музыка времени в них.

* * *

Пресса не командует никем, она сама подневольна. Её дело — быть на посылках у сильных и богатых. Не руководя обществом, она задуривает его, оглушает, готовит к принятию того, что готовится в недрах нового нашествия на Россию.

А народ? Да что вы всё с народом? Он игрушка в руках воротил деньгами и прессой. Он даже если бы был помехой, давно бы его смахнули, да вот незадача: надо же кому-то лес валить, коров доить. Нефть качать, золото и уголь копать, рыбу ловить... А так-то, зачем бы он был нужен. Он чем-то недоволен? Так пусть и кричит, пусть поболтает о своих проблемах. Это богатым музыка для ушей.

Так всегда было. Недовольство помогало свергнуть тех, кто уж совсем зажрался и меры не знает. То есть дай и другим оторвать от куска. А народ перегоним в другой загон, хоть и огороженный, конечно, но чуть попросторнее. Народ и рад. Думает: добился. А ничего не меняется: что большевики грабили, что демократы грабят, куды христианину податься?

* * *

Служению телу посвящаются самые лучшие цветущие годы, а вечному спасению души только последние минуты дряхлой старости. Забываем мы, что земные блага скоропреходящи и неустойчивы, тогда как блага небесные вечны, безконечны и неотъемлемы.

Не только пьянство и блудная страсть, но и зависть, злопамятство, ненависть также составляют душевную нечистоту.

Женщина стоит на границе между женственностью и бабством. А мужчина — между мужественностью и омуживанием. И хотя у многих женщин мера оценки мужского пола заключается в словах: “Настоящий мужик” — это грубо. Раз мужик, значит, не обнимает, а лапает, не пьёт, а лакает, не смеётся, а ржет и тому подобное. Тут ожидание только животного удовольствия.

И мужественность и женственность диетой, гимнастикой, и водными процедурами не получишь. Тут душа нужна, тут работают только такие слова: **жертвенность, любовь**, только они помогают женственности и мужеству.

* * *

Желание стать писателем возникло у меня 67 лет назад. Вправду, мне это дивно. Жизнь кончается, пора соображать, велик ли мой вклад в неё, и не зря ли жил? Серьёзные вопросы. Я всегда искренне хотел жить для Родины. Конечно, любовь к ней именно от самой родины, от патриотизма военного поколения, от отца с матерью, от школы, от книг. От Бога в первую очередь.

Таким вступлением я разродился, найдя в бумагах текст, написанный в 16 лет. Он как раз о том, что хочется помогать стране и людям. Слабенькие стихи, но искренние. Я уже работал в районной газете.

Запишу их в строку:

“Я хотел бы своим пером помогать людям лучше жить. Ну не мне их, конечно, учить, мне всё время учиться у них. Но вот так: помахал топором, притомился плотник, присел. Из кармана достал кисет, оторвал от газеты клоч. И вдруг видит в газете стих. Закурил. “Ну-ка, дай взгляну”. И газетный лист развернув, вдруг глазами к стиху прирос, будто что увидал между

строк. Дочитал, оглянулся: “Эй! Что вы там? Ну-ка сядьте скорей. Тут вот нам задают вопрос, тут тревожат нашу мечту. И дорога вроде ясней. Вот послушайте, я вам прочту”.

Прошу не смеяться над ребёнком. 60 лет с тех пор ребёнок отмотал, и всё, наивный, так и думает: “Я хотел бы своим пером помогать людям лучше жить”. Только бы одно слово заменил: не лучше, а легче.

И ещё из того же времени:

“Я снова сегодня к ней пойду! Скорее, солнце, садись! Она мне сказала: “Я тебя жду”. — Сказала: “Жду, приходи”. Но утром летучка. Вопрос такой: сейчас важнейшее — сев. И нужно немедля, теряя покой, бросать на него силы все. Нахмурен, в горле застрял вопрос, стою у районной карты я. Куда поеду, в какой колхоз? Туда, куда нужно партии”.

* * *

Сколько я клеймил КПСС, ещё в ней пребывая. И после. Будто мстя за годы, истраченные на изучение всяких Циммервальдских–Кинтальских конференций, разногласий с Мартовым и Плехановым, программ и Уставов, повесток очередных и внеочередных съездов. Как головы наши выдерживали. Куда ни ткнись, везде партия. Вот точный анекдот: Пришла мама с работы, хочет включить радио. Сынок: “Мама, не включай!” — “Почему?” — “Там говорят: “Съест КПСС, съест КПСС”.

Смертельно это всё надоедало. И делало равнодушным ко всякой уже идеологии. Разве мы не читали книжки на партсобраниях, разве не проскакивало всё изрекаемое с трибуны сквозь наши уши, ничего в голове не оставляя?

Вот на эту тему: “Леонид Ильич, пишу вам, помогите дочери поступить в институт. Вы меня должны помнить: мы вместе с вами спали”. Такое письмо генсеку. К женщине этой сразу чекисты: — “Как это спали? Когда?” — “Да, спали. Я была делегатом съезда и спала в зале. А он спал в президиуме”.

Партию загубили паразиты при ней, шестёрки режима. Они были хитрее тех, при ком были. И кормились при них, и росли в постах, к себе своих прикармливая. А чуть что, отскакивали. Предавали мгновенно.

А партия, кто спорит, несомненно нужна. Но какая? Кто в ней?

Что тогда, что сейчас — в партию (тогда коммунистическую, теперь медвежью) идут за портфелями, за, то есть, устроенностью в жизни. Благополучием и наживой. Уж какая там жертвенность. Это не война, когда атака, когда пошла сигнальная ракета, когда возглас: “Коммунисты, вперёд!” Да, и первыми вылезали из окопов.

Ганичев, упокой Господь его душу, очень не любил мой рассказ “Любовь, комсомол и весна”. Он о карьерах брежневского, и далее, времени. Обиделся: “Мы столько делали для молодых писателей”. Согласен, делали. Но не за свои же деньги. И помогали молодым очень избирательно. Первая книга моя вышла в “Молодой гвардии” в конце 70-х, а ходить я начал туда с середины 60-х. Лет тринадцать, легко ли, ступени лестниц издательства шлифовал. Но на Ганичева не сержусь: он и знать не знал о моём существовании. И журнал “Молодая гвардия” меня ни разу не печатал. Сейчас только Валерий Хатюшин, главный его редактор, сказал, что идёт мой рассказ “Застойные времена”. Посчитаем. Сейчас 2018, ходил, самое малое, с 1968. Так что совсем недолго и ждал — полвека. С “Юностью” и того протяженней, ходил в неё с 1964, вот нынче в первый раз напечатали.

Чего это я — начал глобально, а вдруг заскулил. Да это же благо, когда писателя долго мучают, проверяют на излом и вывих, скручивание и растяжение. У меня очень, паки и паки повторяю, счастливая судьба. В это-то теперешнее время сплошной цифры, да ещё кто-то читает буквы!

* * *

В вагоне разговорчивый сосед попался: — Я в Москву два раза ездил. Меня в Москве в двух домах знают. В одном брошенном, в другом не живут. У меня и тётка во Владимире есть. — Тут же меняет тему: — Жена есть жена. Но скотина есть скотина. Жена куда уйдёт, у неё спросишь. А скотина куда ушла? — Ушла и адреса не оставила. Так что жена лучше скотины.

После маленького перерыва продолжает философствовать: — Но вот, смотри: нет ни одной бродячей коровы, а бродячие собаки есть. Почему?..

Молчать совсем не может: — Знаешь, дядя, где живу? В Чуркистане. Понял, где? Чуркистаном наш район зовут. Окраина, сплошь переселенцы из Средней Азии. Где логика, дядя? Смотри, наших оттуда гнали, а теперь сами бегут к нам. А мы что, мы зла не помним. К нам надо на автобусе-однойке ехать. И такая же маршрутка, тоже однойка. Но дороже... А ещё ответ на такое: я вижу, ты с книжкой сидишь, ответь. Как это — были мы советские, стали россияне, так? Что скажешь? Когда русскими будем?.. Вот вопрос!

И не надоело нам быть русскими. А ведь расстреливали Верховный Совет? кто? — русские русских. И те, и эти, и кто расстреливал, и кого расстреливали... Что это?

— Это демократия, — отвечаю я, — плата за богоотступничество. Когда русские — русских... .

* * *

В начале 90-х в журнале “Москва” мы печатали отрывки из книги о русских пленных и о немецких. Это были их письма. Интереснейшая книга. Её делала старшая дочь Василия Шукшина Екатерина. Письма немцев начала войны не просто хамские, они циничные, мерзкие по отношению к славянам. “Мне нравится их убивать, особенно прокалывать беременных... Посылаю тебе детские вещи, они из льна. Немного запачкано кровью, но легко отстирать...”.

Русские письма: “Так переживаю, что не успел запасти дров, как вы будете зимой? А одежда, обувь? Сходи в сельсовет, может, помогут. В счёт налогов придётся сдать овцу. Хорошо, успел сена накопить...”

Потом всё меняется. У немцев вопли и отчаяние: оказывается, эти русские унтерменши тоже люди. И воевать умеют, и умирают мужественно. “Комбат приказал похоронить русского солдата с почестями. Солдат в одиночку держал подходы к мосту, который они в это время минировали. И только когда солдат увидел, что мост взорван, стал отходить”.

Ценное в книге то, что пленные немцы (уже послевоенные, строившие что-то у нас) и потом вернувшиеся в Германию, сохранили о нас благодарные воспоминания.

Отвлекусь. Вспоминаю голодные 46–47-й годы. Читаю рацион кормления пленных немцев в это время. Мясо, масло, овощи. А как немцы требовали в войну у жителей захваченных деревень: “Матка, млеко! Матка, яйки!” А тут и требовать не надо было, подносили. А какого было нашим солдатам в фашистом плену, лучше не рассказывать.

Я был в Германии и по ту и по эту сторону ещё до сноса берлинской стены. А потом был уже после её разрушения. К 80-м годам немцы уже были разные по мировоззрению: восточные и западные. Отличались во всём — магазины, одежда, транспорт. Но коротко скажу: первыми, кто протянул руку дружбы, были немцы-ветераны. И не просто воевавшие с нами, но побывавшие в плену. И братались они именно на основе любви к России.

Очень этим братанием были разочарованы либералы.

А напомнить о великом милосердии русского народа сейчас самое время. При той информационной грязи льющейся на нас.

* * *

Личностей у демократов нет. Ну, какие личности, например, покойный Немцов? Не стало его, и оказалось и многоженство, и всякие квартиры, капиталы. Это борец за народное дело? Ну ладно, о таких мёртвых лучше ничего. Вот Навальный. Кировским судом факты воровства доказаны. Адвокатура от тюрьмы отмазывает. И уже в политике. Строит её как раз на обличении воровства политиков. В этом понимает. Но как-то несерьёзно: привязался к кроссовкам Медведева. И что ему кроссовки? Такие же хочет? То есть уровень обличений весьма мелок. Кого ещё взять? Да просто на лица их посмотреть. Красавцы! Начиная с Гайдара, Ельцина, Сванидзе, Познера... Это личности? Это лидеры? Готовы за народ на плаху?

А слово “цензура” для либералов – как красная тряпка. Ещё бы, им хочется болтать всё, что в голову придёт. А приходит то, чем живут – желудком и инстинктами.

– Да я бы тоже не говорил о цензуре, – отбивался я на встрече с читателями, настроенными агрессивно, – если бы у создателей кино, картин и текстов была самоцензура. Какая? Обыкновенная совесть.

Это им не понравилось. Им вообще вся Россия не нравится. Им её бы не было вовсе.

– Не было никакой русской истории! – Этот возглас воспринимается одобрительно.

– Истории не было? А Россия от океана до океана есть? Или она из ничего возникла?

* * *

“Кто будет готовиться к битве, если труба будет издавать неверные звуки”, говорит Писание. Вспомнил, когда попалась почеркушка из давнего, запись: “На бой, на бой, в борьбу со тьмой”. То есть не все трубы издавали неверные звуки. Работали, учились при Советах. Но главных труб при Советах не было – это колокольные, зовущие к молитве звоны.

И у Флобера в “Мадам Бовари”, и у Толстого в “Карениной” очень талантливо показано зло – разрушение семьи. Но главное зло тут же внедряется в сознание, это – оправдание этого зла.

Не выносить сор из избы – всегда такое правило было. Но в применении к прошедшим временам: в избе печь была, в которой мусор сжигали. А не выноси сор из квартиры, и что? Весь мусором будешь завален. Всё им забьётся, и квартира, и голова.

Прочёл: “Нравственное восхождение создаётся созерцанием, рассуждением, размышлением”. У меня не получается. Созерцать не получается.

* * *

Главная драгоценность, которую подарил нам Господь, подарил каждому из нас, это мы сами. **Каждому человеку подарил его самого.** В полную собственность. В полное распоряжение. Дал каждому свободу действий и дал возможность ею пользоваться. По своему усмотрению. Делай, что хочешь. Конечно, Господь, относясь к человеку, созданному Им, как к своему ребёнку, обезопасил его, вложив в него многочувствие на все случаи жизни. Остерегает человека и зрение, и слух, помогают узнавать жизнь осязание, вкус и обоняние. А особенный дар для человека – главное чувство души – совесть. Именно совесть мы называем голосом Божиим в себе. Зовут тебя в пивную, а совесть говорит: не надо, не ходи, будет только хуже. И совесть всегда права.

Ощутить себя самого полным владельцем и тела своего и своей дороги в жизни – до этого, доложу я вам, долго надо подниматься. Тут и свобода воли, тут и, одновременно, полная ответственность за свои поступки.

А как всё быстро летит: дни, недели пропархивают как снежинки, месяцы мелькают как столбы за окном скорого поезда, года проворачиваются, как колёса мельницы... вот и опять десять лет как не бывало.

Так и жизнь пройдёт.

* * *

Как ни прохожу мимо Исторического музея, всегда слышу одно и то же – рекламу экспонатов. И всегда обязательно талдычат: “Ордена и оружие Наполеона, – а уже дальше: – Личные вещи Кутузова...”

То есть, конечно, у них, именно у них, а не у нас, на первом месте западные ценности. Исчадие ада, слуга сатаны, он для них герой. В Париже предлагали посетить его могилу. “Тут, рядом”. Ну, давай, из интереса посмотрю. А, оказывается, надо перед этой могилкой головку нагнуть, поклониться. Специально так сделано. Ну, нет, ребята-мусью, не дождётесь. “Забил заряд я в пушку тую...”

* * *

Подражание Моисею вижу в сорокалетнем блуждании евреев, а теперь и русских по пустыне. Моисей водил евреев, чтобы они забыли египетское пленение, нас никто не водит, сами разбрелись, бродим, но тоже подразумевается цель забыть “большевистско-коммунистическое пленение”.

И там были роптания, вспоминали “котлы с мясами”, пока не посыпалась “манна небесная”, и сейчас слышатся роптания, вспоминаются времена не голодные. Не было безчеловечного раздвоения на бедных и богатых. И никакой манны небесной сейчас не предвидится. Хотя, как знать, Господь не выдаст, медведь не съест. Надо за всё Бога благодарить.

* * *

Константин Победоносцев, который, как говорил наш великий поэт Александр Блок “простёр совиные крыла”, а на самом деле много сделавший для просвещения в России, в статье “Характеры” пересказал вслед за греком Ксенофонтом, как к Сократу пришёл юноша, дерзавший принести пользу государству и желавший получить для этого высокий чин. История поучительна. Юноша не мог сказать ничего: ни сколько зерна потребно для содержания войска, откуда взять средства в казну, какие расходы сократить, какие увеличить. Не знал о силе противника и о его расположении. Что касается внутренних проблем, тут он был категоричен: “Везде воровство! Я бы их всех уничтожил!” Сократ спросил, где живёт юноша. — “У дяди” — “А у дяди хорошее хозяйство?” — “Ничуть. Но он же не слушает меня”. — “Как, — воскликнул Сократ, — тебя не слушает дядя, и ты воображаешь, что сможешь уговорить всех афинян поступать по твоим указаниям”.

Молодой человек, оставив завихрения ума, сел за парту. Этим пересказом Победоносцев охлаждал горячие головы тогдашних русских карбонариев.

Так здесь, заметим, речь идёт об экономических выкладках. А как суметь внушить, что спасение души куда важнее хозяйствования. “Вера вместо дела вменится мне”, читаем в ежедневной молитве. “Менее полезно узнать подробно небо и землю, чем познать свои недостатки и прегрешения, — говорит святитель Игнатий Брянчанинов.

Образование наше доселе прочно оторвано от жизни души. Есть какие-то светлые пятнышки в жизни воскресных школ, кадетских классов, там, где занятия начинаются с молитвы, но в основном глухо. Накопление знаний, не освящённое необходимостью служения Господу, ведёт к гордыне.

В многопудии педагогических фолиантов всегда высказывается забота о сближении школы и жизни, о подготовке нужных специалистов для государства.

Ну а сближение школы и церкви? Это-то главнее. Здесь речь о содержании жизни, о спасении души. Нет же безсмертных. Не умники нужны, набитые знаниями, чаще всего бесполезными, а воцерковлённые учителя и врачи, инженеры, агрономы, зоотехники, специалисты.

И давно пора забыть навязанное мнение, что неважно, верующий врач или неверующий, лишь бы был хороший специалист. Нет, далеко не так. Верующий точнее в диагнозе, безошибочнее в средствах исцеления.

Рядом с этим вот такое рассуждение: — Я знаю, что я ничего не знаю, — сказал Сократ. И добавил: — Но я-то хотя бы знаю, что ничего не знаю.

С радостью пристраиваюсь в затылок великанам античности.

Есть звёзды, рядом с которыми наше солнце как футбольный мяч рядом с Землёй, есть и системы во Вселенной рядом с которыми наша солнечная Система как пылинка.

А есть такие крохотные насекомые, что еле-еле их можно разглядеть в микроскоп. Так вот, на этих насекомых размножаются насекомые, их паразиты, блохи, говоря по-человечески.

Остальное соотноственно. В наших генах есть кровь неандертальцев и кроманьонцев. Каково? Снежный человек был и есть. И мы ещё думаем, что что-то знаем. Уровень знания на уровне незнания. И мы ещё трепыхаемся.

* * *

Полнейшее оскорбление – повышение пенсионного возраста. Да ещё как упрекают: “Пенсионная реформа давно не пересматривалась”. То есть не угнетали давно. Измученная, измочаленная старуха в пятьдесят, всё отдающая на лекарства, а лекарства такие, что полноты жизни не дают, но позволяя непрерывно мучиться, эта старуха разве живёт? Видел я руки доярков, вальщиков леса, трактористов, плотников... только русские могут выдерживать такие нагрузки. И кто решает судьбу пенсионеров? Тот, кто получает (депутаты Госдумы) по 400 тысяч рублей в месяц. А изображают заботу о тех, у кого пенсия еле-еле за десять тысяч.

Стыд и срам такому Правительству. Ничего-ничего, они ещё увидят Лазаря на лоне Авраамовом, ещё возопиют. Ещё узрят пропасть, разделяющую страдальцев и лакеев сатаны. Ещё узнают, что и смерти нет и что за всё надо платить.

* * *

Болезнь хорошо. Да, братики и сестрички, хорошо. Вот болеешь и не грешить. “Страдающий плотью перестаёт грешить”, так сказано. Собралась жена, соблазнённая речами развратника, к нему на свидание, уже причесалась, губы красит, а тут чувствует – жар, простуда, кашель, из носа потекло. Куда в таком виде на ложе измены? И не пошла, болеет и, выздоравливая, опомнилась и спаслась.

То же и с мужской стороны. Ведь алкоголь – это болезнь, и очень серьёзная. “И не упивайтесь, в вине есть блуд”, говорит Писание. Выпил мужичок, ласки захотелось. Ему подливает соседка, он пьёт, распаляется, размечтался. Руку на бедро ей кладёт. Но, на его счастье, от возбуждения выпил лишнего, и ни на что уже не годится. Конечно, спасён! И сам будет утром рад-радехонек, что ничего не было. Так что пейте мужики. А детей пусть узбеки делают. Будет скоро узбекская Россия.

Жалею, что никак не соберусь написать поподробнее о Гегеле. Но хотя бы коротко. Великий хам в науке. Его прикормил император для воспитания в немцах духа превозношения. Глупости говорил великие. Когда ему указывали на то, что какие-то его положения не соответствуют фактом, он что говорил? Он говорил – “Тем хуже для фактов”. Каково? И такие Гегели держали власть в науке. Хотя как раз власти в науке не должно быть. То есть власти есть – это опять же факты, доводы, выводы, сопоставления, рекомендации, но всё безотносительно к личности учёного. Он ни при чём – ему Господь попустил быть таким умным и настолько, насколько посчитал открытию быть полезным для человечества.

* * *

Ничего не надо выдумывать. Да и что нам, русским, выдумывать, когда жизнь русская сама по себе настолько необыкновенна, что хотя бы её-то успеть постичь. Она – единственная в мире такого размаха: от приземлённости до небесных высот. Все всегда не понимали нас и то воспитывали, то завоевывали, то отступались, то вновь нападали. Злоба к нам какая-то звериная, необъяснимая, это, конечно, от безбожия, от непонимания роли России в мире. **А её роль – одухотворить материальный мир.**

А как это поймёт материальный мир, те же англичане? Да никак. Но верим, что Господь их вразумит.

Мировоззренческие различия меж Россией и Западом – это небо и земля. Эти различия преодолимы при одном условии – **Запад должен вернуться в лоно Православия, заново обрести Христа.** Это единственное условие. Иначе он погибнет, и уже погибает. Остаётся от него только материальное видимое да плюс ублажение плоти, да плюс великое самомнение. А вечное невидимое, отошло от него.

У них не только превозношение, но и элементарная лень. Месса двадцать минут. Торопятся делать бизнес. А ещё есть у них, она и к нам проникает, такая ересь, что не надо никаких религий, надо просто верить и всё. Что неважно, какая конфессия, верь в Бога, и спасёшься. А как верить? Да как угодно.

Только тот католик, который переходит в Православие, становится счастливым.

* * *

Виноват и каюсь, что не смог так, как бы следовало, написать об отце и матери. Писал, но не поднялся до высоты понимания их подвига, полной их заслуги в том, что чего-то достиг. Ведь писатели-то они, а не я, я — записчик только, обработчик их рассказов, аранжировщик, так сказать.

Осмелюсь записать рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца.

“Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: “Коля, как ты? Он: Мамочка, всё нормально”. — А отойду на кухню, слышу — тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. — “Что, Коля, что?” А он спрашивает: — “А почему ты платье передела? Такое платье красивое”. — “Какое платье, я с утра в халате”. — “Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: “Ну что, полегче тебе?” — “Да ничего говорю, терпимо”. Говоришь: — “Ещё немного потерпи, скоро будет хорошо”. И как-то быстро ушла. Говорю: “Отец, может, тебе показалось?” — “Да как же показалось, я же с утра не спал”.

Назавтра, под утро, он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама, спустя восемнадцать лет, тоже на рассвете, ушла от нас.

Великие люди — мои родители.

* * *

Отчего бы не начать с того, чем заканчивал Толстой, с его убеждений? Они же уже у старика, то есть вроде бы как бы у мудреца. А если он дикость говорит, свою религию сочиняет, то что? Чужих умов в литературе не займёшь. И не помогут тебе они ни жить, ни писать, ни поступать по их. На плечи тому же Толстому не влезешь, да и нехорошо мучить старика. Это в науке, да, там плечи предшественников держат, от того наука быстра, но литература не такая. Наука — столб, литература — поле, где просторно всем: и знакам и сорнякам. Ссориться в литературе могут только шавки, таланты рады друг другу. Не рады? Так какие же это таланты?..

Как я могу доверять французским романам, если в них нигде не встретишь фразы: “Консьержка была явно с тяжкого похмелья”?

А её русская сестра, дежурная по подъезду, бывала. Был я знаком и с другой дежурной, которая ходила в церковь и знала, что в воскресенье нельзя работать. Она и не работала. Мало того, закрывала двери лифта на висячий замок, приговаривая: “Не ходите в церковь — ходите пешком”. Она этим явно не увеличивала число прихожан, но упрямо считала свои действия верными. Была бы она консьержкой, её бы уволили, но так как она была дежурной по подъезду, а пойти на её место, на её зарплату желающих не было, то она продолжала пребывать в своём звании. Как и первая, которая, опять же в отличие от консьержки, в частом бывании (по выражении мамы) добиралась утром до работы, испытывая синдром похмелья.

То есть одно из двух: или русские романы гораздо правдивее французских, или парижские консьержки закодированы от выпивки.

* * *

Позавчера Павел Фивейский, сегодня Антоний Великий, завтра Кирилл и Афанасий Александрийские. Будем молиться! Есть нам, за что благодарить Бога, есть нам в чём пред Ним каяться, есть о чём просить. Надо омыть Россию светлыми слезами смирения и покаяния, иначе умоемся кровью.

Надо искать на земле то ценное, что будет ценно и на небе. (Прочитал или услышал.)

Знаком был со старушкой, которая в 1916 году, в приюте читала императору Николаю молитву “Отче наш” по-мордовски. Она была мордовкой. Потом стала женой великого художника Павла Корина. Привёл нас с Распутиным в его мастерскую Солоухин. Конечно, созидаемое полотно не надо было называть ни “Реквием”, как советовал Горький, ни “Русь уходящая”, как называл Корин, а просто “Русь”. Такая мощь в лицах, такая молитвенность!..

НИКОЛАЙ ПЕТРОВ

ЗАЧЕМ РОССИИ БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК?

Размышления над книгой академика А. Васильева

Кто не слышал или не читал в оппозиционной прессе высказывания типа: “И что мы потеряли в этой Сирии – зачем мы туда полезли?..” А тем, кто постарше, довелось слышать и такое: “Зачем мы помогаем египтянам строить Асуанскую ГЭС?.. Иранцам – Бушерскую атомную электростанцию?.. Ираку – осваивать национализированные нефтяные месторождения Северной Румейлы? Зачем нам готовить многие тысячи арабских гражданских специалистов и военных с помощью наших преподавателей на местах, а также в вузах СССР? И вообще – для чего Россия так давно и настойчиво добивается расширения и укрепления политических и экономических связей со странами Большого Ближнего Востока?”

На самом деле этот процесс начался задолго до Асуана – с первых недель и месяцев существования молодого советского государства. А по большому счёту ещё раньше – русские появились в Восточном Средиземноморье ещё в XVIII веке и присутствовали (хотя и не всегда результативно) весь XIX век. Правда, тогда наш интерес выражался в основном в присутствии военных кораблей в этом регионе, которые находились здесь и в самом конце XIX и в начале XX века, исчезнув с горизонта после Октябрьской Революции, ставшей началом нового для мировой политики этапа присутствия нашей страны на Большом Ближнем Востоке.

Собственно, этому этапу, насчитывающему более ста лет, и посвящён объёмистый, почти семисотстраничный труд академика Алексея Васильева “От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке”. Книга во многих отношениях необычная.

Автор – известный учёный, много лет возглавлявший Институт Африки РАН. Человеку, взявшему в руки эту книгу, естественно ожидать серьёзного научного исследования обозначенной в заголовке проблемы, анализа истории взаимоотношений нашей страны с государствами региона (более 20 стран с населением 350–360 миллионов человек). И книга не обманывает ожиданий – это действительно глубокий, обстоятельный научный труд, в котором автор, как и принято в работах такого жанра, использовал сотни “источников” – нормативно-правовые акты, материалы научных конференций, публикации учёных-востоковедов, а также дипломатов и журналистов из России и многих стран. Но не только это. Книга “От Ленина до Путина” – блестящий образец полноты и глубины исследования в настоящее время жанра научной публицистики, когда скрупулёзное исследование различных этапов взаимоотношений СССР и России со странами Большого Ближнего Востока подкрепляется личными впечатлениями автора, который посетил – и не раз – практически все государства региона,

беседовал с государственными и общественными деятелями, дипломатами, политиками — непосредственными участниками описываемых событий. А. Васильев и сам был очевидцем многих из этих событий, о которых рассказал в своих очерках, опубликованных в “Правде”, собственным корреспондентом которой он работал в регионе с базой в Турции и Египте, а также в книгах очерков об этих странах.

В краткой аннотации, напечатанной на последней странице обложки книги “От Ленина до Путина”, говорится, что “Алексей Михайлович Васильев — академик РАН, востоковед, африканист и писатель (курсив мой — Н. П.)”. И это абсолютно верно, несмотря на то, что у него нет членского билета ни одного из существующих ныне писательских объединений. Его книги “Египет и египтяне”, “Мост через Босфор” и другие — это, без преувеличения, — образцы публицистики, высокого литературного вкуса, а главное — рассчитаны на самые широкие круги читателей. Так же, кстати, как и рецензируемая работа — “От Ленина до Путина”. Поэтому главное внимание мы сосредоточим именно на этом её качестве, оставив оценку научных достоинств работы специальным изданиям.

Книга состоит из двух примерно равных по объёму частей — “От мессианства к прагматизму” и “Пределы прагматизма”. Первый охватывает период от октября 1917 года до рубежа 1980 — 1990-х годов; второй — от начала горбачёвской эпохи до наших дней. Естественно, значительную часть “периода мессианства” автор не застал, он пришёл в журналистику в хрущёвскую эпоху. Зато вторую часть своей книги прожил, пережил и продолжает переживать вместе со страной. Естественно, в этой части гораздо больше публицистических мотивов — интервью, репортажных элементов, личных впечатлений автора.

Вслед за академиком Тарле

Предполагаю, что первая часть книги далась А. Васильеву-публицисту, опиравшемуся в прежних своих литературных работах на личные впечатления и на мнения и позиции своих современников, нелегко — ведь молодой журналист и учёный застал лишь самый последний период мессианства, то есть проповедь “светлого коммунистического завтра” в отношении России со странами Востока. Возможно, его вдохновлял пример другого нашего учёного и писателя — академика Е. В. Тарле, который написал блестящую, можно сказать, эталонную для своего жанра книгу о Наполеоне спустя более ста лет после “наполеоновской эпохи”.

Как сам А. Васильев относится к мессианству, в значительной мере определявшему внешнюю политику СССР, и не только в отношении стран Востока, на протяжении более полувека? С одной стороны, критично, справедливо полагая, что издержек у такого подхода немало, но с другой стороны, с пониманием позиции людей, проводивших такую политику. Здесь уместно сказать расхожую, но, видимо, справедливую, в данном случае фразу: время было такое... Время, когда основатели и создатели молодого государства свято верили: коммунизм обязательно будет — пусть не завтра, но уж послезавтра — обязательно!..

Верили сами и стремились заражать этой верой другие страны и народы. Попытки приобщить к многообещающим идеям марксизма определяли ближневосточную политику нашей страны, особенно в предвоенные годы. Фундамент веры в мессианскую роль Страны Советов для всего человечества вообще, а для мусульманского Востока (к которому относился и весь ближне- и средневосточный регион), в частности, заложил ещё В. И. Ленин. В обращении “Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока”, подписанном им спустя буквально несколько недель после революции — 20 декабря 1917 года, — говорилось, что арабы, как и все мусульмане, имеют право быть хозяевами своей страны, “устроить свою жизнь по образу своему и подобию”. Поэтому слова “От Ленина до...” в заголовке книги А. Васильева более чем уместны.

Автор с болью в сердце приводит множество примеров, когда мессианские идеи — стремление вовлечь в “коммунистическую орбиту” страны Востока — нередко реализовывались в ущерб собственному народу. Так, в 1921 году по распоряжению В. И. Ленина в Турцию в ответ на просьбу её руководства были направлены 10 миллионов рублей золотом. На эти деньги можно было купить десятки тысяч тонн хлеба, ведь в России миллионы людей голодали. “Дружеский жест в адрес Турции, — пишет А. Васильев, — фактически означал отказ предотвратить ужасающие последствия голода в Поволжье”.

... Начальный период мессианства отделяют от нашего времени почти столет, и современное поколение читателей найдёт в книге А. Васильева множество совершенно не известных им фактов и эпизодов из нашей – теперь уже можно сказать – далёкой истории. Что, несомненно, составляет очень важное достоинство книги.

Объективность – качество редкое

Молодой журналист А. Васильев в шестидесятые годы работал в международном отделе “Правды”, а затем корреспондентом газеты во Вьетнаме и не имел возможности лично отслеживать ближне- и средневосточную политику СССР. Но уже в наше время он встречался и беседовал с теми, кто были свидетелями или даже участниками формирования той политики. Несколько страниц в его работе занимают интервью с много лет работавшим в регионе дипломатом и литератором О. Ковтуновичем и чрезвычайно содержательная беседа с министром иностранных дел СССР и кандидатом в члены президиума ЦК КПСС Д. Т. Шепиловым. Тот довольно остро критиковал Н. С. Хрущёва за непоследовательность и импульсивность проводимой им ближневосточной политики. Но в целом, как пришёл к выводу автор, процесс шёл в позитивном направлении, хотя некоторые моменты нашего сотрудничества носили явно неоднозначный характер. К числу таких моментов А. Васильев относит, например, обмен высокими наградами между лидером Египта Насером и Н. С. Хрущёвым (тот присвоил Насеру звание Героя Советского Союза), что породило массу кривотолков как в нашей стране, так и за рубежом.

Но на основании своих бесед и ряда документов того времени А. Васильев утверждает: “Баланс деятельности Никиты Хрущёва на Ближнем и Среднем Востоке был положительным. Арабские страны... оказались эффективно нейтрализованными или даже дружественными, укрепили свою независимость”. Ряд из них можно было даже назвать “советскими союзниками”.

Сама по себе приведённая выше оценка автором книги восточной политики Н. С. Хрущёва примечательна, ведь ныне сказать доброе слово о Никите Сергеевиче – это своеобразный “моветон”. А А. Васильев весьма уважительно пишет и о других “опальных” деятелях шестидесятых-семидесятых годов – том же Д. Т. Шепилове, Н. Г. Егорычеве, подолгу беседует с ними и в ряде случаев разделяет их оценки тех или иных событий, что позволяет говорить о стремлении автора книги “От Ленина до Путина” к высокой степени объективности в изложении материала.

Открытие “закрытых” тем

С конца 1960-х годов акценты в советской внешней политике меняются: военная помощь странам, в том числе государствам Ближнего и Среднего Востока, стала существенно превышать “общеекономическую”; она стала преобладающей: поставки оружия нередко в три-четыре раза превышали поставки гражданской продукции. Было ли это выгодным для нас? Автор осторожен в своих оценках: “...оценить убыточность или прибыльность военных поставок ближневосточным странам для советской экономики очень трудно” – слишком много сведений на этот счёт “закрыты” до сих пор.

“Закрыты” – и прежде, и теперь – какие-то моменты пребывания в нашей стране зарубежных лидеров. А. Васильев в своей книге устами своих собеседников слегка “приоткрывает” плотно закрытые двери – вряд ли в какой-нибудь другой работе мы могли прочитать, например, о неформальной беседе Б. Н. Пономарёва с Г. А. Насером:

“Помню, как Насер лечился у нас в Барвихе. Я поехал к нему беседовать. Мы разговорились, и он начал откровенно со мной говорить. Он сказал, что хочет развивать социализм, социальный прогресс, быть ближе к социализму. Было видно, что он развивается в положительном, с нашей точки зрения, направлении. И в смысле движения по пути сближения с СССР, и по пути борьбы с империализмом, за социализм”.

Интересно, что А. Васильев в своей книге нередко выходит за ближне- и средневосточные рамки, поднимает темы, надо полагать, общие для советской дипломатии и вообще внешнеполитической деятельности того периода. Одна из таких тем – статус советских специалистов за рубежом и некоторые особенности их жизни и работы в иностранных государствах. Тема эта не то

чтобы запретная, но раскрывать её, похоже, долгое время было как-то “неудобно” – не делала она чести некоторым нашим гражданам, да и Советскому Союзу тоже. Между тем, автор книги не стеснялся расспрашивать об этом своих собеседников, и они были с ним достаточно откровенны.

Так, журналист-арабист А. Ф. Смирнов в интервью А. Васильеву говорил: “Развитию связи с арабским миром у нас крайне препятствовала закрытость советского общества. Десятки тысяч арабских граждан получили образование в Советском Союзе. Но взаимопроникновение русской и арабской культур, участие арабов в тех или иных наших делах крайне незначительны... Роль арабских граждан в наших органах информации, работающих на Ближний Восток, чисто техническая – переводчики, стилисты... Подбор кадров для командировок бывал сомнительный. На наших стройках и совместных объектах в арабских странах работало слишком много “блатных”, в том числе средних и малых начальников, не знающих непосредственно своего дела и не заинтересованных в изучении новых технологий, арабского или даже европейских языков. Ну конечно, наша практика обрекала за границей советского специалиста, независимо от его квалификации, зачастую на полунциженское и бесправное существование на глазах у десятков арабов...”

“Эффект присутствия”

Важное достоинство книги “От Ленина до Путина” – то, что автор в разных её разделах, повествуя о “высоких материях” советской и российской ближневосточной политики, часто обращается и к личным впечатлениям (в журналистике это называется “эффектом присутствия”) о том, как проводится в жизнь эта политика. В частности, о специфике повседневной работы наших послов в странах Ближнего и Среднего Востока. И, право слово, судя по эпизодам, приведённым в книге, им не позавидуешь. Вот характерный пример.

“Я помню, – пишет А. Васильев, – как опытного, мудрого Василия Фёдоровиче Грубакова – посла в Турции – ночью подняли звонком из турецкого МИД: советский крейсер без предварительного уведомления приближается к Дарданеллам”. Далее следует подробное описание, как разрешилась эта поистине драматическая ситуация и каких трудов и нервов стоило послу заставить командира крейсера повернуть назад.

Собору “Правды” пришлось наблюдать, как В. Ф. Грубаков пытался привести в чувство нашего министра, который “не протрезвлялся” во время своей командировки в Турцию, нёс окошечку на встречах, чуть ли не в кальсонах разгуливал по коридорам роскошной гостиницы. И одёрнуть зарвавшегося чиновника было нелегко – ведь он мог пожаловаться на посла Брежневу, Косыгину или Громыко, и последствия могли оказаться непредсказуемыми...

Разумеется, А. Васильев близко наблюдал не только, как работают российский дипломаты. Он был непосредственным свидетелем многих важных событий в этом регионе, беседовал с их участниками. Читатель книги “от Ленина до Путина” глазами её автора, например, увидит, как развивались массовые народные волнения в Египте 25 января – 11 февраля 2011 года. Васильев обстоятельно побеседовал с теми, кто стал организаторами египетской революции. “Раскованные, образованные ребята. Патриоты. Революционеры... Умные и, пусть простят они меня, наивные, увлечённые западными лозунгами и ценностями. Постарался расположить их к себе. Раскрыл книгу “Египет и египтяне” и прочитал посвящение и заключение. Им понравилось. Сказал, что приехал учиться, а не учить, изучать обстановку, и потекла откровенная беседа с жаркими спорами”.

Дальше идёт изложение этой беседы, а через несколько абзацев – ещё одной – большой, на несколько страниц – в каирском офисе “Братьев-мусульман”. И рассказов о таких встречах и беседах в работе несколько десятков. Где ещё у нас можно узнать об этом и других событиях в регионе из первых уст и по горячим следам? Пожалуй, кроме как из книги А. Васильева, нигде.

“Технология принятия важных решений”

Также, полагаю, мало кто из современных авторов столь подробно и обстоятельно, как это сделал А. Васильев, раскрыл ещё одну исключительно интересную тему. Тему “технологии” принятия внешнеполитических решений. Сам автор книги в “кухне” принятия таких решений участия почти не принимал,

но подробно привёл воспоминания человека, безусловно, осведомлённого по этой части — заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС К. Брутенца.

Как утверждает партийный чиновник, всё решал “четырёхугольник”: Министерство иностранных дел — Международный отдел ЦК КПСС — разведка (КГБ) — Министерство обороны. Причём МИД и КГБ были наиболее информированными сторонами “четырёхугольника”. Впрочем, деятельность тех или иных структур, связанных с международными делами, существенно зависела от положения и весомости их руководителей и потому была разной в разные времена. Определённую роль играла и так называемая “группа консультантов” Международного отдела ЦК КПСС, в состав которой входили видные учёные и известные журналисты. Хотя, как вспоминает Брутенц, ничего принципиально “своего” вносить в политические решения они не могли.

Но в восьмидесятые годы кризис страны углублялся, эта система начала давать сбои, которые не могли затронуть и нашу политику. Вот как об этом пишет А. Васильев: “Ближний и Средний Восток мог кипеть и взрываться. Проблемы могли стучаться в дверь, сотрясать регион и весь мир, непосредственно затрагивать Советский Союз. Но “решения Политбюро” могли откладываться на месяцы и годы. Такая позиция была удобной для большинства бюрократических структур. “Там, наверху виднее”, а без решения Политбюро можно было уютно и спокойно ждать и... ничего не делать. Иногда это было, может быть, и к лучшему и для СССР, и для его политики. Инициатива наказуема. Да просто никому, никакому ведомству и в голову не могло прийти самому принимать решение, так как “дело всех и каждого” твёрдо понималось как ничьё дело”.

Но после того, как Политбюро ЦК КПСС прекратило своё существование, прежний механизм принятия внешнеполитических решений вообще практически развалился, а на создание нового ушли годы. “За спиной... у нас у всех стояло разваливающееся государство, разваливающееся общество, преданное его элитой, для которой и Ближний Восток, и вообще интересы России стояли даже не на десятом месте”, — пишет А. Васильев. Он утверждает, что некоторые учёные-востоковеды “как-то суетились, какие-то идеи выдвигали в интересах страны. А те, у которых были реальные рычаги влияния и власти, им было наплевать с высокого дерева на все эти самые устремления ваши — наши — другие”.

Кстати, собеседники автора книги неохотно говорили с ним о процессе формирования в постгорбачёвскую эпоху новой модели принятия властными структурами важных внешнеполитических решений. Похоже, что он и сейчас ещё не закончен. Значит, у А. Васильева будет, о чём написать в следующих своих работах.

Искусство “разговорить” собеседника

В ткань книги “От Ленина до Путина” органично вплетены около полусотни интервью автора с людьми, так или иначе имевшими прежде и имеющими сейчас отношение к формированию ближне- и средневосточной политики России. У некоторых своих собеседников А. Васильев брал интервью ещё в шестидесятые — восьмидесятые годы “впрок”, когда замысел книги о столетнем периоде взаимоотношений нашей страны с государствами Большого Ближнего Востока, скорее всего, окончательно ещё не сформировался. Значит, опытный высокопрофессиональный учёный и публицист был уверен: эти бесценные диктофонные записи не пропадут и когда-нибудь трансформируются в книжные страницы.

И не ошибся. Некоторые его собеседники уже ушли в мир иной, но с помощью А. Васильева они успели донести до современных читателей и воспоминания о важных эпизодах советской и российской ближневосточной политики, и мысли о том, как должна эта политика строиться.

Профессиональный диапазон интервьюированных весьма широк. Это бывшие послы СССР в Египте В. М. Виноградов и В. П. Поляков, и не нуждающийся в представлении Е. М. Примаков, и журналист-правдист, он же полковник разведки Е. М. Русаков, и известный российский политический деятель А. С. Дзасохов, и бывший секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарёв и его заместитель профессор Р. А. Ульяновский, и ректор Дипломатической академии, бывший посол в Йемене, Ливии и Ливане О. Г. Пересыпкин, дипломат, историк и писатель, заместитель начальника управления стран Ближнего Востока и Африки МИД России, бывший посол в Кувейте, Турции, Израиле П. В. Стегний,

бывший министр иностранных дел России, член-корреспондент РАН И. С. Иванов, журналист, политолог, дипломат А. Е. Бовин, востоковед и дипломат М. А. Конаровский, председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин, бывший первый секретарь МКГ КПСС Н. Г. Егорычев, а также многие другие.

Некоторые собеседники А. Васильева просили его не раскрывать свои должности, и уровень их откровенности так “зашкаливал”, что смущал даже интервьюера – тот был вынужден спорить с собеседником: “ваше мнение не бесспорно”, “вы не совсем правы”... Один из таких анонимов, называющий себя просто “дипломатом”, так объяснял “вялое” участие Политбюро в разработке восточной политики:

“Во-первых, там (в Политбюро ЦК КПСС – Н. П.) сидели некомпетентные люди, зашоренные идеологией, своим прошлым, устаревшим опытом. Вторых, главное, чем они были заняты, – следили друг за другом. В-третьих, остальное время у них уходило на внутренние проблемы. Им было не до Ближнего Востока”.

И далее:

“Внешне, для публики, всё выглядело благопристойно. Смотришь в программе “Время”, как идут, допустим, советско-южнойеменские или советско-иорданские переговоры. Кремль, паркет, позолота, галстуки, белые рубашки, тёмные костюмы – всё, как положено. Но вряд ли кто догадывался, что ни Брежнев, ни Черненко, видимо, не знали, с кем они ведут переговоры. Последние переговоры Брежнева были с южнойеменцами в сентябре 1982 года, когда тамшний диктатор Али Насер Мухаммед повесил ему южнойеменский орден “За дружбу народов” – там граммов на двести золота с бриллиантами. Только за это он и был принят на полчаса”.

Работа над ошибками

По мнению некоторых собеседников А. Васильева, при реализации нашей ближневосточной политики не раз допускались серьёзные ошибки. В их основе, как объясняли интервьюированные, обычно лежала слабая информированность руководства МИД и ЦК КПСС об истинной политической и экономической ситуации в странах, о желательных направлениях взаимного сотрудничества, о влиятельности различных членов руководства государств и т. д. Как же так, спрашивал А. Васильев, ведь задача передавать объективную информацию – одна из главных, стоящих перед советскими политическими работниками за рубежом? Бывший посол СССР в Сирии Ю. Н. Черняков “прояснил” ситуацию:

“Что передавать – то, что происходит на самом деле или что нравится начальству? Большинство, видимо, выбирало второе. Я не могу себе представить дипломата, озабоченного мнением о себе высшего начальства, который осмеливался бы регулярно передавать, даже без комментариев, информацию, идущую вразрез с писанными и неписанными установками... Речь идёт о набравшем силу стремлении всех звеньев бюрократической машины всё лакировать, приглаживать, выдавать желаемое за действительное”.

Одна из самых серьёзных ошибок советского руководства в ближневосточной политике – ввод наших войск в Афганистан. Васильев скрупулёзно и дотошно расспрашивал о причинах принятия такого решения посла в этой стране Н. Г. Егорычева. И вот что он ответил:

“Мне кажется, что решение принималось в очень короткие сроки, в значительной мере импульсивно, без достаточной проработки, с уверенностью, что у нас силы есть, мощь есть – и мы наведём порядок. Но оказалось всё гораздо сложнее. Что послужило причиной принятия такого решения? Я думаю, что амбиции генерального – в первую очередь. Он был человек недалёкий, старый, немощный... “Устинов! Митя! Двигай, наведи порядок!” Митя не знал Афганистана. Лёня не знал Афганистана. Но они уже предрешили вмешательство... Дипломаты, которые находились в посольстве, понимали обстановку и высказывались против вмешательства. Но их не спросили”.

...Профессиональные журналисты знают: “разговорить” интервьюируемого, вызвать его на откровенность – особый дар, которым владеют немногие. Васильев им владеет в совершенстве. Полагаю, что многим его собеседникам импонирует, что им задаёт вопросы высокий профессионал, сам прекрасно знающий предмет – столетнюю историю советской и российской политики на Ближнем и Среднем Востоке.

Почему Сирия?

Предполагаю, что многие, взявшие в руки книгу “От Ленина до Путина”, начнут читать её... с конца — ведь там должна идти речь о самых свежих и самых волнующих нас — россиян — моментах нашей ближневосточной политики — о событиях в Сирии. Автор посвятил им две главы — “Сирийская трагедия. Рождение чудовищ” и “Аргумент воздушно-космических сил” — в общей сложности 70 страниц, почти десятая часть книги.

Название этой страны — Сирии — замелькало на страницах наших газет и журналов ещё в 2011 году. С тех пор прошло уже семь лет, и Васильеву для начала пришлось напомнить, как развивались “сирийские события”. В истерзанном внутренней смутой государстве набирали силу и готовились свергнуть законное правительство несколько террористических организаций, не скрывавших своих намерений со временем распространить свою кровавую деятельность на бывшие союзные республики СССР, а затем и на Россию. “Всё это и предопределило российское военное вмешательство в Сирии в надежде вырезать раковую опухоль в этой стране и не допустить или ограничить распространение её метастазов, и одновременно сохранить, пусть и реформированный, светский режим и добиться политического урегулирования”, — пишет А. Васильев.

В начале октября 2015 года Россия разместила в Сирии несколько десятков самолётов и вертолётов. Нашу позицию в интервью американскому журналисту Чарльзу Роузу прокомментировал президент РФ В. В. Путин: “Более двух тысяч боевиков, выходцев из бывшего Советского Союза, находятся на территории Сирии. Есть угроза, что они к нам вернуться. Так зачем ждать, что они к нам вернуться, лучше помочь Б. Асаду бороться с ними там, на территории Сирии”.

Военное вмешательство России изменило и баланс сил, и военно-политическую обстановку в этой стране. Постепенно боевики-террористы были вытеснены или уничтожены на всей территории Сирии. “В целом российская военная кампания в Сирии, — пишет А. Васильев, — означала на начало 2017 года крупный военно-политический успех”. Он утверждает, что именно Сирия при условии нашей разумной, терпеливо и хорошо аргументированной политики в данном регионе, может стать неким “центром притяжения”, который поможет России укреплять и развивать свои отношения с остальными государствами Востока. При этом автор считает, что Россия всё же “не может быть дирижёром средневосточного оркестра”.

“Сирийская проблема” многогранна и запутана. В её решении в той или иной мере принимают участие десятки стран, а также Совет безопасности ООН. Даже сам А. Васильев признаёт, что достаточно подробно рассказать о том, что происходит в этой стране и в связи с этой страной крайне сложно. Но прочитав две “сирийских” главы книги, хочется сказать — куда уж подробнее?... Эти главы, по сути, исчерпывающая хроника событий или даже, можно сказать, репортаж о том, что происходило на протяжении нескольких последних лет и происходит сейчас в этой стране и, право слово, трудно представить, что ещё в каком-либо другом издании можно получить более исчерпывающую информацию о том, что происходит в Сирии.

Отвечает ли книга А. Васильева “От Ленина до Путина” на вопрос, поставленный в самом начале этой рецензии — зачем России Большой Ближний Восток, почему на протяжении теперь уже более ста лет мы так настойчиво и терпеливо стремимся развивать дружеские связи со странами этого региона? На мой взгляд, отвечает и более чем убедительно.

Капитальная работа писателя и учёного, академика А. Васильева — серьёзный научный труд, заметный вклад в отечественное и мировое востоковедение, историографию и политологию. Но одновременно ещё и образец настоящей высокой публицистики, явление отечественной научно-популярной исторической литературы. Я прочитал книгу “на одном дыхании” и, закрыв последнюю страницу, искренне позавидовал тем, кому ещё предстоит удовольствие и радость прочесть её.

ИРИНА ОРДЫНСКАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ

Много важных, всеобъемлющих вопросов, которые поднимала и анализировала классическая русская литература рука об руку с отечественным богословием и религиозной философией, до XX века по разным причинам так и не были решены. Более того, многие темы только обозначили талантливые мыслители прошлого, пытаясь осознать их важность и глубину, но революция на долгие годы остановила этот процесс. Теории и споры о христианском пути и самосознании русского народа во многом оказались “законсервированы”, новые властители дум искали в творчестве классиков русской литературы, в философских теориях прошлого только подтверждение своих политических взглядов. Бесцеремонно, решительно, без объяснений, без доказательств литературоведы и философы нового времени выбрасывали из мощной глыбы русской культуры всё, что могло подтвердить её духовность. Им важно было доказать, что не духовность и вера в Бога – основы нашей цивилизации, а материализм в одномерном его проявлении. Что только материалисты всегда были правы, а иные точки зрения с самого начала истории являлись заблуждением.

Наконец, время запретов и замалчивания работ литературоведов и философов, пытавшихся осмыслить глубины, затронутые русской классикой, прошло. И, может быть, обществу самое время понять, какой была духовная, глубинная жизнь нашей страны в прошлом, какие гигантские идеи возникали в головах лучших, мудрейших представителей нашей нации. Без идеологической указки спокойно и серьёзно разобраться, что из великого прошлого стоит взять с собой, сделать точкой отсчёта. И додумав то, что начали мыслители прошлого, идти дальше, продолжая их поиски. Ведь они многое не успели. А большинство литературоведов XIX века ушли в симпатии ко всему революционному, во многом не заметив и не оценив великую духовную работу писателей своего времени.

Перед нами лежит необработанное, практически непаханое поле, с невиданными возможностями для исследований. Справедливость должна восторжествовать, возвращение к чистым истокам духовных поисков в отечественном искусстве и литературе необходимо, иначе и быть не может, и дело тут не только о справедливости, в бережном отношении к истории. Без возвращения к истине, которые нашли наши предшественники, невозможно движение вперёд. В этом ключе трудно переоценить многолетнюю, кропотливую работу литературоведа и философа Бориса Николаевича Тарасова. В вышедшем четырёхтомнике его избранных произведений, в котором собраны лучшие

труды мыслителя, скрупулёзно и последовательно исследуются пути развития русской культуры, связь её с культурой мировой, анализируется возвышение отечественной литературы как проявления философского восприятия духовного мира, построенного на христианских ценностях. Возвращение к истокам, очищение научных путей от накопившейся за годы идеологической шелухи, осознание первоначальных смыслов глубоко православной в своей сути русской классической литературы делает работы Бориса Николаевича чрезвычайно важными и злободневными.

Четырёхтомник Б. Н. Тарасова включает в себя достаточно разные по объёму и форматам работы – творческую биографию Блеза Паскаля и статьи о влиянии его творчества на русскую философию и литературу; статьи о полемике западников и славянофилов и о продолжении славянофильских традиций в почвенничестве; анализ творческих уроков Пушкина, Чаадаева, Достоевского, Леонтьева, Тютчева, Толстого; исследование эпохи Александра I; исследование правления Николая I; разбор феноменов истории и культуры от эпохи Возрождения до XX века, включающий в себя анализ самых ярких творческих поисков как в западной, так и в русской культуре; соотнесение творчества великих русских и западных писателей. Все произведения в четырёх книгах объединяет общая задача – поиск главного направления в творчестве писателей, осмысление того, как человек может найти “путь к вере”, к исцелению, для достижения чего “он должен выстрадать и вымолить себе благодать Святого Духа”. Именно о таком человеке-христианине и для такого человека пишет свои книги Борис Николаевич, о появлении таких людей мечтали лучшие мыслители прошлого, для таких людей они трудились. “Нужен цельный, целостный, исцелённый человек, заповеданный нам Евангелием”, – пишет Б. Н. Тарасов.

Первую книгу избранных трудов “Метаморфозы идей и людей” Б. Н. Тарасов начинает статьёй “Новый ренессанс или ускоренный апокалипсис?”, в которой философ анализирует, что же происходит сейчас в нашем мире и как настоящее связано с прошлым, как чувствовали лучшие мыслители России “усиление биологизации и тварности бытия”, как их озарения прямыми корнями связаны с сегодняшним днём. Они предвидели время, “когда народы преобразуются в массы, живущие одним днём”, а душа забудет о своей высшей половине. Б. Н. Тарасов напоминает нам “совет епископа Игнатия Брянчанинова: чтобы попасть в избранную цель на земле, следует метиться в небо”.

“Жизнь Александра I сфокусировала весь драматизм “эпохи разрыхления русской души” (Бердяев)... отразила столкновение мировых сил”, – из этих слов Б. Н. Тарасова становится понятным, почему отдельная статья в книге посвящена Александру I.

Глубина мировоззрения Пушкина, поиски им “смысловых основ бытия” раскрывает автор в статье “Взгляд писателя. Своеобразие развития творческого зрения Пушкина”.

Трудно найти другого учёного в России, кто так же полно, внимательно, разносторонне, как Б. Н. Тарасов, исследовал бы творчество П. Я. Чаадаева. Жизнь Чаадаева, начиная с детства и юности, проходит перед нашим мысленным взором, мы постигаем вслед за автором исследование становление, сомнения, поиски истины выдающегося мыслителя своего времени. “Главная задача всех его (Чаадаева) философских построений заключается в выявлении того, что человек как нравственное существо связан многими невидимыми нитями и очевидными традициями с “абсолютным разумом”, “верховой волей”, “Богом”, а не представляет собой “существо обособленное и личное, ограниченное в данном моменте, то есть насекомое-подёнка, в один и тот же день появляющееся на свет и умирающее”, – к такому выводу приходит в конце анализа творчества Чаадаева Борис Николаевич Тарасов.

Во второй книге избранных трудов Б. Н. Тарасова “Дело идёт об истине... О России” подробно рассматриваются исторические воззрения русских мыслителей и писателей XIX века. Особое внимание уделяется полемике западников и славянофилов, прослеживается развитие славянофильских традиций в творчестве русских писателей, которые тяготели к почвенническим воззрениям.

Несмотря на идеологические споры славянофилов и западников, их объединяла “вера в великое будущее родной страны”. Различие состояло

в “подходах и оценках” современности и истории России. Если западники считали, что западная культура “благоотворно преобразует внутренний мир людей”, то славянофилы надеялись, что русские традиции изменят человека к лучшему, “углублённая духовная сосредоточенность... гармонизирует его взаимоотношения со всем окружающим”.

По сей день диспуты между сторонниками “европейского развития России” и апологетами её национального пути не потеряли остроты, актуальности и важности. Кажется, что мы вновь и вновь повторяем споры, которые уже кто-то вёл до нас, и идём дорогами, которые уже прошли наши талантливые философы. Поэтому анализ противостояния двух систем взглядов на развитие России, проводимый Б. Н. Тарасовым, воспринимается чрезвычайно злободневно. “В спорах со славянофилами Белинский противопоставлял “более образованные” и “зрячие” народы “лапотной” России, которой следует без всяких раздумий усвоить новейшие достижения европейской мысли и науки, дабы включиться в мировое движение за освобождение личности...” Или вот эти слова Белинского, которые до сих пор звучат почти дословно из уст некоторых наших современников: “Царство Божие утверждается на земле не сладенькими и восторженными фразами... а террористами – обоюдоострым мечом слова и дела...” А так ли были безобидны призывы Герцена не оставить “камня на камне от мира христианского, от мира преданий, переживших себя”? Разве не знаем мы, чем закончилась эта борьба с христианством, сначала казавшаяся просто чем-то вроде безобидных философских споров о сути бытия, а превратившаяся в кровавую баню революции?..

Попытки показать реакционными мыслителей-славянофилов, которые упорно повторяли их идейные противники, основаны на подтасовках или незнании работ тех же Хомякова, Киреевского, которые, как пишет Б. Н. Тарасов, “никогда не отрицали, но, напротив, высоко оценивали демократию, науку, право – всё то, что составляло основу западной христианской цивилизации”, но “они не могли не замечать внутренней противоречивости и неполноты основных европейских достижений”. Ценность Православия для них состояла в “проявлении закона духовной любви”, который является “подлинным началом истинного просвещения... , преобразующего нравственное сознание человека”.

Славянофилы прекрасно отдавали себе отчёт в том, что попытки “раскачать лодку” истории, уйти от поступательного, эволюционного развития общества самоубийственны для России, губительны для её самобытной культуры. Как современно, увы, слишком современно звучат слова Киреевского: “... куда ни оглянемся, везде мысль подчинена текущим обстоятельствам, чувство приложено к интересам партии, форма приноровлена к требованиям минуты. Роман обратился в статистику нравов; поэзия – стихи на случай; история... старается быть... доказательством какого-нибудь общественного убеждения”. И если для славянофилов это губительная тенденция, то Белинский такие веяния приветствует: “Действительность – вот пароль и лозунг нашего времени... Могучий, мужественный век, он... любит одно мощное, крепкое, существенное”. Белинский называл свою полемику со славянофилами о “Мёртвых душах” Гоголя “битвой двух эпох”.

Заканчивает свой анализ споров западников и славянофилов Б. Н. Тарасов следующими словами: “... благое сотворение будущего неразрывно связано с подлинным истолкованием прошлого, с действительно свободным, заинтересованным лишь поиском истины, диалогом между Россией и Западом, в котором бы за тяжёлым занавесом страданий, ужасов, лжи, насилия, превратностей и подмен в русской истории раскрывалась бы, говоря словами Тютчева, тайно светящаяся духовная красота”.

Во многом результатом противостояния славянофилов и западников изначально стало недопонимание или специальное умолчание критиками каких-то из сторон творчества великих русских писателей. Литература, вернее, статьи литературных критиков тоже стали полем идеологического боя. Эта борьба, начатая “предвестниками новой эры”, оказалась очень востребована после революции, стала основой нового советского литературоведения. В своих статьях Б. Н. Тарасов во многом помогает нам понять ангажированность критиков-идеологов, обращает наше внимание на важные духовные составляющие творчества классиков, которые замалчивались или их смысл искажался. В статье “Неузнанный феномен”. Парадоксы К. Н. Леонтьева”

автор открывает нам многие стороны творчества яркого, глубокого дарования писателя, которого либеральная критика именovala “самым реакционным” из писателей своего времени, сделал всё, чтобы многие его тексты так и не были узнаны читателями. Как близки русскому человеку выводы о том, что “без “маленьких”, “простых”, “незаметных” людей, твёрдо различающих добро и зло, мир давно перестал бы существовать”!

Особое внимание во второй книге избранных трудов Б. Н. Тарасов уделяет анализу творчества Достоевского. Являясь одним из наиболее последовательных и серьёзных исследователей творчества великого писателя, Борис Николаевич внимательно изучает глубины романов Достоевского, уверенно и обосновано доказывает читателю важность духовных поисков, истоки которых связаны с Евангельскими истинами, объясняя, что именно христианское начало – основа основ произведений гениального прозаика. “По глубокому убеждению Достоевского, для людей на земле есть лишь две полярные перспективы: или любить, или уничтожить друг друга, или вечная жизнь, или вечная смерть, или победа “закона любви”, или торжество “закона Я” – третьего просто не существует, не дано”. И только один выход для человечества находит в своих произведениях гениальный писатель: “... совершенно свободная и органически укоренённая вера в Бога удовлетворяет глубинную... потребность человека в обретении не теряемого со смертью смысла жизни”.

Логическим продолжением размышлений о поисках духовных истин в творчестве Достоевского видится статья “Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте”, в которой Б. Н. Тарасов проводит анализ творчества и философско-публицистического наследия поэта. “Выводы Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьёва подчёркивают, в русле какой традиции высшего реализма находится мышление Тютчева... , которое и обуславливает его пророчество. Согласно логике поэта, “без Бога” и без следования Высшей Воле тёмная и непреображённая основа человеческой природы никуда не исчезает, а лишь принаряживается и маскируется...”

Третий том своих избранных трудов Борис Николаевич Тарасов посвятил великому французскому мыслителю Блезу Паскалю. В книге не только подробно изложена творческая биография учёного и мыслителя, но и рассказывается о том, какое глубокое влияние имели его труды и сама его личность на русских писателей и философов. В творческих поисках А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, А. В. Розанова, П. А. Флоренского, Л. И. Шестова, Д. С. Мережковского, А. Л. Франка, Б. П. Вышеславцева автор находит связь, параллели с работами французского мыслителя, размышлявшего о путях развития христианского мировоззрения. Так же большое влияние оказали работы Паскаля на русских литераторов. К. Н. Батюшков, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой читали труды Паскаля и высоко ценили личность и мировоззрение французского философа. У многих русских писателей Б. Н. Тарасов находит органическое родство – родственность душ, общие литературные мотивы – с великим французским учёным. “Происхождение и природа человека, его место и значение в мироздании, его отношение к Богу и смысл пребывания на земле – подобные проблемы становятся в центре внимания многих отечественных мыслителей, озадачивавшихся, подобно Паскалю, непостоянством, пластичностью и переменчивостью внутреннего мира людей...” – пишет Б. Н. Тарасов.

В последней книге своих избранных трудов – “Метафизика власти, наслаждения и денег в европейской и русской литературе” – Борис Николаевич Тарасов исследует феномены истории и культуры от эпохи Возрождения до XX века. Подробно, аргументировано анализируя эпоху Ренессанса, он убедительно доказывает, что многие пороки нашего времени берут начало именно в том периоде, когда начался “страшный, но мощный исход – понижение психического уровня человека. В результате происходит промен духовных даров на вещественные...” и “как бы заранее запрограммировано “расточающее”, “снисходящее”, “падающее” развитие истории...” Автор объясняет верность мысли: “Если нет Бога, то, в сущности, нет и человека, а есть лишь безличная масса”, потому что “...нет другого обоснования личности, кроме евангельского образа Христа, полагающего в любви к Богу и ближнему цель и смысл жизни”. Статьи о творчестве европейских и русских писателей и философов, об их мировоззрении, о выборе ими своего пути на карте мирового искусства иллюстрируют эти поиски, позволяют читателю понять, какие

ценности оказались главными для современных художников и почему. В итоге, прочитав книгу, можно представить, где проходят границы мировоззренческих битв, какие идеи царят в нашем “бессердечном мире культуры” и осознанно выбрать для себя рубежи в современном искусстве, которые хотелось бы поддерживать и защищать.

Четырёхтомник избранных трудов Б. Н. Тарасова – чрезвычайно современный и актуальный труд, позволяющий нам всмотреться, учитывая историю развития европейской культуры, в русскую философию и отечественную литературу с позиции мыслителя, центром мировоззрения которого является христианская вера. Можно сказать, что сейчас впервые у наших современников появилась возможность оценить глубину творчества гениальных русских писателей не с позиций литературоведов, разделявших нигилистские, атеистические взгляды и сочувствующих надвигающимся революционным бурям, и не с позиций советских учёных, перед которыми стояли идеологические задачи, а с позиции православного верующего. В России впервые за долгое время человек имеет возможность заявить, что в центре его мировоззрения находится Бог, что Он точка отсчёта научных исследований. Доказательством этого может служить публикация четырёхтомника талантливого христианского философа и литературоведа – Бориса Николаевича Тарасова.

ЮЛИЯ КУДРИНА

ДВА ФИЛОСОФА РОССИИ

(К. П. Победоносцев и Ф. М. Достоевский)

Ну, что будет с Россией, если мы, последние мозги, умрём?

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву
24 августа / 5 сентября 1879

Величайшие философы, писатели и учёные, композиторы и художники, творившие в России в конце XIX – начале XX веков, в “эпоху мысли и разума”, оставили потомкам глубочайшие философские работы.

Среди выдающихся русских мыслителей того времени особое место занимает Ф. М. Достоевский. Рядом с ним, но в тени его, стоит учёный, философ, правовед, писатель, не оценённый современниками и потомками К. П. Победоносцев. Дружба и идейная близость этих двух людей, их влияние друг на друга, на верховную власть, а тем самым – на выбор исторического пути развития России, требуют пристального внимания.

К. П. Победоносцев происходил из интеллигентной семьи. Его отец был профессором словесности в Московском университете, а дед – священником Звенигородского уезда. После окончания Императорского училища правоведения Константин Петрович служил в Правительственном сенате, а после защиты диссертации был избран профессором Московского университета. В конце 50-х XIX века он получил известность как писатель-публицист либерального направления, а его памфлет против министра юстиции был опубликован в Лондоне Александром Герценом.

В начале 1860 года вышел в свет первый том “Курса гражданского права”. По оценке газеты “Россия” (1907), “этой книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права, и потому он по справедливости может называться отцом и родоначальником этой науки”.

Победоносцев быстро завоевал авторитет как знаток права. Крупный сатирик, писатель Е. М. Феоктистов (1829–1898) писал, что Победоносцев “обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, всё его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное, не говоря уже об юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна, и в литературе, и в науке, и даже в искусстве обнаруживал он солидные сведения. Он всё мог понять и о многом судил верно”¹.

В публикациях учёных, писателей, философов и журналистов, в статьях и книгах XX века оценки К. П. Победоносцева были очень высоки. А. Ф. Кони:

“Ум острый и тонкий, непререкаемый авторитет”. Б. Б. Глинский: “Явление необычайного порядка”. Н. А. Бердяев: “Духовный вождь монархической России”. В. В. Розанов: “Доблестный и малопонятый государственный муж”. Г. В. Флоровский: “Символ эпохи”. По характеристике С. Ю. Витте, это был “редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности”².

Поэт Александр Блок сказал о Победоносцеве и его эпохе в поэме “Возмездие” (1911 г.): “Он дивным кругом очертил Россию, заглянув ей в очи стеклянным взором колдуна”.

Многие знавшие его констатировали, что он отличался широкой начитанностью, выступал в печати как переводчик с латинского (сочинения Фомы Кемпийского, Августина Блаженного), английского (переводил работы Гладстона, Спенсера, Карлейля, Эмерсона), а также с французского, немецкого и чешского языков. Французский дипломат и литератор Мельхиор де Воюэ, лично знавший Победоносцева, свидетельствовал, что тот любил весьма далёких от православия Шелли, Суинберна, Броунинга. Последней литературной работой Победоносцева был перевод на русский язык “Нового Завета”. Он также написал “Историю Православной Церкви до начала разделения церквей”.

Император Александр II по достоинству оценивал Константина Петровича, выступавшего в те годы в защиту реформ. С 1868 года Победоносцев был назначен сенатором, а с 1872 года стал членом законосовещательного органа Государственного совета; в 1880 году – обер-прокурором Синода.

В конце 70-х годов в мировоззрении Константина Петровича произошли существенные перемены. Историческая ломка, начавшаяся в 60-х годах XIX века с отменой крепостного права, грозила России невиданными по размаху социальными, техническими, идейными и нравственными изменениями. Преобразования 60–70-х годов, проведённые Александром II, породили в огромной степени ещё более острые проблемы и противоречия. По словам К. П. Победоносцева, “перестройка (термин из того времени. – Ю. К.), начатая Александром II и многими мыслящими людьми поддержанная, скоро продемонстрировала разрушительные последствия буржуазной эволюции”. Общество стало терять равновесие. Нравственное, моральное разложение затронуло все слои общества. Кризисное состояние политической власти грозило коллапсом.

Многие видные политические и общественные деятели как консервативного, так и либерального направления (к примеру, либерал Б. Н. Чичерин) считали, что в России нет ещё нужных условий для перехода к конституционному режиму, а проведение либеральных реформ возможно лишь при наличии твёрдой государственной власти. В 1881 году Чичерин писал: “Казалось бы, что совершённые преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем, в действительности произошло не то. Вместо подъёма мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение. Правительство не доверяет обществу, общество не доверяет правительству. Нигде нет ни ясной мысли, ни руководящей воли. Россия представляет какой-то хаос, среди которого решительно проявляются одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы, угрожая гибелью не только правительству, но и всему общественному строю. Последнее злодеяние переполнило меру; оно показало, что мы должны ежеминутно трепетать за самые священные основы народной жизни...”³

Известный русский педагог С. А. Рачинский, посетивший Петербург в дни воцарения Александра III на престоле, писал в своём дневнике: “Вообще чувствуется близость катастрофы. Весь Петербург снизу доверху бредит конституцией, и единственный оплот против всеобщего безумия – Победоносцев. Интригам и сплетням против него нет конца. Власти нигде не чувствуется, осталась только её призрачность. Если государь не возьмёт всего в руки сам – потрясения неизбежны”⁴.

К. П. Победоносцев, превратившийся в это время из умеренного либерала в образцового консерватора, видел спасение России в обращении к её

историческим традициям. Философ Василий Розанов писал о нём: “Победоносцев нервно ненавидел общество и общественность, и в этом отношении произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нём лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нём духу, он был наш! Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улицы”⁵.

* * *

Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе, прекрасное, ободрившее меня письмо... потому что я как человек всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю... мнение таких людей, как Вы, — решительная для меня поддержка.

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву, август
1880

Летом 1873 года Победоносцев становится помощником Достоевского в редакции журнала “Гражданин”, работая с ним вместе над редактированием поступавших в редакцию материалов. Из письма Ф. М. Достоевского жене Анне Григорьевне от 26 июля 1873 года: “Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был, и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Всё говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом, и так как кроме служанки в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трём тёмным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. На острове Вайте читал моё “Преступление и наказание” (в первый раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, который сопровождал его в Англию, следовательно, дела ещё не совсем плохи”⁶.

Речи Победоносцева в Сенате и Государственном совете, отличавшиеся железной логикой и силой убеждения, приковывали всеобщее внимание. Часто они были резкими и безапелляционными, вплоть до того, что он мог заявить, что ему надоело слушать “болтовню” на заседаниях Совета. Однако его ум и широкая образованность вызывали у окружающих невольное уважение. Известный юрист А. Ф. Кони писал в своих воспоминаниях, что большинство выступавших на заседаниях Совета постоянно смотрели в его сторону, “жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, подделяваясь под взгляды “великого инквизитора”, как они его заочно называли”⁷.

Дружбой с Победоносцевым дорожили многие русские писатели, поэты, художники и литераторы, в том числе И. С. Аксаков, А. Н. Майков, А. А. Фет, Я. П. Полонский, художники В. М. Васнецов, И. Н. Крамской, композиторы П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков и многие-многие другие⁸. Но дружба, возникшая у К. П. Победоносцева и Ф. М. Достоевского, носила особенный характер.

На первый взгляд, эта дружба в глазах некоторых соотечественников казалась парадоксальной. Бывший социалист и каторжник, азартный игрок Ф. М. Достоевский не мог иметь ничего общего с обер-прокурором Синода, сенатором-консерватором, “противником реформ”, наставником царских детей К. П. Победоносцевым. В действительности, эти два человека в столь сложный момент российской истории оказались в одном политическом лагере, ибо их идейная близость была чрезвычайной.

Если в 40-х годах Достоевский выступал как оппозиционер существующему строю и был даже замешан в революционной пропаганде петрашевцев, то в последующие годы, после возвращения с каторги в его мировоззрении произошёл резкий поворот.

В 70-х годах он становится активным сторонником монархии, выступая за сильную государственную власть. Редактирование журнала “Гражданин”, откликавшегося на все волнующие вопросы внутренней и внешней политики, общение с руководителями правительственного курса делают Достоевского одним из влиятельнейших людей в вопросах воздействия на общественное мнение и умы интеллигенции. Он получает в России настоящую политическую трибуну. Его публицистические произведения принимают резкую идеологическую заострённость. Его философские идеи, опирающиеся на широкие исторические основы о всеславянском единении, о призвании русских в Азии и на Босфоре, о цивилизаторской роли России на Ближнем Востоке, приобретают большую популярность в широких общественных кругах и на верхних этажах государственной власти⁹.

* * *

Очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень.

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву, 24 августа / 5 сентября 1879

Из их переписки видно, что Победоносцев постоянно снабжал Достоевского материалами для его “Дневника писателя”, давая каждому выпуску обстоятельную оценку. Постепенно он становится его консультантом по вопросам текущей государственной политики. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 года: “С будущего же года, уже решил теперь непременно, возобновлю “Дневник писателя”. Тогда опять прибегну к Вам (как прибегал и в оны дни) за указаниями, в коих, верю горячо, мне не откажете”.

“Если напишете мне хоть полсловечка, то сильно поддержите дух мой... от Вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался. Ваш совершенно преданный всегдашний слуга Ф. Достоевский”¹⁰. “Как я радуюсь полученному от Вас известию о скором выпуске “Дневника”, – писал в ответном письме 2 августа 1880 года Победоносцев. – В добрый час и благослови Вас Боже! Лишь бы Ваша мысль стояла в Вас самих ясно и твёрдо, в вере, а не в колебании, – тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах – еже есть журналы и газеты наши. Пусть блядословят сколько угодно: Ваша речь найдёт себе дорогу сквозь весь этот лай паршивых шавок”¹¹.

Они познакомились зимой 1871/1872 года в доме князя В. П. Мещерского¹², регулярно встречались в петербургских салонах на “средах” у князя В. П. Мещерского, на “пятницах” у Я. П. Полонского¹³, на вечерах у великого князя К. К. Романова¹⁴. Но самыми творческими встречами были их встречи по субботам на квартире К. П. Победоносцева на Литейном проспекте. Задушевные беседы, в которых они обсуждали философские и религиозные проблемы бытия и мироздания, пути развития дорогой им России, а также сюжеты произведений Ф. М. Достоевского, длились далеко за полночь. “Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний”, – писал К. П. Победоносцев писателю И. С. Аксакову в дни похорон Достоевского, – и он нередко приходил проводить его вместе со мной, и своего “Зосиму” он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей”. Благодаря жене Фёдора Михайловича – А. Г. Достоевскую – за присылку нового издания “Братьев Карамазовых”, К. П. Победоносцев в письме от 10 марта 1904 года писал ей: “В ту пору ходил он ко мне по субботам вечером и с волнением рассказывал новые сцены романа”¹⁵.

Во многом они были единомышленниками, одинаково смотрели на многие явления жизни, одинаково их оценивая. 19 мая 1879 года Достоевский писал Победоносцеву из Старой Руссы о смысле книги “Pro et contra”, о богохульстве и опровержении богохульства: “Богохульство это взял, как сам чувствовал и понимал сильней, (то есть так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России у всего (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодёжи, то есть научное и философское опровержение бытия Божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались во всё

прошлое столетие и в первую половину нынешнего). Зато отрицается изо всех сил создание Божие, мир Божий и смысл его”.

“В беседах Победоносцева с Достоевским, — пишет исследователь Достоевского Л. Гроссман, опубликовавший в 1934 году сорок писем Победоносцева к Достоевскому, — было нечто, напоминающее философские диалоги, диспуты или исповеди его романов”. Л. Гроссман проводит параллель между тонким стилистом старцем Тихоном, читающим исповедь Ставрогина, и Победоносцевым, читающим рукопись Достоевского”¹⁶.

* * *

...Примите уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности. Ваш приверженец и почитатель.

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву

Влияние Победоносцева на Достоевского во время работы последнего над “Карамазовыми” было очень значительным. Фёдор Михайлович принимал руководство над ним с благодарностью, просил отзывов, разъяснял свои позиции, искал поддержки, делился планами и замыслами.

Из письма Победоносцева Достоевскому от 16 августа 1879 года: “Рад душевно тому, что вы сообщаете мне о новой книге “Карамазовых”. Буду ждать нетерпеливо выхода августовской книги Р. В. (“Российский Вестник” — Ю. К.)...”¹⁷.

“...“Дневник” Вам непременно надобно издать в следующем году... к этому Вы нравственно обязаны”, — писал Победоносцев Достоевскому в другом письме¹⁸.

Фёдор Михайлович в своих корреспонденциях Победоносцеву открыто признавался, что приезжает к нему, чтобы “дух лечить” и “ловить слова напутствия”, и особо подчёркивал “полную идейную солидарность”. “Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе, прекрасное, ободрившее меня письмо, — писал Фёдор Михайлович в августе 1880 года. — Именно ободрившее, потому что я как человек всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю... мнение таких людей, как Вы, — решительная для меня поддержка”. Из письма от 19 мая 1880 года: “Мою речь о Пушкине я подготовил и как раз в самом крайнем духе моих (наших, то есть, осмелюсь так выразиться) убеждений, а потому я жду, может быть, некого поношения”¹⁹.

24 августа / 5 сентября 1879 года Достоевский пишет из Эмса Победоносцеву о книге “Русский инок” и в конце письма замечает: “... Во всяком случае, очень беспокоюсь и очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень. Писал же с большой любовью”. Заключительная часть письма свидетельствовала об истинных чувствах, которые испытывал Достоевский к Победоносцеву, глубококом его уважении к нему и полном взаимопонимании. “До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль: ну, что будет с Россией, если мы, последние могокане, умрём? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее, всё-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель?”

Фёдор Михайлович в своих письмах постоянно выражает своё восхищение личностью Победоносцева. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 года: “... За Вашу драгоценною деятельностью слежу по газетам. Великолепную речь Вашу воспитанником читал в “Московских новостях”. Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности, Ваш приверженец и почитатель Ф. Достоевский”²⁰.

Незадолго до своей смерти К. П. Победоносцев в письме от 24 ноября 1906 года вдове писателя А. Г. Достоевской напишет: “Немного уже осталось старых друзей его – и я ещё доживаю, и думаю, что счастливы многие, не дожившие до нашего времени. Моё знакомство с ним не с ранних годов. Оно началось с вечеров у Мещерского, а потом мы сошлись ближе, и я помогал ему работать, когда свалился ему на шею “Гражданин”. А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам на беседу – и, как теперь помню, как бывало, одушевляясь и бегая по комнате, рассказывал он главы “Карамазовых”, которые писал тогда”.

Действительно, многие персонажи, их мысли и действия в произведениях Достоевского были подсказаны ему К. П. Победоносцевым. Его критических отзывов на написанные главы писатель ждал, и часто они становились руководством для дальнейшего воплощения творческих замыслов.

Не все современники знали о дружбе этих двух великих русских людей. Однако известной художник-психолог М. Нестеров в своих воспоминаниях, описывая приезд Победоносцева на открытие Владимирского собора в Киеве в 1896 году, напишет следующее: “А вот и сам Константин Петрович подходит к нам. Его суровости как не бывало. Он весь сияет. Это его праздник. Ведь он всю жизнь искал в людях намёка на идеалы, на их осуществление, и вот тут (речь идёт об освящении Владимирского собора в Киеве, в росписях которого участвовали Васнецов и Нестеров. – Ю. К.) ему кажется, это осуществление есть... Он всячески спешит нас приветствовать, обласкать, говорит с нами совсем не “победоносцевски”, а просто, задушевно, горячо, вот так, должно быть, он говорил и о многом с Ф. М. Достоевским”²¹.

Как для Достоевского, так и для Победоносцева было характерно необычайно ясное и углублённое видение тогдашних процессов всемирно-исторического развития. Оба философа с поразительной остротой и глубиной осознали всю грандиозность и далеко идущие последствия исторической ломки, начавшейся в России в 60-х годах XIX века, которые окажут на Россию и весь мир большое влияние. Достоевский писал, что в современном ему обществе господствует “чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение... Прежний мир, прежний порядок отошёл безвозвратно... Всё переходное, всё шатающееся...” После написания “Преступления и наказания” он заметил: “Порассказать таково то, что мы все русские пережили в последние десять лет в нашем духовном развитии, – да разве не закричат, что это фантазия!”²² Оба философа были едины во мнении, что реформаторские усилия в стране направлены более на разрушение, чем на созидание.

По мнению Фёдора Михайловича, Россия уже тогда стояла перед революцией. “Колёблясь над бездной” – так определил эту ситуацию писатель. Главная идея Победоносцева о создании сильной монархии путём восстановления в русской жизни допетровской церковности находит отклик у Достоевского. Достоевский высоко ценил в Победоносцеве глубокое понимание им роли самодержавия, Православия, Церкви. “Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-то победителя (как было, например, с династиями прежних королей во Франции), а всенародная, всё единящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую он возлюбил... Для народа царь есть воплощение его самого, весь его идеал надежд и верований его”. Таким образом, самодержавие Достоевский рассматривал как категорию духовного порядка: “У нас, русских, – писал он, – конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всём мире, – нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее соединение его с монархом. Народ – сын царёв, а царь – отец его”²³.

Победоносцев считал, что самодержавная монархия гораздо более открывенна перед своими подданными, ибо в ней нет лживости представительного правления. Перекликаясь с Достоевским, он в “Морском сборнике” отмечал: “Доверие массы народа к правителям основано на вере, т. е. не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует. Поэтому даже язычники и магометане больше имеют доверия и уважения к такому правительству, которое стоит на твёрдых началах верования – какого бы то ни было, нежели к правительству, которое не признаёт своей веры и ко всем верованиям относится одинаково”²⁴.

По мнению Константина Петровича, “убережь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений можно только посредством Церкви и школы, связанной с Церковью”²⁵.

По Достоевскому, “нравственные идеи народа даются религией или формируются народной религией. Чтоб отвергнуть и разбить старые начала, ответственность, семью и пр., надо разбить старую веру, они и объявили, что они атеисты.

У нас вся народность основана на христианстве. Слово “крестьянин”, слова “Русь православная” — суть коренные наши основы. У нас русский, отрицающий народность (а таких много), есть непременно атеист или равнодушный. Обратное: всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймёт ни русского народа, ни русской народности...”²⁶

Согласно Достоевскому и Победоносцеву, союз Церкви и монархического государства определён историческими особенностями России, и, по мнению обоих философов, союз их жизненно необходим. Монархическая власть, стоящая на православной вере, является главным фактором формирования и развития национального самосознания, а отсюда — культурного развития в самых разных областях русской жизни.

“В Православной вере Россия нашла духовную стихию, которая её спасла, — писал Победоносцев. — Только полная самобытность веры, от которой не должно быть никаких отступлений, спасёт сейчас Россию, когда происходят столь бурные религиозные и политические события на Востоке и на Западе... Важнейший исторический долг, жизненная потребность России — сохранить Православную веру от всех нападков, с какой бы стороны они ни исходили”.

Фёдора Михайловича, как и Константина Петровича, интересовал явный и скрытый смысл таких понятий, как “реформы”, “демократия”, “либерализм”, “свобода”, “народоправие”, “роль интеллигенции в обществе”, “нравственность”. Оба философа задавались вопросом: в какую форму выльется европейский опыт в России?

“Они (европейцы. — Ю. К.) признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. Они признают нас за воров, укравших у них просвещение, в их платье переодетых. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несём вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина! И это несмотря на то, что наши “русские европейцы” из всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать... Европа нас готова хвалить, по голове гладить, но своими нас не признаёт, презирает нас втайне и явно, считая низшими себе как людей, как породу, а иногда так мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями”.

Развивая эту мысль, Достоевский в “Дневнике писателя” писал: “... русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способна из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта, это никакая другая, это лишь нравственная черта...”

В “Морском сборнике” К. П. Победоносцев напишет: “Горький исторический опыт показывает, что демократы как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих столь сильно негодовали. Демократическая форма правления — самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества. Вот причина, почему эта форма повсюду была преходящим явлением и, за немногими исключениями, нигде не держалась долго, уступая место другим формам. И не удивительно. Государственная власть призвана действовать и распорядиться; действия её суть проявления единой воли — и без этого немислимо никакое правительство. Но в каком смысле множество людей или собрание народное может проявить единую волю? Демократическая фразеология не останавливается на решении этого вопроса, отвечая на него известными фразами и поговорками, вроде таких, например: “воля народная”, “общественное мнение”, “верховное решение нации”²⁷.

По мнению Победоносцева, “парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия, и личных интересов представителей”.

Особенно близким для обоих мыслителей было философское обоснование понятия “свободы”, о котором так много шума подняла тогда либеральная

пресса. “В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, — писал Достоевский в “Дневнике...”, — тогда как настоящая свобода — лишь в одолении себя и воли своей, так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтобы всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведёт лишь к рабству вашему... Вот почему чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение... А между тем, это, в сущности, не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег”²⁸.

О необходимости установления “предела свободы для человеческой личности” писал и К. П. Победоносцев. Из его наставлений великому князю Сергею Александровичу, брату цесаревича Александра Александровича: “Всё, что есть в жизни, — добро, правда, любовь, знание, чистота, разум — всё это, как сказано в Царствии Божьем, — нудится, и нуждницы восхищают её. Вся тайна возрастания в силу заключается в одном слове — “самоограничение, воздержание”. Надобно смолоду привыкнуть стеснять себя, показать себе предел, лишать себя во имя долга и правды. Кто не выработал в себе этой привычки, тому нет спасения”²⁹.

Рассуждая об интеллигенции, Достоевский призывал её “на время замолкнуть”, “послушать голос народа” и “поучиться у него социальному жизнепониманию”. В таком случае “пало бы высокомерие и родилось бы уважение к земле. Совсем новая идея вошла бы вдруг в нашу душу и освятила бы в ней всё, что пребывало до сих пор во мраке, светом своим обличила бы ложь и прогнала её. И кто знает, может быть, это было бы началом, которое по значению своему даже могло быть выше крестьянской...”

Характеризуя основные черты русского либерализма, Фёдор Михайлович писал, что это “страшное презрение к народу... Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть самим собой... Все черты народа осмеяны и преданы позору. Скажут, тёмное царство осмеяно, но в том-то и дело, что вместе с тёмным царством осмеяно всё светлое. Вот светлое-то и противно: вера, кротость, подчинение воле Божьей. Самостоятельный склад наш, самостоятельный склад понятий о власти”. Что касается либералов, то Достоевский в подготовительных материалах к “Бесам” (1870) в их адрес делал следующие оценки: “Наши либералы — самые отсталые ретрограды... Партия национальная — лишь залог силы и будущности...”

Но главный вопрос, который волновал обоих философов, был вопрос о путях дальнейшего пути развития России. “Такой высокий организм, как Россия, должен сиять и огромным духовным значением... Одной материальной выгодой, одним “хлебом” такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фразы: ответ на то, что весь русский народ и всё движение его в этом году... Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твёрдого воззрения и уже ничем непоколебимых правил, народ — любитель жертв и ищущий правды, и знающий, где она, народ крепкий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высоких идеалов его — богатырь Илья Муромец, чтимый им за святого. Сердце хранителя такого народа должно радоваться на такой народ, и оно радуется, и народ про это знает”³⁰.

По убеждению Достоевского, “нации живут великим чувством и великою, всех единящею и всех освещающею мыслью, наконец, когда народ невольно признаёт верховных людей с ним заодно, из чего рождается национальная сила, — вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля”. И далее: “Общество основывается на началах нравственных: на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы ничего не основывается”.

В романе “Братья Карамазовы” содержится пророчество Достоевского о путях и целях России. Законченная концепция “русского пути” была изложена Достоевским 8 июня 1880 года в речи на открытии памятника Пушкину в Москве, написанной не без влияния Победоносцева.

* * *

Царская власть высоко оценит и писателя Ф. М. Достоевского. Она признает его “как выразителя своих основополагающих воззрений и предначертаний”. Среди его почитателей — члены Императорской семьи, особенно её

молодые представители. Сыновья Александра II Сергей и Павел Александровичи зачитываются произведениями Фёдора Михайловича. Знает книги Достоевского и Александр II. Он высоко ценит преданность писателя самодержавию, его мысли о необходимости воспитания молодёжи в Православии и высоконравственном духе. В начале 1878 года по просьбе Императора Достоевского посещает воспитатель царских детей Д. С. Арсеньев. От имени царя он передаёт ему просьбу, “чтобы Фёдор Михайлович своими беседами повлиял благотворно на юных великих князей”. Встречи с Фёдором Михайловичем оказались благотворными для Сергея и Павла, и приглашения Достоевского со стороны членов царской семьи приняли регулярный характер.

Тесные контакты сложились у Достоевского с семьёй великого князя Константина Николаевича. Из воспоминаний дочери Достоевского: “Дружба моего отца с молодыми князьями длилась до самой его смерти... Он любил их обоих, но отдавал предпочтение Великому князю Константину, в котором угадал будущего поэта...”

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III. Великий князь Александр Александрович познакомился с романом Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” в 1860 году. По совету Победоносцева Достоевский послал цесаревичу “Дневники писателя”, а также только что опубликованных “Братьев Карамазовых”.

В конце 1871 – начале 1872 годов Достоевский написал своё первое письмо наследнику. Когда в начале 1873 года вышли отдельным изданием “Бесы”, Достоевский через Победоносцева послал их цесаревичу. 10 февраля 1873 года Достоевский написал наследнику ещё одно письмо.

Зная через К. П. Победоносцева и К. С. Аксакова, что цесаревичу близки идеи русской самобытности, Достоевский вскоре пишет ему новое послание, в котором объясняет, что заставило его написать роман “Братья Карамазовы”. “Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе как русские способность, может быть, принести новый свет миру при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о собственном мировом значении никогда мы не сможем быть великой нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так “высокомерные” в своём самомнении и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него – каждая! – хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными”.

16 ноября 1876 года К. П. Победоносцев по просьбе Достоевского передаёт цесаревичу вышедшие издания “Дневника писателя” с сопроводительным письмом: “Ф. М. Достоевский просит меня представить Вам при письме его к Вашему высочеству вышедшие до сих пор номера издания “Дневника писателя”; исполняю это с охотой и притом позволяю себе обратить внимание Ваше на это издание Достоевского. В нём немало статей, написанных с талантом и с чувством”.

В своём письме наследнику престола Фёдор Михайлович обращает его внимание на значение для России и её культуры “русской идеи”: “Нынешние великие силы в истории русской подняли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни “русской идеи” ярче, чем когда бы то ни было до сих пор. <...> Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на всё, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В “Дневнике” моём есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это...”

Цесаревич стал “почитателем” Достоевского, “почитательницей” таланта великого писателя была и 32-летняя цесаревна Мария Фёдоровна. Ей трижды посчастливилось встретиться с Достоевским.

Встреча Достоевского с наследником престола и цесаревной в Аничковом дворце состоялась 16 декабря 1880 года. 9 декабря 1880 года К. П. Победоносцев писал Достоевскому: «Почтеннейший Фёдор Михайлович. Я предупредил письменно Великого князя, что вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков дворец, чтобы представиться ему и цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтоб об Вас доложили и что цесаревич предупреждён мною».

Дочь писателя Л. Ф. Достоевская вспоминает об этой встрече: «Их высокого приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу».

Граф С. Д. Шереметев, историк, предводитель дворянства Московской губернии, констатировал, что «Достоевскому он (Александр III. — Ю. К.) придавал большое значение». Об этом свидетельствует и письмо К. П. Победоносцева, написанное им после похорон Фёдора Михайловича Александру Александровичу 20 января 1881 года: «Вы знали и ценили покойного Достоевского, по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он — едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотельно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его».

В январе 1881 года, когда Ф. М. Достоевский умер, цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: «Очень и очень сожалеем о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря и положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня государю (Александру II. — Ю. К.) об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского». На погребение писателя была выделена большая сумма. Вдове и детям Достоевского назначена пенсия в две тысячи рублей, и, наконец, у церковных властей было получено разрешение похоронить писателя в Александро-Невской лавре. На похоронах русского писателя впервые присутствовал член императорской фамилии — великий князь Дмитрий Константинович. Всё это свидетельствовало о чрезвычайно уважительном отношении царской власти к великому русскому писателю.

А К. П. Победоносцев стал доверенным лицом сначала наследника Николая Александровича, а затем великих князей Александра, Владимира, Сергея и Павла.

Наставничество Победоносцева длилось десятилетия. Россия благодаря Александру III приняла идеологию монархической государственности и русской национальной самобытности, в противовес радикализму и революционному космополитизму, а император Александр III стал великим миротворцем и успокоителем нации.

В последние годы жизни К. П. Победоносцев писал, что истины о совести и Боге, чести, служении отечеству и своему народу уходят, а на место их приходят торжество прагматизма, погоня за успехом, чинами и деньгами. Отвечая на выпады своих врагов в последние годы жизни, Константин Петрович писал: «Меня упрекают, будто я тянул Россию вспять. Но это неверно, а верно то, что я смотрю на Россию как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте, с которого разные шарлатаны пытаются его стащить, чего я допустить не желаю. Фундамент этот — Православие и самодержавие. Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания, но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым»³¹. И далее: «Человек делает историю, но столь же верно и ещё более значительно, что история образует человека. Человек может узнать и объяснить себя не иначе как всюю своей историей»³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М., 1991.

² Витте С. Ю. Избранные воспоминания. Т. 1–3. М., 1960.

³ Чичерин Б. Н. Московский университет // Быть России в благоденствии и славе. М., 2002.

- ⁴ Русское слово. 1895, 6 июня, №151.
- ⁵ Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990.
- ⁶ Достоевский Ф. М. – Достоевской А. Г. Петербург. 26 июля 1872 г. // Литературное наследство. 1934. №15.
- ⁷ Кони А. Ф. Собрание сочинений. М., 1966.
- ⁸ Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки. 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 2001.
- ⁹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 2009.
- ¹⁰ Цит. по: Литературное наследие. 1934, №15. С. 140–142; Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К. П. 13 сентября 1879 г. // Красный архив, 1922. Т. 2. С. 247.
- ¹¹ Победоносцев К. П. – Достоевскому Ф. М. 2 августа 1880 г. Ораниенбаум // Литературное наследство. 1934. №15.
- ¹² Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – князь, внук Н. К. Карамзина, писатель-публицист, редактор-издатель журнала “Гражданин” в 1873–1874, редактировавшегося Ф. М. Достоевским.
- ¹³ Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт, прозаик. Объединял вокруг себя самых разных писателей, художников, учёных, среди которых были А. А. Фет, А. Н. Майков, К. М. Фофан, С. Я. Надсон и многие другие.
- ¹⁴ Романов Константин Константинович (1858–1915) – великий князь, поэт и переводчик, подписывался криптонимом “К. Р.”.
- ¹⁵ Литературное наследство. 1934. № 15; Сараскина Л. Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). М., 2006.
- ¹⁶ Гроссман Л. Достоевский и правительственные круги // Литературное наследство. 1934. № 15.
- ¹⁷ Победоносцев К. П. – Достоевскому Ф. М. 16 августа 1879 г. // Литературное наследство. 1934. № 15. С. 139.
- ¹⁸ Победоносцев К. П. – Достоевскому Ф. М. 12 августа 1880 г. Ораниенбаум // Литературное наследство. 1934. № 15. С. 140.
- ¹⁹ Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К. П. 19 мая 1880 г. // Литературное наследство. 1934. № 15.
- ²⁰ Достоевский Ф. М. – Победоносцеву К. П. 24 августа / 5 сентября 1879 г. // Литературное наследство. 1934. № 15. С. 90.
- ²¹ Нестеров М. О пережитом. Воспоминания. М., 2007.
- ²² Собрание мыслей Достоевского. М., 2003. С. 251.
- ²³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876–1877. М., 2004.
- ²⁴ Победоносцев К. П. Московский сборник. СПб, 1901. С. 15.
- ²⁵ Победоносцев К. П. Церковный вестник. 1888. № 7.
- ²⁶ Собрание мыслей Достоевского. М., 2003.
- ²⁷ Победоносцев К. П. Московский сборник. СПб, 1901.
- ²⁸ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1877.
- ²⁹ Приветствие старого воспитателя великому князю Сергею Александровичу в день его совершеннолетия. // Победоносцев и его корреспонденты.
- ³⁰ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1876. С. 190.
- ³¹ Тимофей Прокопов. Советчик царей, оберегатель России. Политический портрет К. П. Победоносцева. // Иные берега, № 3 (35). 2014. С. 120–137.
- ³² Там же. С. 128.

ВАЛЕНТИНА СЕМЁНОВА

КАРТИНА В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ ПРОМЫСЛИТЕЛЬНАЯ...

Читая о минувшем съезде писателей, сопереживая и отвлекаясь, уже понимая, что и без меня всё ясно и можно промолчать, всё-таки решаюсь на письмо.

Удивительный человек Станислав Юрьевич Куняев! Публикуя в нескольких номерах всё: и хвалу на себя, и хулу, он словно ставит на себе опыт, странный и безжалостный. Привычно идёт в борьбе до конца, грозно разя давних и недавних оппонентов, вызывает новый огонь на себя, и некоторые думают, не пора ли остановиться, мир – это главное, и пусть он придёт наконец в писательские ряды.

А я не знаю – пора или не пора. Картина-то ведь получается поразительная и в какой-то степени промыслительная.

Это как так случилось, что отменный публицист, много сил отдавший теме репрессий, обличавший тех, кто политизировал трагедию, пережитую народом в 1930-е годы, используя её как дубинку в погроме истории страны СССР, – вдруг оказался сам жертвой репрессий! Именно так. То, что случилось в СП России, очень напоминает те давние события.

Тогда всё началось с внутрипартийной борьбы победившей партии большевиков. С того, что эта борьба была вынесена на обсуждение (и осуждение) народных масс. Массы не могли в одночасье разобраться во всех винах оппозиции, но поверили одной стороне (понятно – какой), и на митингах трудовых коллективов истово требовали расправы над этой оппозицией, которую удобно было называть более понятным словом – врагами партии. Потом дошли до “врагов народа”, ну, а что было дальше, известно всем.

Вот и у нас накануне писательского съезда возникли разногласия между двумя партиями – руководством Союза писателей России и руководством Литфонда. И далеко не все уяснили себе, что в 1991 году Литфонд стал независимой от Союза писателей структурой, неподотчётной ему! Что происходило с писательской собственностью в Литфонде в дальнейшем, никто отчётливого представления не имеет. Вообще, когда так кардинально меняется статус учреждения, надо бы менять и название. Пусть бы оно стало “Независимым фондом” или ещё каким-то, но чтобы писатели понимали: это совсем не тот Литфонд, что был прежде. И вот Ст. Куняев вступил в сотрудничество с этим новым Литфондом...

Руководство СП России, разочаровавшись в деятельности руководителя Литфонда Ивана Переверзина, которого поддерживало несколько лет, начиная с 2007 года, не пригласило на съезд ни Ст. Куняева, ни ещё нескольких

известных писателей. Конфликт не был разрешён до съезда, а был лишь озвучен в “Российском писателе” накануне, с позиции одной стороны. И точно так же, как в 30-е годы, эта единственная версия — о захватнических действиях Переверзина — и была доведена до участников съезда. Статья Николая Дорошенко сыграла роль разорвавшейся бомбы.

Честные, трудно живущие, потерявшие или не приобретшие в новые времена литературный вес писатели возмутились поползновениями капиталиста (хотя и поэта) Переверзина, поспешили отвернуться и от Ст. Куняева как его сторонника. Негодование было благородным, без всяких кавычек. Но в результате Станислав Юрьевич по одному лишь подозрению попал под репрессии. Единомышленников, заметим! А тогда — чьи были репрессии? Их принято называть сталинскими. Да, волна направлялась сверху, шла борьба за власть — это так. Но если бы не поддержали снизу, она бы угасла. Однако к репрессиям причастно и новое общество новой страны, не успевшее созреть, отойти от кровавой логики гражданской войны (“страна-подросток”, как верно заметил Маяковский). Это общество, устремлённое в неизведанное, но справедливое, по многим признакам, будущее, не требовало доказательств вины, полагаясь на власть, завоёванную в боях с капиталом, *свою* власть, которая “зря не посадит”...

И вот опять — осуждение без выяснения полной картины, XXI век. С одной поправкой: испытан на себе все прелести дикого капитализма, при словах “деньги”, “зарплата в Литфонде” часть бедствующего писательского сообщества вообразила одно — корыстную сделку.

Ст. Куняев опубликовал свой отчёт Литфонда, неподотчётного ныне Союзу писателей. Названа сумма возросшего капитала, приведён обширный перечень изданных авторских книг, сборников, фактов материальной помощи некоторым членам союза и проч. И какое к этому отношение со стороны негодующих? Отчёт принят или не принят? Непонятно. Это же проверить можно!

Вся ошибка состояла в том, что разобраться в конфликте следовало до съезда. Участвовать в разборе должны были обе заинтересованные стороны, члены правления, те, кто знал историю Литфонда с 90-х годов, возможно, с привлечением соответствующих специалистов, то есть компетентные люди. По крайней мере, надо было договориться об отношении к финансовым вопросам в условиях безденежья, а не смешивать эти вопросы с выборами председателя и другими жизненно важными проблемами писательской жизни, которые назрели, но не дождалась обсуждения на съезде. На съезде можно было лишь доложить о случившемся конфликте и его разрешении.

И вот теперь всё больше писателей втягивается в дискуссию. Что ж, подлинная демократия! Но придётся разбираться задним числом и основываться не на фактах — они сокрыты или потеряли значение, — а на вере: верить известному писателю Станиславу Куняеву, главному редактору “Нашего современника”, геройски сохраняющему журнал все эти трудные годы и попытавшемуся развернуть Литфонд лицом к писательским нуждам, или малоизвестному пока прозаику, но герою-офицеру Николаю Иванову, имеющему благие намерения сохранить и укрепить писательский союз. На съезде ему поверили. Но надо осознать: ему приходится стартовать на своём посту в экстремальных условиях, которых он не сумел предотвратить заблаговременно, будучи исполняющим обязанности председателя СП России. Теперь наваливается сразу всё: и финансы, и литературные дела, и необходимость качественных перемен в работе союза.

Одно утешает: как мы ни ругаем нынешнее время, но, слава Богу, подозреваемый имеет возможность ответить хотя бы в журнале, который он возглавляет, и дать широкий спектр мнений по вопросу, выходящему за пределы только литературной жизни. И другое: я думаю, со временем Станислав Юрьевич простит своих обидчиков-единомышленников, — если они останутся защитниками России, Пушкина, русской культуры и истории во всей её полноте. Потому что эти ценности, по моим наблюдениям, для него гораздо выше, чем замкнутость на поспешных, предвзятых или легковых мнениях и упрёках.

Иркутск
12 июля 2018